

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. Н. КОСЫГИНА
(ТЕХНОЛОГИИ. ДИЗАЙН. ИСКУССТВО)»

ИНСТИТУТ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

16+

Вестник славянских культур

Научный журнал

Издается с 2000 г.

Том 45
сентябрь 2017

*Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68467 от 27 января 2017 г.
ISSN 2073–9567*

Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 83274

Журнал входит в перечень утвержденных ВАК РФ изданий
для публикации трудов соискателей ученых степеней

E-mail: vsk_gask@mail.ru

Сайт: www.vestnik-sk.ru

Москва
2017

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. N. KOSYGIN RUSSIAN STATE UNIVERSITY
(TECHNOLOGY. DESIGN. ART)

THE INSTITUTE OF SLAVIC CULTURES

16+

VESTNIK SLAVIANSKIKH KUL'TUR [BULLETIN OF SLAVIC CULTURES]

Scientific journal

Published since 2000

**Volume 45
September 2017**

The journal is registered in Federal service on legislation observance in sphere
of communication, information technologies and mass communications

The registration certificate III № ФС77-68467 of January, 27, 2017

Subscription index in the catalogue of «Rospechat»: 83274

ISSN 2073–9567

The Bulletin is included in the list of the periodicals, the publications in which are
accepted for the consideration by the Higher Attestation Commission of the Russian
Federation when defending the thesis for PhD and DSc degrees

E-mail: vsk_gask@mail.ru

Сайт: www.vestnik-sk.ru

**Moscow
2017**

Вестник славянских культур: науч. журн. — 2017. — Т. 45, сентябрь. — М.: РГУ им. А. Н. Косыгина, Ин-т славянской культуры, 2017. — 253 с.; ил. — ISSN 2073-9567

Главный редактор

О. А. Запека (РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

О. А. Туфанова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

К. К. Маслова (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

Редактор

М. В. Рудаков (РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю. Н. Алексеев (Киевский славистический университет, Киев, Украина), *В. М. Воробьев* (РГУ им. А. Н. Косыгина, Москва, Россия), *М. Н. Громов* (Институт философии, РАН, Москва, Россия), *С. Елушич* (Черногорский университет, Подгорица, Черногория), *Е. М. Калашикова* (ФГБОУ ВО «ПГПУ», Пермь, Россия), *И. И. Калиганов* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия), *В. Ф. Козлов* (Историко-архивный институт РГГУ, Москва, Россия), *М. Костова-Панайотова* (Юго-западный университет им. Неофита Рыльского, Благоевград, Болгария), *Н. Мотоки* (Университет Хоккайдо, Хоккайдо, Япония), *К. В. Никифоров* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия), *В. Н. Расторгуев* (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия), *Г. Спак* (Университет INALCO — Институт восточных языков и восточных культур, Париж, Франция)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. И. Бажов (Институт философии, РАН, Москва, Россия), *В. Вилимек* (Философский факультет Остравского университета, Острава, Чешская Республика), *Х. Ковальска-Стус* (Ягеллонский университет, Краков, Польша), *Л. В. Ковтун* (РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт международного образования, Москва, Россия), *А. К. Коненкова* (РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия), *Н. Б. Корина* (Университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия), *Г. П. Мельников* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия), *Г. А. Пожидаева* (ВТУ им. М. С. Щепкина при ГАМТ России, Москва, Россия), *М. А. Пузина* (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН), *Т. И. Радомская* (РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия), *И. Е. Светлов* (МГАХИ им. В. И. Сурикова, Москва, Россия), *Н. В. Трофимова* (ФГБОУ ВО «МПУ», Москва, Россия), *Е. С. Узенева* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

Адрес редакции: 129337 г. Москва, Хибинский проезд, д. 6

Телефон: +7 (499) 188-72-01

E-mail: vsk_gask@mail.ru

Сайт: www.vestnik-sk.ru

Vestnik slavianskikh kul'tur: nauch. zhurn. [Bulletin of Slavic Cultures: scientific journal]. — 2017. — Volume 45, September. — Moscow, A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture Publ., 2017. — 253 p.; il. — ISSN 2073–9567

Editor-in-Chief

Oksana A. Zapeka (A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Olga A. Tufanova (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Ksenia K. Maslova (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editor

Mikhail V. Rudakov (A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Yury N. Alekseev (Kyiv Slavonic University, Kyiv, Ukraine), *Vyacheslav M. Vorob'ev* (A. N. Kosygin Russian State University, Tver, Russia), *Mikhail N. Gromov* (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Sinisa Jelusic* (University of Montenegro, Podgorica, Montenegro), *Elena M. Kalashnikova* (Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm, Russia), *Igor I. Kaliganov* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Vladimir F. Kozlov* (History and Archives at Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia), *Magdalena Kostova-Panayotova* (Neofit Rilski South-West University, Blagoevgrad, Bulgaria), *Nomachi Motoki* (Slavic Research Center of Hokkaido University, Hokkaido, Japan), *Konstantin V. Nikiforov* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Valeriy N. Rastorguev* (M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *Gaiane Spach* (University INALCO — The Institute of Eastern Languages and Cultures, Paris, France)

EDITORIAL BOARD

Sergey I. Bazhov (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Vitezslav Vilimek* (Philosophical department, Ostrava University, Ostrava, Česká republika), *Hannah Kowalska-Stus* (Jagiellonian university, Krakow, Poland), *Liliya V. Kovtun* (A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of International Education, Moscow, Russia), *Alla K. Konenkova* (A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia), *Nataliya B. Korina* (Constantine the Philosopher University (Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre), Nitra, Slovakia), *Georgiy P. Melnikov* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Galina A. Pozhidaeva* (Schepkin Higher Theatre School (Institute) associated with the State Academic Maly Theatre, Moscow, Russia), *Maria A. Puzina* (V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Tat'iana I. Radomskaia* (A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia), *Igor E. Svetlov* (V. I. Surikov Moscow State Academic Art Institute, Moscow, Russia), *Nina V. Trofimova* (Moscow State University of Education (MSPU), Moscow, Russia), *Elena S. Uzeneva* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Address: Khibinsky proezd 6, Moscow 129337

Telephone: +7 (499) 188-72-01

E-mail: vsk_gask@mail.ru

Website: www.vestnik-sk.ru

© РГУ им. А. Н. Косыгина, 2017
© Вестник славянских культур, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история культуры

КАЛИГАНОВ И. И. Воспоминания участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерала М. А. Газенкампа.....	7
ЗАПЕКА О. А., ЕГЕРЕВА А. В. Кафка и Достоевский: диалог культур.....	21
ШИЖЕНСКИЙ Р. В., СУРОВЕГИНА Е. С. Русско-литовский языческий проект конца 90-х гг. XX в.: от идеи к последствиям...	35
ЖИЛЕНКО М. Н. СМИ о военной агрессии на Балканах 1999 г.: проблемы формирования общественного мнения.....	47
ЮРКОВА М. В. Значение культурной и природной специфики региона для восприятия образа «малой родины» (на примере жителей Архангельской области)...	61
МУРАШОВА Н. С. Персонасфера старообрядческого духовного стиха.....	71
НОВИЦКИЙ И. А. Первый монастырь Руси.....	86
ИВАНОВ Д. И. Особенности моделирования системы целевых когнитивно-прагматических установок синтетической языковой личности общие вопросы.....	94

Филологические науки

ДАРЕНСКИЙ В. Ю. Образ «универсального человека» в рассказе В. И. Даля «Денщик (физиологический очерк)».....	106
СТРОГАНОВ М. В. «Что ему Гертруда?» М. Е. Салтыков и Гортензия Шнейдер...118	
АГРАТИН А. Е. Идентичность героя в прозе А. П. Чехова 1880–1887 гг.....	126
МОСКОВСКАЯ Д. С. Вс. Иванов в зеркале зарубежной критики.....	138
КАРТАШОВА Е. Н. Особенности репрезентации образа девушки в произведениях В. М. Шукшина.....	147
ГРИГОРЬЕВ А. В., ОРЛОВА А. В. К вопросу об исконной семантике глагола <i>целовать</i> у славян.....	156
ДУЛИНА Н. В., КАРГАПОЛОВА Е. В., СИМОНЕНКО М. А. Прецедентный текст художественной литературы в культурной памяти студенческой молодежи: социолингвистический аспект.....	163

Искусствоведение

ЮРЕНЕВА Т. Ю. Русская икона в европейских музейных собраниях.....	176
ПОЖИДАЕВА Г. А. Период второго «южнославянского влияния» в церковно-певческом искусстве Древней Руси.....	190
КОВАЛЕВ А. Б. «Светлое Воскресение» В. И. Рубина: жанровые и драматургические особенности.....	205
ШАРАБАРИН М. И. Роль политембровых народно-инструментальных ансамблей в коллективном музицировании России XI–XIX столетий.....	215
ЗУЕВ И. Н. Путь от образа к символу. Появление и реализация в русском искусстве первой половины XX в. концепта «скиф».....	222
ФЕДОТКИН С. В. К определению понятия «фиктивный зритель» в кино.....	232

Рецензии

ТИМОЩУК А. С. Философия сопротивления (рецензия на книгу Кутырева В. А. «Унесенные прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире». СПб., 2016).....	241
ШЛЫКОВА О. В. Бренд-технологии в маркетинговых коммуникациях (рецензия на монографию Музыканта В. Л., Скнарера С. Д., Чередниковой А. Б. «Бренд-технологии в маркетинговых коммуникациях». Челябинск, 2016).....	245
От редакции	250

CONTENTS

Theory and history of culture

KALIGANOV I. I. Memories of a participant in the Russo-Turkish war of 1877–1878. General M. A. Gzenkampf.....	7
ZAPEKA O. A., EGEREVA A. V. Kafka and Dostoyevsky: dialogue of cultures.....	21
SHYZHENSKIY R. V., SUROVEGINA E. S. Russian-Lithuanian pagan project of the late XX century: from idea to implications.....	35
ZHILENKO M. N. Mass media on military aggression in the Balkans: the problem of public opinion forming.....	47
YURKOVA M. V. On importance of regional culture and regional nature specifics for the “Small homeland” image perception (as exemplified by inhabitants of Archangelsk region).....	61
MURASHOVA N. S. Sphere of characters in spiritual verses of old believers.....	71
NOVITSKIY I. A. The first monastery of Rus`.....	86
IVANOV D. I. Features of modeling system of synthetical lingual personality cognitive and pragmatic attitudes: general issues.....	94

Philological sciences

DARENSKIY V. Y. Image of “universal man” in Dahl`s novel “Officer`s valet (physiological sketch)”.....	106
STROGANOV M. V. “What`s Gertrude to him?” Mikhail Saltykov and Hortense Schneider.....	118
AGRATIN A. E. The character`s identity in the prose of A. P. Chekhov of 1880–1887...126	
MOSKOVSKAYA D. S. Vsevolod Ivanov through the eyes of foreign critics.....	138
KARTASHOVA E. N. The peculiarities of representative peculiarities of the image of the girls in the works of V. M. Shukshin.....	147
GRIGORIEV A. V., ORLOVA A. V. On the issue of original semantics of the verb <i>целовать</i> among the Slavs.....	156
DULINA N. V., KARGAPOLOVA E. V., SIMONENKO M. A. Precedent text of belletristic literature in the cultural memory of students: sociolinguistic aspect.....	163

History of Arts

YURENEVA T. Y. Russian icon in European museum collections.....	176
POZHIDAIEVA G. A. The second “South Slavic influence” in the choral art of Rus`.....	190
KOVALEV A. B. “Easter Sunday” by V. I. Rubin: genre and dramaturgic features.....	205
SHARABARIN M. I. The role of polytembrous national instrumental ensembles in collective musical performance of Russia in XI–XIX centuries.....	215
ZUEV I. N. The way from image to symbol. Emergence and realization of the concept “Scythian” in the Russian art of the beginning of the 20 th century.....	222
FEDOTKIN S.V. Defining the fictive viewer (narratee) in cinema.....	232

Reviews

TIMOSHCHUK A. S. Philosophy of resistance (Review on the book “Gone with the progress: eschatology of life in the technogenic world” (300 pages) by V. Kutyrev)...	241
SHLYKOVA O. V. Brand technologies in marketing communications. Review on the monograph: Muzykant V. L., Sklarev D. S., Cherednikova A. B. “Brand technologies in marketing communications”. Chelyabinsk, Publishing center SUSU Publ. , 2016. 147 p.).....	245

Editorial note	250
-----------------------------	-----

Теория и история культуры
Theory and history of culture

УДК 94
ББК 63.3(0)521

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. И. И. Калиганов
г. Москва, Россия

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ
1877–1878 гг. ГЕНЕРАЛА М. А. ГАЗЕНКАМПФА

Аннотация: В статье анализируются письма участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М. А. Газенкампфа, который был прикомандирован к штабу русской Действующей армии для составления регулярных донесений о текущей военной обстановке в Болгарии. Человек тонкий, умный и наблюдательный, он, помимо донесений, почти через день писал письма своей жене, оставив потомкам массу сведений о Болгарии, ее природе, городах и селах, физическом облике болгар, их поведении, жилищах и обычаях. Большую ценность представляют его письма и как свидетельства изменяющихся умонастроений русских «верхов» в отношении политического будущего Болгарии и степени готовности болгар самим с оружием в руках включиться в борьбу против турок за свою свободу.

Ключевые слова: Газенкампф, дневник, русско-турецкая война 1877–1878 гг., природа Болгарии, описание Тырнова, Габрова, Казанлыка, Стара-Загоры, Адрианополя, Сан-Стефано, физический облик и жилища болгар, солдатский и командный быт, умонастроения в русских «верхах».

Информация об авторе: Игорь Иванович Калиганов — доктор филологических наук, профессор, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский просп., д. 32 А, корп. В, 117136 г. Москва, Россия. E-mail: kaliganov2009@mail.ru

Дата поступления статьи: 07.05.2017

Дата публикации: 15.09.2017

Среди воспоминаний участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. особое место занимает дневник Михаила Александровича Газенкампфа (1843–1913). Он был выходцем из дворян Санкт-Петербургской губернии, совершил яркую военную карьеру, дослужился до звания генерал-лейтенанта, стал заслуженным ординарным профессором известной Николаевской академии, которую сам некогда окончил, занимал такие высокие должности, как губернатор Астраханской губернии и наказной атаман Астраханского Казачьего войска, являлся членом Совета Государственной обороны и т. д. Газенкампф обладал способностью четко формулировать свои мысли, излагал их на бумаге прекрасным слогом, занимался наукой, написал ряд трудов об организации обозного дела и особенностях снабжения русских и иностранных войск. Поэтому не было случайностью, что во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. его, 34-лет-

него профессора Николаевской академии, командировали в Болгарию в штаб Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича Старшего. В круг его обязанностей входили ведение журнала боевых действий, составление донесений императору Александру II и заведование отделом печати при армии. Ритм работы в штабе у Газенкампа был довольно напряженным, но он успевал выкраивать время для написания писем своей жене, отправляя их в Санкт-Петербург по несколько раз в неделю. Всего им было отправлено 116 писем, опубликованных в журнале «Вестник Европы» и позднее вышедших в Санкт-Петербурге отдельным изданием с дополнением исторических документов [4].

В отличие от деловых депеш и сообщений письма Газенкампа отражают непосредственные эмоции и чувства, которые он испытывал при своем знакомстве с Болгарией и болгарами. Впервые увидел болгарскую землю в разгар лета в конце июня 1877 г. Пейзажи болгарской земли и картинки из народной болгарской жизни приводили его в восхищение. Таковы были его чувства при переходе отряда войск, в котором он находился от Акчаира до села Иванчи. По его описанию, это происходило солнечным, безоблачным утром по привольной холмистой степи, покрытой высокой, сочной, душистой травой. Отряд вдыхал свежий после ночной грозы воздух, двигаясь по направлению к синеющим вдали балканским предгорьям. Болгарское население из попутных деревень высыпало навстречу, все были очень воодушевлены, кричали «ура», кидали цветы под ноги лошадей. При этом болгары низко кланялись, крестились и хлопали в ладоши.

О деревне Иванчи, где отряд устроил первый привал, Газенкампф писал, что она расположена по обоим берегам реки и просто утопает в зелени. Жители Иванчи встретили русских солдат и офицеров очень приветливо¹ и принесли им вдоволь всяческой снеди: хлеба, фруктов, птицы и пр. Деревни не коснулось пламя войны, и видно было, что ее обитатели вполне зажиточны. Правда, все они были одеты грязно и неряшливо. По словам Газенкампа, на поведении болгар лежала печать многовекового рабства: они были очень робки и осторожны, хотя женщины и дети довольно быстро освоились и окружили толпой солдат на бивуаке. Одна из девочек лет восьми даже стала играть с Великим князем Николай Николаевичем, бегала с ним наперегонки, и тот подарил ей полуимпериал, вызвав смятение находившейся рядом пожилой женщины. Та на всякий случай поспешно увела домой заплакавшую из-за этого девочку. По наблюдению Газенкампа, тамошние болгары по внешнему виду мало чем отличались от турок — такие же низкорослые и сухопарые, с типами головы и лица, очень похожими на турецкие². Женщины, очевидно, быстро стареют — Газенкампф так и не понял, мать это была девочки или бабушка. По его предположению, схожесть болгар с турками, видимо, объясняется примесью в них турецкой крови из-за права первой ночи турок в отношении болгарских женщин и их частыми изнасилованиями [4, с. 50].

При приближении к Тырново отряд оказался в восхитительном ущелье, образуемом стремительным течением реки Янтры. Так же как и в Иванчи, жители окрестных деревень скандировали радостное «ура», забрасывали Великого князя и его окружение цветами, зеленью, вышитыми полотенцами и салфетками. Отряд миновал два мона-

¹ Так было всегда, когда болгары встречали русские войска в первый раз, но затем при последующих встречах с освободителями радость постепенно притуплялась, тем более что семейные запасы съестного у болгар начали стремительно таять. Поэтому встречи с нашими солдатами становились все более прохладными. См.: [2, с. 77, 80–81].

² Об этническом облике болгар см. сведения в очерке Е. Н. Водовозовой: [10, с. 282–283].

стыря, расположенных по обе стороны от дороги на лесистых скатах гор, и перед ним открылся живописный вид Тырнова. К городу поднималась крутая дорога, но вся она была запружена частями и обозами русского VIII армейского корпуса, поэтому было решено спуститься к Янтре и, переправившись через нее вброд, подняться с правого берега по головокружительно крутой тропинке вверх. Наверху тропинка превращалась в дорогу, и здесь войска по приказу Великого князя подтянулись и построились в стройные колонны. В город вступали торжественно, с музыкой и песнями — взвод гвардейских казаков с хором позади и эскадрон лейб-гвардии казачьего Его Величества полка с песенниками впереди. Посередине между ними находился Великий князь Николай Николаевич со свитой и великокняжеским вымпелом.

Местоположение Тырнова Газенкампф характеризует как «замечательно живописное». Древняя болгарская столица, по его словам, расположена на фоне синеватых Балканских вершин с одной стороны, а с другой — его территория обрывается глубоким ущельем Янтры с зеленеющими предгорьями. Городские улицы были очень тесны, растекаясь извилистыми лабиринтами по скатам гор. Тырновские дома, по свидетельству Газенкампфа, представляли собой весьма необычные постройки. Они были возведены из нетесаного камня, причем верхние этажи выступали над нижними, а те, как правило, не имели окон. Здесь была расположена только дверь, а окна смотрели во двор, образуя террасы с несколькими уровнями или же прилегая к обрывистому берегу Янтры, чьи воды шумели далеко внизу. От обрыва дворы были отгорожены невысокими стенами. На верхних этажах балконы и окна были снабжены решетками, стекла отсутствовали. Если на нижнем этаже была оборудована лавка, то в ней не было дверей — на ночь открытый этаж перекрывался наглухо. Расстояние между противоположными домами улицы было настолько мало, что нависающие сверху черепичные крыши почти касались друг друга, оставляя прохожему для обозрения лишь узкую полоску неба [4, с. 50]. А внизу на узких улицах две встречные обозные повозки не могли разминуться. Кроме того, в уличном лабиринте ориентироваться было просто невозможно.

Узость улиц и их запутанность препятствовали остановке отряда на отдых в городе. Поэтому решено было разбить его в городских окрестностях, но по пути Великий князь Николай Николаевич и часть его свиты были приглашены в дом одного из тырновцев. Газенкампф пишет, что с улицы в этот дом дверь вела в вымощенный плитами дворик, оттуда поднималась лестница на самый верхний просторный этаж. В этом же дворике вниз спускалась лестница на два других этажа: средний и нижний. Последний являлся самым невысоким и тесным. Из него открывался выход в садик, отгороженный от обрывистого ущелья Янтры каменной стенкой. Предусмотрен был в доме и доступ к реке: вниз вели немисливо крутые ступеньки к воде. Помещения дома, по словам Газенкампфа, были исключительно опрятны, полы невероятно чистые, стены аккуратно выбелены. Мебели в комнатах было мало: лишь покрытые бумажными скатертями и салфетками небольшие столики и узкие, намертво прикрепленные к стенам по периметру деревянные скамейки, покрытые дешевыми накидками. Гостей поразило обилие встроенных в стену шкафов и шкафчиков. Окна были занавешены бумажными занавесками белого цвета³. О кухне Газенкампф не оставил нам подробного описания — он лишь отметил, что на ней царили чистота и порядок. Угощение хозяев дома было

³ В мемуарах участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. существуют прекрасные описания богатых турецких домов: паши в Тырново и бея в Стара-Загоре. См.: [7, с. 293; 3, с. 72–74]. Описание дома зажиточного болгарина Вылко Павурджиева в Свиштове приводит писатель В. В. Крестовский [11, с. 163].

достаточно скромное. Для гостей приготовили местное белое и красное вино, овечий сыр и две разновидности хлеба из пшеничной муки, смешанной с кукурузой и ячменем [4, с. 51].

Газенкампф также добавлял, что мостовые Тырново были выложены крупным булыжником и изобиловали частыми ступенями и ухабами. Ступать по ним лошадям было невероятно трудно, поэтому по городу отряд передвигался очень медленно и гуськом из-за узости улиц. Но это позволяло тырновцам рассмотреть каждого русского по одиночке и вдоволь налюбоваться их шествием. На улицы и балконы, по свидетельству Газенкампфа, высыпало все местное население. Он писал, что никогда до этого ему не приходилось видеть картину такого воодушевления и неукротимого народного восторга⁴. Лица людей сияли счастьем, глаза блестели и светились беспредельной благодарностью и уверенностью, что с турецким игом теперь покончено навсегда [4, с. 52–53]. Возможно, это происходило еще и потому, что никогда прежде русские солдаты Тырново от турок не освобождали — отряд Гурко появился в нем впервые. Видимо, поэтому болгары столь щедро потчевали русские войска и снабжали их всем необходимым. Газенкампф отмечал, что экономическое благоденствие болгар можно считать недостижимой мечтой для русских крестьян. И тяжесть турецкого ига для болгар заключалась не в их нищете, а в незнании того, что произойдет с ними в следующую минуту. Любой болгарин по прихоти турок мог внезапно лишиться всего — жены, детей, имущества, собственной жизни или жизни близких [4, с. 54].

Благополучие болгар, по мысли Газенкампфа, отбивало у большинства из них желание рисковать своей жизнью и браться за оружие. Довольно быстро в русской армии от самых высших сфер до низших чинов стало «заметно общее разочарование в болгарях» [4, с. 61]. Надежда на болгарское соучастие в борьбе против турок быстро развеялась. В командовании считали, что после переправы наших войск через Дунай к ним сразу же присоединятся массы болгарских добровольцев, но этого не случилось. К шести сформированным еще до начала войны вне Болгарии дружинам болгарских добровольцев позднее не прибавилось ни одной новой дружины⁵. Более того, не нашлось ни одного нового болгарского добровольца на восполнение личного состава дружин, таявшего в результате боев против турок. По этой причине в русских верхах начали склоняться к мысли о довольствовании лишь образованием вассального Болгарского княжества в придунайской Болгарии и автономии Болгарии задунайской. Возникали идеи поумерить свои аппетиты, оставить Османской империи разваливаться понемногу сама собой и забыть о проливах, поскольку настоящего русского флота в Черном море по существу-то и не было [4].

По словам Газенкампфа, томившийся в турецкой неволе болгарский народ утратил воинственность и стремление избавиться от турок. В нем есть такие хорошие задатки, как трудолюбие, бережливость и трезвенность, которые в мирных условиях могут принести обильные плоды. Что же касается воинственности, то следов ее не обнару-

⁴ О восторженных встречах болгарами русских освободителей пишут и многие другие участники русско-турецкой войны 1877–1878 гг. См., например, описания встреч наших солдат в болгарских городах Дряново и Горна Оряховица у писателя В. И. Немировича-Данченко и казачьего офицера П. Дукмасова [12, с. 35; 8, с. 333]. Они противоречат утверждению лейб-медика, проф. С. П. Боткина о притворном характере восторга болгар при встрече с освободителями [13, с. 86].

⁵ Это подтверждают и архивные данные. Собрать, как планировалось, 12000 болгарских ополченцев-добровольцев не удалось. При втором наборе болгарских ополченцев вместо 6000 человек смогли привлечь только 4697 болгар. Более 1300 предназначенных для болгарских ополченцев комплектов обмундирования и вооружения остались невостребованными [14, с. 102].

живалось — болгарский народ был робок. Да и для чего ему было подниматься против турок, если он жил в таком благосостоянии, — писал Газенкампф, — до которого «русским крестьянам как до звезды небесной далеко» [4, с. 61].

В мемуарной литературе встречается мало упоминаний о взятии русскими войсками Софии 23 декабря 1877 г., вероятно, по причине относительно малой кровопролитности этого события. Дело это, по словам Газенкампфа, происходило так. Вначале авангард генерала Рауха, состоявший из Преображенского и Измайловского полков и приданной ему гвардейской стрелковой бригады, занял Искырский мост, находившийся в 8 верстах от Софии. Турки при этом оказали сопротивление, но оно стало бессмысленным после обходного маневра преображенцев, которые пересекли Искыр по льду. После этого турки побросали свои укрепления, бежали к Софии и подожгли мост при въезде в нее. Но огонь удалось быстро погасить [4, с. 278].

Останавливался Газенкампф и на вопросе недостаточного снабжения наших войск. Сложность ландшафта Болгарии и особенно трудности при неоднократных переходах наших войск через Балканы приводили к катастрофическому износу обмундирования. Газенкампф сообщал, что к концу декабря 1877 г. офицеры и нижние чины оказались не только без сапог (что произошло гораздо раньше), но и без шаровар. Мундиры и шинели превратились в лохмотья: они утратили ворс и представляли собой тканевую клетчатку. У большинства гвардейцев не было даже нижнего белья — оно истлело или было разорвано в клочья⁶. Положение отчасти улучшилось после передачи солдатам и офицерам турецкой одежды и обуви, которые обнаружили на складах в Орхани, но и они быстро изорвались. Великий князь Николай Николаевич был вынужден обратиться с просьбой к императору Александру II, послав шифровку с настоятельной просьбой об обмундировании для наших солдат и офицеров [4, с. 280].

Газенкампф также свидетельствовал о восторженной встрече, которая была оказана русским войскам в Габрове. Он сравнивал ее со встречей в Тырнове, но там восторг был от сознания бескровной легкости, с которой нам удалось занять город, а здесь на лицах людей читалось восторженное осознание важности одержанных блистательных побед. Габрово Газенкампф назвал средоточием болгарского народного самосознания, в котором никогда не умирала вера в освобождение от турецкого ига. Именно здесь, по его мнению, концентрировался цвет болгарской интеллигенции. Габровцы сроднились с русскими войсками, переживая вместе с ними горечь поражений и ликование триумфов Шипкинской эпопеи. По всему городу болгары соорудили деревянные, украшенные зеленью триумфальные арки и встречали ехавших под звуки гимна «Боже, царя храни» русских освободителей радостными криками «ура». У домов, отведенных на постой Великому князю Николаю Николаевичу и первым лицам его свиты, хозяева приветствовали гостей торжественными речами. Газенкампфа разместили в красивом доме, находящемся рядом с рекой Янтрой. Габрово чем-то напомнил ему швейцарские горные села южнее Интерлакена — рельефом местности, архитектурой домов и костюмами жителей [4, с. 306–307].

В Габрове в составе свиты Великого князя Газенкампф почти сразу же посетил наших раненых, лежавших в женском монастыре и гимназии. Первый представлял собой длинное одноэтажное здание с высоким каменным забором. Внутри здания рас-

⁶ Художник-баталист В. В. Верещагин писал о том, в каких рваных холодных шинелишках воевали наши солдаты, а служивший в дивизионном лазарете священник В. В. Гурьев сообщал, что убитых и умерших хоронили в одном нижнем белье: верхнюю одежду мертвых заимствовали для живых [9, с. 21; 5, с. 45–46].

полагался большой квадратный двор. Гостей поразила манера монашек выражать свой восторг оглушительным звоном медных тарелок. А во втором лазарете, где лежали низшие чины, важные посетители обратили внимание на достойное поведение раненых: ни стонов, ни криков — веселый и воодушевленный вид. Великий князь Николай Николаевич ласково поговорил со многими из них, записывая данные для награждения в дальнейшем отличившихся именными георгиевскими крестами. Запечатлелся в памяти Газенкампа и вид толпы пленных турок, конвоируемых русскими солдатами. Последние пытались разговаривать с турками на ломаном русском языке, видимо полагая, что те так их лучше поймут. Они весело шутили с пленниками, не испытывая к ним ни малейшей ненависти. А в ресторане «Петербург», набитом нашими и пленными турецкими офицерами, на Газенкампа произвели впечатление дружелюбность разговоров и угощение нашими своих вчерашних врагов. Один из пленных даже сказал, что если бы турки знали, какие милейшие люди, эти русские офицеры, то без промедления бы им сдались [4, с. 307–308].

Глубокий след в памяти Газенкампа оставили виды села Шипка, Казанлыка и Казанлыкской долины. Еще в июле в селе имелось около 400 каменных домов и масса зелени. Но все это восьмого августа буквально сровняли с землей черкесы и башибузуки Сулеймана-паши. От деревни Шипки до Казанлыка расстояние составляло около 12 верст. Город предстал перед путниками абсолютно пустынным, поскольку его покинули как местные жители, так и турки. Лучшие дома в нем оказались заняты турецкими лазаретами, поэтому Газенкампфу и его спутникам пришлось поселиться, где придется. Казанлык показался ему прекрасным своим обилием каменных домов, садиками и фонтанами почти в каждом внутреннем дворе. В них росли роскошные южные деревья, кустарники и цветы. В целом внутренние дворы вызвали у всех больший интерес, потому что самые красивые части зданий, как это принято на Востоке, были скрыты от посторонних глаз и находились в глубине дворов. Соперничать с ними по красоте внешние части не могут. Внутри все было устроено гораздо более изящно, и обращало на себя внимание то, что дворы соседей обычно сообщались между собой узенькими тропинками и внутренними калитками в каменных стенах. Это позволяло пройти значительное расстояние через дворы, не выходя на улицу [4, с. 327].

Газенкампф сообщал, что вокруг города на расстоянии 5 верст виднелись сплошные розовые сады, и поэтому местность эта получила название Долина Роз. По его свидетельству, в этой части Болгарии производят знаменитое розовое масло, для фунта которого требуется не менее 1000 фунтов лепестков роз. Отсюда и такая высокая цена розового масла: одна его емкость размером с бутылку шампанского стоит в Болгарии не менее 350 руб. Особенно впечатлил Газенкампа случай с нашим солдатом, нашедшим большую бутылку с розовым маслом в пустом доме. Не подозревая об истинной стоимости своей находки (она тянула по крайней мере рублей на 400), солдат, разумеется, первым делом понюхал содержимое бутылки. Решив, что к употреблению внутрь оно не годится, он смазал розовым маслом волосы, усы, бороду, а затем и свои сапоги⁷. Когда солдату разъяснили, сколько денег он потерял, тот нисколько не смутился, потому что попросту сказанному не поверил.

12 января 1878 г. Газенкампф со спутниками затемно отправились верхом из Казанлыка в Стара-Загору (Эски-Загру) и около 8 часов утра стали свидетелями чудесного рассвета. Они любовались переливами лучей восходящего солнца на склонах окружа-

⁷ Эта история из уст в уста передавалась среди участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и вошла в мемуары многих из них. См., например, воспоминания медсестры С. А. Кениг: [8, с. 102].

ших Казанлыкскую долину гор. Их освещение непрерывно менялось и представляло собой поистине волшебное зрелище, впечатлявшее даже равнодушных к природным пейзажам людей. Удивительным было то, что на горах уже не было снега и они еще не успели покрыться зеленью, тем не менее вид их казался просто сказочным. По словам Газенкампа, трудно было себе представить, насколько чарующим является здесь восход солнца зимой или в разгар лета [4, с. 358–359]. Через 12 верст широкая дорога привела к Дербендкейскому ущелью Малых Балкан. Вначале она оставалась нормальной, но затем сузилась и стала вилять по узким карнизам и дну стремительного горного ручья. Путники изумлялись, как по такой дороге через ущелье мог протиснуться наш обоз, отправленный в Стара-Загору загодя. В дальнейшем оказалось, что он прибыл в город благополучно, правда затратив на путь 16 часов и понеся урон в несколько сломанных колес и дышел [4, с. 359]⁸.

Стара-Загора предстала перед путниками лежащей в развалинах. Участники первого забалканского похода видели ее ранее совсем другой. Они говорили, что город этот был большим, богатым и превосходил по красоте Казанлык. Теперь же в нем уцелело всего 29 домов, зиявших пустыми оконными глазницами, поскольку все стекла в них были выбиты. Каменные стены других домов были срыты до основания турками, которые, отбив у русских город 18 июля, мстили болгарам за разрушение турецких домов в начале июля после занятия города отрядом Гурко. При этом Газенкампф свидетельствовал, что турки во время войны 1877–1878 гг. ни разу не начинали свирепствовать над болгарами первые, а лишь в ответ на болгарские насилия над мусульманами. По его наблюдению, как только в городах и селах появлялись наши войска, болгары сразу же принимались повсюду грабить и резать турок, хотя это и понятно: ненависть к ним у болгар за 400 лет рабства накопилась страшная. Постоянная угроза потерять все, включая и жизнь, по прихоти любого из турок не могла не возбудить у болгар ничего другого, кроме этой безграничной ненависти к своим угнетателям. Что же касается зажиточности, то здесь, по словам Газенкампа, болгарам мог бы позавидовать любой европейский крестьянин или горожанин [4, с. 359]⁹.

По словам Газенкампа, ныне не только болгары, но и их угнетатели стали сознавать, что турецкому владычеству пришел конец. Проникнутые таким убеждением турки испытывали ужасную панику и поголовно покидали свои родные села, где ожидался приход наших войск. «Это не бегство, — писал Газенкампф, — это выселение целого народа» [4, с. 359].

Оставил нам Газенкампф и описание Адрианополя, куда он прибыл по железной дороге вместе с Великим князем из Харманли. По пути они видели колонны русских гвардейцев, идущих вдоль железнодорожного полотна. При виде высокого командования те в ответ на его приветствия разражались восторженными криками «ура». Выглядели гвардейцы очень живописно и своим обликом напоминали настоящих башибузуков: в порыжевших оборванных шинелях без погон, в чалмах, фесках и платках на голове вместо фуражек, в опанках, опорках и каких-то обмотанных веревочками суконках, наподобие лаптей, вместо солдатских сапог. Часть из гвардейцев шла вообще без какой-либо обуви, т. е. босиком. Контрастом выглядела встреча в Адрианополе, где на станции в двух верстах от города был выстроен почетный караул из скобелевских солдат из 16-й пехотной дивизии с развернутым знаменем. Здесь же находились гене-

⁸ О том, насколько неудобными были обозные повозки и как часто они ломались, с возмущением писал священник В. В. Гурьев [5, с. 256–258].

⁹ См. также: [7, с. 48; 1, с. 5–6].

ралы М. Д. Скобелев и И. В. Гурко в окружении своих свит и штабов. Встреча была восторженной и задушевно трогательной, с объятиями, поцелуями и благодарностями Великого князя Николая Николаевича героям. Оставшееся расстояние до города свита преодолела верхом сквозь второй почетный караул лейб-гвардии Преображенского полка, а затем шеренги солдат скобелевской и гурковской дивизий.

Вслед за войсковыми шпалерами начались шпалеры местного Адрианопольского населения, высыпавшего навстречу Великому князю. Среди громадного стечения народа выделялись значки и знамена делегаций от греческой, армянской, болгарской и еврейской диаспор. Поражало обилие духовенства с хорами певчих, хоругвями, зажженными свечами. От греков и болгар в торжестве приняли участие хоры молодых девушек и девочек, а от армян и евреев — хоры мальчиков. Особенно звонкими были голоса еврейских мальчиков. Они настолько громко и пронзительно пели еврейский гимн, что вызвали у присутствующих опасение за целостность своих барабанных перепонок. Христианские песнопения поразили всех своей мелодичностью. Каждая из делегаций произнесла свою приветственную речь на родном языке, и, поскольку смысл их оставался непонятым, гостям в конце церемонии поднесли тексты речей в письменном виде с переводом на русский язык. По окончании речей гостей забросали букетами цветов, миртовыми и лавровыми ветками, и они двинулись дальше в сопровождении очень живописной разношерстной толпы из греков, болгар, турок, куцовлахов, цинцар, цыган, армян, евреев, арабов и персов обоюбого пола. Границей города служил великолепный мост через реку Марицу.

Газенкампф писал, что в самом Адрианополе все окна и балконы были заняты женщинами, на улицах присутствовали лишь мужчины. По ходу движения процессии из толпы раздавались громкие возгласы «Да живее!» по-болгарски и «Зито!» по-гречески. Газенкампф отмечал, что в Адрианополе греки доминируют, хотя по своей численности уступают болгарам, которые подверглись значительной эллинизации. Это было видно по болгарским нравам, обычаям, одежде и даже по языку. Представители этих двух народов вместе с армянами, по его словам, составляли местную интеллигенцию, которая одевалась по-европейски, исповедовала католицизм и держалась в стороне от своих православных земляков.

Воскресная обедня состоялась в греческом соборе — в том самом, где в 1829 г. на подобной литургии присутствовал командующий русскими войсками генерал Дибич. Построенный в византийском стиле собор, согласно описанию Газенкампфа, на вид казался очень древним, хотя на самом деле ему было всего 170 лет. Пол в нем был из мрамора и украшен мозаикой, стены и потолки усеяны небольшими квадратными иконами, иконостас выполнен из резной бронзы. По длине собор разделяли на три части балюстрады. С правой стороны находилось длинное женское отделение, отгороженное от открытой части храма частой бронзовой решеткой. Такая же ограда использовалась для женского отделения и на хорах. Подобная отгороженность была приметой восточного образа жизни: женщины должны были оставаться невидимыми для посторонних глаз. Единственно, в чем до конца не был уверен Газенкампф, так это то, видят ли женщины богомольцев храма сквозь частую решетку. Сами же они сквозь нее совершенно не просматривались.

После долгой литургии русские гости были приглашены в митрополичий дом. Все было обставлено очень торжественно. Впереди шли певчие, за ними дьяконы и священники с иконами, крестами, хоругвями и зажженными свечами. Следом — греческий митрополит с духовной свитой, за ними — Великий князь Николай Николаевич со сви-

той светской, а еще далее — менее приближенные к князю чины и люди. В самом доме певчие и греческие иерархи выстроились в огромной приемной зале с митрополитом впереди. Певчие спели что-то божественное по-гречески, завершив вместе с духовенством пение громким троекратным «Зито!» Громче всех заздравницу кричал толстый, черноволосый митрополит, который, как рассказывали, всего четыре недели назад получил из рук султана усыпанную бриллиантами звезду ордена «Османие» за верность туркам. Утверждали также, что митрополит всячески угождал мусульманам, травил болгар и даже благословлял башибузуков. «Лукавый и лживый народ греки: исподлились совсем еще в византийские времена», — вынес им свой приговор Газенкампф [4, с. 382]. После приема гостей пригласили в отдельную комнату, где угостили папиросами, а затем водой с несколькими сортами варенья¹⁰. В завершение всем предложили чай со сливками и белым хлебом. Газенкампф обратил внимание на то, что греческое духовенство курит поголовно.

Осмотр города верхом не принес Газенкампфу радостных впечатлений. Мощные улицы Адрианополя оказались грязными и вонючими. Не отличались чистотой и мрачные фасады зданий. Большая их часть была трехэтажной, причем верхний этаж выступал над двумя нижними, сближаясь наверху с соседними напротив. Нижние этажи, по свидетельству Газенкампфа, как правило, были каменные, а верхние — деревянные. На первом этаже располагались конюшни, скотные дворы и амбары, а на остальных — жилые помещения. Редкие окна, в особенности на нижнем этаже, обычно имели частые железные и деревянные решетки. Входные ворота и калитки были изготовлены из массивного дуба и окованы железом, крыши покрыты черепицей. Так выглядели дома христиан, а турецкие жилища в отличие от них имели по полтора этажа и были выстроены целиком из камня с минимальным количеством окон. Газенкампф отмечал, что неприглядность и угрюмость домов в Адрианополе снаружи компенсировалась их привлекательностью внутри. Стоило только заглянуть вовнутрь, как впечатление сразу же изменялось: чистые и просторные дворы с бассейнами и фонтанами, прекрасно поддерживаемые сады с глядящими на них большими окнами и стеклянными галереями. Иногда внутри дворов стояли в окружении фонтанов утопающие в зелени прекрасные виллы [4, с. 384].

В городе, по словам Газенкампфа, обилие воды поражало не только во дворах, но и на улицах. Идя по ним, постоянно наталкиваешься на краны с чашками из грубого мрамора. Они находились в нишах домов и имели отводную каменную канавку. Христианских церквей здесь не виделось: все они были невысокими и запрятанными внутри дворов так, чтобы кресты не бросались в глаза. И наоборот, мусульманские мечети были грандиозными и величественными, а их минареты были настолько высоки, что путники замечали их еще при подъезде к городу. По ним можно было ориентироваться, чего нельзя было сказать о христианских храмах, тем более что улицы в городе были узкие, кривые и запутанные, хотя к базару Газенкампф сумел выйти достаточно легко. Ссылаясь на сведения начальника нашей местной дипломатической канцелярии Ульянова, он писал, что базар этот появился еще при первых византийских императорах, а сам город носит имя основавшего его императора Адриана. От тех времен уцелели остатки стены и башня, напоминающая своей формой усеченный конус. К ней и примыкал базар — крытый, сводчатый коридор между древними каменными стена-

¹⁰ Потчевание гостей водой с несколькими видами варенья и сладостями — обычай, широко распространенный в Балканских землях. О нем писал литератор Е. П. Южаков, командированный журналом «Современник» на славянский юг в 1860 г. [15, с. 200].

ми. Сверху он был покрыт сводчатым потолком с узкими окнами, его освещавшими. Длинной этот коридор был около полуверсты, главные его входы находились по обоим концам, а второстепенные боковые — выходили на близлежащие улицы.

В открытых без дверей лавках, по словам Газенкампфа, продавалась всякая ерунда, хотя имелась здесь уйма ковров и шалей. Но цены на все это выставлялись просто фантастические: гораздо выше, чем в восточных магазинах на Невском проспекте в Санкт-Петербурге. Притом в русской столице качество товаров было на порядок выше. Газенкампф не без основания предположил, что цены в Адрианополе неимоверно взлетели по случаю прихода русских войск. Торговаться он по-настоящему не умел и поэтому не купил себе ничего существенного, кроме двух-трех безделушек. А в наружных, расположенных по внешнюю сторону стен лавках без дверей вещей не было — в них торговали мясом, зеленью и различными съестными припасами. Покупать в них ничего не хотелось, поскольку они не отличались чистотой — более того, некоторые лавки были возмутительно грязными. И на базаре, и на улицах роились разноязычные, громко галдящие толпы. Здесь сновали турки в чалмах, греки, болгары и армяне в красных фесках с черными кисточками, мусульманки с закрытыми зелеными накидками лицами, христианки с лицами открытыми, но в платье того же покроя, что и у мусульманок. Они тоже были облачены в шаровары. Одетую по-европейски женщину Газенкампф встретил только один раз, и то, когда она переходила улицу из одного дома в дом напротив. Европейской обуви Газенкампф не заметил — все женщины были обуты в сандалии с деревянными подошвами и двумя каблуками. К ногам они крепились тонкими ремешками. Обувь, его мнению, явно неудобная, но женщины передвигались в ней быстро и ловко [4, с. 382–386].

От Адрианополя очень близко находился Константинополь, но Газенкампф отдавал себе отчет, что его взятие обернулось бы для России катастрофой. Он писал, что сохранение турецкого владычества в Константинополе есть «наш прямой интерес, ибо мы не в силах заменить его своим». По его словам, благодаря беспримерному подвигу русских войск Османская империя была разбита, но России «совершенно не под силу удержать Константинополь за собой» [4, с. 347]. Боевые порядки русских войск были растянуты, боеприпасы неизвестно когда подвезут, ожидалось прибытие турецких подразделений из очищаемых ими забалканских крепостей, провианта уже не доставало, а местность между Адрианополем и Константинополем была слабо населена и съестными припасами бедна. Кроме того, занятие турецкой столицы, по мнению Газенкампфа, повлекло бы за собой войну с Западной Европой, потому что та ни за что не позволила бы захватить русским Царьград и проливы. России была выгодна лишь отсрочка перемирия — беды от этого для нее никакой не было, а для турок складывалась весьма опасная ситуация. Развитие русских военных успехов могло вызвать в Константинополе революцию и свержение власти султана [4, с. 437].

В этой связи Газенкампф запрашивал мнение императора Александра II по поводу того, какие действия следует предпринимать нашим войскам, если англичане введут свой флот в Босфор, в Константинополе будет высажен иностранный десант или турки начнут резать в столице христиан? Не ясно было также, следует ли нашим войскам продвигаться далее в Галлиполи — азиатскую часть Османской империи, поскольку чуть спустя пришло известие, что три английских броненосца встали на якорь у Принцевых островов, от которых до Константинополя оставалось не более одного часа хода. В ответной депеше император сообщал, что взятие Константинополя и Галлиполи является делом очень рискованным. Случись это раньше во время паники среди турок, пока ан-

глийская эскадра не подошла к Константинополю, такая инициатива сошла бы России с рук. Но теперь она может только обещать, что не станет занимать турецкую столицу и Галлиполи, если Англия даст слово не высаживать своих солдат в европейской или азиатской части Османской империи [4, с. 438].

Воспоминания Газенкампфа ценны и фактом описания Сан-Стефано — местечка, в котором был подписан прелиминарный договор, подводющий итоги русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Все знают его название, но мало кто имеет представление о том, как оно выглядело. Газенкампф пишет о нем как о чудесном городке, сразу же покоровшем его сердце, когда он прибыл в него лунной ночью. Сан-Стефано чем-то напомнил ему итальянскую Палланцу. По его словам, вид Мраморного моря был просто чарующим: вдаль на горизонте отливал синевой малоазийский берег, а посередине моря на Принцевых островах возвышались три горы с белеющими на них домиками. Константинополь с набережной был не виден, зато с мыса, на котором располагалось 16 орудий 1-й лейб-гвардейской артиллерийской бригады, открывался восхитительный вид на турецкую столицу, Скутари и Босфор. Все утопало в зелени из громадных кипарисов, лавров и миртов, заставляя забыть, что весна еще не наступила. Большинство домов в Сан-Стефано были отельного типа и принадлежали грекам, армянам и левантийцам. Газенкампфу и его напарнику выделили просторную, хорошо меблированную комнату на нижнем этаже прекрасного дома, расположенного на набережной Мраморного моря. При доме имелся чудный сад, и ко всем удобствам добавлялось и то, что он находился всего в двух минутах ходьбы от временной резиденции Великого князя Николая Николаевича.

Для жителей столицы городок служил дачей, поэтому много жилищ принадлежало здесь и европейцам. Дома были устроены однотипно — одно-, двух- и трехэтажные здания с большой залой на каждом этаже, из которой вели двери в отдельные комнаты. Дом, в котором остановился Газенкампф, кроме перечисленного выше, имел большой балкон на бельэтаже, с которого открывался чудесный вид на Мраморное море. В городке кипела жизнь: непрерывно причаливали и отчаливали небольшие пароходы, приезжали и отъезжали любопытные. Нашим офицерам строжайше было запрещено появляться в Константинополе в мундирах до заключения мира — поэтому многие из них раздобывали себе статское платье и отправлялись на осмотр города из любопытства. На берегу моря играла музыка, погода стояла чудесная, и по набережной гуляла публика, приезжавшая из Константинополя. Ей тоже было очень интересно поглазеть на русских солдат и офицеров [4, с. 456–460]. В оживленной толчее самого различного люда — военных, торговцев, уличных музыкантов, гастролирующих девиц легкого поведения и пр. — царил полное дружелюбие и открытая радость приходу наших войск. Все спрашивали, когда мы вступим в Константинополь,

Таким образом, можно заключить, что воспоминания М. А. Газенкампфа примечательны с многих точек зрения. Этот генерал-штабист находился в самой гуще событий русско-турецкой войны 1877–1878 гг. начиная с переправы русских войск через Дунай и кончая заключением предварительного мирного договора с турками в Сан-Стефано. Стекавшиеся к нему сведения носили самый разнообразный характер, и он проверял их подлинность перед составлением регулярных донесений императору Александру II или оглашением представителям русской и зарубежной печати. Газенкампф обладал аналитическим складом ума, прекрасно чувствовал тонкости делового и литературного стилей и фиксировал происходящее с регулярностью, проистекавшей из его должностных обязанностей. Все это позволило ему создать достоверный дневник с описанием

военных событий войны и царивших в верхах умонастроений. Причем дневник этот, ко всем своим прочим достоинствам, был написан прекрасным литературным языком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Амфитеатров А.* Страна раздора. Балканские впечатления. Изд. 2-е. СПб.: Общественная польза, 1907. 252 с.
- 2 *Воейков В. В.* От Дуная до Царьграда. 1877–1878 гг. Записки участника. М.: Унив. Тип., 1900. 177 с.
- 3 Воспоминания о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и о генерале М. Д. Скобелеве ординарца его Петра Дукмасова. СПб.: Тип. и литография В. В. Комарова, 1899. 465 с.
- 4 *Газенкамф М. А.* Мой дневник 1877–1878 гг. Изд-е испр. и доп. СПб.: Изд. В. Березовский, 1908. 624 с.
- 5 *Гурьев В. В.* Письма священника с похода 1877–1878 гг. М.: Унив. Тип., 1883. 325 с.; [Репринтное издание: М.: ГПИБ, 2007. 288 с.].
- 6 *Калиганов И. И.* Болгария и болгары глазами русских в XIX столетии (в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и до нее) // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве.* М.: Изд-во ИСл РАН, 2009. С. 41–62.
- 7 *Калиганов И. И.* Болгария и болгары глазами русских женщин XIX в. (мемуары медсестры С. А. Кениг и врача Н. Г. Драгневич) // *Калиганов И. И.* Проблемы истории и культуры славянских народов. М.: Изд-во ИСл РАН; ГАСК, 2015. С. 287–289.
- 8 *Калиганов И. И.* Болгария и болгары глазами русской женщины XIX в. (воспоминания о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. медсестры С. А. Кениг // *Славяноведение.* 2013. № 1. С. 99–104.
- 9 *Калиганов И. И.* Болгария и болгары глазами участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (художника-баталиста, лейб-медика и казачьего офицера) // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов.* М.: Изд-во ИСл РАН, 2016. С. 317–334.
- 10 *Калиганов И. И.* Русские стереотипы в отношении болгар и Болгар накануне освобождения от турок (очерк о стране Е. Н. Водовозовой) // *Калиганов И. И.* Проблемы истории и культуры славянских народов. М.: Изд-во ИСл РАН; ГАСК, 2015. С. 278–286.
- 11 *Крестовский В. В.* Собр. соч.: в 8 т. СПб., 1879. Т. 5: Двадцать месяцев в Действующей армии в 1877–1878 годах. 580 с.
- 12 *Немирович-Данченко В. И.* Год войны (дневник русского корреспондента). 1877–1878 гг. СПб.: Изд. Книжного магазина «Нового времени», 1878. Т. 1.
- 13 Письма из Болгарии 1877 г. С. П. Боткина. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. 376 с.
- 14 *Стоянов И.* Московският славянски комитет и българското опълчение. Велико Търново: Унив. изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2014. 125 с.
- 15 *Южаков Е. П.* Один месяц в Болгарии // *Современник.* 1860. № 11. Т. 84.

© 2017. Igor I. Kaliganov

Moscow, Russia

MEMORIES OF A PARTICIPANT IN THE RUSSO-TURKISH WAR OF 1877–1878.
GENERAL M. A. GAZENKAMPF

Abstract: The article analyzes the letters of General Gazenkampf, participant in the Russo-Turkish war of 1877–1878, who was attached to the Staff of the Russian Operating army to draw up regular reports to the emperor Alexander II about the current military situation in Bulgaria. A subtle mind, intelligent and observant man, in addition to his reports he wrote his letters almost every other day to his wife, leaving a lot of information to the descendants on Bulgaria, its nature, cities and villages, the physical appearance of the Bulgarians, their behavior, dwellings and customs. His letters are also of considerable value as the evidence of changing mentality in the Russian “upper echelons” regarding the political future of Bulgaria and the degree of readiness of the Bulgarians themselves to join the struggle for their freedom arms in hands.

Keywords: Gazenkampf, Russian-Turkish war of 1877–1878, letters, nature of Bulgaria, description of the cities of Tirnov, Gabrov, Kazanlak, Stara Zagora, Adrianople, San Stefano, physical appearance of the Bulgarians, their behavior, customs and dwellings, soldier's and commander's everyday life, changing mentality in the Russian “upper echelons”.

Information about the author: Igor I. Kaliganov — DSc in Philology, Professor, The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Leninsky av., 32A, “B” build., 119334 Moscow, Russia. E-mail: kaliganov2009@mail.ru

Received: May 07, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Amfiteatrov A. *Strana razdora. Balkanskije vpechatleniia* [The country of contention. Balkan impressions]. Izd. 2-e. St. Petersburg, Obshchestvennaia pol'za Publ., 1907. 252 p. (In Russian)
- 2 Voyeykov V. V. *Ot Dunaja do Tsar'grada. 1877–1878 gg. Zapiski uchastnika* [From the Danube to Konstantinopole. 1877–1878. Notes of the participant]. Moscow, Universitetskaia tipografiia Publ., 1900. 177 p. (In Russian)
- 3 *Vospominaniia o rusko-turetskoj vojne 1877–1878 gg. i o generale M. D. Skobelev ordinartsa jego Petra Dukmasova* [Memories of the Russian-Turkish war of 1877–1878 and General M. D. Skobelev by his orderly Peter Dukmasov]. St. Petersburg, Tipografiia i litografiia V. V. Komarova Publ., 1899. 465 p. (In Russian)
- 4 Gazenkampf M. A. *Moj dnevnik 1877–1878 gg. Izdaniie ispravlennoje i dopolnennoje* [My diary. 1877–1878. Second edition, amended and supplement]. St. Petersburg, Izdanie V. Berezovskii Publ., 1908. (In Russian)
- 5 Guryev V. V. *Pis'ma svjasshchennika s pohoda 1877–1878 gg.* [Letters of the priest from the campaign of 1877–1878]. Moscow, Universitetskaia tipografiia Publ., 1883; Reprintnoje izdaniie: Moscow, GPIB, 2007. 288 p. (In Russian)

- 6 Kaliganov I. I. Bolgarija i bolgary glazami russskih v XIX stoletii (v period russsko-turetskoj vojny 1877–1878 gg. i do nejo) [Bulgaria and Bulgarians through the eyes of the Russians in the nineteenth century (during the Russian-Turkish War of 1877–1878 and before it)]. *Slavjanskij mir v tretjem tysjacheletii. Rossija i slavjanskije narody vo vremeni i prostranstve* [Slavic World in the Third Millennium, Russia and the Slavic World in Time and Space]. Moscow, Izdatel'stvo ISI RAN Publ., 2009, pp. 41–62. (In Russian)
- 7 Kaliganov I. I. Bolgarija i bolgary glazami russskih szenshcin XIX v. (memuary medsestry S. A. Kjonig i vracha N. G. Dragnevich) [Bulgaria and Bulgarians through the eyes of Russian women in the nineteenth century. (Memoirs of the nurse S. A. Koenig and the doctor N. G. Dragnevich)]. *Problemy istorii i kul'tury slavjanskih narodov* [Problems of the history and culture of the Slavic peoples]. Moscow, Izdatel'stvo ISI RAN Publ.; GASK Publ., 2015, pp. 287–298. (In Russian)
- 8 Kaliganov I. I. Bolgarija i bolgary glazami russskoj szenshciny XIX v. (vospominanija o russsko-turetskoj vojne 1877–1878 gg. medsestry S. A. Kjonig) [Bulgaria and Bulgarians through the eyes of a Russian woman of the 19th century. (Memories of the Russian-Turkish war of 1877–1878 by Nurse S.A. Koenig)]. *Slavjanovedenije*, 2013, no 1, pp. 99–104. (In Russian)
- 9 Kaliganov I. I. Bolgarija i bolgary glazami uchastnikov russsko-turetskoj vojny 1877–1878 gg. (hudosznika-batalista, lejb-medika i kazachjego ofitsera) [Bulgaria and Bulgarians through the eyes of participants of the Russian-Turkish war of 1877–1878. (Battle painter, physician and Cossack officer)]. *Slavjanskije mir v tretyem tysyacheletii. Soglasheniee (soglasije), dogovor, kompromiss v istorii, jazykah i cul'ture slavyanskih narodov* [Slavic world in the third millennium. Commitment (agreement), compromise in the history, languages and culture of the Slavic peoples]. Moscow, Izdatel'stvo ISI RAN Publ., 2016, pp. 317–334. (In Russian)
- 10 Kaliganov I. I. Russskije stereotypy v otnoshenii bolgar i Bolgarii nakanune osvoboždenija ot turok (očerok o strane E. N Vodovozovoj) [Russian stereotypes on Bulgarians and Bulgaria on the eve of its emancipation from Turks (essay on the country by E. N.Vodovozova)]. *Problemy istorii i kul'tury slavjanskih narodov* [Problems of the history and culture of the Slavic peoples]. Moscow, Izdatel'stvo ISI RAN Publ.; GASK Publ., pp. 278–286. (In Russian)
- 11 Krestovskij V. V. *Sobranije sochinenij: v 8 t.* [Collected works: in 8 vols.] St. Petersburg, 1879. Vol. 5: Dvadtsat' mesjatsev v Dejstvujshchej armii v 1877–1878 godah. [Twenty months in the Operating Army in 1877–1878. St. Petersburg, 1879]. 580 p. (In Russian)
- 12 Nemirovich-Danchenko V. I. *God vojny (dnevnik russskogo korrespondenta). 1877–1878 gg.* [The Year of the War (diary of the Russian correspondent). 1877–1878]. St. Petersburg, Izdanie knizhnogo magazina Novogo vremeni 1878. Vol. 1. (In Russian)
- 13 *Pis'ma iz Bolgarii 1877 g. S. P. Botkina* [Letters from Bulgaria in 1878 by S. P. Botkin]. St. Petersburg, Tipografii M. M. Stasiulevicha Publ., 1893. 376 p.
- 14 Stoyanov. I. *Moskovskiyat slavyanski komitet i balgarskoto opalcheniye* [Moscow Slavic Committee and the Bulgarian militia]. Veliko Tarnovo, Universitetskoe izdatel'stvo "Sv. sv. Kiril i Metodii", 125 p. (In Bulgarian)
- 15 Juzsakov E. P. *Odin mesjats v Bolgarii* [One month in Bulgaria]. *Sovremennik*, 1860, vol. 84, no 11.

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. О. А. Запека
г. Москва, Россия

© 2017 г. А. В. Егерёва
г. Москва, Россия

КАФКА И ДОСТОЕВСКИЙ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Аннотация: Творчество Ф. М. Достоевского оказало большое влияние на культурную жизнь Запада. Фундамент «культы Достоевского» заложили еще до Первой мировой войны представители экспрессионистического движения в Германии, уже тогда связавшие имя Достоевского с сознанием надвигающегося кризиса немецкой и вообще буржуазной культуры. Мотивы Достоевского также нашли отражение в творчестве пражского писателя Ф. Кафки, произведения которого получили общемировое признание, прежде всего после Второй мировой войны. Отличительной чертой творчества Кафки является трагический и пессимистичный взгляд на человека как на жертву судьбы. Его произведения отмечены стремлением выразить невыразимое, совершить что-то невозможное, запечатлеть неуловимое, найти конец в бесконечности. Под влиянием А. Камю, сблизившего Достоевского и Кафку, попытавшегося в своем «Мифе о Сизифе» опереться на их идеи для обоснования экзистенциалистской «философии абсурда», параллель между Кафкой и Достоевским стала одним из излюбленных «общих мест» современной идеалистической философии и литературоведения на Западе. Далеко не все в творчестве Достоевского, но лишь отдельные философско-символические мотивы оказались близки Кафке, заинтересовали его. Основные темы романов и новелл Кафки: темы трагического одиночества и разобщенности людей в современном мире, не замечаемой абсурдности человеческого повседневного существования, господства над человеком слепых и темных сил зла и разрушения, таящихся под тенью обыденности и во внешнем мире, окружающем человека, и в глубине его собственной души. Одной из общих тем в творчестве Достоевского и Кафки является тема «подполья», «подпольного человека».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Ф. Кафка, мировая культура, страх, страдания, одиночество, «подпольный человек», свобода.

Информация об авторах:

Оксана Анатольевна Запека — кандидат философских наук, профессор, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия. E-mail: zana5@yandex.ru
Анастасия Владимировна Егерёва — выпускница, Государственная академия славянской культуры, Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия. E-mail: egerevaanastasia@yandex.ru

Дата поступления статьи: 12.04.2017

Дата публикации: 15.09.2017

Писатели и критики, связанные с движением немецкого натурализма — течения, господствовавшего в Германии в тот период, — первыми осознали необходимость поисков новых путей развития для немецкой литературы. Натуралисты верно почувствовали, что Германии для лучшего понимания общественной жизни со всей ее неустроенностью, внешней неупорядоченностью и хаотичностью ее проявлений, сложностью и пестротой самого ее языка необходимо отойти от традиций отечественной классики [18, с. 298]. Перед ними встала задача расширить свою тематику и свои изобразительные возможности путем освоения опыта других литератур, обогнавших к 1880-м гг. немецкую литературу в области художественного исследования остродраматической и напряженной социальной жизни и психологии современного человека. Отсюда — обращение натуралистов к французской, скандинавской и русской литературе, в том числе к Ф. М. Достоевскому.

Знакомство с Достоевским сыграло в 1890–1900-е гг. большую роль не только для идейного и художественного самоопределения того поколения писателей, которое пришло на смену писателям-натуралистам в самой Германии. Не меньшее значение оно имело и для представителей литературы немецкого языка, развитие которых протекало на территории тогдашней Австро-Венгерской империи. Изучение истоков творчества почти всех крупных немецко-австрийских писателей XX в., уроженцев Праги и Вены, — Р. М. Рильке, Ф. Кафки, М. Брода, Ф. Верфеля, Г. Мейринка, С. Цвейга, И. Рота — показывает, что Достоевский оказал на каждого из них заметное и существенное, хотя далеко не однозначное воздействие. Об этом говорят не только их прямые признания, но и, что является гораздо более важным и весомым, многие основные образы и идеи собственных их произведений [18, с. 311].

Начало «культы Достоевского» заложили еще до Первой мировой войны представители экспрессионистического движения в Германии, уже тогда связавшие имя Достоевского с сознанием надвигающегося кризиса немецкой и вообще буржуазной культуры. На фоне предощущения этого кризиса Достоевский воспринимался писателями-экспрессионистами в Германии, особенно их левым крылом, как глубокий выразитель переживаемых современным человечеством страданий и борений духа и его сокровенных чаяний, величайший критик культуры, как пророк новой, более высокой человечности. Самая личность Достоевского представлялась писавшим о нем нередко личностью нового Христа.

После окончания Первой мировой войны, в условиях переживания Германией общенационального кризиса, болезненное ощущение которого углублялось обстановкой общего кризиса капитализма и вызванного им лихорадочного брожения умов, созданный экспрессионистами культ Достоевского-пророка, выразителя страданий переживаемой человечеством переходной эпохи, достигает своей наивысшей точки.

«Что европейская и во всяком случае немецкая молодежь воспринимает в качестве своего величайшего писателя Достоевского, а не Гете и даже не Ницше, представляется мне решающим для нашей судьбы. Стоит взглянуть на поэзию последних лет, и мы везде наталкиваемся на близкие Достоевскому мотивы, пусть это часто всего лишь простое подражание, производящее впечатление ребячества» [20, s. 317], — писал Гессе, характеризуя немецкую литературу и искусство на рубеже 20-х гг. И он же в 1926 г. повторял, что «на взбудораженную войной студенческую молодежь Германии» ни один ум не влиял так сильно, как Достоевский [20, s. 415].

О повышенном, страстном интересе к русской литературе вообще и в особенности к Достоевскому в послевоенные годы постоянно писали в 1918–1925 гг. и другие деятели немецкой культуры, принадлежавшие к совершенно разным общественным направлениям и литературным группировкам.

Воздействие Достоевского на искусство и литературу экспрессионизма — сложная проблема, так как интерес к подлинной идейной и художественной проблематике Достоевского в них постоянно сочетался с очень сильным тяготением к изображению различного рода смутных психологических и фантастических состояний и кошмаров, которые, скорее, следует считать одним из характерных для модернистского искусства 1910–1920-х гг. проявлений «достоевщины». Анализируя отношение к Достоевскому писателей-экспрессионистов, следует остановиться особо на вопросе об отражении мотивов Достоевского в творчестве такого крупного пражского писателя, произведения которого, особенно после Второй мировой войны, получили общемировое признание, — Ф. Кафки [18, с. 327].

Судьба Кафки необычна: будучи евреем по национальности, он родился в Праге, все свои произведения написал на немецком языке и считался австрийским писателем. «Некоронованный король немецкой прозы», по выражению Германа Гессе, оказал огромное влияние на развитие мировой литературы XX в. У Кафки учились совершенно непохожие мастера слова, лауреаты Нобелевской премии А. Камю, Г. Белль, Г. Гарсиа Маркес. «Родственной душой» называли Кафку В. Набоков и А. Ахматова.

Творческое наследие австрийского писателя становится предметом ожесточенных споров, бесчисленных исследований и толкований, чаще всего безнадежно противоположных, совершенно непримиримых и несовместимых между собой. Одни считают его произведения выражением глубочайшей мудрости, пророческим даром, другие видят в них отражения чистейшего безумия, запечатленные фантазии душевнобольного, непосредственные следствия телесных и душевных недугов. Споры эти продолжаются до сих пор.

Сегодня портрет Кафки слишком тщательно скрыт за множеством толкований, различных мифов и предубеждений, которые не всегда позволяют взглянуть на него, не исходя из каких-либо точек зрения. Но это свидетельствует прежде всего о том, что творчество этого писателя по-прежнему вызывает большой интерес среди исследователей, желающих по-новому истолковать загадочные произведения. Однажды назвав себя «человеком со слишком большой тенью» [9, т. 4, с. 464], Кафка даже не мог подозревать, насколько точным окажется это определение в отношении его творчества.

Если даже кратко попытаться систематизировать толкования творчества Кафки, то их все равно будет слишком много, в том числе и взаимоисключающих. Так, благодаря Макс Броду одной из самых известных трактовок произведений Кафки стала трактовка, согласно которой для понимания Кафки надо исходить из категорий святости, а отнюдь не литературы [9, т. 4]. Не менее популярно и «биографически-психоаналитическое» толкование, ключом к нему обычно выступают письма и сны писателя, которым он уделил немало внимания в дневниках, а также его отношения с главой семьи. Биографы-фрейдисты утверждают, например, что «Превращение» произошло из сложных отношений Кафки с отцом и из чувства вины, не покидавшего его всю жизнь. Насекомое, по их словам, как нельзя лучше символизирует его ощущение неполноценности рядом с отцом. К слову, сам Кафка весьма критически относился к учению Фрейда. Он называл психоанализ «беспомощной ошибкой» и теории Фрейда считал очень приблизительными, очень грубыми представлениями, не отражающими в долж-

ной мере ни деталей, ни, что еще важнее, сути дела [5]. Очень часто Кафку рассматривают исключительно в социально-политическом контексте или в антиутопическом и антитоталитарном. В статье приведены только самые популярные толкования, стоящие в начале бесконечного списка, изучению которого можно посвятить целую жизнь.

Отличительной чертой творчества Кафки является трагический и пессимистичный взгляд на человека как на жертву судьбы. Постоянно ощущается страх автора перед бессмысленностью и бессодержательностью жизнью, а персонажи его произведений так же безгранично одиноки и несчастны, как и он сам. Неспособные стать хозяевами своей судьбы, герои Кафки обречены на постоянные страдания и муки, к которым сводится вся их жизнь.

Могучая фантазия писателя рождала образы и видения, далекие от каждодневной жизни, нередко кошмарные, которые он мастерски накладывал на тщательно выписанные картины реальной жизни. Он словно пытался найти точки соприкосновения между духовным и материальным мирами.

Искусство Кафки оказалось во многом пророческим. Поразительно точно изображенные странности, коими так наполнена воплощенная в этом искусстве жизнь, читатель должен понимать как знаки, приметы и симптомы смещений и сдвигов, наступление которых во всех жизненных взаимосвязях писатель чувствовал, не умея, однако, в этот неведомый и новый порядок вещей поместить себя самого. Его произведения отмечены стремлением выразить невыразимое, совершить что-то невозможное, запечатлеть неуловимое, найти конец в бесконечности, так что ему ничего не оставалось, кроме как с изумлением, к которому, впрочем, примешивается и панический ужас, откликаться на почти невразумительные искажения бытия, которыми заявляет о себе грядущее торжество новых законов.

В произведениях Кафки существуют два мира, две реальности: мир повседневной жизни и мир фантастический. Они настолько переплетены друг с другом, что читатель неосознанно начинает воспринимать самые фантастические события при самой прозаической обстановке жизни. Именно так Ф. Кафка выражает трагедию через повседневность, а логику — через абсурд. Макс Брод очень точно это сформулировал: «Благодаря Кафке ясной стала неясность человеческого состояния» [7].

Творчество для пражского писателя — это своеобразный способ устоять в этом мире, найти себе опору и основание. «Если бы я не писал, то давно бы уже лежал поверженным на земле, годным разве что на то, чтобы меня выбросили на свалку» [8, с. 347]. Кафка не раз повторял, что писатель во избежание безумия должен «вцепиться зубами в письменный стол» [8, с. 154].

Фигура Франца Кафки — уникальное явление мировой литературы. Даже среди своих художников-современников, ближайших предшественников и потомков Франц Кафка по своей неприкаянности и сиротстве — фигура совершенно удивительная. Этот ныне широко известный писатель, будучи популярным в XX в., сохранил свое значение и в веке нынешнем. Он, один из немногих столпов модернизма, не мог даже представить той мировой славы, которая обрушилась на него после смерти. Слишком сильный контраст замечается при сравнении самооценки писателя и оценки, данной творчеству Кафки мировым сообществом.

Какую же роль сыграл Ф. М. Достоевский в формировании мировосприятия Ф. Кафки?

Среди четырех людей, которых писатель, «не претендуя сравниться с ними в силе и разуме», ощущал «своими кровными братьями» и признавал их влияние на свое

творчество, был и великий русский писатель Ф. М. Достоевский. Остальные — Гюстав Флобер, Франц Грильпарцер и Генрих фон Клейст [11, с. 45].

Тема «Кafka и Достоевский» принадлежит к числу тех, которые получили широкую популярность в философии и литературоведении едва ли не во всем мире после Второй мировой войны. Под влиянием А. Камю, сблизившего Достоевского и Kafka, попытавшегося в своем «Мифе о Сизифе» опереться на их идеи для обоснования экзистенциалистской «философии абсурда», параллель между Kafka и Достоевским стала одним из излюбленных «общих мест» современной идеалистической философии и литературоведения на Западе. В связи с этим в специальной научной литературе не только за рубежом, но и у нас возникла и приобрела довольно широкое распространение версия о значительном непосредственном литературно-художественном влиянии Достоевского на Kafka. В действительности вопрос этот более сложен, чем он обычно представляется исследователям [19, с. 378].

В возрасте 34 лет в 1917 г. врачи вынесли Kafka смертельный приговор — туберкулез. С этого момента смерть всегда была как бы внутри него и могла вступить в свои права в любой момент. В таком же примерно положении прожил свою жизнь и Ф. М. Достоевский: любой приступ эпилепсии мог оказаться последним. И уже в этом смысле он мог быть близок своему литературному потомку Францу Kafka, ибо ему, Kafka, принадлежат такие слова: «Только люди, пораженные одинаковым недугом, понимают друг друга. Объединенные характером страдания в один круг, они поддерживают друг друга» [9, с. 178]. Но все же источник своих страданий Kafka видел в духовной, а не физической болезни. «Я болен духом, — признается он своему confidentу Милене Ясенской, — а заболевание легких лишь следствие того, что духовная болезнь вышла из берегов» [9, с. 33].

Достоевский помогал ему преодолевать физические недуги и страх. Он подавал ему и другой пример — силы и стойкости в тяжелейших испытаниях и лишениях. К примеру, в письме Федора Михайловича брату Михаилу об ужасах жизни на каторге [6, т. 15, с. 679]. Это письмо изумляет Kafka. В нем словно представлены все нечеловеческие страдания, усугубленные душевными муками, в духе, предвещающем стиль основных произведений австрийского писателя.

Из писем и дневников Ф. Kafka следует, что он не только хорошо знал романы Достоевского, но и интересовался личностью великого русского художника, читал его письма. Kafka бережно хранил в своей памяти рассказ автора «Дневника писателя» о начале его творческого пути — «восхитительной минуте» [6, т. 15, с. 107], пережитой им в ночь, когда Григорович и Некрасов ворвались к нему, чтобы выразить то восхищение, которое оба они испытали при чтении рукописи его первого романа «Бедные люди» (1845). Важно, что из биографии Достоевского особый интерес у него вызвал именно этот рассказ: писатель Kafka всю жизнь больше всего страдал от ощущения одиночества и непонятности. Его попытки установить взаимопонимание с другими людьми и с читателями неизменно не удавались и вели в конце концов к еще большему обострению чувства духовной неудовлетворенности. Поэтому рассказ о горячем отклике, который первый роман нашел у первых своих читателей, должен был особенно поразить Kafka. Та минута восторга, объединившая автора «Бедных людей» и его читателей, в восприятии Kafka приобрела значение своеобразного символа, атмосферы той социальной симпатии, единства людей, к которым страстно стремился сам Kafka, но в чем ему, в отличие от Достоевского, было отказано по непонятным для австрийского писателя причинам.

Один из биографов Кафки, говоря о знакомстве писателя с русской литературой, отмечает его «пристрастие к Достоевскому, которого он ценил выше Толстого и Гоголя» [17, с. 710]. Еще более конкретен отзыв М. Брода, близкого друга и душеприказчика Кафки. В биографии Кафки Брод пишет: «Среди произведений Достоевского он особенно ценил роман “Подросток”, только что выпущенный издательством Лангена. Он с энтузиазмом прочитал мне отрывок о нищенстве и обогащении» [13]. Свидетельство Брода говорит о том, что Кафка также был одним из первых, кто понял и оценил роман «Подросток» — наименее изученный и наименее популярный в Германии из всех произведений Достоевского. Брод добавляет, что «замечание о данной главе показывает, насколько сильно метод Достоевского формировал его (Кафки. — А. Е., О. З.) стиль» [13].

Однако упоминания самого писателя об отношении к Достоевскому немногочисленны.

Любопытен такой отзыв Кафки о Достоевском, относящийся к концу 1914 г. Замечание Брода о том, что у Достоевского «слишком много душевнобольных», Кафка комментирует в своем дневнике следующим образом: «Совершенно неверно, они не душевнобольные. Изображение болезни — всего лишь средство характеристике и притом очень тонкое и очень эффектное средство. Стоит лишь с величайшим упорством повторять какому-либо человеку, что он недалек и слабоумен, для того чтобы этот человек, если только в нем заключено зерно Достоевского, раскрыл себя полностью и до конца» [13].

В мире Достоевского пражский писатель искал нечто «свое». Наиболее «кафковскими» ситуациями у Достоевского, как и у других писателей, к творчеству которых обращался Кафка, являются те ситуации, в которых ему так или иначе виделась возможность собственного самовыражения. «Прочитал сейчас у Достоевского место, так напоминающее мою несчасть», — пишет Кафка в дневнике 14 декабря 1913 г. [10, с. 297]. Далеко не все в творчестве Достоевского, но лишь отдельные философско-символические мотивы оказались близки Кафке, заинтересовали его и получили прямое или косвенное отражение в его произведениях. Причем отражение это было неизменно связано с субъективно окрашенной переакцентировкой и трансформацией образов. Поэтому мир романов и новелл Кафки в стилистическом отношении составляет полную противоположность художественному миру русского романиста, где все находится в движении, изменении, росте и где каждый вызывает любопытство художника, образует для него особый объект пристального исследования.

Очень точно, как нам кажется, характеризует творческие взаимоотношения Кафки с Ф. М. Достоевским французская писательница Натали Саррот: «На тех огромных, бескрайних территориях, к которым Достоевский открыл доступ, Кафка проложил дорогу, одну единственную, узкую и длинную дорогу, он двигался только в одном направлении и дошел до последнего предела» [14, с. 343]. Она считает, что между творчеством Достоевского и Кафки существует совершенно очевидная связь. И если рассматривать литературу как непрерывную эстафету, то австрийский писатель получил «заветную палочку из рук Достоевского, а не кого-либо другого» [14, с. 350].

Основные темы романов и новелл Кафки — темы трагического одиночества и разобщенности людей в современном мире, не замечаемой ими абсурдности их повседневного существования в нем, господства над человеком слепых и темных сил зла и разрушения, таящихся под тенью обыденности и во внешнем мире, окружающем человека, и в глубине его собственной души. Но Кафка не стремится исследовать

причины, порождающие зло и жизненные противоречия. Герои Кафки в большинстве своем — средние, заурядные люди, не возвышающиеся, подобно героям Достоевского, умственно над окружающим, не пытающиеся охватить своим духовным взором прошлое, настоящее и будущее человечества, чтобы так или иначе ответить на вопрос о назначении и цели своего существования. Мы словно попадаем из трехмерного пространства Достоевского, включающего в себя анализ исторического опыта и неизменного поиска смысла, в двухмерный мир Кафки, в котором отражены конкретные проблемы отдельного человека.

Одной из общих тем в творчестве Достоевского и Кафки является тема «подполья», «подпольного человека».

Повествование в «Записках из подполья», где сам образ подполья является структурообразующим понятием, ведется от лица отставного чиновника. Полученное наследство позволило ему оставить ненавистную службу. В повести ему сорок лет, он живет со слугой, которого презирает, снимая угол, который называет мышьиной норой.

В статье «Образ превращения в творчестве Ф. М. Достоевского и Ф. Кафки» О. Н. Турышева отмечает: «Образ «подполья» в творчестве русского писателя представляет собой метафорическое обозначение сложного идеологического, психологического и поведенческого комплекса, который свойственен многим героям Достоевского. <...> Психологически «подполье» представляет собой состояние, в котором герой сочетает жгучую потребность в самоутверждении и страх жизни» [16, с. 115]. Герой «Записок из подполья» Достоевского не только раздвоен, но и бесхарактерен, поскольку не сумел сделаться «ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым!» [19, с. 454]. И вот этот крайний предел, где на миг оказался герой Достоевского, вскоре разрастется до размеров непрекращающегося кошмара, превратится в некий мир отчаяния, где будут «биться и барахтаться» герои Кафки.

Образ «подполья» у Кафки — один из главных в его творчестве, однако представлен он совершенно иначе. Пражский писатель часто переживал, что ему не удастся метафора. Но, с другой стороны, все его творчество насквозь метафорично. «Процесс», «Превращение», «Замок», «В исправительной колонии», «Нора» и т. д. — это все метафоры, предельно развернутые метафоры человеческого удела. Удивительно, что метафора в произведениях Кафки явлена не как прием, а как некая воплощенная реальность.

Для начала стоит обратить внимание на то, как совпадает описание Достоевским психологии «подпольного типа» и образности, используемой Кафкой для описания своего собственного переживания и мироощущения. По мнению О. Н. Турышевой, в дневниках и письмах Кафка неоднократно прибегает к метафоре подполья, жалуясь на препятствующие писательству обстоятельства. Так, «в письме к Фелице Бауэр от 15 января 1913 г., вновь описывая свою потребность в творчестве, которое может обеспечить только одиночество и покой, Кафка называет себя пещерным человеком, «жителем подземелья», говоря о желании “устроиться где-нибудь в глубине разветвленного запертого подвала”. Причем описание собственной потребности «спрятаться в подвал», «забиться в какой-нибудь угол», «заползти под стол или шкаф» или в «темный ковчег» в дневниках и письмах Кафки является настойчивым сквозным мотивом» [16, с. 121].

Наиболее же очевидно влияние повести Достоевского проявляется в новелле Кафки «Нора» (1923), где повествование «выстраивается в результате буквальной реализации метафоры, употребленной подпольным парадоксалистом для характеристики

собственного сознания» [16, с. 119]. Повествование от первого лица совпадает, однако Кафка в центр своей новеллы помещает «сознание некоего землеройного животного» [16, с. 119], в которого мир вселяет невероятный ужас, почему его и обуревают жажда спрятаться в своем укрытии: «Я обзавелся норой, и, кажется, получилось удачно. Снаружи видно только большое отверстие, но оно в действительности никуда не ведет: сделаешь несколько шагов — и перед тобой стена из песчаника» [8, т. 2, с. 87]. Если в подпольном человеке Достоевского осознание безысходности существования пробуждает желание побороть свое «подполье», то «герой Кафки ревностно его оберегает, подчиняя все свое существование патологическому страху» [16, с. 119]. Если у Достоевского подпольный образ жизни мотивирует злость, страдание и обида, то в новелле у Кафки это именно страх.

Для героев Достоевского «подполье» было отрицательным полюсом их существования, полюсом, от которого они так же, как их создатель, страстно рвались к «живой жизни». Установка на преодоление препятствий, наличие надежды и обязательное духовное воскресение всех главных героев — то, что характеризует творчество русского писателя. В новелле-притче Кафки же близкий образ «Норы» становится лирически взволнованным символом мучительной безысходности человеческого существования. Абсолютная безнадежность, смирение перед обстоятельствами, объяснимое бессмысленностью борьбы с ними — такова характеристика героя в кафковском «подполье».

Все эти наблюдения позволяют сделать вывод, как полагает О. Н. Турышева, что мифологема «подполья» в реализации пражского писателя обретает совершенно новое наполнение. У Достоевского «подполье» — это символ самоизоляции извращенного духа, у Кафки это — самоизоляция несчастного существа, ограниченного зависимостью от пугающей действительности и невозможностью ей противостоять (см.: [16, с. 130]).

«“Подпольные герои” Достоевского активно используют зооморфную образность, наиболее выразительную, с их точки зрения, для иллюстрации того комплекса идей и чувств, которыми они одержимы» [16, с. 115]. Использование этой образности, с точки зрения О. Н. Турышевой, обусловлено отказом переживать мир в соответствии с заданными культурой представлениями и тем положением, в котором оказывается герой, противопоставляя себя миру обычных людей:

«Подпольный человек» Достоевского называет себя мышью, а также высказывает желание «сделаться насекомым», сетуя в то же время на то, что «даже и этого не сумел». Со злым и жестоким насекомым в свою очередь сравнивает себя и Митя Карамазов. Причем с образом насекомого герой Достоевского соотносит не только свою собственную природу, но и природу как силу, олицетворяющую мироздание и неотвратимые закономерности бытия.

Так в романе «Идиот» для Ипполита Терентьева природа — «темная, наглая и бессмысленно-вечная сила, которой все подчинено», — принимает вид «какого-то огромного и отвратительного тарантула», предназначенного «поглотить в себя» человека. Страх Ипполита перед лицом «этой бесконечной силы» находит свое выражение в кошмарном сне, который он пересказывает в самом начале «объяснительного слова». Здесь герой вынужден в ужасе спасаться от вторгшегося в его комнату «мерзкого чешуйчатого насекомого» «вроде скорпиона», от которого исходит очевидная угроза и в то же время ощущение роковой тайны, имеющей «личное» отношение к герою, умирающему от хохотки [16, с. 115–116].

Образ насекомого проходит через все творчество Достоевского. В поэтике его романов насекомое обычно рассматривается как символ нечестия, зла, извращения,

сладострастия. Такова роль Свидригайлова по отношению к Раскольникову. Такова же роль Смердякова в отношении Ивана Карамазова. Подобную смысловую нагрузку несет отчасти образ паука в «Записках из подполья» в эпизоде с Лизой: «Теперь же мне вдруг ярко представилась нелепая, отвратительная, как паук, идея разврата, который без любви, грубо и бесстыже, начинает прямо с того, чем настоящая любовь венчается» [6, т. 6, с. 289].

В «Записках из подполья» так же акцент надо сделать в первую очередь на высказывании героя, что он много раз хотел сделаться насекомым, а другими воспринимается как муха: «Это была мука-мученическая, непрерывное невыносимое унижение от мысли, переходившей в непрерывное и непосредственное ощущение того, что я муха, перед всем этим светом, гадкая, непотребная муха, — всех умнее, всех развитее, всех благороднее, это уж само собою, но непрерывно всем уступающая муха, всеми униженная и всеми оскорбленная» [6, т. 6, с. 383].

Рассказ Ф. Кафки «Превращение» — одно из самых известных и часто анализируемых произведений. В нем коммивояжер Грегор Замза, проснувшись однажды утром, обнаруживает, что превратился в страшное насекомое. Но он смиряется, воспринимает происшедшее как должное. Замза, уволенный из фирмы, оказался ненужным в семье, кормильцем которой был, он превратился в «паразита», уничтожение которого принесет лишь всем вздох облегчения [8, т. 1, с. 113].

Чувство отторжения происходящего, столь характерное для Кафки, присуще новелле в полной мере. Она пронизана глубокой тоской, и подлинный ее смысл намного глубже, чем простое описание необычного события. Метаморфозы отражают кризис личности. Сквозь индивидуальную катастрофу просвечивается губительность равнодушия. Образ человека-насекомого символизирует неприспособленность персонажа к жизни среди людей. От всей истории исходит тревожное, мучительно-необъяснимое чувство, вызывающее страх, жалость и протест.

Метафора превращения у Достоевского остается только метафорой, тогда как у Кафки она оказывается осуществленной в жизненной реальности.

Советский исследователь Б. Л. Сучков в статье о Кафке точно подметил, сопоставляя рассказ «Превращение» со сходным по содержанию эпизодом из романа «Идиот» — сном Ипполита, что насекомое, появляющееся у обоих авторов, несет у Достоевского лишь частичную, весьма ограниченную символическую функцию, в то время как у Кафки оно становится «материализацией его человеческого и общественного самоощущения» [15, с. 225].

О. Н. Турышева в упомянутой выше статье указывает на «многозначное содержание» мифологемы превращения у Кафки:

Во-первых, в ней актуализируется мысль об одиночестве человека, его униженности и ничтожестве перед лицом необходимости.

Во-вторых, в метафоре превращения более отчетливой становится тема освобождения от необходимости посредством преодоления человеческой природы. Превращение оказывается формой самоутверждения и самоидентификации, пусть и неосознанной.

В-третьих, метафора превращения связана с темой невозможности обретения цельности, темой неизбежной двойственности человеческой природы, переживающей конфликт между желаемым и необходимым, погруженной в состояние разлада между сознанием и бессознательным [16, с. 131].

Эти толкования приобретают особую значимость в результате рассмотрения метафоры Ф. Кафки по отношению к ее так называемому «мифологическому источнику», в качестве которого может быть представлен текст русского писателя [16].

Характерной чертой XX в., вобравшего в себя опыт тоталитаризма и механизации человеческого существования, стало осознание человеком себя лишь как ничтожной части громадной мировой машины. Свобода — одна из самых важных проблем человечества во все времена — все чаще начинает представляться тяжелой ответственностью и бременем для человека. Эта проблема становится главной в «Легенде о Великом Инквизиторе», вставной главы романа Достоевского «Братья Карамазовы», и в новелле Кафки «В исправительной колонии».

Очень точно характеризует русский религиозный философ Н. А. Бердяев Великого Инквизитора: «Где есть опека над людьми, кажущаяся забота о их счастье и довольстве, соединенная с презрением к людям, с неверием в их высшее происхождение и высшее предназначение, — там жив дух Великого Инквизитора. Где счастье предпочитается свободе, где временное ставится выше вечности, где человеколюбие восстает против боголюбия — там Великий Инквизитор. Где утверждают, что истина не нужна для счастья людей, где можно хорошо устроиться, не ведая смысла жизни, там — он» [1, с. 202].

«Люди по сути своей малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики, — говорит Инквизитор, обосновывая свою жестокость по отношению к инакомыслящим их собственным желанием подчиниться ей: ...ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы!» [6, т. 13, с. 343]. Добровольный отказ от личной свободы, тяжкое бремя выбора и вседозволенность — вот основные идеи, представленные Достоевским в этой притче.

У Достоевского Великий инквизитор хочет создать мир без Христа, мир, где люди превращены в самодовольное стадо и равнодушно смотрят на окружающую бесчеловечность. В кафковской притче место Великого инквизитора занимает старый комендант, образ которого ужасает и парализует жизнь колонии даже после его смерти, благодаря созданному им аппарату — изощренному орудию пыток, действию которого подвергаются все виновные без суда и следствия. Сама колония представляет собой замкнутую систему, из которой невозможно выбраться. В кафковской новелле абсурдный миф инквизитора становится воплотившейся явью, реальностью, которая вызывает у художника глубокий внутренний протест, но для борьбы с ней он не видит никаких доступных людям действенных средств.

Еще одна схожая мысль — уравнивать людей, лишив их отличительных черт, свидетельствующих о наличии воли, и характеризующих понятие «личность». Великий инквизитор говорит в своем монологе: «...побежит человечество как стадо, благородное и послушное» [6, т. 13, с. 224]. Так же и в кафковской притче: качество человека, делающие его личностью, незначительны, а «палач» и «жертва» в любой момент могут поменяться местами.

Конечно, подходы Достоевского и Кафки различаются. У Достоевского человек отрицает Бога и, как следствие, ставит на его место самого себя. Русский писатель исследует последствия человекобожества во всех тяжких его проявлениях. Однако он трагичен, но не безысходен.

У Кафки мы находим новый этап — отрицание уже самого человека. Человек отрицает самого себя. Это уже тупик и безысходность. Кафке открылся мир абсурда и ужаса, который выдавал себя за истинную норму бытия.

И все же было бы неверным представить Кафку только как художника, провозгласившего окончательную безысходность бытия и смирившегося с этим. Он хотел жить полноценной жизнью, жаждал любви, питал надежды: «Никогда не терять надежды. Тебе кажется уже, что твоим возможностям пришел конец, но вот появляются новые силы. Именно это и есть жизнь...» [4, с. 711]. Кафка, безусловно, имеет общие черты с Достоевским. Он моралист и обличитель, мастер гротеска и психолог-виртуоз. Главное же, как и русский писатель, Ф. Кафка был реалистом «в высшем смысле» [6, т. 27, с. 65], изображал глубины души человеческой, искал сокровенного смысла, скрытого за поверхностью бытия. Он также сумел отразить то, что почти всегда ускользало от реалистов, — подчиненность человека внутренним иррациональным силам, которые трудно преодолеть и с которыми опасно бороться.

С уверенностью можно сказать, что Кафка видел значительно дальше своего времени. Непостижимая загадочность в сочетании с поразительной и безыскусной простотой повествования — это то, что не позволяет Кафку причислить к какому-то определенному течению или направлению, — он всегда оказывается шире. Когда Томас Манн дал одну из книг Кафки Альберту Эйнштейну, последний вскоре вернул ее со словами: «Я не смог прочитать ее, ум человека недостаточно к этому готов» [4, с. 745].

Его настоящее лежит за пределами одномерного или плоского мира, но он слишком правдив и критичен: он боится собственного ясновидения, не доверяя и ему до конца. При всем том именно он угадал всё, что в пору, когда появлялись его книги, еще не мог уловить никто.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что Кафка, безусловно, испытал на себе влияние гениального русского писателя. Он часто использовал сюжетные ситуации и метафоры, выведенные русским писателем в своем творчестве. На философском уровне пражский писатель ставит вопросы, трактуемые в романах Достоевского. Один из них — вопрос свободы. С одной стороны, свобода — необходимое условие для человека, а с другой — бремя, от которого человек способен добровольно отказаться. В изобразительном плане пространство произведений Кафки часто соответствует интерьерам у Достоевского: подвал, чердак, кривые лестницы.

Ф. Кафка по-своему интерпретировал образы Достоевского, которые получили своеобразное развитие в его творчестве. Оба этих писателя оказались невероятно прозорливы: они смогли открыть и предвидеть то, что выступало далеко за пределы того времени, в которое жил каждый из них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. М.: АСТ, 2006. 35 с.
- 2 Беньямин В. Франц Кафка. М.: AdMargenium, 2000. 320 с.
- 3 Брод М. Франц Кафка. Узник абсолюта. М.: Центрполиграф, 2003. 253 с.
- 4 Гарин И. И. Век Джойса. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. 848 с.
- 5 Гольшева В. Франц Кафка «Превращение» // Иностранная литература. 1997. № 11. С. 214–239.
- 6 Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1996. Т. 15. 864 с.
- 7 Дудкин В. В., Азадовский К. М. Достоевский в Германии (1846–1921). URL: http://www.telenir.net/literaturovedenie/f_m_dostoevskii_novye_materialy_i_issledovaniya/p6.php#metkadoc2 (дата обращения: 11.03.2017).
- 8 Кафка Ф. Собр. соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1994.
- 9 Кафка Ф. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Амфора, 1999.

- 10 *Кафка Ф.* Дневники и письма. М.: Ди-Дик, 1995. 608 с.
- 11 *Мандель Б. Р.* Всемирная литература: XX век. Имена и книги вне пространства и времени. М.: Directmedia, 2014. 658 с.
- 12 *Руденко И.* Гольй среди одетых // Новое время. 1993. № 21.
- 13 *Рясов А.* Человек со слишком большой тенью URL: <http://www.kafka.ru/kritika/read/chelovek-so-slishkom-bolshoy-tenju/3> (дата обращения: 11.03.2017).
- 14 *Саррот Н.* От Достоевского к Кафке / пер Г. Ноткина // Неизвестный Кафка. СПб.: Академический проект, 2003. С. 333–252.
- 15 *Сучков Б. Л.* Кафка, его судьба и его творчество // Знамя. 1964. № 10. С. 212–268.
- 16 *Турьшьева О. Н.* Образ превращения в творчестве Ф. М. Достоевского и Ф. Кафки // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 28. С. 113–132.
- 17 *Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; ред. тома И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм.* М.: Наука, 1973. 952 с.
- 18 *Фридлиндер Г.* Достоевский и мировая литература. М.: Худож. лит., 1979. 423 с.
- 19 *Фридлиндер Г.* Достоевский и мировая литература. Л.: Сов. писатель, 1985. 456 с.
- 20 *Hesse H.* Schriften zur Literatur. Frankfurt am Main, 1972. Bd. 2.

© 2017. **Oxana A. Zapeka**
Moscow, Russia

© 2017. **Anastasia V. Egereva**
Moscow, Russia

KAFKA AND DOSTOEVSKY: DIALOGUE OF CULTURES

Abstract: Dostoevsky's works had a great influence on the cultural life of the West. The beginning of the “cult of Dostoevsky” emerged before the First world war, within the expressionist movement in Germany, already correlated the name of Dostoevsky with the sense of an impending crisis German and bourgeois culture. The motives of Dostoevsky found reflection in the works of the Prague writer F. Kafka, whose works received worldwide recognition after the Second World War. The hallmark of creativity Kafka is a tragic and pessimistic view of man as a victim of fate. His works are marked by a desire to express the inexpressible, to realize something impossible, to capture the elusive and to find the end of endless. Influenced by A. Camus, who drew Dostoevsky and Kafka together and tried in his “Myth of Sisyphus” to rely on their ideas to justify the existentialist “philosophy of the absurd”, a parallel between Kafka and Dostoyevsky became one of the favorite “common places” of modern idealist philosophy and literary criticism in the West. Only certain philosophical and symbolic motifs in work of Dostoyevsky were close to Kafka. The main themes of the novels and short stories by Kafka are — the theme of tragic loneliness and estrangement in the modern world, people not noticing the absurdity of their everyday existence, domination of blind and dark forces of evil and destruction lurking in the shadow of the routine; in external world surrounding man as in the depths of his soul. One of the common themes in the

works of Dostoevsky and Kafka is the theme of the “underground” and “underground man” as well.

Keywords: F. M. Dostoyevsky, F. Kafka, world culture, fear, suffering, loneliness, “underground man”, freedom.

Information about the authors:

Oxana A. Zapeka — PhD in Philosophy, Associate Professor, A. N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Institute of Slavic Culture, Khibinskiy pr., 6, 129337 Moscow, Russia. E-mail: zana5@yandex.ru

Anastasia V. Egereva — Graduate, Institute of Slavonic Culture, The State Academy of Slavic Culture, Khibinskiy pr., 6, 129337 Moscow, Russia. E-mail: egereva-anastasia@yandex.ru

Received: April 12, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Berdiaev N. A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Philosophy of Dostoevsky]. Moscow, AST Publ., 2006. 35 p. (In Russian)
- 2 Ben'iamin V. *Frants Kafka* [Franz Kafka]. Moscow, Ad Margenium Publ., 2000. 320 p. (In Russian)
- 3 Brod M. *Frants Kafka. Uznik absoliuta* [Franz Kafka. Prisoner of the absolute]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2003. 253 p. (In Russian)
- 4 Garin I. I. *Vek Dzhoisa* [The Age of Joyce]. Moscow, TERRA-Knizhnyi klub Publ., 2002. 848 p. (In Russian)
- 5 Golysheva V. *Frants Kafka “Prevrashchenie”* [Franz Kafka's “The metamorphosis”]. *Inostrannaia literatura*, 1997, no 11, pp. 214–239. (In Russian)
- 6 Dostoevskii F. M. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected works: in 15 vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. Vol. 15. 864 p. (In Russian)
- 7 Dudkin V. V., Azadovskii K. M. *Dostoevskii v Germanii (1846–1921)* [Dostoevsky in Germany (1846–1921)]. Available at: http://www.telenir.net/literaturovedenie/f_m_dostoevskii_novye_materialy_i_issledovaniya/p6.php#metkadoc2 (accessed 11 March 2017). (In Russian)
- 8 Kafka F. *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1994. (In Russian)
- 9 Kafka F. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. St. Petersburg, Amfora Publ., 1999. (In Russian)
- 10 Kafka F. *Dnevnik i pis'ma* [Diaries and letters]. Moscow, Di-Dik Publ., 1995. 608 p. (In Russian)
- 11 Mandel' B. R. *Vsemirnaia literatura: XX vek. Imena i knigi vne prostranstva i vremeni* [World literature: the XX century. Names and books outside of space and time]. Moscow, Directmedia Publ., 2014. 658 p. (In Russian)
- 12 Rudenko I. *Golyi sredi odetykh* [Naked among clothed]. *Novoe vremia*, 1993, no 21.
- 13 Riasov A. *Chelovek so slishkom bol'shoi ten'iu* [A man with a too long shadow]. Available at: <http://www.kafka.ru/kritika/read/chelovek-so-slishkom-bolshoy-tenju/3> (accessed 11 March 2017). (In Russian)
- 14 Sarrot H. *Ot Dostoevskogo k Kafke* [From Dostoevsky to Kafka], translated by G. Notkina. *Neizvestnyi Kafka* [Unknown to Kafka]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2003, pp. 333–252. (In Russian)

- 15 Suchkov B. L. Kafka, ego sud'ba i ego tvorchestvo [Kafka, his life and his art]. *Znamia*, 1964, no 10 , pp. 212–268. (In Russian)
- 16 Turysheva O. N. Obraz prevrashcheniia v tvorchestve F. M. Dostoevskogo i F. Kafki [Representations of metamorphosis in the works of F. M. Dostoevsky and F. Kafka]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2003, no 28, pp. 113–132. (In Russian)
- 17 *F.M. Dostoevskii: Novye materialy i issledovaniia* [F.M. Dostoevsky: new materials and research], AN SSSR. In-t mirovoi lit. im. A. M. Gor'kogo; red. toma I. S. Zil'bershtein i L. M. Rozenblium. Moscow, Nauka Publ., 1973. 952 p. (In Russian)
- 18 Fridlender G. *Dostoevskii i mirovaia literature* [Dostoevsky and world literature]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1979. 423 p. (In Russian)
- 19 Fridlender G. *Dostoevskii i mirovaia literature* [Dostoevsky and world literature]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1985. 456 p. (In Russian)
- 20 Hesse H. *Schriften zur Literatur* [Writings on literature]. Frankfurt am Main, 1972. Bd. 2. (In German)

This is an open access article distributed under the
Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. Р. В. Шиженский
г. Нижний Новгород, Россия

© 2017 г. Е. С. Суroveгина
г. Нижний Новгород, Россия

РУССКО–ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫЧЕСКИЙ ПРОЕКТ КОНЦА 90-Х XX В.: ОТ ИДЕИ К ПОСЛЕДСТВИЯМ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Комплексное историко-религиоведческое изучение феномена русского неоязычества» (проект № 15-31-01247)

Аннотация: Несмотря на весьма солидный возраст современного русского язычества, в соответствии с хронологической историей российских НРД (новых религиозных движений), вопросы, связанные с генезисом международных контактов политеистов XX в., вызванным эксцессивностью лидеров групп, весьма слабо освещены в религиоведческом научном сообществе. В статье рассматриваются особенности русско-литовских «языческих связей» конца 90-х гг. прошлого столетия. Результаты выхода идеологов российских «Союза Славянских Общин» и общины «Коляда» на европейскую раган-площадку нашли отражение в разработке положений «Европейского Природного Религиозного Объединения», европейском языческом признании обрядовой практики формирующегося русского жреческо-волховского «сословия»; разработке одной из первых в России моделей русской языческой нравственности и введением в понятийный аппарат «родноверия» — ключевого понятия конструируемой языческой терминологии.

Ключевые слова: современное русское язычество, дарна, Европейское Природное Религиозное Объединение, Всемирный конгресс языческих религий, родноверие, волхвы, обряд, «Ромува», международное сотрудничество.

Информация об авторах:

Роман Витальевич Шиженский — кандидат исторических наук, доцент, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, ул. Д. Ульянова, д. 1, 603005 г. Нижний Новгород, Россия. E-mail: heit@inbox.ru
Екатерина Сергеевна Суroveгина — магистрант, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, ул. Д. Ульянова, д. 1, 603005 г. Нижний Новгород, Россия. E-mail: ekaterina.surovegina@mail.ru

Дата поступления статьи: 28.02.2017

Дата публикации: 15.09.2017

Феномен современного русского язычества привлекает внимание исследователей целым спектром проблем, лежащих в плоскости большинства дисциплин гу-

манитарного цикла: от политологии и культурологии до, собственно, религиоведения [1; 10; 21]. Историография данного направления НРД включает изучение политико-идеологических установок русских политеистов XX–XXI вв., терминологии вопроса и типологизации существующих направлений [9; 21; 24]. В последнее время появились монографические исследования, направленные на комплексное изучение феномена современного язычества в мировом масштабе, масштабе «содружества» дисциплин [22; 25; 28].

Вместе с тем должное внимание не уделяется рассмотрению и последующему анализу пассионарной составляющей данного нового религиозного движения. Последняя, кроме прочих вариаций (к примеру, религиозных путешествий), проявляется как во внутривосточных, так и в международных контактах лидеров языческих групп. Следует отметить, что изучение социальной мобильности русских политеистов в первую очередь интересно «путешествием идей». Зачастую именно заимствования, взаимовлияния в идеологических, интеллектуальных и мифологических областях вносят значительные изменения в мировоззренческую картину мира отечественных младоязычников конца XX – начала XXI вв. В данной связи значительный исследовательский интерес представляет генезис подобных контактов, в частности, международное сотрудничество ряда русских языческих организаций с литовскими коллегами из «Ромувы» (языческая организация Литвы, существует с 1960-х гг.)¹ в 90-е гг. XX в.

Прежде всего отметим, что представители российского научного сообщества, интересующиеся «современным неоязычеством», обратили внимание на факт развития международных связей лидеров русских общин. Знаковым мероприятием, одновременно выступающим и в качестве отправной точки контактов, и в определенном смысле в качестве их кульминации, признается первый Всемирный конгресс этнических религий 1998 г. (г. Вильнюс, Литва). В числе делегатов от славянских стран, в работах российских специалистов, фигурируют фамилии Казакова и Сперанского [20, с. 237–238]. Первый — на тот момент председатель «Союза Славянских Общин», второй — представлял общество «Вятичи» и общину «Коляда». Более того, исследовательница С. И. Рыжакова выдвинула предположение, согласно которому результат интенсивных контактов литовских и русских «традиционалистов» в течение четырех лет (с 1996 по 2000 г.) не должен был ограничиться рамками взаимных публикаций и предполагал «освоение в России литовских религиозных концепций, выдвигаемых и поддерживаемых участниками Ромувы» [13, с. 4]. Учитывая важность событийной хронологии в поисках точки переходов мировоззренческих элементов, восстановим историю русско-литовских языческих связей, опираясь на первоисточник — непосредственные данные заинтересованных сторон.

В 1998 г. Н. Н. Сперанский (волхв Велимир) выпускает брошюру «Международные отношения общества “Вятичи”», в которой описывает свою поездку в Литву.

¹ Формирование и развитие литовского языческого объединения связано с именем Йонаса Тринкунаса (1939–2014) — активного участника литовского этнического движения с 1967 г. В октябре 2002 г. Тринкунас был избран верховным жрецом (Криве-Кривайтис). Йонас являлся обладателем премии Басанавичюса, вручаемой за заслуги в сохранении национальной культуры. Кроме того, 6 июля 2013 г. Тринкунас получил орден великого князя Гедиминаса — гражданской награды Литвы. Международная деятельность литовских язычников начинается с 1994 г., когда европейские приверженцы доавраамической религиозности решили начать работу по объединению. В городе Каменце (Польша) на должность куратора (spokesman) Восточной Европы был выбран Тринкунас. Функционал куратора включал информационную составляющую, работу, направленную на возрождение языческой традиции и налаживание связей между объединениями разных стран.

Позднее, в связи с важностью состоявшегося мероприятия [4, с. 381] и минимальным тиражом брошюры (10 экземпляров), экспедиционный отчет «Вятичей» был продублирован в двух монографических работах Велимира — «Русском язычестве и шаманизме» (2006) и «Книге природной веры» (2009). По данным отчета (материал изложен лидером общины в виде дневника-ежедневника), первое знакомство русских нативистов с традицией литовской «Ромувы» состоялось в августе 1997 г., когда представитель Ромувы в Москве Лаймутис Васильянович привез Сперанского, Казакова и Васильева в Литву. Кульминация путешествия связана с принятием с 14 на 15 августа Ушпалайского договора «о балто-славянском сотрудничестве и согласии в области традиционной культуры и веры» [4, с. 381] (рисунок 1).

Инициатором создания Европейского Природного Религиозного Объединения (ЕПРО) выступил Йонас Тринкунас. Направления деятельности создаваемой организации: 1) религиозно-благотворительная; 2) организационно-информационная; 3) научная и культурная; 4) психосоциальная и экологическая (экология Природы и человеческой души) [3, с. 534]. Как отмечает Н. Н. Сперанский, балто-славянский языческий союз так и остался проектом в силу двух причин: «Первая состоит в том, что восточные славяне бедны и не имеют средств для развития международных контактов и проектов. Вторая причина состоит в том, что через некоторое время инициатор проекта ЕПРО — литовская сторона — решили развивать не просто Европейские, а международные отношения, иначе говоря, вместо ЕПРО — создать движение в более крупном, международном масштабе» [4, с. 382]. Таким образом, одним из результатов поездки лидеров двух активно развивающихся языческих объединений центральной России в 1997 г. в Литву стала попытка создания балто-славянского, шире — европейского религиозного объединения. Несмотря на неудачу, наработки сторон были реализованы в 1998 г. С 20 по 24 июня в Вильнюс съехались представители европейских «этнических религий» (присутствовали языческие лидеры Норвегии, Бельгии, Латвии, Франции, Дании, Германии, России, Белоруссии, Украины, Греции, Польши, Швеции, Литвы, Чехии), делегаты из США и Индии. Важнейшим итогом съезда стало учреждение «Мирового Конгресса Этнических Религий» (World Congress of Ethnic Religions — WCER). Декларация содержала следующие положения: «В каждом краю и у всех народов есть свои отличительные местные традиции (исконная вера, мировоззрение, мифология, фольклор и т. д.), которые выражают их любовь к своей родине и истории и развивают уважение к неприкосновенности жизни и божественности Природы. <...> Языческие веры в прошлом много пострадали со стороны религий, утверждающих, что только они обладают единой истиной, с их стороны испытали много обид и даже уничтожение. <...> Мы являемся поклонниками Природы так же, как ими было почти все человечество большую часть своей истории. <...> Мы создали Всемирный конгресс языческих религий (World Congress of Ethnic Religions — WCER) с целью помочь всем группам языческих религий уцелеть и сотрудничать между собой...» [3, pp. 194–195]. Председателем конгресса был выбран Йонас Тринкунас. На X конгрессе, проходившем в Италии (25–29 августа 2010 г., Болонья), участниками было пересмотрено название организации. С этого момента конгресс называется «Европейский конгресс этнических религий» (World Congress of Ethnic Religions — ECER). На сегодняшний день проведено семнадцать конгрессов, причем литовское нативистское сообщество выступает доминантой в организационном плане, проведя семь международных встреч.

Кроме трансформации «ЕПРО» в «WCER», поездка 1997 г. в Ушпалай знаменательна еще двумя событиями. Во-первых, председатель «Союза Славянских Общин»

В. С. Казаков, активно участвовавший в создании «Европейского Природного Религиозного Объединения», в частности предложивший девиз организаций «Единство в многообразии», провел среди собравшихся языческий обряд (зачин праздника «Спожинки») и был посвящен в литовские жрецы (рисунок 2).

«Август 1997 года, г. Ужпалай. Летний лагерь Ромувы. По просьбе Йонаса все делегаты показывали свои какие-то обряды, кто в чем силен. Например, Тодор Кашкуревич сыграл на дудке. Эдда из Австрии провела какие-то магические обряды (я не видел). Я построил литовцев и всех желающих на зачин по нашему обычаю, взял в помощники Максима Васильева, вместе провели обряд славления к Спожинкам². <...> Литовцы встали в полуколо, и начался обряд. За ним игрища. Всем очень понравилось. Затем Йонас обратился к своим соратникам по-литовски, все согласно закивали головами. Он вышел и протянул мне перстень. Сказал: “Ты настоящий жрец. А это знак “ромувиса”, всего таких 20, у тебя будет 21-й. Ты можешь проводить обряды у литовцев” (я потом нарекал в Калуге детей Лаймутиса Василевичюса). Кроме того, меня еще одарили серебряной секирой Перкунаса. Копией секиры из Кернаве»³ (рисунок 3, 4).

Вербальная часть обряда «Спожинки» состояла из «славлений» «Прославление великого Триглава», «Щедры Велеса» — глав знаменитой фальсификации XX столетия «Велесовой книги»⁴, массово разрекламированной и изданной в 90-е гг. XX в. А. И. Асовым (Барашковым). Соответственно, история обрядового сценария «зачина», согласно версии религиозного лидера содружества общин «Велесов круг» Богумила (Б. А. Гасанова), выглядела следующим образом: «Зачин сложился в 1994 году <...> Мы, обнинцы, при знакомстве, проводили у них [община Казакова] первые обряды, поставили первую капь [капище], они смотрели и запоминали»⁵. Таким образом, пример инициации Казакова, пассионарность лидера «Союза Славянских Общин», проявившаяся в активной работе над международной языческой организацией, наконец, использование оформленных элементов ритуальности и священных текстов позволяет говорить о том, что уже к 1997 г. — выходу российского «младоязычества» на европейскую политеистическую площадку — русское языческое сообщество располагало собственной группой «религиозных виртуозов» (по Веберу). Еще раз стоит подчеркнуть, что представленная в Ужпалайе «виртуозность» новой жреческо-волховской группы охватила и религиозное действо, и вербальное наполнение обрядовой практики.

Во-вторых, несмотря на комплекс причин, не позволивших сложиться русско-литовскому языческому союзу, именно после 1997 г. в терминологический и мировоззренческий багаж одного из делегатов конгресса Н. Н. Сперанского (волхва Велимира) входит дефиниция «дарна» (darna). Рассматривая историю данного термина в отдельных работах [17, с. 171–174; 19, с. 75–92], ограничимся лишь раскрытием смыслового значения понятия «darna». Согласно Йонасу Тринкунасу, создавшему дефиницию

² Праздник «Спожинки» завершает череду летних праздников современных русских язычников. Проводится в конце августа и приурочен к окончанию жатвы. Праздник посвящен богу Велесу — ответственному за урожай. Во время обряда «языческий клир» (жрецы и волхвы) освящают обереги. Участники обряда поют песни, приносят жертвы (требы), плетут «житную бороду» Велеса.

³ Интернет-переписка Р. В. Шиженского с В. С. Казаковым от 24.01.2017. Из личного архива автора.

⁴ В настоящее время в России одним из активнейших популяризаторов «Велесовой книги» является член Академии ДНК-генеалогии Георгий Максименко (Славер). На 2017 г. Максименко подготовлено пятое издание авторского перевода «Велесовой книги».

⁵ Интернет-переписка Р. В. Шиженского с Б. А. Гасановым от 29.01.2017. Из личного архива автора.

в 80-е гг. XX в., «Дарна понималась как “гармония”, но в традиции Ромувы она получила религиозное значение»⁶. Дарна, безусловно, национально ориентируемый религиозно-этический продукт с фиксируемой точкой расцвета (эпоха правления князя Гедиминаса) и комплексом характерных артефактов. К числу последних относятся: пантеистический взгляд на мир; наличие двух системообразующих полюсов и восприятия, и отражения окружающей действительности — социоэкономического и биоэкономического; признание равновесия в качестве важнейшего базиса мировоззрения.

Материалы личных записей главы «Коляды Вятчей» позволяют определить точную дату первого знакомства русского язычника с религиозной гармонией. Сперанский услышал о дарне 12 августа, во время лекции этнолога и биоэнергетика, члена «Ромувы» Вацловаса Микайлениса [4, с. 360, 363–364]. Однако предположим, что более детальное знакомство с литовской дарной у Велимира произошло в результате общения с ее создателем — Йонасом Тринкунасом. С ним представитель отечественной «традиции» не только встретился в 1997 г. и во время упоминавшегося WCER 1998 г., но и общался «вживую», останавливаясь у Тринкунаса в эти годы⁷. Позже некоторое время Сперанский состоял в переписке с Тринкунасом⁸. Дальнейший «жизненный путь» гармонии связан с фактической русификацией дарны и возведением последней в ранг важнейшего элемента проекции языческой нравственности волхва Велимира. Следует отметить тот факт, что, несмотря на присутствие в «литовских путешествиях» других представителей российского язычества, дарна как мировоззренческий принцип, как религиозный термин не получает освещения в нарративах последних. О причинах отказа (?) «родноверческого» актива от использования дефиниции можно размышлять до бесконечности, однако для нас наиболее важной является определенная, пусть и непрогнозируемая, неосознанная «монополизация» дарны Велимиром. Возвращаясь к предположению С. И. Рыжаковой о возможном влиянии литовской концепции на мировоззренческий выбор язычников России, констатируем результативную половинчатость. С одной стороны, автор и пропагандист русской дарны — «лада» (синонимичность терминов подтверждал лидер Ромувы), Н. Н. Сперанский, за четырнадцатилетний срок сумел изложить свои представления о социоприродной гармонии более чем в семи изданиях. Причем некоторые работы носят коллективный характер. Из этого следует, что определенный процент современных «религиозных автохтонов» разделяет разрабатываемую и предлагаемую Велимиром языческую философию. В пользу заявленного тезиса нагляднее всего говорит присутствие дарны в коллективных документах. Так, пять общинников «Коляды Вятчей», уведомляя московский комитет по религиозным вопросам о существовании своей религиозной группы, осенью 1998 г. отправили в государственную организацию формулу веры. Из восьми пунктов программы

⁶ Интернет-переписка Р. В. Шиженского с Й. Тринкунасом от 07.11.2012. Из личного архива автора.

⁷ Интернет-переписка Р. В. Шиженского с Н. Н. Сперанским от 30.01.2013. Из личного архива автора.

⁸ На вопрос: «Йонас, саму идею о дарне подсказали Велимиру Вы? Когда это было?» автор получил следующий ответ: «Да, это было давно, более десяти лет, когда мы общались. Вскоре я получил его книгу о Дарне» — интернет-переписка Р. В. Шиженского с Й. Тринкунасом от 07.11.2012. Из личного архива автора. Несмотря на невозможность постоянных поездок Н. Н. Сперанского к литовским единомышленникам, связь с прибалтийскими язычниками поддерживали как непосредственно члены «Коляды Вятчей», так и представители союзных общин, входивших в КЯТ. Так, в ходе VI конгресса этнических религий Православ — депутат от общины «Славия» — передал Тринкунасу книгу Велимира «Дарна, или учение о жизни в природе». Подробнее см.: [18; 26, р. 4].

три содержали упоминание дарны, признаваемой язычниками аскезой и одной из главных составляющих религиозного учения [15]. Позднее идея дарны Сперанского фиксируется в «Манифесте Языческой Традиции» — основном документе КЯТ, что говорит уже о признании «лада» за пределами общины, выходе религиозной гармонии на уровень международного движения [5, с. 10]. В общинной газете «Коляды Вятчей» № 52, 2012 г., дарна «играет новыми красками», становится необходимым атрибутом самосовершенствования современного служителя культа — жреца, а также целью последователей «Бодры» — одной из составляющих славянской системы оздоровления [7]. С другой стороны, проектом массовым и общепризнанным, со статусом языческой мейнстрим-философии, дарна за более чем десятилетний срок так и не стала. Возможно, рассуждения Велимира об отечественном pagan-движении 1990-х вполне достаточны для объяснения причины спокойствия — «реакции штиля» русских нативистов по отношению к предлагаемому «ладу»: «Я должен сказать, что, как таковые, духовные идеи российских язычников в девяностых годах особенно не волновали. Ценным было собрать побольше людей и формально объединить их в единую религиозную организацию. Как таковая, языческая духовность тогда еще и не осмыслялась как что-то, нужное людям и востребованное языческим религиозным институтом. <...> Религиозная духовность подменялась радостью общения, шитьем рубах, созданием капищ и изучением этнографии»⁹. Вместе с тем из доказательной базы слабой популярности дарны нельзя исключить и одну из главных проблем «родноверия» конца XX – начала XXI вв. — русский языческий вождизм с комплексом присущих данному феномену слабостей в виде создания своего неповторимого истинного и, самое главное, этнически исконного учения с набором соответствующей авторской литературы (получающей в общине статус священных текстов), авторской символики, авторского оформления предполагаемых мест силы и т. д., и т. п. «Перетягивание рубах» руководителями движений естественным образом сказалось на внешнем оформлении общин, превратив их в диаспоральные кружки по интересам, объединяющие «своих среди чужих и чужих среди своих»¹⁰. Учитывая слабую заинтересованность язычников 1990-х в сакральной составляющей пропагандируемого учения и последствия господствующей вплоть до настоящего времени идеи вождизма, избранничества, можно объяснить успех и неуспех дарны в современном нативистском пространстве Российской Федерации.

Как было отмечено выше, с 20 по 24 июня 1998 г. в Вильнюсе проходил первый конгресс «WCER» [16, с. 6; 23, с. 7–8]. Кроме самого факта документального оформления мирового сообщества этнических религий, организация данного мероприятия интересна и состоявшейся фиксацией нового термина, характеризующего современное русское язычество. В докладе «Славянское мировоззрение в России в 90-х гг. XX в.» В. С. Казаков наряду с понятием «славянство» привел словосочетание «родная вера». В настоящее время русские приверженцы доавраамической религиозности практически единодушно считают «родную веру» = «родноверие» «своей» дефиницией, противопоставляя данное понятие неприемлемым «неоязычеству», язычеству и др.: «Не путайте Язычество и Русскую Народную Веру. Русский Человек, обращающийся к Богу Солнца,

⁹ Интернет-переписка Р. В. Шиженского с Н. Н. Сперанским от 30.12.2012. Из личного архива автора.

¹⁰ Русская языческая религиозность рассматриваемого хронологического периода вполне укладывается в рамки определения полисной религии, предложенной Р. Ф. Итсом. Исследователь дает следующую оценку данному явлению раннеклассового общества: «Люди в своих верованиях обособливались, как пчелы в ячейках сот, отгораживаясь друг от друга стеной неприятия чужих богов и духов, чужих обрядов и обычаев, чужого языка и культуры» [8, с. 203].

к египетскому Атому, — Язычник. Русский Человек, обращающийся к Яриле, Русскому Богу Солнца, — последователь Русской Народной Веры» [9, с. 29]. Вместе с тем термин «родноверие» и производное от него самоназвание части современных язычников «родноверы» имеет весьма неоднозначную историю происхождения. Согласно точке зрения Г. С. Лозко (волхвини Зореславы), руководителя «ОРУ», дефиниция «родноверие» является лишь абстракцией, научной формой термина «родная вера». Впервые понятие «ридна вира» использовал в своих религиозных исканиях основоположник современного украинского язычества В. Шаян в начале прошлого столетия. Практически в то же время «родная вера» — «родзимавяра» — стараниями Я. Стахнюка входит и в польский «языческий лексикон»¹¹. Следует отметить, что на страницах интернет-форумов встречается версия польского происхождения данного термина — «Родзима Вяра» (Rodzima Wiara), появление которого связывается с XIX столетием [14]. Кроме того, один из участников дискуссии считает, что русский вариант понятия — «родноверие» — появился в России в результате посредничества украинских язычников. Польская «Rodzima Wiara» — украинская «Ридна Вира» — российское «Родноверие». Иную версию происхождения термина предлагает волхв рязанской языческой общины «Троесвет», волхв содружества общин «Велесов круг» Богумил (Б. А. Гасанов). Он считает, что начало родноверию было положено в 1997 г. во время создания Союза Славянских Общин. Благодаря активной позиции Богумила в название была добавлена еще одна часть — Славянской Родной Веры. Как отмечает духовный глава «Троесвета», данный шаг был сделан для конкретизации этнической и религиозной составляющей будущего союза. Однако Б.А. Гасанов признает, что при создании термина ориентировался на польскую традицию (рисунок 5).

Трансформация «родной веры» в дефиницию «родноверие», по мнению Богумила, произошла на рубеже миллениума. Ввел термин в современную русскую языческую среду волхв общины «Родолюбие», волхв содружества общин «Велесов круг» Велеслав (И. Г. Черкасов) [8]. В настоящее время термин «родноверие» активно распространяется и в исследовательской среде [6; 18; 2, с. 405].

Финальным событием, причины которого следует искать в создании и последующем функционировании «WCER», следует признать открытие еще одной этноориентированной языческой организации «Родового Славянского Веча» («РСВ»). Первое собрание членов «РСВ» состоялось в г. Киеве в 2003 г., последнее, VIII вече, — в Санкт-Петербурге в 2011 г. Как отмечает один из лидеров «РСВ» Буян (П. В. Тулаев), «РСВ» возникло как альтернатива и дополнение Всемирному Конгрессу Этнических Религий (WCER), в основе которого лежит юридический принцип равенства народов. Мы исходим из родовой логики»¹².

Таким образом, русско-литовские контакты, международные проекты язычников 90-х гг. прошлого века, имели ряд «видимых» последствий, как минимум, для русской стороны. Причем итоги данного сотрудничества, наблюдаемые и в настоящей версии отечественного политеизма, затронули и организационные, и сакральные стороны мировоззренческого феномена. К важнейшим из них следует отнести: во-первых, выход русских «младоязычников» на европейскую «религиозную сцену» и лидирующее положение в разработке положений «Европейского Природного Религиозного Объединения»; во-вторых, европейское языческое признание обрядовой практики форми-

¹¹ Интернет-интервью Р. В. Шиженского с Г. С. Лозко от 05.10.2010. Из личного архива автора.

¹² Расшифровка аудиозаписи интервью Б. А. Гасанова (Богумила) Р. В. Шиженскому. г. Рязань 13.08.2011. Из личного архива автора. С. 3.

рующегося русского жреческо-волховского «сословия»; в-третьих, исходя из второго положения, на момент литовской презентации обрядового багажа лидеры современного нативизма уже вели активные разработки теоретических и практических основ конструируемой религиозности; в-четвертых, знакомство с литовской языческой традицией и переосмысление последней с учетом особенностей авторского мировоззрения позволило разработать одну из первых в России моделей русской языческой нравственности; в-пятых, на литовском конгрессе был обнародован термин «родная вера» (в последующем — «родноверие»), ставший признанной дефиницией русского языческого сообщества России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Агальцов А. Н.* Российское неоязычество как религиозно-нравственный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2010. 133 с.
- 2 *Бессонов И. А.* Календарные праздники современных экопоселений (на материале субкультуры «анастасиевцев») // Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период: сб. науч. ст. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2011. Вып. 14. С. 396–406.
- 3 *Влх. Велимир.* Книга природной веры. М.: Велигор, 2009. 592 с.
- 4 *Влх. Велимир.* Русское язычество и шаманизм. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2006. 608 с.
- 5 *Гаврилов Д. А., Брутальский Н. П., Авдонина Д. Д., Сперанский Н. Н.* Манифест языческой Традиции. М.: Ладога-100, 2007. 40 с.
- 6 *Гайдуков А.* Славянское новое язычество в России: опыт религиоведческого исследования // *Religiopolis*. Центр религиоведческих исследований. URL: <http://www.religiopolis.org/religiovedenie/5730-rodnoverie.html> (дата обращения: 20.02.2017).
- 7 *Дерево Жизни.* Газета этнического возрождения. Б. м., 2012. № 52.
- 8 *Итс Р.* Шепот Земли и молчание Неба. Этнографические этюды о традиционных народных верованиях. М.: Политиздат, 1990. 318 с.
- 9 *Кавыкин О. И.* «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России. М.: Изд-во Ин-т Африки РАН, 2007. 232 с.
- 10 *Основы Русской Народной Веры.* М.: Белые альвы, 2016. 256 с.
- 11 *Петкова С. М.* Неоязычество в современной европейской культуре (на примере расовых теорий). Ростов н/Д: Изд-во РГУПС, 2009. 106 с.
- 12 *Православ. Шестой Мировой Конгресс Этнических Религий* // *Дерево Жизни.* Газета этнического сопротивления. Троицк: Тровант, б.г.
- 13 *Реальные достижения и проблемы развития родной веры в славянских странах* // *Слава!* Вестник Родового Славянского Веча. М.: Атений. С. 3.
- 14 *Рыжакова С. И.* Ромува. Этническая религиозность в Литве // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии.* М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2000. № 136. С. 4.
- 15 *Славянское Родноверие* // *Тонкий Мир.* URL: <http://tonkiimir.ru/topic1853-60.html> (дата обращения: 01.12.2016).
- 16 *Сперанский Н.* (Велимир). История и вера «Коляды Вятичей» // *Информационный Портал Языческой Традиции.* URL: <http://www.triglav.ru/forum/index.php?showtopic=236> (дата обращения: 30.12.2016).

- 17 *Тринкунас Й.* Всемирный конгресс этнических религий в Вильнюсе // Наследие предков. № 6. С. 6.
- 18 *Шиженский Р. В.* Darna как религиозная категория современных литовских язычников // Вестник бурятского государственного университета. 2013. № 6. С. 171–174.
- 19 *Шиженский Р. В.* Интервью с членом общества религиоведов Финляндии Карариной Айтамурто // Новостная лента. Исследовательская лаборатория «НРД в современной России и странах Европы». URL: <http://nrdlab.ru/posts/1006557> (дата обращения: 20.02.2017).
- 20 *Шиженский Р. В.* Почвенник от язычества: мировоззренческие дискурсы волхва Велимира (Н. Н. Сперанского). Н. Новгород: Тип. Поволжье, 2015. 216 с.
- 21 *Шнирельман В. А.* Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: ББИ, 2012. С. 237–238.
- 22 Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования. Монография / под ред. Р. В. Шиженского. Н. Новгород: Изд-во Мининского ун-та; Тип. Поволжье, 2016. 264 с.
- 23 *Ярцев А. Б.* Антропологические аспекты политических и социальных учений в современном неоязычестве в России. М.: МАКС Пресс, 2009. 27 с.
- 24 *Aitamurto K.* Paganism, Traditionalism, Nationalism: Narratives of Russian Rodnoverie. Helsinki: University of Helsinki, 2016. 232 p.
- 25 Cosmopolitanism, Nationalism, and Modern Paganism / Ed. by Rountree, Kathryn. New York: Palgrave Macmillan US, 2017. 276 p.
- 26 *Vasilev M. S.* Our experience of religious building // The Oaks. The official publication of World Congress of Ethnic Religions. Vilnius. 2001. № 3. P. 4.
- 27 *Кравчук І.* Світовий конгрес етнічних релігій // Сварог. Київ, 1998. Вип. 8. С. 7–8.
- 28 Modern Pagan and Native Faith Movements in Central and Eastern Europe / Ed. by K. Aitamurto and S. Simpson. — Porthcawl, UK: Acumen Publishing, 2013. 358 p.
- 29 *Trinkunas J.* Of gods & holidays: the Baltic heritage. Vilnius: Tverrne, 1999. 216 p.

© 2017. Roman V. Shizhenskiy
Nizhny Novgorod, Russia

© 2017. Ekaterina S. Surovegina
Nizhny Novgorod, Russia

RUSSIAN-LITHUANIAN PAGAN PROJECT OF THE LATE XX CENTURY: FROM IDEA TO IMPLICATIONS

Acknowledgements: The article is prepared with financial support of RFH under research project “Comprehensive historic-religious study of Russian neopaganism’s phenomenon” (№ 15-31-01247).

Abstract: Despite a very extensive lifespan of modern Russian paganism, according to the chronological history of the Russian NRM (New Religious Movements), issues related to the genesis of international contacts of polytheists of the XX century, caused by the excessive behavior of the group leaders, are really underreported

in theological scientific community. The article discusses the features of Russian-Lithuanian “pagan connections” of 90s of the last century. Results of making it by ideologists of Russian “Slavic Union of Communities” and communities “Kolyada” to the European pagan platform translated into the formulation of provisions' of the European Natural religious associations, recognition by European paganism of the ritual practices of the emerging Russian priestly class of sorcerers, the development of one of the first Russian models Russian pagan morality and the introduction of the conceptual apparatus “Rodnoverie” — the key concept of pagan terminology under construction.

Keywords: contemporary Russian paganism, Darna, European Natural Religious Association, World Congress of Ethnic Religions, Rodnoverie (Native faith), magicians, rite, “Romuva” international cooperation.

Information about the authors:

Roman V. Shizhenskiy — PhD in History, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Ulyanov St., 1, 117136 603005, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: heit@inbox.ru

Ekaterina S. Surovegina — Master in History, Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Ulyanov St., 1, 117136 603005, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: ekaterina.surovegina@mail.ru

Received: February 28, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Agal'tsov A. N. *Rossiiskoe neoiazychestvo kak religiozno-nravstvennyi fenomen* [Russian neo-paganism as a religious and moral phenomenon]. Abstract of dissertation candidate of Philosophy. Tula, 2010. 133 p. (In Russian)
- 2 Bessonov I. A. *Kalendarnye prazdniki sovremennykh ekoposelenii (na material subkul'tury “anastasievtssev”)* [Calendar holidays of the modern ecovillages (as exemplified by the subculture of “anastasievtsy”)]. *Kompleksnye issledovaniia traditsionnoi kul'tury v postsovetskii period: sbornik nauchnykh statei* [Complex study of traditional culture in the post-Soviet period: Sat. scientific. Art.]. Moscow, Gosudarstvenny i respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, Publ., 2011, vol. 14, p. 396–406. (In Russian)
- 3 Vlkh. Velimir. *Kniga prirodnoi very* [Book of natural faith]. Moscow, Veligor, Publ., 2009. 592 p. (In Russian)
- 4 Vlkh. Velimir. *Russkoe iazychestvo i shamanism* [Russian paganism and shamanism]. Moscow, Institut Obshchegumanitarnykh Issledovaniia Publ., 2006. 608 p. (In Russian)
- 5 Gavrilov D. A., Brutal'skii N. P., Avdonina D. D., Speranskii N. N. *Manifest iazycheskoi Traditsii* [Manifesto of the pagan tradition]. Moscow, Ladoga-100 Publ., 2007. 40 p. (In Russian)
- 6 Gaidukov A. *Slavianskoe novoe iazychestvo v Rossii: opyt religiovedcheskogo issledovaniia* [New Slavic paganism in Russia: experience of Religious Studies]. *Religiopolis. Tsentr religiovedcheskikh issledovaniia* [Religiopolis. Center for Religious Research]. Available at: <http://www.religiopolis.org/religiovedenie/5730-rodnoverie.html> (accessed 20 February 2017). (In Russian)
- 7 *Derevo Zhizni. Gazeta etnicheskogo vozrozhdeniia* [Tree of Life. Newspaper of ethnic revival], 2012, no 52. (In Russian)

- 8 Its R. *Shepot Zemli i molchanie Neba. Etnograficheskie etyudy o traditsionnykh narodnykh verovaniyakh* [Whispering Earth and Silent Sky. Ethnographic studies of traditional folk beliefs]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 318 p. (In Russian)
- 9 Kavykin O. I. “Rodnovery”. *Samoidentifikatsiya neoyazychnikov v sovremennoy Rossii* [“Rodnover”. Self-identification of neo-pagans in modern Russia]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Afriki RAN Publ., 2007. 232 p. (In Russian)
- 10 *Osnovy Russkoy Narodnoy Very* [Fundamentals of Russian folk belief]. Moscow, Belyeal'vy Publ., 2016. (In Russian)
- 11 Petkova S. M. *Neoyazychestvo v sovremennoy evropeyskoy kul'ture (na primere rasovykh teorii)* [Neopaganism in modern European culture (as exemplified by racial theories)]. Rostov-na-Donu, Izdatel'stvo RGUPS Publ., 2009. 106 p. (In Russian)
- 12 Pravoslav. *Shestoy Mirovoy Kongress Etnicheskikh Religiy* [Pravoslav. The Sixth World Congress of Ethnic Religions]. *Derevo Zhizni. Gazeta etnicheskogo soprotivleniya* [Tree of Life. Newspaper of the ethnic resistance]. Troitsk, Trovant, b.g. (In Russian)
- 13 Real'nye dostizheniya i problemy razvitiya rodnoy very v slavyanskikh stranakh [Real achievements and problems of the native faith in Slavic countries]. *Slava! Vestnik Rodovogo Slavyanskogo Vecha* [Glory! Bulletin of the Generic Slavonic Assembly]. Moscow, Ateney Publ., p. 3. (In Russian)
- 14 Ryzhakova S. I. Romuva. Etnicheskaya religioznost' v Litve [Romuva. Ethnic religiosity in Lithuania]. *Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii* [Research in applied and urgent ethnology]. Moscow, Izdatel'stvo In-ta etnologii i antropologii RAN Publ., 2000, no 136, p. 4. (In Russian)
- 15 Slavyanskoe Rodnoverie [Slavic Native Faith]. *Tonkiy Mir* [Subtle World]. Available at: <http://tonkiimir.ru/topic1853-60.html> (accessed 01 December 2016). (In Russian)
- 16 Speranskiy N. (Velimir). Istoriya i vera “KolyadyVyatichey” [History and faith, “Kolyada Vyaticians”]. *Informatsionnyy Portal Yazycheskoy Traditsii* [Information Portal Pagan traditions]. Available at: <http://www.triglav.ru/forum/index.php?showtopic=236> (accessed 30 December 2016). (In Russian)
- 17 Trinkunas Y. Vsemirnyy kongress etnicheskikh religiy v Vil'nyuse [World Congress of Ethnic Religions in Vilnius]. *Nasledie predkov*, no 6, p. 6. (In Russian)
- 18 Shizhenskiy R. V. Darna kak religioznaya kategoriya sovremennykh litovskikh yazychnikov [Darna as a religious category of modern Lithuanian pagans]. *Vestnik buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no 6, pp. 171–174. (In Russian)
- 19 Shizhenskiy R. V. Interv'y u s chlenom obshchestva religiovedov Finlyandii Kaarinoy Aytamurto [Interview with member of society in religious Finland Kaarina Aytamurto]. *Novostnaya lenta. Issledovatel'skaya laboratoriya “NRD v sovremennoy Rossii i stranakh Evropy”* [Newslines. Research Laboratory “NSD in modern Russia and Europe”]. Available at: <http://nrdlab.ru/posts/1006557> (accessed 20 February 2017). (In Russian)
- 20 Shizhenskiy R. V. *Pochvennik ot yazychestva: mirovozzrencheskie diskursy volkhva Velimira (N. N. Speranskogo)* [Pagan essentialist: philosophical discourses of sorcerer Velimir (N. N. Speranskii)]. N. Novgorod, Tipografiya Povolzh'e Publ., 2015. 216 p. (In Russian)
- 21 Shnirel'man V. A. *Russkoe rodnoverie: neoyazychestvo i natsionalizm v sovremennoy Rossii* [Russian Rodnoverie: neo-paganism and nationalism in contemporary Russia]. Moscow, BBI, Publ., 2012. 306 p. (In Russian)

- 22 *Yazychestvo v sovremennoy Rossii: opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Paganism in modern Russia: the experience of interdisciplinary research], edited by R. V. Shizhenskiy. N. Novgorod, Izdatel'stvo Mininskogo un-ta Publ., Tipografiya Povolzh'e Publ, 2016. 264 p. (In Russian)
- 23 Yartsev A. B. *Antropologicheskie aspekty politicheskikh i sotsial'nykh ucheniy v sovremennom neoyazychestve v Rossii* [Anthropological aspects of political and social teachings in modern neo-paganism in Russia]. Moscow, MAKS Press Publ., 2009. 27 p. (In Russian)
- 24 Aitamurto K. *Paganism, Traditionalism, Nationalism: Narratives of Russian Rodnoverie* [Paganism, Traditionalism, Nationalism: Narratives of Russian Native faith]. Helsinki, University of Helsinki Publ., 2016. 232 p. (In Finish)
- 25 *Cosmopolitanism, Nationalism, and Modern Paganism*, edited by Rountree, Kathryn. New York, Palgrave Macmillan US Publ., 2017. 276 p. (In English)
- 26 Vasilev M. S. Our experience of religious building. *The Oaks. The official publication of World Congress of Ethnic Religions*. Vilnius, 2001, no 3, p. 4. (In English)
- 27 Kravchuk I. Svitovyj kongres etnichnyh religij [Svitovy congress etnichnih religiy]. *Svarog* [Svarog]. Kiev, 1998, vol. 8, pp. 7–8. (In Ukrainian)
- 28 *Modern Pagan and Native Faith Movements in Central and Eastern Europe*. Edited by K. Aitamurto and S. Simpson. Porthcawl, UK, Acumen Publishing Publ., 2013. 358 p. (In English)
- 29 Trinkunas J. *Of gods & holidays: the Baltic heritage*. Vilnius, Tverme Publ., 1999. 216 p. (In English)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. М. Н. Жиленко
г. Москва, Россия

СМИ О ВОЕННОЙ АГРЕССИИ НА БАЛКАНАХ 1999 Г.: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Аннотация: Масс-медиа выступают важным каналом формирования общественного мнения, однако транслируемая ими информация зачастую грешит субъективностью и политической ангажированностью. Анализ российской и зарубежной прессы середины 1999 г. проводится как на материалах представителей так называемой качественной прессы, так и на примерах из массовых изданий. При этом российские и зарубежные СМИ демонстрируют полярно противоположные оценки военного конфликта в Югославии, что в свою очередь заставляет задуматься о роли внушения в формировании личного и общественного мнения, а также о манипулировании общественным сознанием. Неограниченные возможности внушения в сравнении с логическим убеждением еще в конце XIX в. были отмечены русским психологом В. М. Бехтеревым в работе «Роль внушения в общественной жизни». Влияние газетных новостей на формирование «псевдоокружающей среды» и «псевдокартины мира» современного человека также достаточно подробно анализирует в своей работе «Общественное мнение» американский исследователь Уолтер Липпман.

Ключевые слова: масс-медиа, Югославия, Милошевич, Е. Ю. Гуськова, В. М. Бехтерев, Уолтер Липпман, общественное мнение.

Информация об авторе: Мария Николаевна Жиленко — кандидат культурологии, доцент, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия. E-mail: zhylenko@mail.ru

Дата поступления статьи: 18.05.2017

Дата публикации: 15.09.2017

Информационная насыщенность не только изменила мир, но и создала непредвиденные сложности, связанные с уже фактически сформировавшейся фундаментальной зависимостью всех сфер жизнедеятельности общества от нормального обмена информацией и надежного функционирования информационных систем. Современная ситуация в международных отношениях наглядно демонстрирует миру, насколько значимую роль на политической арене играют сегодня СМИ, а точнее, их способность воздействовать на формирование общественного мнения по вопросам, представляющим публичный интерес и претендующим на всеобщую значимость. Объективность и непредвзятость в освещении событий средствами массовой информации все чаще переходят в сферу должного, но не сущего, поэтому факт определенной ответственности масс-медиа за происходящее уже мало у кого вызывает сомнения. Становится все более

очевидным, что чем большими возможностями в информационной сфере обладает государство, тем больше вероятность достижения им и геополитических преимуществ.

Безусловно, в идеале в обязанность СМИ вменяется беспристрастное, фотографическое освещение событий и фактов, а также четкое разделение информации и комментария, однако на практике это далеко не всегда оказывается так. К сожалению, зачастую масс-медиа не отражают, а искажают реальность, конструируя свой особый, параллельный мир, что предоставляет СМИ практически безграничные возможности по манипулированию общественным мнением и созданию иллюзорной картины мира. К чему это может привести на практике, становится очевидным на примере современных, к несчастью, уже достаточно многочисленных случаев военной агрессии, которая умело оправдывается и целесообразность которой (действительная или мнимая) при необходимости может быть аргументированно обоснована при помощи средств массовой информации. Аналогичной была и ситуация в славянском регионе в 1999 г., когда силы НАТО проводили бомбовые удары по Югославии, а часть населения Земли взирала на это с одобрением. Как такое могло быть? Очевидно, что мы составляем свое суждение о чем-либо, находящемся за пределами нашей непосредственной видимости, на основании не столько собственного опыта, сколько информации, почерпнутой из того или иного стороннего источника, в том числе и по преимуществу из масс-медиа. Последние, таким образом, определяют то, о чем мы думаем, на основании чего составляем свое мнение и как в итоге реагируем на происходящее. С целью объяснить возможность кардинально противоположных оценок мировой общественностью военной агрессии на Балканах 1999 г. и определить степень вовлеченности СМИ в процессы формирования общественного мнения российской и западной массовой аудитории того времени проведем, соответственно, сравнительный анализ российской и западной прессы исследуемого периода.

В связи с поставленной задачей представляется прежде всего значимым обратиться к работе выдающегося русского психолога Владимира Михайловича Бехтерева «Роль внушения в общественной жизни», написанной им еще в конце XIX в. [2]. В ней автор обращает внимание читателя на два различных пути воздействия окружающей среды на психическую сферу: первый — путь логического убеждения, когда все, что входит в наше сознание, усваивается нами путем обдумывания и осмысленной переработки, и второй — внушение. Последнее характеризуется непосредственным введением в сознание идей, чувствований и ощущений, не требующим никаких доказательств и логических усилий. Таким образом, «внушение сводится к непосредственному прививанию тех или других психических состояний от одного лица к другому, прививанию, происходящему без участия воли воспринимающего лица и нередко даже без ясного с его стороны сознания» [2, с. 170]. Из этого психолог делает исключительно значимый в современных условиях вывод: пути для передачи психических состояний с помощью внушения несоизмеримо более разнообразны и многочисленны в сравнении с возможностями передачи мыслей путем убеждения. Внушение, по мысли Бехтерева, представляет собой значительно более эффективный и могущественный фактор, чем убеждение еще и потому, что последнее может действовать только на лица, обладающие здоровой и сильной логикой, тогда как внушение способно оказать воздействие также и на тех, кто не обладает достаточно развитым интеллектом, например, детей и представителей средних и низших социальных слоев. Ученый подчеркивает, что «в простом классе населения внушение или прививка идей играет гораздо более видную роль, нежели логическое убеждение» [2, с. 171]. Сколь многое объясняет эта мысль Бехтерева в современных механизмах воздействия на массовое сознание!

Важным также в связи с предстоящим анализом видится обратиться к базовой для американской журналистской традиции работе Уолтера Липпмана «Общественное мнение», написанной им в 1922 г. [26]. Первая мировая война подтолкнула У. Липпмана к размышлениям о том, какую роль играют газетные новости в формировании «псевдосреды» современного человека. Продолжая мысль бихевиористов, рассматривавших поведение индивида как совокупность реакций его организма на стимулы внешней среды, Липпман доказывает, что реальное поведение человека определяется реакцией не на стимулы внешнего мира, а на картину этого мира, имеющуюся у него в голове. В итоге человек приспосабливается не к окружению, а к псевдоокружению.

Современное общество, утверждает Липпман, устроено так, что по целому ряду проблем его члены вообще не в состоянии самостоятельно составить никакого мнения. Более того, мы даже никогда не узнали бы о самом существовании некоторых проблем, если бы об этом любезно не позаботились средства массовой информации. Липпман впервые сформулировал многократно повторявшийся с тех пор тезис о том, что большая часть мира находится за пределами достижимости современного человека, поэтому он в принципе не в состоянии осуществить верификацию, т. е. проверку тех сведений, которые доходят до него через СМИ: «В целом окружающая среда — слишком сложное и изменяющееся образование, чтобы можно было познать ее напрямую. Мы не готовы иметь дело со столь тонкими различиями, разнообразием, перемещениями и комбинациями» [26, с. 39]. Именно потому, что человек зачастую не может проверить сведения, предоставляемые СМИ, он вынужден доверять масс-медиа. Еще в 20-е гг. прошлого века Липпман заметил, что только законченные идеалисты могут воображать, что в современном обществе простой гражданин способен своим умом «дойти до самой сути» и самостоятельно составить суждение о важности происходящих где-то далеко событий или об актуальности сложных и не затрагивающих его непосредственно проблем. Ученый пишет: «Мир, с которым мы вынуждены иметь дело как политические субъекты, находится за пределами досягаемости, видимости и за пределами сознания» [26, с. 49].

Липпман заставляет нас задуматься над тем, сколь ничтожна доля наших непосредственных наблюдений по сравнению с данными, предоставляемыми средствами массовой информации зачастую в искаженном виде. Создать своими силами действительную картину мира — занятие, по мнению Липпмана, бесперспективное. Это, безусловно, дает СМИ и отдельным журналистам почти неограниченные возможности по созданию в сознании людей «псевдокартины» мира: «...между человеком и его средой располагается некая псевдосреда. Поведение человека является реакцией именно на эту псевдосреду. Последствия этой реакции, собственно действия человека, — делает жесткий вывод Липпман, — происходят уже в реальной среде» [26, с. 38]. Иначе говоря «люди влияют на свою среду под действием стимулов, исходящих из псевдосреды» [26, с. 42], и сегодня мы имеем возможность в полной мере оценить справедливость этих слов, высказанных почти столетие назад.

Предваряя анализ прессы, напомним также кратко тот исторический контекст, в котором развивались события в Югославии в 1999 г. Опуская многие предшествовавшие собственно военному вмешательству сил НАТО факты и детали, подробно изложенные в специальных исследованиях по данной проблеме, остановимся на ситуации в Косовском селе Рачак, где в ходе заранее планировавшейся сербской полицией антитеррористической операции было убито более сорока албанских боевиков. После этого полицейские были вынуждены отступить, в село вошли албанцы, убитых пере-

одеди в гражданскую одежду, тела перенесли на поле, обвинив полицию в массовых зверских убийствах мирных албанских жителей. На следующее же утро руководитель Контрольной миссии ОБСЕ в Косове и Метохии, американец Уильям Уокер, сделал с места событий заявление для западных масс-медиа о совершенном сербской полицией «преступлении против человечности». Доказательства многочисленных международных экспертных групп о том, что речь идет не о расстрелянных гражданских лицах (на одежде которых, к слову, не было найдено ни следов от пуль, ни крови), а о погибших в бою террористах, оставались без должного внимания со стороны СМИ. В итоге, ситуация в селе Рачак была использована как повод обвинить сербов в нарушении прав человека и привлечь югославское руководство к ответу [9]. Мирные переговоры во французском городе Рамбуйе, организованные с целью обсуждения разработанных Контактной группой принципов, включавших последующую автономию Косова, ни к чему не привели: сербская и албанская делегации ни разу не встречались, текст соглашения в полном объеме даже не обсуждался. Конференция в Рамбуйе, курировавшаяся лично М. Олбрайт, проводилась с тем расчетом, чтобы остаться безрезультатной и продемонстрировать миру нежелание югославской стороны решать конфликт путем политического урегулирования. Югославии в Рамбуйе фактически был предъявлен ультиматум: ввод на ее территорию войск НАТО и ответственность за «срыв» переговоров в случае подписания соглашения и бомбовые удары — в случае неподписания. США обеспечивали информационную поддержку военных действий Североатлантического альянса, постулируя исключительно гуманные цели и безальтернативность предстоящей операции, оправдывая бомбовые удары заботой об албанском населении. Рамбуйе явился поводом для вторжения в Югославию, которое уже было подготовлено заранее. Так впервые в самом центре Европы силами НАТО без санкции Совета Безопасности ООН были развернуты военные действия против суверенного государства, не совершавшего акта внешней агрессии. Бомбовые удары наносились не только по военным, но и по гражданским объектам.

В целом же, детальный анализ югославского кризиса 1990–2000 гг., его генезис и основные этапы содержатся в одноименной книге доктора исторических наук, руководителя Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН, иностранного члена Сербской Академии наук и искусств, иностранного члена Академии наук Республики Сербской (Босния и Герцеговина) Е. Ю. Гуськовой, вышедшей в 2001 г. и созданной на основе опубликованных и неопубликованных документов, а также материалов, собранных автором во время работы в штабе миротворческих сил ООН на территории бывшей Югославии [10]. Еще одна из многочисленных работ Е. Ю. Гуськовой по данному вопросу, «Агрессия НАТО против Югославии в 1999 г. и процесс мирного урегулирования» [9], посвящена проблеме Косово как поводу для вмешательства сил НАТО, событиям же марта – июня 1999 г. в ней отведена отдельная глава. Книгу также дополняет обширнейшая библиография, включающая издания, касающиеся югославского кризиса, на русском и сербском языках.

На основании какой информации и, в итоге, какой картины окружающего мира составляла свое мнение массовая российская и западная читательская аудитория середины 1999 г., т. е. того периода, когда подготавливалась и осуществлялась военная агрессия НАТО на Балканах, постараемся выяснить, сопоставив российскую и западную прессу. Выборка анализируемых изданий производилась по принципу их популярности в обществе и авторитетности как надежного информационного источника. Среди них — представители так называемой качественной российской прессы «Независимая

газета» и «Коммерсантъ», а также один из лидеров массовых изданий того времени «Московский комсомолец». Анализ западной прессы проводился на материалах британской газеты «The Times» и американских журналов «The New Yorker», «New York Magazine» и «New York Times Magazine».

Для качественных изданий, являющихся в первую очередь инструментом формирования об общезначимых проблемах, характерно стремление четко разделять факт, анализ и комментарий. Этим целям стремятся отвечать публикации «Независимой газеты», посвященные положению на Балканах.

В первую очередь необходимо отметить достаточно подробное, аргументированное и объективное освещение на страницах этой газеты всех этапов конфликта. Так, в статье от 11 марта «Игорь Иванов едет на Балканы» дается предельно четкое определение происходящему:

В последнее время тональность заявлений и действий западных представителей отражает их одностороннюю антисербскую линию. Из Вашингтона постоянно идут комментарии следующего толка: албанцы якобы готовы подписать мирный план, а вот Белград сопротивляется.

В действительности же события обстоят с точностью до наоборот. Югославские власти уже давно дали принципиальное согласие на подписание 10 базовых принципов мирного соглашения, которые были предложены Контактной группой – Россией, США, Францией, Великобританией, Германией и Италией. Собственно, с предложения подписать базовые принципы сербы и начали диалог в Рамбуйе, однако албанцы тогда отказались это сделать. Отказываются они и сейчас. Вернее, никак не дают согласие. Американские посредники уже в течение месяца сообщают о готовности сепаратистов согласиться с мирным планом, однако этого никак не происходит. Албанцы постоянно подставляют своих протеже: за каждым сообщением представителей США об их успехах в уговаривании албанцев следуют сообщения последних о том, что решение о подписании базовых принципов еще не принято. <...> На этом фоне югославов выставляют главными виновниками того, что ситуация остается неурегулированной. Соединенные Штаты и их союзники по НАТО стараются сделать все, чтобы заставить Белград согласиться на размещение международного военного контингента на территории Югославии. Причем Вашингтон подает эту свою инициативу как часть мирного плана Контактной группы, хотя Контактная группа о военном вмешательстве извне ничего не говорила [8, с. 6].

В другой публикации отмечается, что «Милошевичу предлагается скромный выбор: добровольное согласие на ввод войск НАТО в Косово — по сути, оккупацию части югославской территории, что явствует из <...> «Промежуточного соглашения» («Независимая газета», от 13.03.99 и 20.03.99), — или же бомбовые удары, мини-война с заведомо известным результатом» [16, с. 1].

В многочисленных статьях «Независимой газеты» подчеркивается, что единство позиции европейских стран относительно военного вмешательства НАТО в Югославию является мнимым и искусственно сформированным, и, более того, многие конгрессмены США выступают против отправки американских военных в Косово [12, с. 1; 28, с. 6]. В номере от 25 марта приводится текст Устава ООН: Глава 7. Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии [15, с. 6], что само по себе уже выражает позицию редколлегии.

Особого уважения заслуживает стремление редакции показать исторические корни сложившейся ситуации. В частности, в номере от 12 марта 1999 г. размещена

большая статья Е. Ю. Гуськовой «Косово: новое испытание для российской дипломатии» [11, с. 8]. В ней автор отмечает, что «проблеме Косово уже так много лет, что многие предпочитают и не вспоминать, с чего, собственно, все началось. Особенно не любят историю западные политики, отличающиеся рационализмом и прагматизмом. Но история нас многому учит. Например, надо хорошо знать историю и менталитет сербов, чтобы понять, почему они с таким трепетом относятся к этой небольшой территории. <...> Ситуация осложнялась тем, что СМИ сообщали о требующем поддержки “движении за автономию”, хотя было очевидно, что в крае речь идет почти о классическом виде сепаратизма, использующего для достижения своих целей терроризм. Чтобы настроить общественное мнение на нужную волну, СМИ внушали, что албанцы не имеют автономии и борются за элементарные права человека» [11, с. 8].

Несколько иначе подходит к освещению Балканского кризиса 1999 г. другой представитель качественной российской прессы — газета «Коммерсантъ». Так же, как и «Независимая газета», «Коммерсантъ» содержит достаточно большое число публикаций по исследуемому вопросу с детальным освещением событий. Иные из них содержат четко сформулированную гражданскую позицию и проникнуты сочувствием к сербам [1, с. 1; 5, с. 1; 7, с. 2], однако настроение некоторых статей, скорее, можно охарактеризовать как прозападное. Их лейтмотивом может выступить название одной из них: «Белград хочет поссорить Россию с Западом» [24, с. 4]. В другой статье тот же автор, Г. Сысоев, пишет: «Упрямство Белграда, кажется, вывело из себя даже внешне невозмутимого российского посредника Бориса Майорского. <...> Однако рано радоваться Слободану Милошевичу: он потерял своего единственного союзника: Россию. <...> Москва может отвернуться от партнера, который доставляет ей одни неприятности» [25, с. 2].

Автор статьи «Бомбардировки будут продолжаться столько, сколько Милошевич хочет, чтобы мы их продолжали» пишет: «Москва до последнего момента делала все, чтобы не поссориться с Западом из-за Косово» и приводит следующие слова представителя МИД РФ Владимира Рахманина: «Для нас отношения с США имеют важное значение. Стратегические цели российской и американской дипломатии на Балканах совпадают» [23, с. 1].

Статья Владислава Бородулина «15 000 000000 долларов потеряла Россия благодаря Примакову» [3, с. 1] (о срыве переговоров относительно займа МВФ в связи с разворотом премьер-министром России своего самолета, направлявшегося в США), вышедшая 24 марта, и вовсе вызвала гневный отклик общественности. «Поддержка близкого Примакову по духу режима Милошевича оказались для него нужнее и понятнее, чем нужды собственной страны», — пишет автор [3, с. 1]. И делает вывод: «Примаков больше не может называть себя премьер-министром России, страны, интересы которой он предал» [3, с. 1]. Губернатор Санкт-Петербурга Владимир Яковлев назвал эту статью выполнением политического заказа, и уже через день «Коммерсантъ» на первой полосе публикует ответное заявление редколлегии:

Статья, о которой идет речь, хотя и была излишне эмоциональной, отражает политическую оценку редакции поступка премьер-министра. Мы считаем, что демарш Евгения Примакова нанес ущерб интересам России. Речь идет не о сиюминутных материальных потерях, а о будущем страны в целом. Разворот премьерского самолета повернул Россию в сторону войны.

Издательский дом «Коммерсантъ» ни в коей мере не поддерживает удары НАТО по Югославии. Однако шаги, предпринятые премьер-министром и вслед за ним президентом, поставили страну на грань новой холодной войны. <...>

Издательский дом «Коммерсантъ» подает в суд на губернатора Санкт-Петербурга Владимира Яковлева за клевету [20, с. 1].

В этот же день, 26 марта, выходит публикация в «Независимой газете» с выразительным названием «Отвращение», написанная Алексеем Пушковым, автором и ведущим программы «Постскриптум», членом Президиума Совета по внешней и оборонной политике. В ней автор пишет, как отвратительна безнаказанность политики НАТО, распоряжающегося судьбами человечества. «Впрочем, — продолжает он, — отвращение вызывает и другое. В среду газета “Коммерсантъ” поместила на первой полосе статью, где обвиняла Примакова в том, что он лишил Россию 15 млрд. долл., когда принял решение развернуть свой самолет над Атлантикой» [19, с. 3]. При этом, отмечает А. Пушков, до сих пор «Коммерсантъ» считался респектабельной газетой.

По-своему реагирует на происходящее представитель массовых изданий, граничащих с категорией бульварной прессы, газета «Московский комсомолец». Важно напомнить, что в то во всех отношениях сложное для России время у людей резко сократилась способность приобретать разнообразные периодические издания, и «Московский комсомолец» в качестве относительно недорогой общероссийской газеты был достаточно популярен и формировал повестку дня и общественное мнение значительной части населения нашей страны. Тем более поразителен в этой связи тот факт, что вплоть до 25 марта, когда натовские силы начали военную операцию против Югославии, в «МК» практически отсутствовали статьи, освещавшие положение на Балканах. Столь же резко сокращается количество подобных публикаций с апреля 1999 г. Так, переговоры в Рамбуйе лишь вскользь упоминаются в заметке о санкциях США, введенных против русских институтов «за их порочащую связь с Ираком» в ядерной области [21, с. 2]. Сообщение об ожесточенных боях «между сербскими силами и повстанцами-албанцами» и возможной воздушной атаке НАТО по целям в Югославии делается 22 марта на двенадцати строчках [29, с. 2]. Лишь в номерах от 25–30 марта событиям в Косово посвящено достаточно большое число статей на разных страницах. При этом их авторы сами с не совсем понятным сегодня удивлением замечают: «События в Югославии грозят затмить для россиян даже внутривосточные скандалы последних дней. Народ мало верит в то, что расхищенные на высшем уровне деньги удастся вернуть в страну. А судьба “братьев сербов” — вот она, конкретная, грубая, зримая. И наводящая на мысли о том, что подобный сценарий может когда-нибудь повториться и в России... Широкая публика сейчас обсуждает в связи с этим два вопроса. Почему одним странам “мочить” своих бунтовщиков можно, а другим нельзя — что за мировое деление такое на “чистых” и “нечистых”? И не окажется ли в конце концов наша страна в стане “нечистых”?» [17, с. 2]. Эти размышления предшествуют словам о том, что «Запад оставляет Турции право самостоятельно разбираться с курдами, Великобритания — с Ольстером... С Югославией ситуация иная» [17, с. 2].

К чести издания необходимо отметить стремление ряда его авторов вдумчиво, аргументировано и объективно освещать события, делать репортажи о положении в Югославии, основанные на беседах с сербами, находящимися в этот момент в Белграде [22, с. 2]. Однако в то же время «МК», хотя и пишет о Клинтоне с иронией, о сербах и о Слободане Милошевиче также порой высказывается весьма негативно:

«...ту резню, которую сербы устроили в Косово, тоже нельзя оправдать» [6, с. 2; 14, с. 3].

Наряду с серьезными сообщениями, как, например, о развороте самолета Евгением Примаковым или проводимых россиянами акциях протеста, о самолете с гуманитарной помощью, возможном присоединении Югославии к союзу Белоруссии и России, в «Московском комсомольце» встречаются заметки с совершенно анекдотичными заголовками: «Верните Биллу Молику, а сербам — покой» (о телефонном опросе 168 читателей «МК» «Стоит ли России портить отношения с Америкой и Европой из-за натовских бомбежек Югославии») [4, с. 3], «Клин Биллом вышибают» [13, с. 1] (о том, что операцией НАТО в Югославии США хотят предотвратить объединение Европы), «Ду ю спик рашн?» [18, с. 1] (о вышедшей для граждан США инструкции о поведении в России) и совершенно комичная статья «Бушу отдавили ноги...». Последняя, к слову, вышла в первоапрельском номере «МК» и повествовала о своеобразной акции протеста, граничившей, как пишет ее автор, «с настоящим варварством». Суть акции состояла в уничтожении бульдозером вблизи строящегося в Москве нового здания американского посольства около полутонны куриных окорочков родом из США (в народе называвшихся «ножками Буша») и партии джинсовой одежды американского производства [27, с. 1]. Такие ироничные заметки с не менее выразительными рисунками и подписями к ним подтверждают статус «МК» как издания, направленного на достижение определенной усредненности интеллектуальных запросов читателя и на адаптированность сложных политико-экономических и социальных проблем ко вкусам массовой аудитории.

Таким образом, в российской прессе исследуемого периода можно отметить достаточно широкий спектр позиций (порой прямо противоположных друг другу), полемику и, в целом, очевидное стремление к объективной оценке ситуации, достигаемой за счет предоставления разнообразной информации. В итоге, общественное мнение России по преимуществу было на стороне сербов.

В отличие от того изобилия взглядов, которые сталкиваются на страницах российских газет, освещение военного конфликта в Косово британской и американской прессой в целом обилием точек зрения не отличается. В обоих случаях можно говорить о преобладании открытой антисербской позиции и поддержке действий НАТО. Так, популярный американский журнал «The New Yorker» пишет: «...сегодня стало очевиднее, чем когда либо, что вся пятиактная трагедия распада Югославии является результатом деятельности одного безумного тирана <...> Милошевич — лидер такого типа — диктатор, — уточняет автор, — такого типа — который нуждается в войне, чтобы держать свой народ в растерянности» [34, с. 23]. И далее: «...президент Милошевич, конечно, не единственный автор трагедии Югославии. Но он ее главный виновник, и разрушение Косово — полностью его вина» [34, с. 24].

Другой лидер американского рынка качественной прессы журнал «New York» публикует статью, претендующую, казалось бы, на определенную объективность: «не надо забывать, что сербы также подверглись этнической чистке, по крайней мере 150000 из них были изгнаны из Хорватии в начале девяностых» [41, с. 22]. Однако это не мешает автору указанной публикации практически в самом ее начале называть Милошевича безумцем-националистом и утверждать, что «Билл Клинтон пытается сейчас, хотя поздно и слабо, делать здесь правильные вещи» [41, с. 22]. Делая обманчивую уступку, автор замечает, что «проблема применения иностранной военной силы и методов в качестве инструмента увещевания состоит не в том, что они должны применяться

в любом случае или не должны использоваться вовсе, как некоторые считают. Двойные стандарты и национальные интересы где-то соприкасаются гораздо теснее, чем в других местах, и Балканы, вне всякого сомнения, — именно такое место» [41, с. 23]. И далее: «Может, внешняя политика Клинтона и безумна, и он, безусловно, упустил шанс сплотить в Сербии силы, настроенные против Милошевича... Но никого другого с лучшими идеями вокруг нет» [41, с. 23]. Развернутая военная операция представляется как не имеющая какой-либо иной альтернативы.

Журнал «The New York Times Magazine», говоря о «беспомощном этническом меньшинстве» и этнических чистках албанцев, проводит жесткую аналогию Милошевича с Гитлером, а события в Косово называет второсортным Холокостом [42, с. 18]. А когда оказывается невозможным обойти вниманием манифестации в Европе против военной агрессии НАТО, автор статьи «Зачем мы в Косово?» отмечает: «Мы за мир. Мы против войны. А кто не против? Но как мы можем прекратить эту склонность к геноциду, не развязав войны?» [40, с. 54]. Крис Митчел, автор публикации «Дом, милый дом», подробно освещая процесс восстановления разрушенных жилищ албанцев, возвращающихся в свои города, и всестороннюю помощь албанским беженцам со стороны Еврокомиссии, в то же время цинично замечает: «Вся в шрамах от бомб, Сербия уже приняла десятки тысяч сербских беженцев из Косово, и, похоже, ей предстоят гораздо более сложные времена, когда ей придется ожидать расположения и щедрости мировых держав. “Потребности Сербии будут колоссальными, особенно в преддверии зимы”, — говорит Альберто Наварро..., — “И серьезной помощи не будет”» [35, с. 18]. Умело манипулируя общественным мнением, мир убеждали в том, что НАТО — едва ли не единственная организация, проявляющая заботу о беженцах, строящая для них лагеря и доставляющая туда продукты питания и медикаменты.

В схожей манере освещает военный конфликт и британская газета «The Times». Так, например, она пишет о тяжелых условиях в переполненных лагерях албанских беженцев [37, с. 14], о массовом захоронении, который показал британскому доктору албанский мальчик, потерявший в результате «резни сербов» всех членов своей семьи [33, с. 14], о радушном приеме и размещении беженцев из Косово в Англии [36, с. 18], о поддержке большинством британцев (57%) политики правительства в отношении кризиса в Косово [39, с. 18], об этнических чистках албанцев в Косово [31, с. 19], об угрозах Москвы ядерным ответом [30, с. 23] и т. д. Здесь налицо использование такого утонченного способа управления общественным сознанием, как метод полуправды, когда с целью обеспечения доверия аудитории объективно и подробно освещаются конкретные, но малозначительные детали при одновременном умалчивании более важных фактов. Как мы видим, не только внушение, но и описанное В. М. Бехтеревым убеждение (к тому же аргументированное «авторитетным» свидетельством того самого албанского мальчика) не сдает своих позиций в схемах формирования общественного мнения. В итоге, мало кто из нас после подобного репортажа усомнится в его достоверности и вообще задастся вопросом «А был ли мальчик?»

Отдельного упоминания заслуживает статья «Союзники осмеяли “абсурдный” иск сербов» [32, с. 11], где ее автор пишет о презрении, с которым Великобритания и другие союзники отнеслись к попытке Югославии возбудить дело в Международном суде по факту геноцида и нарушения международного права. В то же время отмечается, что в Белграде «единство нации перед лицом бомбардировок кажется достаточно высоким. Продажи антинаатовской атрибутики зашкаливают, и большая часть с презрением

относится к сбрасываемым с воздуха натовским листовкам, убеждающим их восстать против мистера Милошевича» [38, с. 10].

При этом одна общая черта западной прессы обращает на себя особо пристальное внимание: многочисленные упоминания о страданиях этнических албанцев, которые будто бы составляют 90% населения Косово, о том, что Милошевич — тиран и диктатор, что во всем виновата Югославия и т. п. совершенно бездоказательны и лишены аргументации. Эта неоднократно опробованная тактика невольно наводит на мысль о внушении и заставляет вспомнить о безграничных возможностях такого способа внесения в сознание посторонних идей. Кроме того, налицо стремление западных СМИ к сознательному упрощению политического контекста, при котором события представляются вне своих сложных причинно-следственных взаимосвязей и исторических корней. В результате — категоричность оценочных суждений, при которой действующие лица и факты или однозначно хороши, или столь же безусловно плохи. Очевидно, конечно, что далеко не всегда за этим стоит какой-либо умысел создателей новостных сообщений — отчасти за это ответственны и элементарные законы рыночной экономики и конкуренции, при которых газета хорошо продается, если читателю в ней предлагаются уже готовые к употреблению мнения. Таким образом, позиция западных СМИ достаточно однозначна, и совершенно естественно, что подобный ракурс освещения военного конфликта в Югославии неизбежно формирует в массовом сознании именно ту псевдосреду, которая может привести к поддержке читательской аудиторией политики НАТО и проводимых бомбовых ударов.

Стремление объективно оценивать как российскую, так и зарубежную прессу, заставляет также отметить, что в обоих случаях весьма активно используется метод наклеивания «ярлыков», при котором для компрометации и отторжения читателями лиц или идей им без доказательств наклеивается негативный «ярлык», например «империалист», «фашист», «тиран» и др. Кроме того, нельзя не отметить многочисленные факты применения лингвистического манипулирования, предполагающего использование для обозначения одних и тех же явлений слов, несущих разный оценочный оттенок. Например, человека, ведущего вооруженную борьбу за права своего государства, в зависимости от политического пристрастия различные СМИ называют то борцом за свободу и патриотом, то сепаратистом, то террористом, то партизаном, то боевиком, то бандитом. Подобные приемы также исключительно действенно программируют массовое сознание.

Выводы из всех приведенных фактов достаточно очевидны. Возможности масс-медиа по определению взглядов и позиций читательской аудитории весьма серьезны, и проведенное сопоставление российской и западной прессы середины 1999 г. это наглядно демонстрирует. Зачастую СМИ самостоятельно решают, что предоставить на суд общественности, а о чем умолчать, с какой точки зрения предъявить то или иное событие, в каком ракурсе продемонстрировать тот или иной поступок. Возможно поэтому одно из главных воздействий масс-медиа связано не столько с их способностью к убеждению или переубеждению аудитории, или даже внушению, сколько с их способностью привлекать внимание общественности к одним проблемам и утаивать иные, определяя тем самым критерии, лежащие в основе оценки событий и принятия решений. В итоге, картина мира, создаваемая силами масс-медиа в сознании людей, далеко не всегда объективно отражает реальную действительность, а подобная ситуация как нельзя более благоприятна для формирования общественного мнения в заданном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Анатолий Квашнин: военных результатов — ноль // Коммерсантъ. 1999. 26 марта.
- 2 Бехтерев В. М. Роль внушения в общественной жизни // Объективное изучение личности: избр. тр. по психологии личности: в 2 т. СПб.: Алетейя, 1999. Т. 2. С. 169–219.
- 3 Бородулин В. 15 000 000000 долларов потеряла Россия благодаря Примакову // Коммерсантъ. 1999. 24 марта.
- 4 Верните Биллу Монику, а сербам — покой // Московский комсомолец. 1999. 27 марта.
- 5 Волхонский Б. Игорь Иванов: эпоха Рамбуйе перечеркнута // Коммерсантъ. 1999. 27 марта.
- 6 Вудберг А. «Патриотам» нужны деньги // Московский комсомолец. 1999. 27 марта.
- 7 Генштаб нанес по НАТО информационный удар // Коммерсантъ. 1999. 27 марта.
- 8 Горностаев Д. Игорь Иванов едет на Балканы // Независимая газета. 1999. 11 марта.
- 9 Гуськова Е. Ю. Агрессия НАТО против Югославии в 1999 году и процесс мирного урегулирования. М.: Индрик, 2013. 312 с.
- 10 Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право, 2001. 720 с.
- 11 Гуськова Е. Косово: новое испытание для российской дипломатии // Независимая газета. 1999. 12 марта.
- 12 Ждет ли Россию внешнеполитический дефолт? // Независимая газета. 1999. 24 марта.
- 13 Крутаков Л. Клин Биллом вышибают // Московский комсомолец. 1999. 30 марта.
- 14 Лик — лицо — личина Слобо Милошевича // Московский комсомолец. 1999. 29 марта.
- 15 Независимая газета. 1999. 25 марта.
- 16 Очередной «последний шанс» для Белграда // Независимая газета. 1999. 23 марта.
- 17 Почему туркам можно, а сербам — нет? // Московский комсомолец. 1999. 25 марта.
- 18 Пронина Д. Ду ю спик рашн? // Московский комсомолец. 1999. 31 марта.
- 19 Пушков А. Отвращение // Независимая газета. 1999. 26 марта.
- 20 Редколлегия. Написанному верить // Коммерсантъ. 1999. 26 марта.
- 21 Санкции США против русских институтов — это только начало // Московский комсомолец. 1999. 01 марта.
- 22 Скворцова-Ардабацкая Е. Я принесу тебе обломок самолета НАТО // Московский комсомолец. 1999. 29 марта.
- 23 Сысоев Г. Бомбардировки будут продолжаться столько, сколько Милошевич хочет, чтобы мы их продолжали // Коммерсантъ. 1999. 24 марта.
- 24 Сысоев Г. Белград хочет поспорить Россию с Западом // Коммерсантъ. 1999. 16 марта.
- 25 Сысоев Г. Милошевичу дали последний шанс // Коммерсантъ. 1999. 20 марта.
- 26 Уолтер Липпман. Общественное мнение. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

- 27 Федоткина Т. Бушу отдавили ноги... // Московский комсомолец. 1999. 01 апреля.
- 28 ЦРУ обвиняет Россию в содействии сербам // Независимая газета. 1999. 25 марта.
- 29 Югов Ю. В Косово — новая «зачистка» // Московский комсомолец. 1999. 22 марта.
- 30 Blundy A. Moscow warns NATO of nuclear build-up // The Times. 1999. April 30.
- 31 Bremner C. 200 feared dead in latest massacre // The Times. 1999. April 30.
- 32 Bremner C. Allies ridicule Serbs' "absurd" lawsuit // The Times. 1999. May 12.
- 33 Farrell S. Kosovo Boy Took British Doctors to Mass Grave // The Times. 1999. April 28.
- 34 Frinnegan W. Wars and the man // The New Yorker. 1999. April 19.
- 35 Mitchell C. Home Sweet Home // The New York Times Magazine. 1999. June 27.
- 36 O'Connell A. Kosovo exiles housed next to Serb church // The Times. 1999. April 30.
- 37 Owen R. Tempers Flare in Teeming Camps // The Times. 1999. April 28.
- 38 Prentice E-A. Belgrade citizens endure life of siege in the shadow of the NATO missiles // The Times. 1999. May 12.
- 39 Riddell P. Support for war remains firm // The Times. 1999. April 30.
- 40 Sontag S. Why Are We in Kosovo? // The New York Times Magazine. 1999. May 02.
- 41 Tomasky M. Air Pressure // New York Magazine. 1999. April 26.
- 42 Weisberg J. Bombs and Blockbusters // The New York Times Magazine. 1999. April 11.

© 2017. Maria N. Zhylenko
Moscow, Russia

MASS MEDIA ON MILITARY AGRESSION IN THE BALKANS: THE PROBLEM OF PUBLIC OPINION'S FORMING

Abstract: Mass media are an important channel of public opinion's shaping, though the information they provide is often subjective and full of prejudices. The survey of the Russian, British and American press of the mid-1999 is carried out basing on the materials of the so-called quality press and mass periodical as well. Meanwhile Russian and foreign mass media display contrary appraisals of the military conflict in Yugoslavia, which makes one think of forming and manipulating private and public opinion. In his work "The Role of Indoctrination in Public Life" Russian psychologist V. M. Bechtereв in the late XIX century showed unlimited possibilities of indoctrination in comparison with logical convincing. The influence of newspapers on forming the "pseudo-environment" of contemporary man is also thoroughly explored by Walter Lippmann in his work "Public Opinion".

Keywords: mass media, Yugoslavia, Miloshevich, E. Yu. Guskova, V. M. Bechtereв, Walter Lippmann, public opinion.

Information about the author: Maria N. Zhylenko — PhD in Culturology, Associate Professor, A. N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Institute of Slavic Culture, Khibinskiy pr., 6, 129337 Moscow, Russia. E-mail: zhylenko@mail.ru

Received: May 18, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 *Anatolii Kvashnin: voennykh rezul'tatov — nol'* [Anatolii Kvashnin: zero military results]. *Kommersant*, 1999, no 49, March 26. (In Russian)
- 2 Bekhterev V. M. Rol' vnusheniia v obshchestvennoi zhizni [The Role of Indoctrination in Public Life]. *Ob"ektivnoe izuchenie lichnosti: Izbr. tr. po psikhologii lichnosti: v 2 t.* [Objective Personality Study: selected works on personality psychology. In 2 vols.]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 1999, vol. 2, pp. 169–219. (In Russian)
- 3 Borodulin V. 15 000 000000 dollarov poteriala Rossiia blagodaria Primakovu [Russia has lost 15 000 000000 dollars thanks to Primakov]. *Kommersant*, 1999, March 24. (In Russian)
- 4 Vernite Billu Moniku, a serbam — pokoi [Give Monika back to Bill, peace — to the Serbs]. *Moskovskii komsomolets*, 1999, March 27. (In Russian)
- 5 Volkhonskii B. Igor' Ivanov: epokha Rambouie perecherknuta [The times of Rambouillet are swept aside]. *Kommersant*, 1999, March 27. (In Russian)
- 6 Vudberg A. “Patriotam” nuzhny den'gi [“Patriots” need money]. *Moskovskii komsomolets*, 1999, March 27. (In Russian)
- 7 Genshtab nanes po NATO informatsionnyi udar [The General Staff has delivered an information blow on NATO]. *Kommersant*, 1999, March 27. (In Russian)
- 8 Gornostaev D. Igor' Ivanov edet na Balkany [Igor Ivanov goes to the Balkans]. *Nezavisimaia gazeta*, 1999, March 11. (In Russian)
- 9 Gus'kova E. Ju. *Agressija NATO protiv Jugoslavii v 1999 godui process mirnogo uregulirovanija* [The NATO aggression against Yugoslavia in 1999 and the process of peace regulation]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 312 p. (In Russian)
- 10 Gus'kova E. Ju. *Istorija jugoslavskogo krizisa (1990–2000)* [The history of the Yugoslavian crisis]. Moscow, Russkoe pravo Publ., 2001. 720 p. (In Russian)
- 11 Gus'kova E. Kosovo: novoe ispytanie dlia rossiiskoi diplomatii [Kosovo: new challenge for the Russian diplomacy]. *Nezavisimaia gazeta*, 1999, March 12. (In Russian)
- 12 Zhdet li Rossiiu vneshnepoliticheskii defolt? [Is Russia in for the foreign policy default?]. *Nezavisimaia gazeta*, 1999, March 24. (In Russian)
- 13 Krutakov L. Klin Billom vyshibaiut [Kill fire with Bill]. *Moskovskii komsomolets*, 1999, March 30. (In Russian)
- 14 Lik — litso — lichina Sloba Miloshevicha [Image, face, mask of Sloba Miloshevich]. *Moskovskii komsomolets*, 1999, March 29. (In Russian)
- 15 *Nezavisimaia gazeta*, 1999, March 25. (In Russian)
- 16 Ocherednoi “poslednii shans” dlia Belgrada [Another “last chance” for Belgrad]. *Nezavisimaia gazeta*, 1999, March 23. (In Russian)
- 17 Pochemu turkam mozžno, a serbam — net? [Why it is not allowed to Serbs and not to Turks?]. *Moskovskii komsomolets*, 1999, March 25. (In Russian)
- 18 Pronina D. Du iu spik rashn? [Do you speak Russian?]. *Moskovskii komsomolets*, 1999, March 31. (In Russian)
- 19 Pushkov A. Otvrashchenie [Disgust]. *Nezavisimaia gazeta*, 1999, March 26. (In Russian)
- 20 Redkollegiia. Napisannomu verit' [Rely upon information]. *Kommersant*, 1999, March 26. (In Russian)

- 21 Sanktsii SShA protiv russkikh institutov — eto tol'ko nachalo [The USA sanctions against the Russia's institutions are just the beginning]. *Moskovskii komsomolets*, 1999, March 01. (In Russian)
- 22 Skvortsova-Ardabatskaia E. Ia prinesu tebe oblomok samoleta NATO [I will bring you a piece of NATO aircraft wreckage]. *Moskovskii komsomolets*, 1999, March 29. (In Russian)
- 23 Sysoev G. Bombardirovki budut prodolzhat'sia stol'ko, skol'ko Miloshevich khochet, chtoby my ikh prodolzhali [“Bombing will continue as long as Miloshevich wants us to continue”]. *Kommersant*, 1999, March 24. (In Russian)
- 24 Sysoev G. Belgrad khochet possorit' Rossiю s Zapadom [Belgrad wants to put Russia at odds with the West]. *Kommersant*, 1999, March 16. (In Russian)
- 25 Sysoev G. Miloshevichu dali poslednii shans [Miloshevich has been given the last chance]. *Kommersant*, 1999, March 20. (In Russian)
- 26 Walter Lippman. *Obshhestvennoe mnenie* [Public opinion]. Moscow, Institut Fonda “Obshhestvennoe mnenie” Publ., 2004. 384 p. (In Russian)
- 27 Fedotkina T. Bushu otstavili nogi... [Bush's legs have been smashed...]. *Moskovskii komsomolets*, 1999, April 01. (In Russian)
- 28 TsRU obviniaet Rossiю v sodeistvii serbam [The CIA accuses Russia of cooperating with Serbs]. *Nezavisimaia gazeta*, 1999, March 25. (In Russian)
- 29 IugovIu. V Kosovo — novaia “zachistka” [New mopping-up in Kosovo]. *Moskovskii komsomolets*, 1999, March 22. (In Russian)
- 30 Blundy A. Moscow warns NATO of nuclear build-up. *The Times*, 1999, April 30. (In English)
- 31 Bremner C. 200 feared dead in latest massacre. *The Times*, 1999, April 30. (In English)
- 32 Bremner C. Allies ridicule Serbs' “absurd” lawsuit. *The Times*, 1999, May 12. (In English)
- 33 Farrell S. Kosovo Boy Took British Doctors to Mass Grave. *The Times*, 1999, April 28. (In English)
- 34 Frinnegan W. Wars and the man. *The New Yorker*, 1999, April 19. (In English)
- 35 Mitchell C. Home Sweet Home. *The New York Times Magazine*, 1999, June 27. (In English)
- 36 O'Connell A. Kosovo exiles housed next to Serb church. *The Times*, 1999, April 30. (In English)
- 37 Owen R. Tempers Flare in Teeming Camps. *The Times*, 1999, April 28. (In English)
- 38 Prentice E-A. Belgrade citizens endure life of siege in the shadow of the NATO missiles. *The Times*, 1999, May 12. (In English)
- 39 Riddell P. Support for war remains firm. *The Times*, 1999, April 30. (In English)
- 40 Sontag S. Why Are We in Kosovo? *The New York Times Magazine*, 1999, May 02. (In English)
- 41 Tomasky M. Air Pressure. *New York Magazine*, 1999, April 26. (In English)
- 42 Weisberg J. Bombs and Blockbusters. *The New York Times Magazine*, 1999, April 11. (In English)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. М. В. Юркова

г. Архангельск, Россия

ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ И ПРИРОДНОЙ СПЕЦИФИКИ РЕГИОНА ДЛЯ ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗА «МАЛОЙ РОДИНЫ»

(на примере жителей Архангельской области)

Аннотация: Целью статьи является анализ восприятия образа «малой родины» с точки зрения влияния на него культурных и природных особенностей региона. Анализ базируется на основе данных социологического опроса, который был проведен среди жителей Архангельской области с ноября 2015 по апрель 2016 г. Исследование показало, что природные и культурные особенности являются ключевыми составляющими образа «малой родины» для жителей Архангельской области. При этом респонденты по-разному подходят к составляющей образа «малой родины»: образы, связанные с природой, используются ими для обозначения личной связи с местом, где они проживают, в то время как образы, связанные с культурной спецификой, апеллируют к значимости региона, его причастности к Всероссийской истории и культуре.

Ключевые слова: образ региона, образ «малой родины», культурная специфика региона, природная специфика региона.

Информация об авторе: Марина Викторовна Юркова — аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, ул. Набережная Северной Двины, д. 17, 163002, Архангельск, Россия. E-mail: MarinaYurkova23@yandex.ru

Дата поступления статьи: 27.02.2017

Дата публикации: 15.09.2017

Взаимоотношения человека с местом, которое он считает своей «малой родиной», имеют индивидуальную основу и складываются под влиянием многочисленных факторов. Наше исследование посвящено анализу восприятия образа своей «малой родины» жителями Архангельской области с точки зрения влияния на него культурных и природных особенностей региона.

«Малая родина» — это восприятие множественностью взаимодействующих индивидов своей среды обитания как особой, некой условной целостности, обладающей внутренней культурной и пространственной логикой [7, с. 188]. Понятие «малая родина» не может иметь строго определенного пространственного эквивалента из-за своего субъективного характера, поскольку «у каждого индивида своя малая родина», и отождествление себя происходит не с внешне продиктованным регионом, а со своим, наполненным личным смыслом пространством [8, с. 357].

Образ «малой родины» представляет собой «набор отрывочных, казалось бы, малосвязанных между собой словесных, зрительных, поведенческих текстов» [13].

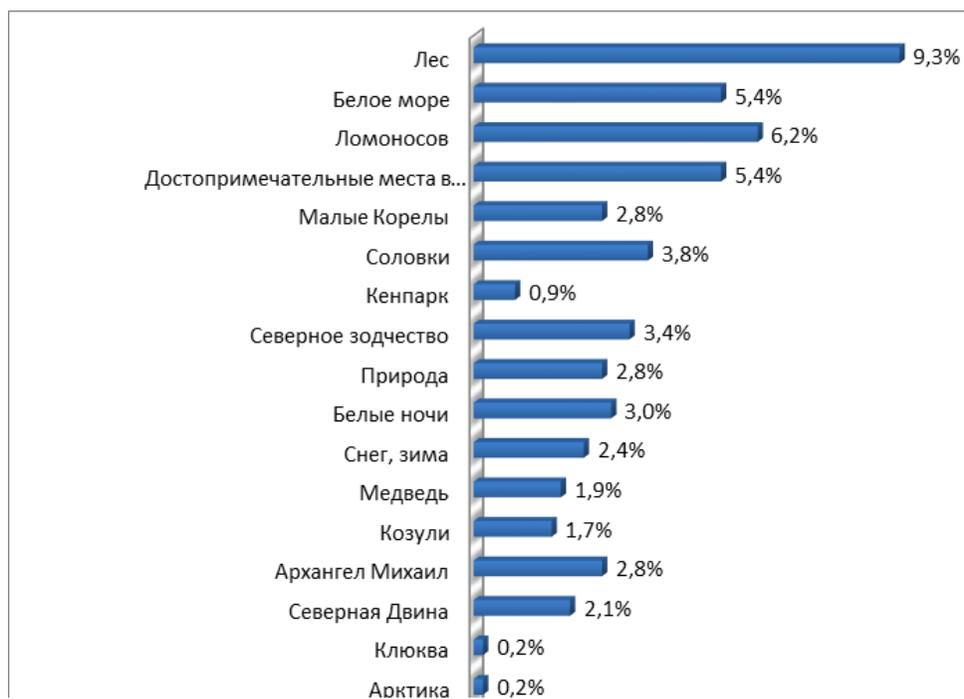
Он не апеллирует к величине и могуществу, нуждается в конкретном, реальном человеке, который «будет любить свою малую землю». В отличие от образа «Большой Родины», он связан с конкретной группой, сообществом, несет в себе представления об исконности, прирожденности «природности» места, а также дает человеку ощущение его личной незаменимости [16].

В рамках нашего исследования был проведен социологический опрос, направленный на изучение образа Архангельской области в глазах жителей региона. Анкетирование проходило с ноября 2015 по апрель 2016 г. и охватило 510 человек из различных городов и районов области. В одном из вопросов респондентам было предложено указать, что является символом Архангельской области для них лично. Данный прием позволяет выяснить, какие особенности региона, по мнению респондентов, наиболее ярко отражают образ малой «родины», а также определить, какие составляющие образа «малой родины» являются ключевыми.

Стоит отметить, что большинство респондентов (30,3%) указали символы, связанные с природой региона, чуть меньшее количество (27%) назвали символы, относящиеся к культурной специфике, 5,3% связали символ региона с производством, 3,6% выбрали в качестве символа то, что касается их лично (близкие люди, родной город), 1,8% назвали негативные символы (плохие дороги, заброшенные деревни), 32% затруднились с ответом на вопрос. Можно отметить, что образы, связанные с природой и культурной спецификой, являются доминирующими, поскольку именно с ними большинство респондентов связало личный символ региона. Результаты, отражающие указанные природные символы и символы, связанные с культурной спецификой, представлены на диаграмме 1.

Диаграмма 1 — Символы, связанные с природной и культурной спецификой, названные респондентами

Chart 1 — Symbols associated with the natural and cultural characteristics named by respondents

Наиболее часто упоминаемым личным символом стал «лес», его обозначили 9,3% респондентов. Стоит отметить, что при ответе на другие вопросы респонденты часто обращались к этой образной составляющей: так, при ответе на вопрос «Опишите Архангельскую область пятью прилагательными» 12,3% опрошенных использовали характеристику «лесная»/«лесистая», а 8% указали лес в качестве достоинства региона. Некоторые респонденты при выделении леса в качестве символа придавали своему выбору личное осмысление: «лес, в котором я люблю собирать грибы и ягоды», «лес, в котором мы часто гуляем всей семьей». Таким образом, лес действительно очень значим для региона как в природном, так и в экономическом плане, на этом фоне даже звучали предложения сделать Архангельский лес территориальным брендом «наряду с Соловками и родиной Ломоносова» [1].

Непосредственно с лесом связаны и некоторые другие символы, указанные респондентами. Так, 1,9% назвали медведя, а 0,2% — клюкву. Такой результат закономерен, так как при выборе животного, ассоциирующегося с Архангельской областью, медведя указали большинство респондентов (24,6%), при этом самым популярным объяснением ассоциации стало утверждение «Медведь — хозяин леса». Что же касается клюквы, то при выборе растения, ассоциирующегося с регионом, ответ «северные ягоды» стал вторым по популярности, его указали 18% опрошенных.

Вторым по популярности природным символом стало Белое море, его назвали 5,4% респондентов. Эта образная составляющая также часто встречалась при ответе на другие вопросы, хоть и в гораздо меньшей степени. При описании региона 2,1% опрошенных назвали Архангельскую область «морской», 5% указали его в качестве черты, которая им нравится в регионе. 1,9% обязательно бы рассказали о Белом море человеку, который никогда не был в Архангельской области. Стоит отметить тот факт, что историческая связь региона с морем респондентами не была отражена, несмотря на то что образ первого русского порта является одним из формообразующих срезов Архангельска [14]. В то же время респондентами был сделан упор на его природные особенности: «рассказала бы о приливах и отливах моря», «море, которое целиком замерзает, мне не верили».

3% опрошенных назвали в качестве символа Архангельской области белые ночи. Этот образная составляющая упоминалась реже при ответе на другие вопросы по сравнению с предыдущими: 5,9% указали ее в качестве достоинства региона, а 4,3% написали, что обязательно рассказали бы о белых ночах человеку, который никогда не был в регионе. Описывая данный феномен, респонденты подчеркивали, что он отражает региональную уникальность: «белые ночи круче, чем в Санкт-Петербурге», «особенно привлекают внимание белые ночи».

Стоит отметить, что Белое море и белые ночи описаны респондентами как яркие уникальные символы региона, однако называли их гораздо реже, чем лес, отличительные особенности которого отражены не были (белые ночи указали почти в три раза меньше респондентов, а Белое море — в четыре раза). Это можно объяснить тем, что если лес близок жителям всего региона, то Белое море и белые ночи — только жителям северных районов области.

2,8% опрошенных назвали в качестве символа региона непосредственно природу. При ответе на другие вопросы респонденты упоминали данную образную составляющую чаще всех остальных: 35,3% назвали природу достоинством региона, а 19,2% рассказали бы о ней человеку, который никогда не был в Архангельской области. При этом респондентами был указан широкий спектр прилагательных комплиментарного

характера: «уникальная», «необычайно красивая», «живописная», «необычная», «разнообразная», «шикарная», «прекрасная», «впечатляющая», «великолепная». На наш взгляд, столь небольшой процент опрошенных, указавших природу в качестве личного символа, объясняется тем, что эта образная составляющая лишена конкретики.

2,4% указали в качестве символа снег и зиму, к образам которых респонденты обращались довольно часто: 5,9% охарактеризовали область как «снежную», 1,2% рассказали бы о снеге людям, не бывавшим в регионе, также несколько человек упомянули «суровую зиму» при описании регионального климата, а еще двое написали, что посоветовали бы людям, никогда не бывавшим в регионе, приехать в Архангельскую область именно зимой, чтобы «кататься с горок». Все это объясняется спецификой регионального климата с продолжительной (в северных районах до 250 дней) холодной и снежной зимой [11].

2,1% назвали в качестве символа Северную Двину. К образам рек и озер респонденты отсылались реже, чем к предыдущим: 2,1% назвали область речной и озерной, а 6,5% назвали их достоинством региона. Больше пресные водоемы при ответе на вопросы не упоминались, хотя Архангельская область богата водными ресурсами [11].

Реже всех среди названных символов, связанных с природной спецификой региона, упоминалась Арктика, ее указали всего 0,2% респондентов. При этом обращение к образу Арктики при ответе на все остальные вопросы также было более редким: 1% охарактеризовали Архангельскую область как «арктическую»/«полярную», и 1% назвали связь с Арктикой достоинством региона. В то же время Архангельская область активно позиционирует себя как регион, являющийся «воротами в Арктику»: «освоение Арктики началось именно с Севера России, мы стали первооткрывателями», «многие экспедиции по изучению и открытию арктического края берут начало именно на поморской земле» [4].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что образы, связанные с природной спецификой региона, выбирались респондентами больше на основе связи с тем местом, где проживает человек, личными переживаниями и осмыслением, чем были продиктованы влиянием внешних факторов, таких как СМИ или образовательный процесс. И наоборот, образы, связанные с культурной составляющей, речь о которых пойдет ниже, выбирались по противоположному принципу. При этом большинство из них упоминалось только при ответе на этот вопрос, поэтому сложно установить, насколько значимой является та или иная образная составляющая. К примеру, при перечислении достоинств региона 4,7% назвали культуру, 4,1% — историю, 3,5% — традиции, 2,5% — музеи, но за исключением архитектуры не было указано ничего, что фигурирует в ответе на вопрос «Что является символом региона лично для Вас?»

Самым популярным символом, связанным с культурной спецификой региона, стал Михаил Васильевич Ломоносов, его указали 6,2% респондентов (среди всех личных символов, он занимает второе место, уступая лесу).

Одним из факторов, которые могли оказать влияние на выбор респондентов, является частота упоминания имени Ломоносова как самого выдающегося земляка. Имя ученого часто встречается в Архангельской топонимике: в честь него назван один из центральных городских округов и один из центральных проспектов, Архангельский областной театр драмы, Центральная городская библиотека, Северный (Арктический) федеральный университет (до его образования имя Ломоносова носил Поморский государственный университет), другие образовательные учреждения, общественные организации, морские суда, а также его родное село в Холмогорском районе, площади и ули-

цы в других городах области [6]. В 2011 г. в регионе масштабно отмечался 300-летний юбилей ученого: было проведено около двухсот культурно-общественных, информационных, научных, образовательных мероприятий, посвященных популяризации, изучению биографии, научного и творческого наследия М. В. Ломоносова. Торжества получили широкое освещение в информационном пространстве региона [5, с. 159]. На наш взгляд, частота упоминания этого образа при ответе на вопрос продиктована именно пропагандой в средствах массовой информации и постоянным упоминанием имени Ломоносова в образовательном процессе.

5,4% респондентов назвали символом региона сам Архангельск или его достопримечательные места, из которых наиболее часто упоминаемым стал небоскреб на площади Ленина, обозначающийся в неофициальной топонимике как «Высотка». Здание изначально было построено как архитектурная доминанта над тогда еще деревянным Архангельском [15] и до сих пор является одним из ориентиров и самым узнаваемым символом города, по мнению местных жителей [9]. Также были упомянуты Нулевая верста, Набережная, здание Гостиных дворов, но все это образы, которые могли бы составить так называемый Skyline силуэт Архангельска, если бы в нем возникла необходимость. На данный же момент они достаточно растиражированы на эмблемах, афишах, изображениях в СМИ и социальных сетях, поэтому ввиду отсутствия указаний на личные взаимоотношения респондентов с данным местом можно говорить, что упоминались эти образы под воздействием внешних факторов.

3,8% опрошенных указали Соловки, которые являются одним из самых узнаваемых символов региона. Культурно-исторический комплекс Соловецкого монастыря является единственным объектом культурного наследия на территории Архангельской области, который включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Кроме этого, Соловки считаются одним из самых привлекательных туристических объектов Русского Севера, благодаря не только богатой истории места и значимым памятникам, но и уникальной природе [3, с. 9]. В данном случае мы видим обращение к образу, который говорит о региональном величии и значении, т. е. о том, что скорее характерно для образа «Большой Родины», нежели «малой».

То же самое можно сказать о музее деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (самого крупного музея такого типа под открытым небом в России), который назвали 2,8% респондентов. Основная экспозиция включает четыре сектора (Каргопольско-Онежский, Мезенский, Двинской и Пинежский), на территории которых представлены образцы культовых, жилых и хозяйственных архитектурных сооружений различных историко-культурных зон Русского Севера [10, с. 21–22]. Кроме этого стоит отметить, что 1% опрошенных рассказали бы о Малых Корелах человеку, который никогда не был в регионе. 3,4% респондентов считают символом само Северное зодчество, при этом 11,2% отмечали, что считают архитектуру одним из региональных достоинств. На наш взгляд, данный выбор говорит о стремлении выделить уникальные черты региона.

2,8% обратились к официальной символике, указав герб региона либо назвав в качестве символа Архангела Михаила, изображенного на гербе. Современный вариант регионального герба принят 15 июля 2003 г., при этом в Областном законе о гербе прописано, что изображение Архангела необходимо трактовать как небесного покровителя региона [11]. На наш взгляд, подобный выбор противоречит формулировке вопроса «является символом лично для Вас» и говорит о слабом осмыслении образа «малой родины» и своей личной связи с Архангельской областью.

1,7% опрошенных назвали в качестве символа козули. Архангельские козули представляют собой фигурное печенье из пряничного теста с цветной глазурью, отличающиеся красочным оформлением и особым вкусом, который получается благодаря смеси различных пряностей. Появившись на Архангельском Севере на рубеже XVII–XVIII вв., расписные пряники стали неизменным атрибутом различных праздников и до сих пор являются одним из так называемых «кулинарных брендов» региона за его пределами [2]. Стоит сказать, что 0,2% отметили, что обязательно рассказали бы о козулях человеку, который никогда не был в Архангельской области.

Из всех личных символов, связанных с культурной спецификой региона, реже всего упоминался Кенозерский национальный парк, его назвали 0,9% респондентов. Территория парка считается образцом «североевропейского культурного ландшафта, сохранившего на своей территории традиции и реликтовые формы народного творчества, хозяйствования и природопользования» [12]. Здесь опять идет обращение к уникальности, однако количество людей выбравших парк в качестве символа крайне мало.

Кроме этого хочется отметить, что спектр названных символов, относящихся к культурной специфике региона, достаточно узок. Так, не были названы многие промыслы (щепная птица счастья, резьба по кости, северные росписи), сказки Б. В. Шергина и С. Г. Писахова, практически отсутствовали наименования конкретных архитектурных сооружений.

В целом, несмотря на то что количество людей, выделивших природные символы, всего на три процента больше, чем тех, кто назвал символы, связанные с культурной спецификой, при более тщательном рассмотрении выясняется, что природная специфика региона на личном уровне осмыслена более глубоко. Образы, относящиеся к природе, часто упоминаются, при их помощи описывают регион, им дают оценку и характеристику, выделяют в качестве достоинств и стремятся рассказать о них людям, которые ни разу не посещали Архангельскую область. При описании респонденты использовали выражения, которые указывали на их личную причастность к данным образам: «люблю там гулять», «люблю собирать ягоды», «я рассказывал, но мне не верили». При этом практически не упоминаются конкретные объекты (кроме Северной Двины и Белого моря), а называются более обобщенные (лес, природа, снег, зима).

Что же касается культурной специфики региона, то здесь речь идет о конкретных растиражированных в информационном пространстве образах, которые уже входят в негласный список региональных символов, и респонденты только выбирали тот, который им ближе. Некоторые выбрали образы, больше подчеркивающие уникальность региона (козули, северное зодчество), другие останавливались на тех, кто больше подчеркивает значимость региона для Всероссийской культуры и истории (Соловки, Малые Корелы, М. В. Ломоносов). На наш взгляд, нельзя до конца исключить вероятность, что некоторые при выборе того, что, по их мнению, символизирует регион, руководствовались личными причинами, поскольку объяснять свой выбор от респондентов не требовалось. Однако формулировки, относящиеся к личным переживаниям (например, «я люблю покупать козули на праздники», «мимо Высотки я каждый день хожу на работу» и т. п.), при ответе на открытые вопросы анкеты отсутствовали, тогда как при описании природных символов они хоть и не в большом количестве, но были.

Таким образом, именно при выделении и описании природных особенностей жители региона рассматривают его как «малую родину», выделяя то, что лично им близко или интересно. Когда же речь заходит о культурной составляющей регионального образа, то во внимание принимаются объекты, связанные с величием и значи-

мостью региона либо являющиеся его гласными или негласными брендами. В целом, на основании опроса можно сделать вывод о том, что жители Архангельской области воспринимают регион во всем его культурном и природном богатстве и разнообразии, осознавая его включенность в российское и глобальное культурное пространство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бренд «Архангельский лес» повысит инвестиционную привлекательность ЛПК региона // News29.ru. URL: http://www.news29.ru/novosti/ekonomika/Brend_Arhangelskij_les_povyсит_investicionnuju_privlekatelnost_LPK_regiona/31648 (дата обращения: 30.01.2017).
- 2 *Вертячих А.* Козульные сласти. Архангельская пряничная традиция прижилась в Петербурге // Санкт-Петербургские ведомости. 2009. 9 июля. URL: http://old.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10259521@SV_Articles (дата обращения: 29.01.2017).
- 3 *Грушенко Э. Б.* Анализ развития туризма на Соловецких островах // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. № 1 (29). С. 9–12.
- 4 *Дробижева Л.* Российская, этническая и республиканская идентичность: конкуренция или совместимость // Центр и региональные идентичности в России: сб. статей. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та; Летний Сад, 2003. С. 47–77.
- 5 *Иванкин И. И., Журавлев П. С.* 300 лет М. В. Ломоносову в Архангельской области // Вестник САФУ. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 159–164.
- 6 Имя Ломоносова на карте Архангельска: рек. указатель / сост. Т. В. Колоденко. Архангельск, Пресс-Принт, 2008. 59 с.
- 7 *Крылов М. П.* Региональная идентичность // Гуманитарная география: науч. и культур.-просветит. альм. / сост., отв. ред. Д. Н. Замятин. М.: Ин-т Наследия, 2005. Вып. 2. С. 360–363.
- 8 *Крылов М. П.* Российское культурно-историческое пространство. Проблема региональной идентичности // Мир психологии. 2005. № 3. С. 187–200.
- 9 *Лохновская М. А.* Территориальный брендинг на примере города Архангельска (социологическое исследование) // Ломоносовские научные чтения студентов, аспирантов и молодых ученых — 2015 / сост. Н. В. Баталова. Архангельск: Изд-во САФУ, 2015. С. 363–367.
- 10 *Преминина Я. К., Хвостова А. В.* Оценка и перспективы рекреационного использования природно-культурного потенциала ФГУК «Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства Малые Корелы» // Вестник Поморского университета. Серия: Естественные науки. 2011. № 1. С. 19–26.
- 11 Портал Правительства Архангельской области. Регион // Портал Правительства Архангельской области. URL: <http://dvinaland.ru/region/-8vjeeb6s> (дата обращения: 31.01.2017).
- 12 Сайт Кенозерского национального парка. URL: <http://kenozero.ru/o-parke/materialy/obshchaya-informatsiya/> (дата обращения: 28.01.2017).
- 13 *Сандомирская И.* Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик // Библиотека Янко. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/sadomirskaya-rodina.htm> (дата обращения: 30.01.2017).

- 14 *Терещенко Е. Ю.* Значение портовых городов в формировании морской культуры европейского Севера // Чарнолуские чтения: материалы межвузовской научно-практической конференции. 24–26 марта 2008 г. Мурманск: МГПУ, 2009. Ч. 1. С. 76–80.
- 15 *Харитонов Н.* Центральная площадь Архангельска // Архангельск Пресса. URL: <http://arhpress.ru/psz/2009/10/21/17.shtml> (дата обращения: 29.01.2017).
- 16 *Чернявская Ю. В.* Тоска по пространству // Человек. 2006. № 4. С. 5–12.

© 2017. Marina V. Yurkova
Arkhangelsk, Russia

**ON IMPORTANCE OF REGIONAL CULTURE AND REGIONAL NATURE SPECIFICS FOR THE “SMALL HOMELAND” IMAGE PERCEPTION
(as exemplified by inhabitants of Arkhangelsk region)**

Abstract: The purpose of our article is to explore “small homeland” image perception from the point of view of the regional cultural and natural specifics influence. The analysis is based on sociological data obtained from Arkhangelsk region inhabitants from November 2015 to April 2016. The research revealed that cultural and natural specific characteristics are main “small homeland” image components for inhabitants of Arkhangelsk region. Herewith, respondents approach to cultural and natural “small homeland” image components differently. They use images associated with nature to indicate a personal connection with the place of residence. At the same time the images associated with culture are appealing to region importance and its involvement in all-Russian history and culture.

Keywords: image of the region; the image of one's small motherland, cultural specific character of the region, regional nature specifics.

Information about the author: Marina V. Yurkova — Graduate Student, Northern (Arctic) Federal University, Severnaya Dvina emb., 17, 163002 Arkhangelsk, Russia. E-mail: MarinaYurkova23@yandex.ru

Received: February 27, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Brend “Arkhangel'skii les” povysit investitsionnuiu privlekatel'nost' LPK regiona [The brand “Arkhangelsk Forest” will increase investment attractiveness of the regional timber industry]. *News29.ru*. Available at: http://www.news29.ru/novosti/ekonomika/Brend_Arhangelskij_les_povysit_investicionnuju_privlekatel'nost_LPK_regiona/31648 (accessed 30 January 2017). (In Russian)
- 2 Vertiachikh A. Kozul'nye slasti. Arkhangel'skaia prianichnaia traditsiia prizhilas' v Peterburge [Gingerbreads “kozuli” sweets. Arkhangelsk gingerbread tradition has taken root in St. Petersburg]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 2009, July 9. Available at: http://old.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10259521@SV_Articles (accessed 29 January 2017). (In Russian)

- 3 Grushenko E. B. Analiz razvitiia turizma na Solovetskikh ostrovakh [Analysis of tourism development on Solovetsky Islands]. *Sever I rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriadka*, 2012, no 1 (29), pp. 9–12. (In Russian)
- 4 Drobizheva L. Rossiiskaia, etnicheskaia i respublikanskaia identichnost': konkurentsiia ili sovместimost' [Russian, ethnic and republican identity: competition or compatibility]. *Tsentr i regional'nye identichnosti v Rossii: sb. statei*. [Center and regional identity in Russia: collection of articles]. St. Petersburg, Moscow, Izdatel'stvo Evropeiskogo Universiteta Publ.; Letnii Sad Publ., 2003, pp. 47–77. (In Russian)
- 5 Ivankin I. I., Zhuravlev P. S. 300 let M. V. Lomonosovu v Arkhangel'skoi oblasti [The 30th anniversary of Mikhail Lomonosov in Arkhangel'sk region]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2012, no 1, pp. 159–164. (In Russian)
- 6 *Imia Lomonosova na karte Arkhangel'ska: rek. ukazatel'* [Lomonosov name in the Arkhangel'sk map: index]. Editor-compiler T. V. Kolodenko. Arkhangel'sk, Press-Print Publ., 2008. 59 p. (In Russian)
- 7 Krylov M. P. Regional'naia identichnost' [Regional identity]. *Gumanitarnaia geografiia: nauch. i kul'tur.-prosvetit. Al'm* [Humanitarian geography. Scientific and a cultural-educational almanac]. Editor-compiler D. N. Zamiatin. Moscow, In-t Naslediia Publ. 2005, no 2, pp. 360–363. (In Russian)
- 8 Krylov M. P. Rossiiskoe kul'turno-istoricheskoe prostranstvo. Problema regional'noi identichnosti [Russian cultural and historical space. The issue of regional identity]. *Mir psikhologii*, 2005, no 3, pp. 187–200. (In Russian)
- 9 Lokhnovskaia M. A. Territorial'nyi brending na primere goroda Arkhangel'ska (sotsiologicheskoe issledovanie) [Regional branding as exemplified by Arkhangel'sk city (sociological research)]. *Lomonosovskie nauchnye chteniia studentov, aspirantov i molodykh uchenykh — 2015: sbornik materialov konferentsii* [Lomonosov Scientific Conference of students and young scientists — 2015: Conference Proceedings]. Editor-compiler N. V. Batalova. Arkhangel'sk, Izdatel'stvo SAFU Publ., 2015, pp. 363–367. (In Russian)
- 10 Preminina Ia. K., Khvostova A. V. Otsenka i perspektivy rekreatsionnogo ispol'zovaniia prirodno-kul'turnogo potentsiala FGUK “Arkhangel'skii gosudarstvennyi muzei dereviannogo zodchestva i narodnogo iskusstva Malye Korely” [Evaluation and prospects of the natural and cultural potential recreational use of Federal State Institution of Culture “Arkhangel'sk State Museum of Wooden Architecture and Folk Art Malye Korely”]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Serii: Estestvennye nauki*, 2011, no 1, pp. 19–26. (In Russian)
- 11 Portal Pravitel'stva Arkhangel'skoi oblasti. Region. [Arkhangel'sk region Government website. Region]. *Portal Pravitel'stva Arkhangel'skoi oblasti* [The portal of the Arkhangel'sk region Government]. Available at: <http://dvinaland.ru/region/-8vjeeb6s> (accessed 31 January 2017). (In Russian)
- 12 *Sait Kenozerskogo natsional'nogo parka. Obshchaia informatsiia*. [Kenozersky National Park website. General information]. Available at: <http://kenozero.ru/o-parke/materialy/obshchaya-informatsiya/> (accessed 28 January 2017). (In Russian)
- 13 Sandomirskaia I. Kniga o Rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik. [Book about Motherland. Experience in the analysis of discursive practices]. *Biblioteka Ianko* [Janka's library]. Available at: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/sandomirskaya-rodina.htm> (accessed 30 January 2017). (In Russian)

- 14 Tereshchenko E.Iu. Znachenie portovykh gorodov v formirovanii morskoi kul'tury evropeiskogo Severa [The port cities role in the European North marine culture formation]. *Charnoluskie chteniia: materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 24–26 marta 2008 g.* [Charnolusky readings: materials of the intramural university scientific-practical conference. 24–26 March, 2008]. Murmansk, Izd-vo MGPU Publ., 2009, part 1, pp. 76–80. (In Russian)
- 15 Kharitonov N. Tsentral'naia ploshchad' Arkhangel'ska [Arkhangelsk central square]. *Arkhangel'sk Pressa* [Arkhangelsk Press]. Available at: <http://arhpress.ru/psz/2009/10/21/17.shtml> (accessed 29 January 2017). (In Russian)
- 16 Cherniavskaia Iu. V. Toska po prostranstvu [Longing for space]. *Chelovek*, 2006, no 4, pp. 5–12. (In Russian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. Н. С. Мурашова
г. Новосибирск, Россия

ПЕРСОНОСФЕРА СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ДУХОВНОГО СТИХА

Статья подготовлена при поддержке РГНФ проект № 15-04-00113
«Духовный стих в традиционной культуре старообрядцев»

Аннотация: Духовный стих как вид художественного творчества отличается собственной жанровой персоносферой, которая была значительно расширена старообрядческими авторами. Анализ персонажной сферы старообрядческого репертуара в контексте системы персонажей общерусских образцов свидетельствует об определенной автономности и самодостаточности метажанра старообрядческого духовного стиха. Рассмотрены ветхозаветная, новозаветная, агиографическая, апокрифическая и историческая группы персонажей. Специфическими для старообрядческих памятников являются исторические действующие лица — участники событий, обусловленных расколом церкви. При этом реальные герои утрачивают свою подлинность, превращаясь в художественных персонажей, которых можно соотнести с определенными персонажными типами: мучеников, христианских просветителей и знатоков вероучения, пустынножителей, аскетов, божьих угодников, чудотворцев и противостоящих им гонителей, лжеучителей, вероотступников и т. д. Типизация позволяет персонажей из мира старообрядцев поставить в один ряд с библейскими героями и христианскими святыми. В духовных стихах совершается народная канонизация ревнителей древнего благочестия. При всей многочисленности персоносферы в качестве метаперсонажей, аккумулирующих вокруг себя остальных героев, выступают праведник и грешник как выразители христианской аксиологии. Персоносфера старообрядческих духовных стихов отражает систему общехристианских ценностных координат и в то же время выступает способом религиозной идентификации ревнителей древнего благочестия и средством сохранения их этноконфессионального своеобразия. Собирая вокруг себя остальных героев, праведник и грешник выступают как выразители христианской аксиологии. Персоносфера старообрядческих духовных стихов отражает систему общехристианских ценностных координат и в то же время выступает способом религиозной идентификации ревнителей древнего благочестия и средством сохранения их этноконфессионального своеобразия.

Ключевые слова: духовный стих, старообрядцы, персоносфера, персонажные типы.

Информация об авторе: Наталья Сергеевна Мурашова — кандидат искусствоведения, доцент, Новосибирский государственный педагогический универси-

тет, ул. Вилюйская, д. 28, 630126 г. Новосибирск, Россия. E-mail: 2107542@mail.ru

Дата поступления статьи: 13.03.2017

Дата публикации: 15.09.2017

Персоносферу как категорию культуры впервые исследовал Г. Г. Хазагеров. По мысли ученого, персонифера — это «сфера литературных, исторических, фольклорных, религиозных персонажей», которая свойственна «тому или иному культурному ареалу» [18, с. 133]. Представители различных культурных ареалов вступают в определенные отношения с субъектами персониферы, разделяя их на положительных и отрицательных, на тех, кто выражает их ценности, и тех, кто является носителем антиценностей. В нашей работе мы обратились к старообрядческому социуму, чья персонифера в концентрированном виде аккумулирована в духовных стихах и наряду с геокультурными и темпоральными представлениями отражает картину мира носителей древнего благочестия. Изучение персониферы помогает получить представление об аксиологических ориентирах и целях развития старообрядческого культурного ареала.

В духовном стихе, как и в некоторых других видах традиционной художественной культуры (былинах, сказках), система персонажей выступает одним из способов жанрового маркирования. Тем самым духовный стих отличается собственной жанровой персониферой.

Целью статьи является характеристика персонажной сферы старообрядческих стихов духовного содержания в контексте системы персонажей общерусских образцов внебогослужебного духовного пения. Важно выявить наиболее распространенных, а также встречающихся только в старообрядческом репертуаре действующих лиц, чтобы доказать самодостаточность и определенную автономность метажанра старообрядческого духовного стиха.

Изначально систему персонажей духовному стиху дала христианская книжность, отчасти ее обогатил фольклор, наконец, она была дополнена реальными историческими личностями, в основном связанными с расколом церкви и дальнейшими гонениями староверов со стороны официальной власти. Христианские и фольклорные персонажи распространены в общерусских духовных стихах, а исторические герои во многом определяют своеобразие персониферы старообрядческого репертуара.

Поскольку духовный стих отличается многочисленностью персонажей, возникает необходимость их систематизации. Частично она предпринимается в исследовании Г. П. Федотова, объединяющего стихи в четыре тематические группы, две из которых связаны с персонажной сферой: о небесных силах, посвященные Пресвятой Троице, Христу, Богородице, ангелам и святым; о Матери-Земле. Федотов не ставил специальной задачи выявления полного круга персонажей, поэтому при характеристике других тематических разделов герои упоминаются, но не объединяются в группы [17].

А. В. Кудрявцева в цикле лекций о духовных стихах выделяет ветхозаветных героев (Адама, Иосифа), Христа, Богородицу, святых воинов Федора Тирянина и Егория Храброго, святых мучеников (Галактиона и Епистимию, Кирика и Улиту, Егория), пустынников и аскетов (Алексея человека Божия и Иосафа-царевича), святых, прославившихся посмертными чудотворениями (Николая Чудотворца и Димитрия Солунского) и, наконец, грешников [6].

В сборнике «Духовные стихи Воронежского края» частично применен принцип распределения текстов по главным героям. Среди прочих выделены персонажи из Ветхого завета, Христос, Богородица, святые мученики и чудотворцы (Алексей Божий человек, Георгий Победоносец, Варвара, Николай Чудотворец, Пантелеймон Целитель, Митрофан Воронежский, Тихон Задонский, Серафим Саровский, Ксения Петербургская) [4].

Наиболее последовательно классификация духовных стихов по персонажам представлена в сборниках Ф. М. Селиванова. В «Стихах духовных» 1991 г. составитель выявляет два цикла — о героях и аскетах [12]. В собрании 2004 г. он группирует героев по следующим типам: персонажи Ветхого Завета (Адам, Каин и Авель, Осип Прекрасный, Самсон-богатырь), евангельские персонажи (Христос, Богородица, Аллилуева жена), змеборцы (Федор Тирон, Егорий), мученики (Кирик и Улита, Галактион и Епистимия, Варвара), подвижники (Алексей Божий человек, Иосаф и Варлаамий, Онуфрий), чудотворцы (Агрик и его сын Василий, Микола Угодник, Дмитрий Солунский), Мать сыра земля, праведники и грешники (Два Лазаря, Марка богатый, Мария Египетская, Аника-воин), герои древнерусской истории (Борис и Глеб, Князь Владимир и его сыновья, Александр Невский, Михаил и Федор Черниговские, Петр митрополит, Димитрий Донской) [11].

Прослеживается тенденция выделения персонажных групп в зависимости от сюжетного источника текстов. Нам кажется такой подход наиболее убедительным в первую очередь в отношении эпических духовных стихов. В их повествовательных текстах описываются действия персонажей Ветхого и Нового Заветов, святых, представляющих различные лики святости, реальных исторических лиц. Большая часть персонажей духовных стихов имеет книжное происхождение, их источники — тексты Священного Писания, произведения святоотеческой литературы, агиография, переводные средневековые сочинения, апокрифы.

В стихах из старообрядческого репертуара можно выделить следующие персонажные группы: 1) ветхозаветная; 2) новозаветная; 3) агиографическая; 4) апокрифическая; 5) историческая. Все группы включают примерно равное количество героев, при том, что степень распространенности сюжетов, связанных с источниками их происхождения, неодинакова¹.

Группа ветхозаветных персонажей представлена следующими действующими лицами: Адам и Ева, Каин и Авель, Ной, Лот и его жена, Авраам (Абрам) и Исаак (Исаф), Агарь, Иаков (Яков), Иосиф и его братья, Иов². Библейскими персонажами второго плана являются Геден, моавитянка Руфь, боговидец Моисей, иерусалимские пленники, пророки, в том числе, персонифицированные именами Илии, Давыда, Софонии, Захарии, Исайи, два вавилонских царя: безымянный, воздвигший золотого ис-

¹ Материалом для исследования послужил составленный автором сводный каталог духовных стихов из репертуара старообрядцев (всего 1192 памятника), представляющих 27 региональных коллекций. Свод создан на основе 130 информационных источников: публикаций, дисков, Интернет-ресурсов, рукописей, хранящихся в ГПНТБ СО РАН, Институте истории СО РАН, материалов из Архива традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории, Архива Лаборатории археографических исследований Уральского государственного университета, Архива Астраханского Областного методического центра народной культуры, личного архива Н. С. Мурашовой.

² Здесь и далее в скобках приводятся варианты написания имен персонажей или их синонимичных номинаций из разных стиховников — рукописных сборников духовных стихов из старообрядческого обихода.

тукана, и Валтасар. Наибольшее распространение получили стихи об Адаме, основным мотивом которых является изгнание его из рая.

Главные персонажи ветхозаветных стихов происходят из книги Бытия, за исключением Иова, связанного с одноименной книгой. Второстепенные персонажи обязаны своим происхождением книгам Исход (Моисей), Судей Израилевых (Гедеон), Руфи (одноименный персонаж), Царств (Илия, Давыд), пророков Исаяи, Софонии, Захарии, которые и стали героями стихов. Из книги пророка Даниила в духовный стих попал вавилонский царь.

Группу новозаветных персонажей образуют: Христос, Богородица, родители Девы Марии, Иоанн Предтеча (Креститель), Иосиф, Ирод, волхвы (мудрецы, старцы) Гаспар, Мельхиор и Валтасар, пастухи и пастыри в рождественских сюжетах, Закхей, праведный Лазарь, Лазарь богатый и бедный, Иосиф с Никодимом, апостолы как группа учеников Христа и персонифицированные образы апостолов Петра, Иоанна, Павла, Иакова, Клеопы, Луки, Фомы, Зилота и Иуды, самарянка, архангел Гавриил в сюжете Благовещения, блудный сын (богатый человек и его два сына), Магдалина, (Понтийский) Пилат, Дисма (благоразумный разбойник Дисмас), виноградарь (садовник) и хозяин (господин) из притчи о неплодной смоковнице, мироносицы жены. Среди фоновых персонажей — иудеи, старейшины, книжники и фарисеи, гости на пиру в Кане Галилейской.

Главным персонажем духовных стихов является Христос, именуемый в текстах: Владыка Христов Царь Небесный, Господи Премилосердный, Исус, Прекрасный Исусе, Мессия, Пастырь мой, Сын Божий, Искупитель, Небесный Гость, Сладчайший Назарей, Создатель, Спасе, Спаситель, Учитель, Царь царей, Царь всей земли, Жених; в рождественских стихах: младенец, малютка, младенец-Бог; для Божьей Матери: Сын бесценный, Сын сладчайший.

Далее по распространенности следует Богородица, имеющая в стихах множество номинаций, группирующихся вокруг лексем дева, мать, царица-владычица:

— Всепетая Дево вечная, Дево чудная Всесвятейшая, Дева Пресвятая, Пресвятая Богородица Девица, Дева Мария, Дева чистая святая, Вечная дева чудная;

— Богоматерь, Матерь нежная, Матерь Пресвятая, Пречистая Матерь, Матерь Бога, Матерь Божия Мария, Матерь неба и земли, Мати милосерда, Мати Благословенная от всех родов избранная, Матерь Всепетая, Матерь Всесильная, Матерь Господа, Матерь нежная сердобольная, Мать Марешюшка, Матушка Мареша, Святая Мать великого царя;

— Царице Пречистая, Царица Небесная, Чудная Царица Богородица, Владычица.

Встречаются номинации, объединяющие два признака: Дева Мать, Девица всем царица. В единичных примерах Богородица именуется как Дщерь Небесного Отца и Заступница.

Распространенными евангельскими персонажами являются Иоанн Предтеча, блудный сын, Ирод, Иуда, Лазарь богатый и бедный, Иосиф, волхвы. Остальные относятся к редко встречающимся в духовных стихах. В целом, новозаветные персонажи связаны со всеми ключевыми событиями, представленными в четырех Евангелиях и Деяниях святых апостолов.

Следующую группу образуют агиографические персонажи, попавшие в духовные стихи из житийных сюжетов. Их можно разделить на несколько подгрупп в зависимости от ликов святости:

1) мученики и великомученики: Федор Тиро(и)н (Хиринец), Егорий Храбрый, Василий, пресвитер Анкирский; Варвара, Климент, папа Римский; Параскева (Парасковья), мученики как фоновые герои;

2) святители: Никола (святитель Николае, угодник Божий — помощник молящимся, чудотворец Николай, праведный Николаю, Христов святитель Николай), Иоанн Златоуст (Иван-архиепискуп), Киприян чудотворец, Василий Кесарийский;

3) преподобные: Варлаам и Иоасаф(е) (Асаф, Асафей-царевич, Осаф-царевич, Иоасаф царь индийский), Серапион Синдонит; Мартемьян (Мартиниан) и Зоя, Алексей человек Божий (сопутствующие персонажи: отец Евфимиан (Амфианий), мать Аглаида, невеста (супруга), патриарх, кесарь (Август), державнейший Гонорий, первосвященник Римский Иннокентий, собор иереев, домочадцы и рабы Евфимиана), Авраамий, Ефрем Сирий, Мария Египетская, Евфросиния Московская (упоминается в духовном стихе «Дмитровская суббота» как княгиня Евдокия [2]);

4) блаженные: Августин, Мария;

5) равноапостольный князь Владимир;

6) благоверные: Борис и Глеб, Дмитрий Донской.

Имеется интересный пример использования имени святого в нарицательном значении. В стихе «О преподобном Макарии» не воспроизводится житийная история, соответственно, неясно, какой именно Макарий имеется в виду. Упоминается обобщенный образ праведника, ведущего нравоучительный диалог с грешным человеком о спасении души: «А преподобныя Макарей пошел из пустыни, в мир он пошел православной» [2].

Агиографические персонажи представляют особый интерес, так как свидетельствуют о большой и многоплановой базе житийных сюжетов. Здесь и раннехристианские, и древнерусские святые, и фольклоризированные образы героев, попавших в народный репертуар из христианской семиосферы. Действующими лицами духовных стихов стали божьи угодники, церковные писатели и богословы, отцы и учителя церкви, христианские проповедники и просветители, аскеты, затворники и пустынники, раскаявшиеся грешники, ставшие праведниками, небесные покровители в различных жизненных ситуациях.

Наиболее многочисленную группу образуют раннехристианские святые, жившие в период с I по V вв.: папа римский Климент, Параскева, Николай Мирликийский, Варвара, Федор Тирон, Василий Кесарийский, Иоанн Златоуст, Августин, Василий Анкирский, Серапион Синдонит, Авраамий и Мария, Алексей человек Божий, Мартиниан и Зоя. Вторую, не столь представительную группу житийных персонажей, составляют русские святые XI–XV вв.: князья Владимир, Борис и Глеб, Дмитрий Донской, княгиня Евдокия, святитель Киприян. Исключены из старообрядческого репертуара произведения, связанные со святыми, канонизированными Русской православной церковью после раскола.

К апокрифическим можно отнести персонажей исходя из конкретной сюжетной ситуации, поскольку многие герои апокрифов упоминаются и в канонических текстах. В духовных стихах апокрифическое происхождение имеет архангел Михаил, фигурирующий в эсхатологических сюжетах в роли судьи на Страшном суде, в роли проводника Богородицы, показывающего мучения грешников в аду, наконец, в роли заступника в загробном мире. С апокрифом «Хождение Богородицы по мукам» связаны образы

Девы Марии и двух (трех) жидов из стихов «Со страхом, братия, мы послушаем»³, «Ходила дева по святой горе» [20, с. 18–19], трех дев из стиха «В воскресенье рано солнышко взошло»⁴.

К апокрифам восходят образы змееборцев духовных стихов: Федора Тирона из «Сказания о подвигах Федора Тиринина» и Егория Храброго (Георгия), связанного с легендой «Чудо Георгия о змие и о девице». Соответственно, сопутствующие главным героям персонажи также имеют апокрифическое происхождение: царь Константин Самойлович (Григорьевич) из «Федора Тирона», родной дядя Егория Федор Смоленский, царице Ондриянище и царевна Лисафея Алексеевна из «Егория Храброго», матери героев, змей как вражеский образ, богатыри в качестве фоновых персонажей.

Из «Сказания о двенадцати пятницах» в духовные стихи попала Параскева Пятница, имеющая сложный генезис, восходящий и к образу святой Параскевы и к языческой Мокоши.

Исторические персонажи духовных стихов можно разделить на две неравные группы. Первую образуют герои древнерусской истории. Это уже упомянутые житийные образы святителя Киприяна, князя Дмитрия, княгини Евдокии, фигурирующие в стихе «Дмитровская суббота», посвященном Куликовской битве [2]; князя Владимира и его сыновей Бориса, Глеба и Святополка из стиха «Восточная держава славного Киева града»⁵. В качестве фоновых персонажей в этих текстах упоминаются христиане и татары, бояре, воеводы. В целом, сюжеты, связанные с древнерусским периодом, не получили большого распространения среди староверов. В известных нам репертуарных сводах не были зафиксированы общерусские исторические стихи об Александре Невском, Михаиле и Федоре Черниговских и других героях.

Вторая группа представлена деятелями старообрядчества. Она отличается достаточной репрезентативностью как подвижников древлеправославия, так и их идеологических противников. Внутри группы «подвижников» можно выделить несколько подгрупп: 1) старообрядческие святые, 2) насельники выго-лексинского общежительства, 3) видные представители старообрядцев федосеевского толка, 4) страдальцы за веру и идеологи старообрядчества XX в.

Больше всего стихов посвящено святым, канонизированным старообрядческой церковью: священномученику Аввакуму, святителю Павлу, епископу Коломенскому; священномученице и исповеднице Феодоре (боярыне Морозовой), собору соловецких мучеников, пострадавших за веру во время осады монастыря в 1668–1676 гг.; святым божьим угодникам Аркадию и Константину Шамарским. За исключением последних, это были деятели начального этапа церковного раскола, поэтому они признаются всем старообрядческим миром. Братья же Аркадий и Константин проживали в Пермском крае в XIX в., сначала были беспоповцами часовенного толка, а затем перешли в поповское белокриницкое согласие; особенно широко почитаются уральскими староверами, будучи местночтимыми святыми.

Самым популярным героем старообрядческих произведений является протопоп Аввакум. Он выступает центральным персонажем пяти сюжетов: «В Даурии дикой пу-

³ Из рукописного стихарника Н. И. Козлова 1955 г., обнаруженного в г. Серебрянске Восточно-Казахстанской области у старовера-поморца Егора Яковлевича Неустроева.

⁴ Записан от уставщиков белокриницкой общины А. Емельянова и И. Мыльников в 1996 г. в г. Бийске.

⁵ Из рукописного стихарника Пермякова 1915 г., принадлежащего старообрядцам-поморцам, обнаруженного в г. Минусинске Красноярского края в 2006 г.

стынной» [15, с. 16–17], «В тяжких узах в подземелье», «Он погиб за великое дело» [15, с. 10–11], «Расскажу я вам повесть печальную» [9, с. 275], «Укрепи меня, о Боже, на великую борьбу» (по поэме Д. С. Мережковского) [15, с. 71–72]. В двух стихах сопровождающим персонажем выступает (Настасья) Марковна, жена Аввакума, сопровождавшая протопопа в изгнании.

Весьма распространенный у староверов стих «Снег белый украсил светлицы» повествует о духовной дочери Аввакума боярыне Морозовой [15, с. 26].

Один из первых мучеников старообрядчества епископ Павел Коломенский упоминается в стихе «По грехом нашим на нашу страну», посвященном монахам, державшим осаду соловецкого монастыря [11, с. 353]. Кроме этого стиха, известного среди старообрядцев как «Плач соловецких иноков», соловецким угодникам посвящен еще ряд произведений: «Во кимвалех во Давыдских»⁶, «Во Москве было во царстве, во московском государстве» (вариант: «Как в нас в Москве было на базаре перебор был боярам») [11, с. 361–365], «Сядем, братцы, в круговую, установимся сейчас» [21, с. 104–105].

Следующая группа персонажей-деятели старообрядчества связана с выго-лексинскими насельниками. Выго-Лексинский монастырь — крупнейший духовный центр староверов-поморцев, основанный в 1694 г. и просуществовавший до 50-х гг. XIX в. Героями стихов стали основатели Выговского общежития, прославившиеся также своими богословскими и литературными сочинениями братья Андрей и Семен Денисовы, Даниил Викулин (Викулов) и Петр Прокопьев, киноархивариус Выгореции конца XVIII в. Андрей Борисов, лексинский старшина Тимофей Андреевич, настоятель монастыря в первой четверти XIX в. Кирилл Михайлов(ич), благотворительница Наталья Кузьминична Галашевская. Фоновыми персонажами выступают пустынножители и лексинские девы. Преобладающим жанром выго-лексинских стихов является плач о почивших киноархивариусах. Наибольшее число стихов посвящено Андрею Денисову, у некоторых из них установлены авторы: это Иван Москвитин и постница Марина.

Персонажами нескольких духовных стихов стали представители федосеевского толка староверов-беспоповцев: основатель общины федосеевцев отец Феодосий (Васильев) (1661–1711), упоминаемый в стихе «Дорогой наш кормилец любимый, Феодосий, отец наш родной» [19, с. 84]; московский купец, основатель Преображенского кладбища и поселка при нем, настоятель общины Илья Алексеевич Ковылин (1731–1809), на погребение которого был создан стих «Егда убо всечестный конец успения твоего» [5, с. 65] и получивший наибольшую популярность в старообрядческих произведениях московский купец, попечитель Преображенской общины Федор Алексеевич Гучков (1777–1856).

Последний является фигурантом нескольких сюжетов, связанных с изгнанием Гучкова из Москвы в Петрозаводск из-за отказа перейти в единоверие, кончиной Гучкова и перенесением его праха из Петрозаводска в Москву. Широко известный в старообрядческой среде стих «Поздно-поздно вечерами» [15, с. 111–114] среди прочих имеет самоназвания «Стих узника Гучкова» и «Стих об изгнании Гучкова». Смерти Федора Алексеевича посвящен стих «Петрозаводская могила» («Там, где север хладный, бурный») Егора Корева [1, с. 3]. Стихи «Великий он был человек» и «Разнесся слух по всей столице» повествуют о перенесении тела Гучкова в Москву [9, с. 168].

Свидетельством отклика на актуальные события, связанные с гонениями на старообрядцев в советские времена, а также догматическими спорами внутри старообряд-

⁶ Из рукописного сборника духовных стихов Красноуфимского (IV) собрания Лаборатории археологических исследований Уральского государственного университета (ЛАИ УрГУ) (75р/314).

ческих толков, являются тексты, созданные в XX в., в которых упоминаются реальные лица.

Так, несколько стихов посвящено протоиерею Андрею Попову. Известно, что отец Андрей во время Первой мировой войны был одним из четырех старообрядческих священников, допущенных к служению при армейских частях. С 1918 г. началась его деятельность в Покровском храме г. Ржева; в 1930 г. его арестовали и приговорили к 5-летнему заключению. Во время Великой Отечественной войны вновь служил в Ржевском храме, в 1942 г. был убит фашистом [3]. В сборнике духовных стихов, подготовленном епископом Силуяном Килиным, изданным Новосибирской старообрядческой православной епархией, приводятся тексты четырех стихов, связанных с отцом Андреем. Два были написаны в 1928 г. В одном из них, сочиненном Е. Куричковым, протоиерей сравнивается с «могучим орлом», автор называет отца Андрея «могучим героем», «наемником земным», «наездником лихим», верно служащим Господу. Второй стих — это обращение к отцу Андрею его хористов: «Наш премудрый добрый пастьрь!» Третий стих создан в форме плача прихожанки храма, где служил отец Андрей, по случаю ареста протоиерея, называемого в стихе «учителем», «источником мудрых ревностных речей». Автором четвертого стиха «В день моего отъезда из Ржева» является сам Андрей Попов, сосланный в Талдом [15, с. 147–148].

Тема гонений развивается в стихе «В Чебоксарах в большом помещенье», в котором героями выступают «страдальцы Христовы двадцатого века», погибшие от рук «беринских агентов, злых палачей» 6 июля 1942 г. Стих написан по мотивам «Сказания об одиннадцати страдальцах XX в.», сочиненного в 1957 г. [14]. Подобное творчество напоминает создание старинных духовных стихов на основе апокрифов. Страдальцы в стихе не персонифицированы, они представлены как мученики, погибшие за веру и избавленные от земных истязаний встречей с ангелами небесными. Сказание же содержит конкретные имена, краткое описание жизни и христианских добродетелей участников тех страшных событий. Все они были представителями страннического толка, арестованными властями в доме странноприимника: Василий Иванович, Киприан Федорович, Аполос Трофимович, Магистриян Федорович, Федор Степанович, Александр Павлович, инокиня Агапия, Феозва Николаевна, Евстолия Евстафьевна, Хариесса Андреевна, Александра Федоровна [14].

С событиями местной истории связан ряд стихов из рукописного сборника Курганского собрания ЛАИ УрГУ (V.99/1406). Как отмечает Е. В. Рычкова: «Сборник содержит 8 историко-полемических стихов, касающихся в основном истории поморского согласия в Южном Зауралье в 10–20-е гг. XX в. и написанных в те годы неизвестным нам автором, современником событий» [10, с. 106]. Один из памятников — «Стих новый о раздоре, о Курганском соборе» — насыщен фамилиями, именами и прозвищами участников собрания: отец Василий Самарин, Мякинин Ипат жидовской адвокат, Михаил Чюваша да Колесовоский слепой Яша, Евстафий Диев и Раков, Банников, Хомутов, Нестер Данилов, Ульянов — всего около 30 онимов. Такая концентрация персонажей объясняется стремлением автора отразить мнение различных сторон по вопросу возможности совершения брака, полемика вокруг которого часто возникала между поморцами и представителями безбрачных толков, именуемых в Южном Зауралье бракоборами. Рычкова метко сравнила этот стих с «протоколом» Курганского собора [10, с. 109].

В исторических стихах довольно многоплановую группу составляют фоновые персонажи, представляющие старообрядческий социум: любезная братия, древлепра-

вославные христиане, верные миряне, старообрядцы. Они могут быть дифференцированы по согласиям: поморцы, феодосияне, бракоборцы (безбрачники), беспоповские.

Встречаются обобщенные образы, например, «старообрядец поморец» или «скорбный старец» как хранители древнего православия из духовного стиха «Любезная братия! Православныя христиане» [9, с. 252]. Необычными для старообрядческого репертуара персонажами являются в этом стихе царь-батюшка и царица-матушка, которых благодарит скорбный старец за указ о веротерпимости.

В исторических стихах староверов достаточно многочисленно представлена группа врагов ревнителей древнего благочестия. Наиболее упоминаемым среди них является Никон, награжденный такими характеристиками, как еретик, бес и т. п. Кроме него, в стихах фигурируют царь Алексей и его лжеучители, в Русь святую посланные; Андрей Плещеев — писатель XVII в., автор посланий к Аввакуму; царь Петр I, именуемый в стихах не иначе как антихрист; противораскольничий миссионер иеромонах Неофит, результатом дискуссии которого с выго-лексинскими киновиархами стали «Поморские ответы» («Си глаголют пустынножители Неофиту» [7, с. 521]); перешедший из федосеевцев в единоверие Павел Прусский (мудрый вопроситель; Австрии учитель) — адресат полемического стиха [21, с. 184].

Встречаются лица, связанные с локальными событиями, которые были известны лишь их участникам: поп Анфим из уральского стиха «Сумцам», настоятель Викул из уральского же стиха «О Дубровском соборе» [10].

Большую группу составляют фоновые персонажи, демонстрирующие многочисленность врагов старообрядчества. Это священники, (злые) никониане(ы), попы (нынешние), сектанты, арияне, унияты, католики, лжеучители, иконоборцы, англичане и басурмане, бритаустцы и табашники, обуховцы и сумцы — представители старообрядческих толков, с которыми полемизирует автор уральского стиха о недопустимости перекрещивания и о необходимости сохранения брака [10], безбожные судьи, беринские агенты. Мир врагов связан с членами официальной церкви и других конфессий, староверами иных толков, безбожниками, иностранцами, представителями государственной власти.

Среди врагов старообрядчества упоминаются в стихах и вымышленные персонажи: слуга Мартын, еканом Патап, отец Артем из «Сказа о табаке» [13]; папа Макар, казачок Оплетай, змиева дочь из «Стиха об иконоборцах дурачка Кириллушки» («В самом Риме я был») [21, с. 180].

У старообрядцев, помимо повествовательных, большое распространение получили бессюжетные лирические стихи-размышления, монологи-наставления, покаянные молитвы. Такого рода произведения, по словам П. Терентьевой, представляют «исповедальный жанр, обращенный как бы внутрь себя, к своей душе и совести, это разговор с Создателем, размышление о вечной жизни, требующее отрешения от земной суеты» [16]. Они звучат от лица лирического героя, сетующего на свое время, или кающегося в совершенных грехах. В этих «бесперсонажных» стихах персонажи все-таки присутствуют, но не в роли действующих лиц, а как безмолвные свидетели того, что происходит в жизни праведника или грешника; к ним взывает лирический герой в своих риторических обращениях, о них он вспоминает в часы раскаяния. Здесь можно выделить представителей как сакрального, так и земного пространств.

С сакральным миром связаны: Бог, упоминаемый во множестве номинаций (Боже, Благий, Владыко, Вышний Творец, Господь, Кормчий, Небесный Царь, Небесный Отец, Создатель, Судия Праведный, Судия-царь, Правитель неба и земли, Творец

Всеблагой); небесные силы (ангелы, архангелы, херувимы, серафимы); бесовские силы (бес(и), сатана, Вельзевул бесовский князь, змий, дракон, адский зверь, лукавый, семиглавый, сын сатанин, антихрист).

Мир земной представляют человецы(че) (люди, народ, племя), которые могут быть безумными, окаянными, убогими, грешными и, напротив, благонаравными, славными, великими, христоносными. Представители рода человеческого в стихах объединяются в определенные группы:

1) близкий круг: братья и сестры, сродники и сродницы, родные, семья, дети, дочь, сын, мать (мама, матушка), муж с женой, отец с сыном, мать со дщерми, друзи (дружина, другиня), товарищ;

2) враждебный круг: недрузи, поганые (т. е. иноземцы), агаряны(е), грешники и грешницы, девка-жидовка, нечистая блудница, лукавцы, кузнецы-воры, кабацкие ярыжки, беспечны попы, злодеи;

3) праведные христиане: древние (древлеправославные) христиане, правер(д)ные чада, люди добрые православные христианушки, постницы воздержныя, рабыни благочестивые, страдальцы Христовы, нищая братия, боголюбцы, благочестивые девицы, праведная дочь, милосердный самарянин;

4) монашествующие: монах (мних), инок, черноризец (черноризицы), чернец, старец (старцы, старицы), пустынный, отшельник, братия, отцы, отец архимандрит, клирошанин, привратник, причет, «игумены и эконома, икелари и казначеи, а с ними подкеларники и чашники и старцы монастырские кичливые» (Из стиха «О житье моем, житье клирошанина» [2])⁷;

5) представители разных социальных сословий: цари, князья (князи), бояре(ы), воеводы, воины, крестьяне, простые миряне, купцы и дворяне;

6) представители разных возрастных групп: младенцы, дети, отрок, младя юноши, девицы, старики, старицы, старый старичок;

7) обездоленные, нуждающиеся в сострадании: дитя, старушка, узник, заключенный, изгнанник, сиротка, сироты, бедный оборванный, вдовицы, нищие.

Некоторые персонажи приобретают значение образов-символов. Например, овцы — стадо Христово, агница — заблудшая душа; старуха — правда; странник — богоискатель; конь — юность; змей, дракон — сатана, антихрист; хмель, разгулявшийся в мужике-крестьянине, — пьянство и беспутная жизнь; антропоним Никон — вероотступник.

Во многих лирических стихах в роли персонажей фигурируют абстрактные понятия (правда, горе, смерть, душа) и природные объекты (солнце и луна, месяц со звездами, (мать)-земля, (мать)-пустыня), что свидетельствует о поэтизации мировосприятия. Персонификация нередко используется в отношении птиц: лирический герой обращается к пташке, голубям, соловью, кокушке со своими чаяниями, ведь птицы вос-

⁷ Обращает внимание особое распространение среди староверов сюжетов на тему монастырской жизни. Монах в них чаще всего предстает праведником, ищущим уединения от мира, однако встречается и другой тип этого героя — соблазненный мирскими прелестями кающийся монах, оказавшийся духовно незрелым и затем искренне сожалеющий о случившемся, взывающий к Господу о прощении. Об отношении старообрядцев к монашеству свидетельствуют высказывания старообрядческого священноинюка Евагрия, с которым нам удалось побеседовать в 2003 г. в Тыве: «Для мирян монастыри — самое святое... Миряне это плоть, а монастырь сердце... Миряну без иноку — это как хлеб без соли... Монастырь-то не в стенах, не в величии, а в самой сути, в иноческих уставах. Монастырь — это не то место, где люди живут, а само иноческое смирение, благочиние» [8, с. 210]. Подобное отношение к монастырям и их насельникам передают многочисленные духовные стихи из старообрядческого репертуара.

принимаются небесными посланниками. Неслучайно, эпитет «райская птичка» относится к числу устойчивых в духовном песнетворчестве.

Поскольку духовные стихи обладают выраженной дидактической направленностью, для них характерно использование парных персонажей, представляющих оппозицию праведность — греховность. Представим их примеры: души праведные и души грешные, грешная раба и праведная дочь, правда и кривда, согрешивший слезно плачущий инок и Господь, бес Зерефер и старец Антоний, Пятница Прасковья и неверный царь Макс, кающийся в грехах добрый молодец и Мать сыра земля, молодой юноша и старец, богаты и нищие, старообрядец и священник господствующей церкви.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Самую многочисленную группу составляют герои, происходящие из религиозной книжности. Они характерны для духовного стиха в целом. Специфическими старообрядческими персонажами являются участники получивших поэтическое осмысление исторических событий, связанных с расколом церкви. Персонажи старообрядческих стихов на всем протяжении их развития постоянно пополняются, что свидетельствует о стремлении ревнителей древнего православия вести летопись событий, включая в мировой и общерусский христианский хронограф эпизоды, связанные со староверием. Судя по персонажам, общерусская христианская история ограничивается XV в., ей уделяется не слишком много внимания в сравнении со старообрядческим периодом.

«Сказание об одиннадцати страдальцах XX в.» следующим образом объясняет появление в старообрядческих текстах новых героев, связанных с недавним прошлым: «Когда мы читаем жития и повествования о древних христианских мучениках, <...>, то у нас иногда возникает сомнение недоверия: не предукрашены ли, мол, жизнеописания их? <...> Но ничего подобного вы, читатель, допустить не можете, когда будете видеть жития страдальцев наших дней, <...> о них можно сказать: они дети одного с нами отца и овечки одного двора, а потому о них мы можем написать одну только истину без всяких прикрас и предувеличений» [14].

Однако реальные личности в духовных стихах утрачивают свою подлинность и превращаются в художественных персонажей, которых можно соотнести с определенными персонажными типами: мучеников, христианских просветителей и знатоков вероучения, пустынножителей, аскетов, божьих угодников, чудотворцев и противостоящих им гонителей, лжеучителей, вероотступников и т. д. Типизация позволяет персонажей из мира старообрядцев поставить в один ряд с библейскими героями и христианскими святыми. Тем самым, в духовных стихах совершается народная канонизация ревнителей древнего благочестия.

За счет типизации персонажная сфера старообрядческих памятников представлена не созвездием индивидуальностей, а выразителями идей вероучения, несущих понятную нравственную нагрузку. Из-за резкого противопоставления положительных и отрицательных героев духовные стихи отличаются выраженным дидактизмом. Персонажи общерусского духовного стиха, их поступки и связанные с ними сюжетные ситуации зачастую были известны слушателям по другим источникам (житиям, библейским текстам, апокрифам). Новыми при первом знакомстве могли быть только исторические лица, но и они постепенно канонизируются в народном восприятии и также переходят в число знакомых и понятных образов, поддающихся однозначной нравственной оценке.

Важнейшими персонажами-концептами старообрядческих стихов являются Бог, Богородица, Христос и апостолы, небесные силы, мученики, страдальцы, монахи и пу-

стынники, духовные стойки (хранители веры), принесшие покаяние грешники; из отрицательных персонажей — нераскаявшиеся грешники, антихрист и гонители христиан. Перечисленные типы персонажей представлены конкретными образами и номинациями, включая антропонимы.

По сути, все действующие лица духовных стихов фокусируются вокруг центральной жанрообразующей оппозиции праведность — греховность. При всей многочисленности персонифицированных в качестве метаперсонажей, аккумулирующих вокруг себя остальных героев, выступают праведник и грешник как выразители христианской аксиологии. Таким образом, персонифицированная старообрядческая духовная стихотворность отражает систему общехристианских ценностных координат и в то же время выступает способом религиозной идентификации ревнителей древнего благочестия и средством сохранения их этноконфессионального своеобразия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 А. С. К истории Олонецкой ссылки // Олонецкие губернские ведомости. 1905. № 47. С. 3.
- 2 Валовая М. А., Поздеев В. А. Духовный стих в Вятке // Вятское старообрядчество. URL: http://www.kirovold.ru/content.php?id=21&page=qgrusegn_rus (дата обращения: 24.02.2017).
- 3 Волоскова М. Отец Андрей Павлович Попов, протоиерей // Русская вера. URL: http://ruvera.ru/people/andreiy_pavlovich_popov (дата обращения 20.02.2017).
- 4 Духовные стихи Воронежского края / подг. текст. и сост. Т. Ф. Пухова, Т. В. Мануковская, А. А. Чернобаева. Воронеж: Научная книга, 2011. 284 с.
- 5 Кожурин К. Я. «Всеобщественный христианский ходатай» (к 200-летию со дня кончины И. А. Ковылина) // Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 2009 год. СПб., 2008. С. 61–66.
- 6 Кудрявцева (Коробова) А. В. Духовные стихи как жанр фольклора: лекционный курс. М.: Издательские решения, 2016. 160 с.
- 7 Мальшев В. И. Отчет об археографической командировке на Печору 1958 г. // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 513–521.
- 8 Мурашова Н. С. Повествования священноинока Евагрия // Проблемы изучения этнической культуры восточных славян Сибири XVII–XX вв. Новосибирск: Агро-Сибирь, 2003. С. 194–221.
- 9 Рукописи XVI–XX вв. и книги старой печати из собрания Института истории СО РАН / сост. Н. Д. Зольникова, А. И. Мальцев, Т. В. Панич, Л. В. Титова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 395 с.
- 10 Рычкова Е. В. Исторические стихи зауральского старообрядца-поморца // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 16 (307). С. 105–109.
- 11 Селиванов Ф. М. Народные духовные стихи. М.: Русская книга, 2004. 552 с.
- 12 Селиванов Ф. М. Стихи духовные. М.: Сов. Россия, 1991. 333 с.
- 13 Сказ о табаке // Русская традиционная культура. URL: <http://russiank.ru/duhovn.php> (дата обращения: 22.02.2017).
- 14 Сказание об одиннадцати страдальцах XX в. // Credo.ru. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1283> (дата обращения: 22.02.2017).
- 15 Стихи религиозного содержания / собр. и подг. епископ Силуян (Килин). Новосибирск: Новосибирская старообрядческая православная епархия, 1992. 210 с.

- 16 *Терентьева П.* Что такое духовные стихи // Православная Москва. URL: <http://orthodoxmoscow.ru/chto-takoe-duhovnyue-stixi/> (дата обращения: 25.02.2017).
- 17 *Федотов Г. П.* Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М.: Прогресс; Гнозис, 1991. 192 с.
- 18 *Хазагеров Г. Г.* Персонасфера русской культуры: два свойства персонасферы // Новый мир. 2002. № 1. С. 133–145.
- 19 *Храмова Н. Б.* Духовные стихи и канты // Религиозный фольклор в архиве Центра фольклора ННГУ: указатель сюжетов. Н. Новгород, 2008. С. 49–238.
- 20 *Ярешко А. С.* Песни астраханских «липован» (записи 70-х гг. XX в.). М.: Композитор, 2007. 60 с.
- 21 *Filosofova T.* Geistliche Lieder der Altgläubigen in Russland. Best and auf nahme. Edition. Kommentar. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2010. 544 s.

© 2017. Natalya S. Murashova
Novosibirsk, Russia

SPHERE OF CHARACTERS IN SPIRITUAL VERSES OF OLD BELIEVERS

Acknowledgements: The paper is prepared with financial support from RFH, grant № 15-04-00113 “Spiritual verse in old believers’ traditional culture”.

Abstract: Spiritual verse as an art of artistic creation differs by its own sphere of characters which was vast expanded by Old Believers. The article aims to determine the sphere of characters of Old Believers’ spiritual verses in the context of the system of characters of All-Russian samples of outliturgical spiritual singing. The sphere of characters shows certain autonomy and self-sufficiency of the metagenre of the Old Believers’ spiritual verse. The Old Testament, the New Testament, hagiographical, apocryphal, and historical groups of personalities are considered. Specific for the repertoire of Old Believers are historical figures which were a party of the church dissension, however real personalities lose their authenticity through the changing into fiction characters which can be referred to different types of personalities: martyrs, Christian enlighteners and experts of doctrinal statement, wilderness-dwellers, ascetics, God-pleasers, wonder-workers, opposed to antichristian, false teachers, and renegades etc. The typification allows to bring the characters of Old Believers into line with Bible characters and Christian saints. A folk canonization of the Zealots of ancient Piety happens in spiritual verses. A righteous man and a sinner are metacharacters of spiritual verses. The whole sphere of characters flies around this contrary pair reflecting a value system and acting as a method of both the religious identification of the Zealots of ancient Piety and conservation of their ethno-confessional singularity.

Keywords: spiritual verse, Old Believers, sphere of characters, types of personalities.

Information about the author: Natalya S. Murashova — PhD in Art History, Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Viluiskaya St., 28, 630126 Novosibirsk, Russia. E-mail: 2107542@mail.ru

Received: March 13, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 A. S. K istorii Oloneckoj sсыlki [The history of Olonets exile]. *Oloneckie gubernskie vedomosti*, 1905, no 47, p. 3. (In Russian)
- 2 Valovaja M. A., Pozdeev V. A. Duhovnyjstih v Vjatke [Spiritual verse in Vyatka]. *Vjatskoe staroobryadchestvo* [The old believers of Vyatka]. Available at: http://www.kirovold.ru/content.php?id=21&page=qqrusegn_rus (accessed 24 February 2017). (In Russian)
- 3 Voloskova M. Otec Andrej Pavlovich Popov, protoierej [Father Andrej Pavlovich Popov, archpriest]. *Russkaja vera* [Russian faith]. Available at: http://ruvera.ru/people/andreiy_pavlovich_popov (accessed 20 February 2017). (In Russian)
- 4 *Duhovnye stihi Voronezhskogo kraja* [Spiritual poems of Voronezh region]. Preparation of texts and compilation T. F. Puhova, T. V. Manukovskaja, A. A. Chernobaeva. Voronezh, Nauchnaja kniga Publ., 2011. 284 p. (In Russian)
- 5 Kozhurin K. Ja. “Vseobshhestvennyj hristijanskij hodataj” (k 200-letiju so dnjakonchiny I. A. Kovylyna) [“Public Christian supplicant” (to the bicentennial of the demise of I. A. Kovylin)]. *Kalendar' Drevlepravoslavnoj Pomorskoj Cerkvina 2009 god* [Calendar of Ancient Orthodox Pomors Church on 2009]. St. Petersburg, 2008, pp. 61–66. (In Russian)
- 6 Kudrjavceva (Korobova) A. V. *Duhovnye stihi kakzhanr fol'klora: Lekcionnyj kurs* [Spiritual poems as a genre of folklore: Lecture course]. Moscow, Izdatel'skie reshenija Publ., 2016. 160 p. (In Russian)
- 7 Malyshev V. I. Otchet ob arheografichekoj komandirovke na Pechoru 1958 g. [A report on the arheographical trip to Pechora 1958]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of old Russian literature]. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1960, pp. 513–521. (In Russian)
- 8 Murashova N. S. Povestvovanija svjashhennoinoka Evagrija [The narrative of hieromonk Evagrius]. *Problemy izuchenija jetniceskoj kul'tury vostochnyh slavjan Sibiri XVII–XX vv.* [Issues of the Study of Ethnic Culture of the Eastern Slavs of Siberia XVII–XX centuries]. Novosibirsk, Agro-Sibir' Publ., 2003, pp. 194–221. (In Russian)
- 9 *Rukopisi XVI–XX vv. i knigi staroj pechati iz sobranija Instituta istorii SO RAN* [Manuscripts of XVI–XX centuries and early printed books from the collection of the Institute of History SB RAS]. Compilers N. D. Zol'nikova, A. I. Mal'cev, T. V. Panich, L. V. Titova. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN Publ., 2010. 395 p. (In Russian)
- 10 Rychkova E. V. Istoricheskie stihi zaural'skogo staroobryadca-pomorca [Historic Old Believer verses of a Trans-Uralian Pomor]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no 16 (307), pp. 105–109. (In Russian)
- 11 Selivanov F. M. *Narodnye duhovnye stihi* [Folk spiritual verses]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 2004. 552 p. (In Russian)
- 12 Selivanov F. M. *Stihi duhovnye* [Spiritual verses]. Moscow, Sov. Rossija Publ., 1991. 333 p. (In Russian)
- 13 Skaz o tabake [Tale of tobacco]. *Russkaja tradicionnaja kul'tura* [Russian traditional culture]. Available at: <http://russiank.ru/duhovn.php> (accessed 22 February 2017). (In Russian)
- 14 Skazanie ob odinnadcati stradal'cah XX v. [Tale of eleven martyrs of the XX century]. *Credo.ru*. Available at: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1283> (accessed 22 February 2017). (In Russian)

- 15 *Stihi religioznogo sodержanija* [Verses of religious content]. Collected and prepared by the Bishop Silujan (Kilin). Novosibirsk, Novosibirskaja staroobriadcheskaja pravoslavnaja eparhija Publ., 1992. 210 p. (In Russian)
- 16 Terent'eva P. Chto takoe duhovnye stihy [What are spiritual verses]. *Pravoslavnaja Moskva* [Orthodox Moscow]. Available at: <http://orthodoxmoscow.ru/chto-takoe-duhovnye-stihi/> (accessed 25 February 2017). (In Russian)
- 17 Fedotov G. P. *Stihi duhovnye (Russkaja narodnaja vera po duhovnym stiham)* [The spiritual verses (Russian folk belief in spiritual verses)]. Moscow, Progress; Gnozis Publ., 1991. 192 p. (In Russian)
- 18 Hazagerov G. G. Personosfera ruskoj kul'tury: dva svojstva personosfery [Personal sphere of Russian culture: two properties of "personosfera"]. *Novyj mir*, 2002, no 1, pp. 133–145. (In Russian)
- 19 Hramova N. B. Duhovnye stihy I kanty [Spiritual verses and chants]. *Religioznyj fol'klor v arhive Centra fol'klora NNGU: ukazatel' szuzhetov* [Religious folklore in the archive of the folklore Center of the Nizhny Novgorod University: index of stories]. Nizhny Novgorod, 2008, pp. 49–238. (In Russian)
- 20 Jareshko A. S. *Pesni astrahanskih «lipovan» (zapisi 70-h godov XX veka)* [Songs of Astrakhan Lipovans (records of the 70-ies of XX century)]. Moscow, Kompozior Publ., 2007. 60 p. (In Russian)
- 21 Filosofova T. *Geistliche Lieder der Altgläubigen in Russland. Bestand auf nahme. Edition. Kommentar* [Spiritual songs of the old believers in Russia. Inventory. Edition. Comment]. Cologne; Weimar; Vienna, BöhlauVerlag Publ., 2010. 544 p. (In German)

УДК 281.93+94(47)
ББК 86.372.24-65+63.3(2)41

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. И. А. Новицкий
г. Москва, Россия

ПЕРВЫЙ МОНАСТЫРЬ РУСИ

Аннотация: В статье предлагается обоснование традиционной даты основания Новоторжского Борисоглебского монастыря (1038 г.). Проблема заключается в том, что монастырь с посвящением святому может быть основан только после его канонизации, а по вопросу о времени канонизации князей Бориса и Глеба среди историков отсутствует согласие. В древнерусских памятниках борисоглебского цикла с явными чертами канонизационного мероприятия описаны два перенесения мощей в новую церковь – при великом князе Ярославом Мудрым (год неизвестен) и при Ярославичах (в 1072 г.). В статье устанавливается, что канонизационное мероприятие Ярослава состоялось в 1037 г., когда 24 июля приходилось на воскресный день. Позднее, по гипотезе автора, произошла деканонизация, а в 1072 г. восстановление почитания. Полученный результат замечательно согласуется с датой 1038 г.: лишь только узнав о совершившейся канонизации, Ефрем Новоторжский, боярин князя Бориса, поспешил посвятить возводимые им храм и монастырь памяти своих покровителей — прежде земных, а теперь и небесных. Признание этого события историческим фактом позволяет сделать вывод, что древнейшей иноческой обителью на Руси является не Киево-Печерская лавра, а Новоторжский Борисоглебский монастырь.

Ключевые слова: Новоторжский Борисоглебский монастырь, князя Борис и Глеб, Ефрем Новоторжский, князь Ярослав Мудрый, канонизация, митрополит Иоанн, деканонизация.

Информация об авторе: Игорь Анатольевич Новицкий — магистр теологии, храм вмч. Димитрия Солунского, ул. Берзарина, д. 15, 123585 г. Москва, Россия.
E-mail: ingvaringvar@mail.ru

Дата поступления статьи: 10.11.2016

Дата публикации: 15.09.2017

Датой основания Новоторжского Борисоглебского монастыря считается 1038 г., когда, по житийному преданию, преподобный Ефрем Новоторжский (†1053), боярин князя Бориса Владимировича, на берегу р. Тверцы на посаде Торжка (древнее название: Новый Торг) заложил храм во имя святых страстотерпцев Бориса и Глеба и основал одноименный монастырь. Этот год называется в известном сочинении архимандрита Амвросия «История российской иерархии». В «Полном имянном списке всех Грекороссийския Церкви лавр и монастырей» (ч. III «Истории») архимандрита Амвросий приводит справку: «Борисоглебский Новоторжский Тверской монастырь. <...> Название свое имеет по городу и главному храму, который построен во имя св. князей Бориса

и Глеба в 1038 году¹, при княжении Ярослава Владимировича, преподобным Ефремом, Архимандритом Новоторжским, родом из Унгии, или Венгерской земли. Он служил в свите благоверных князей Бориса и Глеба в чину главного конюшего; по убиении же князей своих удалился от двора их на место расстоянием от града Торжка на две версты, бывшее тогда уединенным, на котором и создал дом странноприемный; потом перешел на то место, на коем ныне стоит монастырь сей, и водрузил там на основание церкви Крест Господень, а вскоре после того соорудил и самую церковь» [1, с. 417–418]. По-видимому, указанная дата приводится на основании известных автору, но не дошедших до нас источников [15, с. 4].

Ввиду отсутствия какой-либо альтернативы именно 1038 г. и был принят в качестве даты основания монастыря в историографии XIX в. Тем не менее исследователями высказываются сомнения в достоверности столь ранней даты (для сравнения: датой начала монашеской жизни на месте будущей Киево-Печерской лавры считается 1051 г., когда преподобный Антоний поселился в пещере, выкопанной пресвитером Иларионом). Одной из главных причин сомнений является нерешенность вопроса о времени канонизации, т. е. официального причисления к лику святых князей Бориса и Глеба, которым была посвящена монастырская церковь. Рассматривая перенесение мощей князей-братьев 20 мая 1072 г. как канонизационное мероприятие, от которого ведет отсчет история санкционированного церковной властью общерусского борисоглебского культа, историки склоняются к мысли, что монастырь в честь Бориса и Глеба мог появиться в Торжке лишь после этой даты [15, с. 4; 6, с. 118–119; 17, с. 386–387]. В таком случае оказывается, что датировка 1038 г. была введена произвольно или является следствием некоей ошибки — самого архимандрита Амвросия или же автора не дошедшего до нас источника.

Недавно тверской историк П. Д. Малыгин попытался предложить новое решение, которое бы позволило признать верной традиционную датировку основания обители в 1038 г. Он предполагает, что основанный преподобным Ефремом монастырь изначально был посвящен святым патронам Бориса и Глеба — Роману Сладкопевцу и царю Давиду (крестильными именами Бориса и Глеба были Роман и Давид), а затем, после официальной канонизации 1072 г., был переименован из Романодавиевского в Борисоглебский [6, с. 119–120].

Между тем в допущении иного изначального посвящения не возникла бы необходимость, если бы удалось доказать, что канонизация Бориса и Глеба состоялась при великом князе Ярославе Мудром, причем не позднее 1038 г. Рассмотрим вопрос о времени канонизации подробнее.

По согласному свидетельству двух важнейших памятников борисоглебского цикла, анонимного «Сказания о чудесах святых страстотерпцев Христовых Романа и Давида» (далее «Сказание о чудесах») и «Чтения о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба» преподобного Нестора Печерского (далее «Чтение»), канонизация князей Бориса и Глеба, сопровождавшаяся освящением новопостроенной церкви в Вышгороде и перенесением в нее святых мощей, состоялась при деятельном участии великого князя Ярослава Мудрого и киевского митрополита Иоанна. Канонизационное мероприятие проходило 24 июля. Ни день недели, ни год в источниках не указывается.

Вначале необходимо выяснить день недели, в который состоялась канонизация. А. А. Шахматов, проводя аналогию с проходившими в воскресенье торжественными

¹ В тексте издания очевидная ошибка: в 1638 г.

актами перенесения мощей и освящения очередной новой церкви в 1072 и 1115 гг., допускал, что и канонизация при Ярославе также состоялась в воскресный день [19, с. 49 (§43)]. В самом деле, для всенародного торжества, долженствующего послужить прославлению его устроителя Ярослава в устах современников и потомков, подходит только воскресный день, свободный от работ по сбору урожая. Согласно «Чтению», Ярослав повелел продолжить торжества еще на семь дней, и в итоге празднование стало восьмидневным. Вряд ли это стало бы возможным, если 24 июля приходилось на будний день: народные торжества можно продолжать, самое позднее, до воскресенья, так как в понедельник уже надо работать. Логичнее «привязать» торжества к недельному богослужебному кругу, который начинается с воскресенья. В этом случае второе воскресенье напоминало бы воскресный день «Антипасхи», завершающий Светлую седмицу. Таким образом, предположение А. А. Шахматова о приуроченности канонизации к воскресному дню должно быть признано правильным.

Прежде чем перейти к выяснению года, необходимо установить время святительства Иоанна, митрополита Киевского. Согласно традиционной точке зрения, упоминаемый в борисоглебских текстах митрополит — это Иоанн I, глава Русской Церкви при трех князьях — Владимире, Святополке и Ярославе. На третьем месте, после Михаила и Леона (Леонтия), Иоанн значится в перечнях киевских митрополитов по летописям XV–XVI столетий — Новгородской I младшего извода (по Комиссионному списку), Новгородской IV и общерусским Воскресенской и Никоновской. Несомненно, те списки митрополитов, которые читаются в названных летописях, — не копия «помянников» киевской митрополичьей кафедры, а плод позднейшей переработки. Однако данные списки являются отражением работы, проделанной русскими архивистами и летописцами в конце XIV – начале XV вв. [3, с. 35–48]. Также стоит отметить, что в Никоновской летописи имя митрополита Иоанна упоминается уже под 6516 (1008) г. (сообщение о постройке Иоанном церковей в Киеве и Переяславле Южном) [5, с. 69]². Преемствовал Иоанну митрополит Феопемпт — его имя упоминается в летописи первый и единственный раз под 1039 г. в связи с освящением Десятинной церкви: «В лето 6547 (1039). Священа бысть церкы святыя Богородиця, юже созда Володимерь, отець Ярославль, митрополитомь Феопемптомь» [12, с. 67]. Отсюда ясно, что крайней границей периода пребывания Иоанна на киевской кафедре — а значит, и канонизации Бориса и Глеба — следует считать 1038 г.

В последнее время в науке получила распространение датировка святительства Иоанна I 1040-ми гг., противоречащая хронологическому порядку, известному по перечням киевских митрополитов. А. В. Назаренко и Н. И. Милютенко, исходя из недоказанного предположения о невозможности раннего развития борисоглебского культа и ранней канонизации (в 20–30-е гг. XI в.) и из нее вытекающей гипотезы об отнесении святительства Иоанна к позднему периоду правления Ярослава, без опоры на источники предполагают существование некоего преемника Феопемпта и одновременно предшественника Илариона (Иларион был поставлен собором русских епископов в 1051 г.) с именем Иоанн, занимавшего киевскую кафедру во второй половине 40-х гг. XI в. [9, с. 76–77; 7, с. 50–55]. Данная гипотеза, во-первых, явным образом противоречит хронологическому порядку, известному по перечням киевских митрополитов. Во-вторых, в самой возможности существования Иоанна Киевского как предшественника Илари-

² Правда, учитывая общий взгляд на уникальные известия древнейшей части Никоновской летописи XVI в. как на по крайней мере сомнительные, это сообщение можно только принимать во внимание, на него нельзя всерьез опираться. См.: [16, с. 206].

она позволяет усомниться показание Архангелогородского летописца³: «В лето 6559 (1051). Постави князь Ярослав Владимировичь 2 митрополита Лариона в Руси» [18, л. 96 об (с. 67); ср.: л. 38 об (с. 27)] (имеется в виду поставление второго митрополита начинаая с Феопемпта) [4, с. 546].

Известно, что относительно года канонизационного мероприятия Ярослава среди исследователей нет согласия: датировка располагается на хронологической шкале от 1020 до 1052 гг. Л. Мюллер, например, относит акт канонизации к 1037–1039 гг. — после смерти Мстислава и вместе с тем до конца 1039 г. Он полагает, что акция Ярослава должна быть соотнесена со временем упрочения им своей власти и устранением соперников, когда он мог уже совершенно свободно проводить свою политику, в том числе и церковную [8, с. 11]. По нашему мнению, нижним хронологическим ориентиром для события канонизации является начало самовластного правления Ярослава в 1034–1035 гг. [10, с. 85–86], верхним — освящение Десятинной церкви после реконструкции преемником Иоанна митрополитом Феопемптом в 1039 г. Исходя из этого, полагаем, что канонизационное мероприятие Ярослава состоялось в 1037 г., когда 24 июля приходилось на воскресный день.

Полученная дата канонизации замечательно согласуется с 1038 г. как датой основания первого на Руси Борисоглебского монастыря: чуть только узнав о совершившемся прославлении, преподобный Ефрем Новоторжский поспешил посвятить воздвигаемые им — пока еще деревянные⁴ — храм и монастырь памяти своего покровителя — прежде земного, а теперь и небесного. Из признания этого события как исторического факта следует важный вывод, что первой на Руси обителью иноков является на самом деле не Киево-Печерская лавра, а посвященный первым русским святым Новоторжский монастырь.

В исторической науке остается нерешенной проблема соотношения акции Ярослава и акции его сыновей Изяслава, Святослава и Всеволода (в 1072 г.). Дело в том, что в памятниках повествовательного цикла обе акции носят черты, характерные для канонизационного мероприятия. Описание мероприятия Ярослава по «Сказанию о чудесах» и «Чтению» Нестора — это, бесспорно, рассказ о канонизации во всех ее стадиях, полностью соответствующий церковно-каноническому порядку [8, с. 7]. Факт канонизации Бориса и Глеба при Ярославе подтверждается и самим установлением в их честь празднования под 24 июля: включение святого в местный календарь было основной формой признания святости [2, с. 123]. Напротив, описание мероприятия 20 мая 1072 г. выглядит как прежде всего рассказ о перенесении мощей. Однако квалифицировать известие о перенесении мощей как сообщающее о канонизации позволяют церемония вскрытия и освидетельствования мощей митрополитом, а также его первоначальное неверие, перешедшее в твердую веру.

Сомнения в достоверности сообщений источников, описывающих и акцию Ярослава, и акцию Ярославичей как мероприятия бесспорно канонизационные, разрешаются следующим образом: первая русская канонизация происходила дважды (во второй раз, в 1072 г., — возобновление почитания), а в промежутке между ними имела место первая русская деканонизация (или же приостановление почитания) [10, с. 113–126].

³ Архангелогородский летописец — вторая редакция (начало XVII в.) общерусской Устюжской летописи, источник более поздний по оформлению, но сохранивший ряд оригинальных свидетельств.

⁴ Современные историко-археологические исследования позволяют датировать создание каменного собора на территории Борисоглебского монастыря в Торжке в период с 1180-х гг. по 1219 г. [6, с. 127].

История Византийской Церкви сохранила важный прецедент — деканонизацию и восстановление почитания преподобного Феодора Студита патриархом Михаилом Кируларием [13, с. 111–112 и др.; 14, с. 19]. Деканонизация же Бориса и Глеба была осуществлена тем же Кируларием после похода Ярослава на Константинополь в 1043 г. и церемонии крещения костей князей-язычников Ярополка и Олега в 1044 г. [11, с. 323–332]. При означенном взгляде на проблему канонизации обнаруживается ценность версии П. Д. Малыгина: после деканонизации монастырь был переименован — если только распоряжение патриарха выполнялось церковными властями не в одном Киеве, но и в Новгородской земле — и действительно некоторое время назывался Романодавидовским, а после восстановления почитания снова стал Борисоглебским. Можно заключить, что основная посылка П. Д. Малыгина верна: монастырь некоторое время был Романодавидовским.

Итак, новый взгляд на историю развития борисоглебского культа позволил обосновать достоверность даты основания Новоторжского Борисоглебского монастыря, донесенной исторической традицией. Как древнейший на Руси, Новоторжский монастырь заслуживает особого статуса среди монастырей Русской Церкви.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. М.: Синод. тип., 1811. Ч. III. 762 с.
- 2 *Виноградов А. Ю.* Особенности борисоглебских торжеств в свете византийской традиции // *Slovène*. 2012. Vol. 1. № 2. P. 117–134.
- 3 *Воробьев М. Н.* К вопросу о происхождении перечней (списков) киевских митрополитов домонгольского периода в русских летописях // *Из истории российской иерархии. Статьи и документы*. М.: ПСТБИ, 2002. С. 35–48.
- 4 *Карпов А. Ю.* Ярослав Мудрый. М.: Молодая гвардия, 2001. 583 с.
- 5 *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью* // Полное собрание русских летописей: в 43 т. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. Т. IX. 256 с.
- 6 *Малыгин П. Д.* Из ранней истории распространения христианства на территории Тверской области // *Вестник ТвГУ. Сер. История*. Тверь, 2007. Вып. 1. С. 117–133.
- 7 *Милютенко Н. И.* Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. 432 с.
- 8 *Мюллер Л.* О времени канонизации святых Бориса и Глеба // *Russia mediaevalis*. 1995. Bd. VIII, 1. S. 5–20.
- 9 *Назаренко А. В.* Киевский митрополит Иоанн I // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2007. № 3 (29). С. 76–77.
- 10 *Новицкий И. А.* Расследование убийства князей Бориса и Глеба. М.: Достоинство, 2015. 128 с.
- 11 *Новицкий И. А.* Первая русская деканонизация // *Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем: сборник статей и тезисов докладов международной научной конференции*. Липецк, 24–26 сентября 2015 г. Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2015. С. 323–332.
- 12 *Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г.* / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева. СПб.: Наука, 2007. 668 с.

- 13 *Поппэ А.* Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. Київ: Вид-во Інститут історії України НАН України, 2011. 150 с.
- 14 *Поппэ А.* Кто и когда строил каменную Софию в Киеве? // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 17–24.
- 15 *Салимов А. М.* Храмовая архитектура Тверской епархии. Очерк истории. Учеб. пособие по спецкурсу. Тверь: ГАСК, Тверской филиал, 2002. 90 с.
- 16 *Творогов О. В.* Иоанн // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1987. Вып. I (XI — 1-ая пол. XIV в.). 494 с.
- 17 *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956. 477 с.
- 18 *Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв.* // Полное собрание русских летописей: в 43 т. Л.: Наука, 1982. Т. XXXVII. 228 с.
- 19 *Шахматов А. А.* Разыскания о древних русских летописных сводах // *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. М.: Академический Проект; Жуковский: Кучково поле, 2001. С. 9–508.

© 2017. Igor A. Novitskiy
Moscow, Russia

THE FIRST MONASTERY OF RUS'

Abstract: The article introduces a new argument for the traditional date of the foundation of Novotorzhskiy Borisoglebskiy monastery. It is well known that a monastery dedicated to a saint can be founded only after a saint's canonization and thus the problem is that there is no agreement among historians regarding the question of the time of canonization of Princes Boris and Gleb. In the Old Russian texts of Boris and Gleb cycle each of the two translations of the Princes' relics to a new church — one under Grand Prince Yaroslav the Wise (year is unknown) and the other under Yaroslav's sons (in 1072) — is described as a ceremony with clear traits of canonization event. The author ascertains the fact that Yaroslav's canonization took place in 1037, when July 24 fell on Sunday (later, according to the author's hypothesis, decanonization came about and in 1072 — the renewal of official veneration followed). This result fits perfectly well with the year 1038: just upon knowing about the canonization, St. Ephraim of New Torg, former boyar of Prince Boris, in the instant dedicated the church and monastery he built to the memory of his patrons — formerly earthly and now heavenly ones. The acceptance of this event as a historical fact allows to draw an important conclusion that the oldest abode of monks in Rus' — is the Novotorzhskiy Ss. Boris and Gleb monastery and not the Киево-Печерская Laura.

Keywords: Novotorzhskiy Ss. Boris and Gleb monastery, Princes Boris and Gleb, Ephraim of New Torg, Prince Yaroslav the Wise, canonization, Metropolitan John, decanonization.

Information about the author: Igor A. Novitskiy — Master of Theology, St. Demetrius of Thessaloniki Church, Berzarina St., 15, bldg. 1, 123585 Moscow, Russia. E-mail: ingvaringvar@mail.ru

Received: November 11, 2016

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Amvosij (Ornatskij), arhim. *Istorija Rossijskoj ierarhii* [History of Russian Hierarchy]. Moscow, Sinod. Publ., 1811. Part III. 762 p. (In Russian)
- 2 Vinogradov A. Ju. Osobennosti borisoglebskih torzhestv v svete vizantijskoj tradicii [The Features of Boris and Gleb Festivals in light of Byzantine Tradition]. *Slověne*, 2012, vol. 1, no 2, pp. 117–134. (In Russian)
- 3 Vorob'ev M. N. K voprosu o proishozhdenii perechnej (spiskov) kievskih mitropolitov domongol'skogo perioda v russkikh letopisjah [On the issue of origin of the Lists of Kievan Metropolitans of the Premongolian Period in Russian Chronicles]. *Iz istorii rossijskoj ierarhii. Stat'i i dokumenty* [On the History of Russian Hierarchy. Articles and Documents]. Moscow, PSTBI Publ., 2002, pp. 35–48. (In Russian)
- 4 Karpov A. Ju. *Jaroslav Mudryj* [Yaroslav the Wise]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2001. 583 p. (In Russian)
- 5 Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarsheju ili Nikonovskoju letopis'ju [The Nikonian Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei: v 43 t.* [Complete edition of Russian Chronicles: in 43 vols.] St. Petersburg, Jeduarda Praca Publ., 1862. Vol. IX. 256 p. (In Russian)
- 6 Malygin P. D. Iz rannej istorii rasprostraneniya hristianstva na territorii Tverskoj oblasti [On the Early History of the Spreading of Christianity on the Territory of the Tver Region]. *Vestnik TvGU. Ser. Istorija'*, 2007, issue 1, pp. 117–133. (In Russian)
- 7 Miljutenko N. I. *Svjatye knjaz'ja-mucheniki Boris i Gleb* [Ss. Martyred Princes Boris and Gleb]. St. Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko Publ., 2006. 432 p. (In Russian)
- 8 Muller L. O vremeni kanonizacii svjatyh Borisa i Gleba [On the Time of Canonization of Ss. Boris and Gleb]. *Russia mediaevalis*, 1995, vol. VIII, 1, pp. 5–20. (In Russian)
- 9 Nazarenko A. V. Kievskij mitropolit Ioann I [Kievan Metropolitan John I]. *Drevnjaja Rus': Voprosy medievistiki*, 2007, no 3 (29), pp. 76–77. (In Russian)
- 10 Novickij I. A. *Rassledovanie ubijstva knjazej Borisa i Gleba* [Investigation of the Murder of Boris and Gleb]. Moscow, Dostoinstvo, 2015. 128 p. (In Russian)
- 11 Novickij I. A. Pervaja russkaja dekanonizacija [First Russian Decanonization]. *Konstruktivnye i destruktivnye formy mifologizacii social'noj pamjati v proshlom i nastojashhem: sbornik statej i tezisov dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Constructive and Deconstructive Forms of Mythologizing of Social Memory Now and Before: a collection of articles and reports of the International Scientific Conference]. Lipeck, September 24–26, 2015. Tambov, Izdatel'stvo Pershina R. V. Publ., 2015, pp. 323–332. (In Russian)
- 12 *Povest' vremennyh let po Lavrent'evskoj letopisi 1377 g.* [Tale of Bygone Years as reflected in the Laurentian Chronicle]. Preparation of text, translation and comments by D. S. Lihachev. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 668 p. (In Russian)
- 13 Poppe A. *Studity na Rusi. Istoki i nachal'naja istorija Kievo-Pecherskogo monastyrja* [Studite Monks in Rus. The Origins and Initial History of the Kievan Caves Monastery]. Kiïv, Vidavnistvo Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni Publ., 2011. 150 p. (In Russian)
- 14 Poppe A. Kto i kogda stroil kamennuju Sofiju v Kieve [Who and When Built the Stone St. Sophia Cathedral in Kiev]? *Drevnjaja Rus': Voprosy medievistiki*, 2013, no 2 (52), pp. 17–24. (In Russian)
- 15 Salimov A. M. *Hramovaja arhitektura Tverskoj eparhii. Oчерk istorii. Uchebnoe posobie po speckursu* [Church Architecture of Tver Eparchy. An Historical Sketch. A Manual for a Special Course]. Tver', GASK, Tverskoj filial Publ., 2002. 90 p. (In Russian)

- 16 Tvorogov O. V. Ioann [John]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* [The dictionary of bookmen and booklore of Ancient Rus]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. Vol. I (XI — 1-aia pol. XIV v.). 494 p. (In Russian)
- 17 Tihomirov M. N. *Drevnerusskie goroda* [Old Russian towns]. Moscow, Gospolizdat Publ., 1956. 477 p. (In Russian)
- 18 Ustjuzhskie i Vologodskie letopisi XVI–XVIII vv. [Ustyug and Vologda Chronicles of XVI–XVIII cent.]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei: v 43 t.* [Complete edition of Russian Chronicles: in 43 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. Vol. XXXVII. 228 p. (In Russian)
- 19 Shahmatov A. A. Razyskanija o drevnih russkikh letopisnyh svodah [Investigations of Old Russian Chronicle Compilations]. *Shahmatov A. A. Razyskanija o russkikh letopisjah* [Investigations of Russian Chronicles]. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ.; Zhukovskij: Kuchkovo pole Publ., 2001, pp. 9–508. (In Russian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. Д. И. Иванов
г. Иваново, Россия

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЦЕЛЕВЫХ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Аннотация: В рамках авторской лингвокультурологической теории синтетической языковой личности (СЯЛ) ключевое значение получает понятие «когнитивно-прагматическая программа» (КПП), понимаемая нами как особая система когнитивно-прагматических установок (КПУ) (целевых, самоидентификационных (ролевых), инструментальных, оценочно-результативных), формирующихся в пространстве когнитивного сознания отдельной личности / определенной социальной группы / нации / народа. Особое место в пространстве когнитивных систем КПП занимает подсистема целевых КПУ. Это связано с тем, что в рамках моделирования КПП цель (система целевых КПУ) — это, во-первых, когнитивно-ментальный элемент, аккумулирующий все когнитивные процессы сознания / самосознания личности, во-вторых, свойственная каждой личности «первопотребность», трансформация которой определяет специфику когнитивного роста человека. Процесс поиска (определения) целевых ориентиров и моделирования подсистемы целевых КПУ включает в себя три основных этапа. На первом «подготовительном» этапе цель (система целевых КПУ) не имеет четкой формально-смысловой оболочки. Она представляет собой некую собирательную, «нерасчлененную», неперсонифицированную, деструктурную систему коллективных когнитивно-эмоциональных импульсов (матрицу коллективной целевой интенциональности). На втором этапе на базе абстрактных целей формируется «первичная» условно персонифицированная система целевых КПУ, включающая в себя две подсистемы: а) целевые КПУ с низким уровнем конкретизации; б) целевые КПУ с высоким уровнем конкретизации. На третьем этапе активизируется процесс когнитивной перекодировки «первичных» целевых КПУ с высокой степенью конкретизации, и формируется система стратегических и тактических целевых КПУ, которые имеют определенную энергетическую направленность: а) конструктивную (позитивную, созидательную); б) деструктивную (негативную, разрушительную); в) синтетическую (конструктивно-деструктивную).

Ключевые слова: синтетическая языковая личность, когнитивно-прагматическая программа, когнитивно-прагматическая установка, цель, когнитивное сознание, субъект-источник.

Информация об авторе: Дмитрий Игоревич Иванов — профессор Гуандунского университета международных исследований (Китай), кандидат филологических наук, доцент, Ивановский государственный университет, ул. Ермака, д. 39, 153025 г. Иваново, Россия. E-mail: Ivan610@yandex.ru

Дата поступления статьи: 28.03.2017

Дата публикации: 15.09.2017

Практика современных культурологических [7], лингвокультурологических [2; 3], литературоведческих [4], лингвистических [19; 22] и философских [6] исследований показывает, что в настоящее время наиболее перспективным и продуктивным метадискурсивным научным подходом к изучению языка, личности и культуры является особое междисциплинарное антропоцентрическое направление, которое условно можно назвать когнитивной гуманитарной семиотикой [9; 15].

Особая актуальность этого направления обусловлена двумя основными факторами. Во-первых, оно позволяет преодолеть искусственно созданные дисциплинарные рамки, что дает возможность исследователю рассматривать гуманитарное знание как единую, целостную, динамическую систему, в центре которой находится креативная, когнитивно развитая личность, функционирующая и развивающаяся в полидискурсивном пространстве культуры.

Во-вторых, в рамках когнитивной гуманитарной семиотики активизируются процессы модернизации традиционных технологий исследования, и создаются новые методики комплексного, системного анализа: а) личности, которая рассматривается как особая система взаимообусловленных субъектных модальностей (субъект-источник — субъект-интерпретатор) [11; 12]; б) художественных текстов разных типов (вербальных, визуальных, аудиальных и текстов, созданных по принципам смешанного семиозиса [21]), имеющих синтетическую, полисемиотическую направленность. Все это, несомненно, открывает новые горизонты и позволяет ученому выйти на качественно новый уровень понимания как узко специализированной проблематики, актуализированной в рамках частных научных дисциплин, так и общих методологических, теоретических вопросов, актуальных для всей современной гуманитаристики.

В рамках этого направления была создана авторская лингвокультурологическая теория синтетической языковой личности (СЯЛ) [13], внутренняя структура которой (независимо от того, в пространстве какого типа синтетического текста (текстов) она активизируется) состоит из трех основных уровней: «а) вербально-семиотического (на этом уровне обозначается комплекс семиотических зон, попадающих в структуру синтетического текста, и определяются качественные особенности внешней структуры СЯЛ); б) когнитивно-прагматического (он включает в себя систему концептуально-когнитивных кодов, которые последовательно распределяются по семиотическим зонам синтетического текста и, соответственно, по компонентам внешней структуры); в) ассоциативно-интерпретационного (на этом уровне происходит вовлечение в структуру СЯЛ воспринимающего субъекта, который является конститутивным компонентом дискурсивного сознания СЯЛ)» [14, с. 25].

Подчеркнем, что в качестве стержневого, системообразующего компонента данной теории выступает понятие «когнитивно-прагматическая программа» (КПП), понимаемая нами как особая система когнитивно-прагматических установок (КПУ) (целевых, самоидентификационных (ролевых), инструментальных, оценочно-результативных), формирующихся в пространстве когнитивного сознания [9, с. 108] отдельной личности / определенной социальной группы / нации / народа.

Особый статус данного понятия обусловлен широким спектром его операциональных возможностей. Во-первых, КПП выступает «в качестве ментально-когнитивной связки между сознанием, мышлением и интеллектом человека. Во-вторых, позво-

ляет проводить системный структурный, когнитивный, концептуально-семантический анализ языкового и коммуникативного [индивидуального / коллективного (массового)] сознания. В-третьих, дает возможность глубокого понимания процессов когнитивно-взаимодействия субъектов разных типов (субъекта-источника — генератора КПП, и субъекта-интерпретатора — воспринимающего и интерпретирующего сознания). В-четвертых, позволяет охватить все сферы актуализации когнитивно-прагматических интенций: а) на уровне отдельной личности; б) на уровне массового сознания; в) на уровне различных текстуальных форм, образованных на базе всех известных знаковых систем (вербальной, музыкальной, кинетической, визуальной и т. д.); г) на уровне дискурса и взаимодействия (однотипных и неоднотипных дискурсивных единиц); д) на уровне дискурсивных пространств и их взаимодействия; е) на языковом (концептуальном) уровне; ж) на лексическом (семантическом) уровне; ж) на уровне всей культуры в целом; з) на уровне других сфер деятельности человека и общества (политической, социальной и других) — и т. д.» [9, с. 108].

Одновременно с этим КПП может рассматриваться как специфический ментально-когнитивный структурообразующий, «классифицирующий» элемент не только для когнитивного сознания отдельной личности, но и для всего полидискурсивного пространства субъективированной реальности. Другими словами, учитывая механизмы и принципы моделирования КПП, а также ее типологические особенности (существует несколько основных типов КПП: а) метанаративные (универсальные) КПП; б) производные КПП; в) отраслевые КПП (научные, религиозные, художественные и т. д.); г) профильные КПП (литературные, музыкальные, гуманитарные, естественно-научные и т. д.); д) ролевые КПП (КПП либерала, КПП демократа, КПП ученого и т. д.); ж) имиджевые КПП (имиджевая КПП политика, музыканта, поэта и т. д.); з) национально-специфические КПП (мононациональные (японская, русская, китайская); полинациональная (синтетическая) КПП (англо-американская, русско-китайская) можно построить общую абстрактную модель структурной организации пространства субъективированной реальности, каждая зона (сектор) которой будет соотнесен с тем или иным типом КПП.

В рамках данного материала мы более подробно рассмотрим общие характеристики и особенности моделирования подсистемы целевых КПУ, занимающей в структуре КПП особое место. На наш взгляд, именно процесс целеполагания, точнее поиска / нахождения / перекодировки / трансформации цели (целевых КПУ) является базовым (начальным) этапом моделирования всей когнитивно-прагматической программы. В. Л. Гавеля справедливо замечает, что процесс «целеполагания предшествует программированию; целеполагание задает направление и общий характер программирования» [5]. При этом сам феномен целеполагания, выступая в качестве базового, фундаментального основания моделирования КПП, рассматривается нами как особый ментально-когнитивный процесс, активизирующийся в пространстве когнитивного сознания конкретной личности / целого народа. Причем специфика протекания этого процесса, включающего в себя несколько основных фаз [активизация, трансформация (частичная / полная перекодировка, актуализация / деактуализация тех или иных целей / целевых установок и т. д.)], обусловленная генетическими, индивидуальными (когнитивными, эмоциональными, креативными), национальными, культурными и другими факторами полностью определяет выбор когнитивной, а затем и социальной стратегии моделирования сознания и самосознания личности.

Соответственно, характер выбранной цели и все ее дальнейшие реальные / потенциальные когнитивные корректировки, возникающие в процессе протекания «жизненного цикла» КПП, существенно отражаются как на общем направлении вектора развития КПП, так и на всех (общих / частных) когнитивных действиях / операциях субъекта-источника. Другими словами, качественные особенности целевых КПУ определяют специфику выбора ролевых (самоидентификационных), инструментальных и оценочно-результативных когнитивных подсистем КПП.

Заметим, что понятие «цель», традиционно рассматриваемое как «идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта; финальный результат, на который преднамеренно направлен процесс» [8, с. 317], в научном и философском дискурсах получает различные интерпретации. А. Л. Доброхотов указывает: «цель (τέλος) чаще всего в философских текстах означа “конец”, “завершение”. Принципиальная, не требующая дальнейших разъяснений первичность космических причин и вторичность внутрикосмических целеполаганий и мотивов (которые могли приписываться и живым субъектам, и физическим стихиям) составляют одну из самых характерных черт досократовской картины мира <...> Цель может пониматься как биоморфная версия энтелехии, являющейся внутренней программой организма (Шопенгауэр, Бергсон, Н. Лосский); как внутренняя символическая форма культуры (Дильтей, Шпенглер, Зиммель, Кассирер, Флоренский, А. Белый); как иерархически выстроенные системы обратных связей организма и среды (холизм, гештальтпсихология, органицизм, кибернетика, общая теория систем)» [9, с. 317–318].

Синтезируя данные представления о природе цели, можно сделать вывод, что цель, как специфическая, иерархически организованная программа организма (субъекта), основанная на системе обратных (внешних / внутренних) связей личности и мира, может рассматриваться как особый когнитивно-ментальный элемент, аккумулирующий все когнитивные процессы сознания человека. Это обусловлено тем, что «наличие цели является показателем активности сознания, которое содержит в себе три взаимосвязанные стороны: знание (отражательная функция), самосознание (функция отражения человеком своих отношений в объективном мире и своих потребностей), целеполагание (активная творческая функция). Следовательно, категория “цель” в своем становлении характеризует активность сознания и способность человека апробировать существующими знаниями и навыками еще не существующий в реальном восприятии предмет или явление. Переход от мышления к практике осуществляется через цель. Цель является одним из посредствующих звеньев между познанием и практикой потому, что, кроме идеального образа объекта, она включает в себе стремление создать его, имеет ярко выраженную практическую направленность, содержит в идеальном виде весь порядок действия, выступает как внутренне присущий самой деятельности закон, определяющий способ и характер действий человека» [5].

Кроме того, особое значение в данном контексте приобретает мысль о том, что «цель является одной из форм реализации потребности» [5]. Это указывает на генетическую взаимосвязь данных понятий. Для нас этот момент является принципиальным. Дело в том, что в рамках когнитивных исследований цель, как один из ключевых регулятивных когнитивных конструктов сознания личности, получает статус своеобразной «первопотребности», определяющей специфику, динамику и вектор когнитивного развития / саморазвития мыслящего / чувствующего субъекта.

Потребность в цели — это базовый механизм формирования и эволюции эмоционально-когнитивных интенций личности, фундаментальная основа моделирования

структуры сознания / самосознания и его КПП: «Цель — одна из первых категорий, начавших формироваться в сознании по мере его генезиса; она отражает такое отношение, зарождение понятия, которое по времени очень близко к возникновению самого отношения, и в этом смысле ее развитие отражает момент выделения человека из природы в качестве общественно-свободного существа» [5].

Из этого следует, что процесс зарождения и модернизации (усложнения) механизмов целеполагания неразрывно связан с этапами эволюции сознания личности. В максимально обобщенном виде эти процессы можно представить в виде следующей последовательности: 1) инстинктивно-импульсная форма целеполагания / сознания субъекта / КПП [23]; 2) эмоционально-импульсная форма целеполагания / сознания субъекта / КПП; 3) эмоционально-интеллектуальная форма целеполагания / сознания субъекта / КПП [20]; 4) когнитивная форма целеполагания / сознания субъекта / КПП; 5) синтетическая (когнитивно-эмоциональная) форма целеполагания / сознания субъекта / КПП.

Исходя из этого можно сделать вывод, что в рамках моделирования КПП цель (система целевых КПУ) — это, во-первых, когнитивно-ментальный элемент, аккумулирующий все когнитивные процессы сознания / самосознания; во-вторых, свойственная каждой личности «первопотребность», трансформация которой определяет специфику когнитивного роста человека.

Опираясь на тезис о генетической взаимосвязи цели и потребности, интерпретируемой как «состояние человека, складывающееся на основе противоречия между имеющимся и необходимым (или тем, что кажется человеку необходимым) и побуждающее его к деятельности по устранению данного противоречия» [18, с. 10], можно предположить, что все типы потребностей личности, в основе которых лежит особая целевая «первопотребность», имеют определенную степень когнитивизации.

В качестве примера рассмотрим «классическую» [24] типологию потребностей, разработанную А. Маслоу. Эта иерархическая модель включает в себя семь основных уровней: 1) физиологические потребности; 2) потребности в безопасности; 3) социальные потребности (принадлежности и любви); 4) потребности в признании и уважении; 5) познавательные потребности; 6) эстетические потребности; 7) потребности в самоактуализации [17].

Отметим, что каждый из представленных уровней (от низшего к высшему) в той или иной степени соотносится с одной / несколькими формами целеполагания и стадиями (фазами) развития сознания / самосознания субъекта. Выяснив специфику этого соотношения, мы можем построить абстрактную модель роста когнитивной активности личности, актуализированную в процессе перехода от «низших» потребностей к «высшим». Отметим, что в рамках данного материала мы представим только общую модель и не будем рассматривать подробно каждый этап, так как для этого необходимо отдельное исследование.

На наш взгляд, общая модель роста когнитивной активности личности в контексте трансформации механизмов целеполагания включает в себя четыре основных, последовательно реализующихся этапа. Первый этап можно условно назвать этапом нулевой когнитивизации. Здесь активизируется инстинктивно-импульсная форма целеполагания / сознания субъекта / КПП, с которой соотносятся физиологические потребности и потребности в безопасности.

На втором этапе реализуется процесс «первичной» когнитивизации сознания субъекта. Это происходит за счет перехода сначала к эмоционально-импульсной, а за-

тем к эмоционально-интеллектуальной форме целеполагания / сознания субъекта / КПП. На этом этапе субъект стремится удовлетворить социальные потребности.

На третьем этапе когнитивная активность личности существенно возрастает. Его можно назвать этапом «глубокой» когнитивизации, основанной на переходе к собственно когнитивной форме целеполагания / сознания субъекта / КПП, связанной с познавательными потребностями и потребностями в признании и уважении. Важно, что на этой стадии «когнитивное» в сознании личности в определенной степени «блокирует» эмоциональные интенции, что приводит к дисгармонизации восприятия информационных кодов.

На последнем четвертом этапе когнитивная активность личности достигает максимального уровня. Это обусловлено тем, что в сознании субъекта собственно когнитивные и эмоциональные импульсы гармонизируются и в равной степени активны. Здесь реализуется синтетическая (когнитивно-эмоциональная) форма целеполагания / сознания субъекта / КПП, сопряженная со стремлением удовлетворить эстетические потребности и потребности в самоактуализации.

Отдельно необходимо сказать о том, что процесс поиска (определения) целевых ориентиров и моделирования подсистемы целевых КПУ, активизирующийся в пространстве когнитивного сознания субъекта-источника (генератора КПП) включает в себя три основных этапа. Прежде чем рассматривать эти этапы укажем, что когнитивное сознание мы понимаем как своеобразную «ментальную, сверхъязыковую (несводимую к языковому сознанию, но им овнешненную), когнитивно-прагматическую, многоуровневую поликомпонентную метаструктуру психики, синтезирующую в себе чувственно-аналитические формы восприятия, обработки и дешифровки информационных кодов разных типов, формирующуюся на базе взаимодействия собственно сознания, мышления, интеллекта, языкового сознания и сознания коммуникативного» [9, с. 108].

На первом «подготовительном» этапе в пространстве когнитивного сознания личности осуществляется сбор (накопление) информационных кодов разных типов, на основе которых формируется общая, коллективная (еще не принадлежащая субъекту-источнику) информационно-концептуальная база. Здесь цель (система целевых КПУ) не имеет четкой формально-смысловой оболочки. Она представляет собой некую собирательную, «нерасчлененную», непersonифицированную, доструктурную систему коллективных когнитивно-эмоциональных импульсов (матрицу коллективной целевой интенциональности). Причем в пространстве этой матрицы каждый целевой импульс динамизирован, т. е. находится в активно / пассивном состоянии и реально / потенциально может быть активирован / деактивирован в любой момент.

На втором этапе реализуется процесс когнитивной обработки (дешифровки), освоения, дифференциации и первичной персонификации, собранной ранее информации. Заметим, что механизм «когнитивного селективного отбора» (дифференциации) информационно-концептуальных единиц определяется: а) особенностями ментально-генетической системы субъекта-источника; б) индивидуально-психологическими характеристиками субъекта-источника; в) спецификой внешней социокультурной среды, в пространстве которой существует субъект-источник.

В результате часть информационно-концептуальных кодов блокируется, нейтрализуется, частично / полностью теряет свою актуальность и выносится за рамки «активной» зоны когнитивного сознания личности, попадая в «условно пассивную» зону хранения информации. При этом возможность их потенциальной актуализации

сохраняется. Другая часть информационно-концептуальных единиц попадает в «активную» зону когнитивного сознания, и на их основе моделируется комплекс абстрактных целей.

Одновременно с этим активизируется процесс первичной персонификации, «индивидуализации» (когнитивного освоения) субъектом-источником коллективного опыта. Это приводит к трансформации структуры одной / нескольких абстрактных целей с их последующей конкретизацией и формированием «первичной» условно персонифицированной системы целевых КПУ. Заметим, что все «первичные» КПУ можно разделить на две основные группы: а) целевые КПУ с низким уровнем конкретизации; б) целевые КПУ с высоким уровнем конкретизации. Особое внимание необходимо обратить на вторую группу. Дело в том, чем выше уровень конкретизации, тем глубже степень когнитивного освоения и персонификации КПУ. Именно на их основе в последствие формируется система персонифицированных целевых КПУ, составляющих фундамент КПП.

На третьем этапе активизируется сразу два процесса: а) глубокой персонификации (тотальной индивидуализации) информационно-концептуальных кодов; б) когнитивной перекодировки «первичных» целевых КПУ с высокой степенью конкретизации. Далее на их базе формируется система стратегических целевых КПУ, которые и определяют общий вектор моделирования КПП.

Отметим, что концептуально-смысловое содержание стратегических целевых КПУ в процессе «жизненного цикла» КПП может трансформироваться, а количество варьироваться (от одной до нескольких). Ярким примером КПП, в основе которой лежит одна стратегическая целевая КПУ, является когнитивно-прагматическая программа А. Башлачева: «Истинный национальный поэт» [10]. Ее сущность состоит в стремлении сохранить в себе Свет, быть честным и тем самым доказать своей собственной жизнью / смертью (А. Башлачев трагически погиб в феврале 1988 г.) каждую написанную строку. Вот что сам поэт говорит об этом:

Нужно научиться слышать себя. Этого нужно добиться. Это никогда не дается само <...> Нужно найти и удержать в себе Свет. <...> Я только этим и занимаюсь. Все мои песни, все мои поступки направлены только на то, чтобы удерживать его. И они (поступки, песни) должны с каждым днем становиться все более сильными. Тут не проедешь налегке да с пустым разговором. Я не верю людям, которые не страдали. Здесь еще важно, какими были эти страдания. <...> Душа должна болеть. Когда душа болит — она работает. Это и есть работа души. Она только так расширяется, растет, становится сильнее. И музыка, и стихи, и сама жизнь — это тоже работа души. Нужно это всегда понимать. Ничего случайного в этом мире нет. <...> Человек должен поставить свою душу на место, чтобы она работала. И неважно, где это происходит: на сцене, в цеху, в поле (на пашне) <...> Соответственно, каждую песню нужно прожить <...> ее нельзя просто спеть, ее нужно каждый раз проживать. Все что ты делаешь, так или иначе, должно быть оправдано жизнью, поступками... [1].

Отдельно необходимо сказать о том, что выбранная и персонифицированная субъектом-источником стратегическая целевая КПУ представляет собой сложное образование. Дело в том, что в процессе моделирования КПП она, как правило, «распадается» на несколько взаимосвязанных и взаимообусловленных тактических целей, которые образуют особую подсистему тактических целевых КПУ. Соответственно, для успешного достижения стратегической цели субъект-источник должен двигаться от одной тактической цели к другой, последовательно реализуя каждую из них.

Здесь же отметим, что все типы целей / целевых КПУ в рамках моделирования КПП имеют определенную энергетическую направленность: а) конструктивную (позитивную, созидательную); б) деструктивную (негативную, разрушительную); в) синтетическую (конструктивно-деструктивную), которая, на наш взгляд, в большей степени характерна для сознания русского человека.

Итак, мы пришли к следующим выводам. Феномен целеполагания, выступая в качестве базового, фундаментального основания моделирования КПП, представляет собой ментально-когнитивный процесс, активизирующийся в пространстве когнитивного сознания конкретной личности / целого народа. В рамках моделирования КПП цель (система целевых КПУ) — это, во-первых, когнитивно-ментальный элемент, аккумулирующий все когнитивные процессы сознания / самосознания; во-вторых, свойственная каждой личности «первопотребность», трансформация которой определяет специфику когнитивного роста человека.

Общая модель роста когнитивной активности личности в контексте трансформации механизмов целеполагания включает в себя четыре основных, последовательно реализующихся этапа. На первом активизируется инстинктивно-импульсная форма целеполагания / сознания субъекта / КПП, с которой соотносятся физиологические потребности и потребности в безопасности. На втором этапе реализуется процесс «первичной» когнитивизации сознания субъекта. Это происходит за счет перехода сначала к эмоционально-импульсной, а затем к эмоционально-интеллектуальной форме целеполагания / сознания субъекта / КПП. На этом этапе субъект осознает и стремится удовлетворить социальные потребности. На третьем этапе когнитивная активность личности существенно возрастает. Его можно назвать этапом «глубокой» когнитивизации, основанной на переходе к собственно когнитивной форме целеполагания / сознания субъекта / КПП, связанной с познавательными потребностями и потребностями в признании и уважении. На четвертом этапе когнитивная активность личности достигает максимального уровня. Здесь реализуется синтетическая (когнитивно-эмоциональная) форма целеполагания / сознания субъекта / КПП, сопряженная со стремлением удовлетворить эстетические потребности и потребности в самоактуализации.

Процесс поиска (определения) целевых ориентиров и моделирования подсистемы целевых КПУ включает в себя три основных этапа. На первом «подготовительном» этапе цель (система целевых КПУ) не имеет четкой формально-смысловой оболочки. Она представляет собой некую собирательную, «нерасчлененную», неперсонифицированную, доструктурную систему коллективных когнитивно-эмоциональных импульсов (матрицу коллективной целевой интенциональности). На втором этапе на базе абстрактных целей формируется «первичная» условно персонифицированная система целевых КПУ, включающая в себя две подсистемы: а) целевые КПУ с низким уровнем конкретизации; б) целевые КПУ с высоким уровнем конкретизации. На третьем этапе активизируется процесс когнитивной перекодировки «первичных» целевых КПУ с высокой степенью конкретизации и формируется система стратегических и тактических целевых КПУ, которые имеют определенную энергетическую направленность: а) конструктивную (позитивную, созидательную); б) деструктивную (негативную, разрушительную); в) синтетическую (конструктивно-деструктивную).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Башлачев А.* Беседа А. Башлачева с А. Шипенко и Б. Юханововым. «Было бы содержание — формы придут» // Bashlach.chat.ru. URL: <http://bashlach.chat.ru/int04.htm> (дата обращения: 20.03.2017).

- 2 *Воробьев В. В.* Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
- 3 *Ворожбитова А. А.* Теория текста: Антропоцентрическое направление: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2005. 367 с.
- 4 *Витковская Л. В.* Когниция и образ автора в интерпретации смысла. Литературоведение XXI века: учеб. пособие. М.: КНОРУС; Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2016. 332 с.
- 5 *Гавеля В. Л.* Целеполагание в структуре социальной деятельности человека: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1998. 320 с.
- 6 *Голодяев Д. А.* Феноменология внутреннего сознания мотива.): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Самара, 2006. 196 с.
- 7 *Гуревич П. С.* Культурология: учеб. пособие. М.: Знание, 1999. 287 с.
- 8 *Доброхотов А. Л.* Цель. Цель и средства // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд / под. ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2001. Т. 4. 605 с.
- 9 *Иванов Д. И.* Когнитивно-прагматическая программа синтетической языковой личности: общие вопросы // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66): в 4 ч. Ч. 2. С. 107–111.
- 10 *Иванов Д. И.* Типологические особенности когнитивного сознания субъекта-логоцентрика в русской рок-культуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66): в 4 ч. Ч. 4. С. 100–105.
- 11 *Иванов Д. И.* Специфика функционирования системы «субъект-источник — субъект-интерпретатор» в рамках теории синтетической языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66): в 4 ч. Ч. 3. С. 109–113.
- 12 *Иванов Д. И.* Моделирование позиции субъекта-интерпретатора в рок-культуре: модель деавтоматизации восприятия // Вестник славянских культур. 2015. № 4 (38). С. 13–20.
- 13 *Иванов Д. И.* Теория синтетической языковой личности: в 2 т. / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай). Иваново: ПресСто, 2016. Т. 1: Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: структура и общие вопросы (на материале русской рок-культуры). 360 с.
- 14 *Иванов Д. И., Гавриков В. А.* Неомифологическая составляющая синтетической языковой личности // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2017. № 2. Ч. 1. С. 24–27.
- 15 *Иванов Д. И., Лакербай Д. Л.* Антропоцентрическая парадигма и теория синтетической языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 11 (65): в 3 ч. Ч. 3. С. 96–100.
- 16 *Каган М. С.* О субстанции, строении и функциях культуры (к вопросу об основаниях культурологии) // Личность. Культура. Общество. 2004. Т. 6. Вып. 2. С. 123–134.
- 17 *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб: Питер, 2003. 352 с.
- 18 *Орлов С. В.* Человек и его потребности. СПб.: Питер, 2006. 160 с.
- 19 *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
- 20 *Симбирцева Н. В.* Современные теоретические представления об эмоциональном интеллекте // Вестник КемГУ. 2008. № 3. С. 54–56.

- 21 *Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Либроком, 2010. 336 с.
- 22 *Тарасов Е. Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Изд-во ИЯ РАН, 2000. С. 24–32.
- 23 *Фет А. И.* Инстинкт и социальное поведение. Новосибирск: Изд. дом Сова, 2005. 393 с.
- 24 *Хромченко А. Л.* К вопросу о разработке классификации потребностей в российской научной традиции // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 143–150.

© 2017. Dmitry I. Ivanov
Ivanovo, Russia

FEATURES OF MODELLING A SYSTEM OF SYNTHETIC LINGUAL PERSONALITY COGNITIVE AND PRAGMATIC ATTITUDES: GENERAL ISSUES

Abstract: Within the author's cultural linguistics theory of synthetic lingual personality (SLP), the notion of cognitive and pragmatic programme (CPP) is of great significance. We consider it a specific system of cognitive and pragmatic attitudes (as to goal-setting, self-identification (roles), utilitarian aspects, and results evaluation) shaped in cognitive mind of a given person / certain social group / nation / people. The goal-setting subsystem occupies a particular place among CPP cognitive systems. The reason is that, in the CPP modelling framework, the goal (the system of goal sets) represents first of all a cognitive and mental element accumulating all the cognitive processes of the person's mind / self-consciousness. Moreover, it is an inherent "primary need" which determines the particular features of the person's cognitive development. The process of goals search (definition) and goal sets subsystem modelling consists of three main stages. At the first preliminary stage, the goal does not have any precise semantic form. It is rather a generalized, aggregative, non-personified system of collective cognitive and emotive impulses (a matrix of collective goal intentionality). At the second stage, abstract goals give birth to a primary, conventionally personified system of goal sets which consists of two subsystems: a) goal sets with low level of concretisation; b) goal sets with high level of specification. The third stage implies activation of cognitive conversion of highly specific primary goal sets having a certain orientation of energy: a) constructive (positive, creative); b) destructive (negative, subversive); c) synthetic (constructive and destructive).

Keywords: synthetic lingual personality, cognitive and pragmatic programme, cognitive and pragmatic attitude, goal, cognitive mind, source subject.

Information about the author: Dmitry I. Ivanov — Professor of Guangdong University of Foreign Studies (China), PhD in Philology, Associate Professor, Ivanovo State University, Ermak St., 39, 153025 Ivanovo, Russia. E-mail: Ivan610@yandex.ru

Received: March 28, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Bashlachev A. Beseda A. Bashlacheva s A. Shipenko i B. Iukhanovym. “Bylo by sodержanie — formy pridut” [Conversation of A. Bashlachev with A. Shipenko i B. Iukhanov. “If there is a content, forms will appear”]. Bashlach.chat.ru. Available at: <http://bashlach.chat.ru/int04.htm> (accessed 20 March 2017). (In Russian)
- 2 Vorob'ev V. V. *Lingvokul'turologiia (teoriia i metody)* [Cultural linguistics (theory and methods)]. Moscow, Izdatel'stvo RUDN Publ., 1997. 331 p. (In Russian)
- 3 Vorozhbitova A. A. *Teoriia teksta: Antropotsentricheskoe napravlenie: uchebnoe posobie* [Theory of text: Anthropologic dimension: study guide]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 2005. 367 p. (In Russian)
- 4 Vitkovskaia L. V. *Kognitsiia i obraz avtora v interpretatsii smysla. Literaturovedenie XXI veka: uchebnoe posobie* [Cognition and image of the author in the interpretation of meaning. Literature studies of the 21st century: study guide]. Moscow, KNORUS Publ.; Piatigorsk, Izdatel'stvo PGU Publ., 2016. 332 p. (In Russian)
- 5 Gavelia V. L. *Tselepolaganie v strukture sotsial'noi deiatel'nosti cheloveka* [Goal-setting in the structure of a person's social activity]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filolosofskikh nauk [Author's abstract of the thesis for a PhD degree in Philosophy]. Moscow, 1998. 320 p. (In Russian)
- 6 Golodiaev D. A. *Fenomenologiia vnutrennego soznaniia motiva* [Phenomenology of the internal consciousness of motive]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filolosofskikh nauk [Author's abstract of the thesis for a PhD degree in Philosophy]. Samara, 2006. 196 p. (In Russian)
- 7 Gurevich P. S. *Kul'turologiia: uchebnoe posobie* [Cultural studies: study guide]. Moscow, Znanie Publ., 1999. 287 p. (In Russian)
- 8 Dobrokhotov A. L. Tsel'. Tsel' i sredtva [Goal. End and means]. *Novaia filosofskaia entsiklopediia: in 4 t.* [New Philosophic Encyclopaedia: in 4 vols.], Institut filosofii RAN; Natsional'nyi obshchestvenno-nauchnyi fond, edited by V. S. Stepina. Moscow, Mys' Publ., 2001. Vol. 4. 605 p. (In Russian)
- 9 Ivanov D. I. Kognitivno-pragmaticheskaia programma sinteticheskoi iazykovoi lichnosti: obshchie voprosy [Cognitive and pragmatic programme of synthetic lingual personality: general issues]. *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki*, 2016, no 12 (66): in 4 parts; part 2, pp. 107–111. (In Russian)
- 10 Ivanov D. I. Tipologicheskie osobennosti kognitivnogo soznaniia sub"ektalogotsentrika v russkoi rok-kul'ture [Typological features of the logocentric subject's cognitive mind in Russian rock culture]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no 12 (66): in 4 parts; part 4, pp. 100–105. (In Russian)
- 11 Ivanov D. I. Spetsifika funktsionirovaniia sistemy “sub"ekt-istochnik — sub"ektinterpretator” v ramkakh teorii sinteticheskoi iazykovoi lichnosti [Specific features of functioning of the system “source subject — interpreting subject” in the framework of synthetic lingual personality theory]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no 12 (66): in 4 parts; part 3, pp. 109–113. (In Russian)
- 12 Ivanov D. I. Modelirovanie pozitsii sub"ektainterpretatora v rok-kul'ture: model' deavtomatizatsii vospriiatia [Modelling of the interpreting subject's position in rock culture: the model of perception de-automation]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2015, no 4 (38), pp. 13–20. (In Russian)
- 13 Ivanov D. I. *Teoriia sinteticheskoi iazykovoi lichnosti: v 2 t.* [Theory of synthetic lingual personality: in 2 vols.], Guandunskii un-t mezhdunarodnykh issledovaniy (Kitai)

- [Guangdong University of Foreign Studies (People's Republic of China)]. Ivanovo, PresSto Publ., 2016. Vol. 1: Logotsentricheskaia model' sinteticheskoi iazykovoi lichnosti: struktura i obshchie voprosy (na materiale russkoi rok-kul'tury) [Logocentric model of synthetic lingual personality: structure and general issues (as exemplified by the Russian rock culture)]. 360 p. (In Russian)
- 14 Ivanov D. I., Gavrikov V. A. Neomifologicheskaja sostavliaiushchaia sinteticheskoi iazykovoi lichnosti [Neomythological component of synthetic lingual personality]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no 2, part 1, pp. 24–27. (In Russian)
- 15 Ivanov D. I., Lakerbai D. L. Antropotsentricheskaja paradigma i teoriia sinteticheskoi iazykoi lichnosti [Anthropologic paradigm and theory of synthetic lingual personality]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no 11 (65): in 3 parts; part 3, pp. 96–100. (In Russian)
- 16 Kagan M. S. O substantsii, stroenii i funktsiiakh kul'tury (k voprosu ob osnovaniiakh kul'turologii) [On substance, structure and functions of culture (on foundations of Cultural studies)]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2004, vol. 6, ed. 2, pp. 123–134. (In Russian)
- 17 Maslou A. *Motivatsiia i lichnost'* [Motivation and personality]. St. Petersburg, Piter Publ., 2003. 352 p. (In Russian)
- 18 Orlov S. V. *Chelovek i ego potrebnosti* [Man and his needs]. St. Petersburg, Piter Publ., 2006. 160 p. (In Russian)
- 19 Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaia lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST: Vostok-Zapad Publ., 2007. 314 p. (In Russian)
- 20 Simbirtseva N. V. Sovremennye teoreticheskie predstavleniia ob emotsional'nom intellekte [Contemporary theoretic ideas of emotional intelligence]. *Vestnik KemGU*, 2008, no 3, pp. 54–56. (In Russian)
- 21 Stepanov Iu. S. *V trekhmernom prostranstve iazyka: Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* [In a three-dimensional space of the language: Semiotic issues of linguistics, philosophy and art]. Moscow, Librokom Publ., 2010. 336 p. (In Russian)
- 22 Tarasov E. F. Aktual'nye problemy analiza iazykovogo soznaniia [Contemporary issues of linguistic consciousness analysis]. *Iazykovoie soznanie i obraz mira* [Linguistic consciousness and image of the world], ex. ed. by N. V. Ufimtseva. Moscow, Izdatel'stvo RAN Publ., 2000, pp. 24–32. (In Russian)
- 23 Fet A. I. *Instinkt i sotsial'noe povedenie* [Instinct and social behaviour]. Novosibirsk, Izdatel'skii dom Sova Publ., 2005, 393 p. (In Russian)
- 24 Khromchenko A. L. K voprosu o razrabotke klassifikatsii potrebnosti v rossiiskoi nauchnoi traditsii [On elaboration of classification of the needs in Russian scientific tradition]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2007, no 4, pp. 143–150. (In Russian)

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)52

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. В. Ю. Даренский
г. Луганск, ЛНР

**ОБРАЗ «УНИВЕРСАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА»
В РАССКАЗЕ В. И. ДАЛЯ «ДЕНЩИК (ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)»**

Аннотация: Статья посвящена анализу рассказа В. Даля «Денщик (Физиологический очерк)» в контексте этоса русской традиционной народной культуры, сформированной христианской традицией. Фундаментальные принципы этого этоса таковы: 1) бескорыстие; 2) сострадательность к людям; 3) восприятие всех событий жизни как нравственных поступков. Фундаментальным принципом этой культуры является духовная универсальность человека. Главный герой — простой денщик — показан как цельный и одновременно разносторонний человек, всегда готовый ко всему, для которого нет ничего неожиданного. Автор статьи рассматривает проблематику рассказа В. Даля как источник экзистенциального опыта для современного человека. Образ главного героя понятен только в контексте глубинных архетипов культуры. Анализируются главные художественные идеи рассказа В. Даля в их взаимосвязи между собой: 1) сущность человеческой судьбы и различных видов нравственной свободы; 2) движущие силы нравственности и жизнотворчества; 3) нравственный смысл русской традиционной народной культуры. Автор предлагает свою интерпретацию духовного опыта В. Даля, связанного с открытием истоков нравственной свободы. В частности, человеческая универсальность и нравственная свобода понимаются В. Далем как незавершенные и загадочные сущности, определяемые различными «жизненными путями» как путями развития опыта христианского мировоззрения, доступного каждому человеку, независимо от его социального статуса.

Ключевые слова: личность, универсальность, русский этос, нравственность, подвиг.

Информация об авторе: Виталий Юрьевич Даренский — кандидат философских наук, доцент, Луганский национальный университет им. Т. Шевченко, ул. Оборонная, д. 2 А, 910034 г. Луганск, ЛНР. E-mail: darenskiy1972@mail.ru

Дата поступления статьи: 25.12.2016

Дата публикации: 15.09.2017

Он. <...> Переимчивость их всем известна; проворство и ловкость удивительны...

Я. Справедливо. Но свобода? Неужто вы русского крестьянина почитаете свободным?

Он. Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения с вами?

Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи?

А. С. Пушкин. Мысли на дороге [Разговор с англичанином] [13, с. 127].

Поэтика «натуральной школы» и жанр «физиологического очерка», в частности, не только не исключают возможности изображения, осмысления и анализа глубоких духовных процессов и переживаний людей, но и имеют в этом отношении ряд преимуществ перед иными стилями. Отличие прозы В. И. Даля от более поздних литературных стилей («психологической прозы» и т. д.), в которых изображение внутреннего, субъективного мира людей стало самоцелью, состоит в том, что в ней этот мир явлен не через рефлексивное самописание, а через жизненные поступки и высказывания героев. В этом отношении «натуральная школа» фактически продолжает поэтику прозы А. С. Пушкина. Стоит усомниться в «устарелости» и якобы примитивности нерексивной («натуральной») поэтики и в том, что она менее эффективна в художественном познании человека, чем позднейшие стили¹.

В. Г. Белинский с восторгом писал об удивительной способности В. И. Даля понимать личность человека из народа: «Боже мой! — как хорошо он знает его натуру! он умеет мыслить его головою, видеть его глазами, говорить его языком» [2, с. 80]. Н. В. Гоголь отмечал в письме П. А. Плетневу: «...каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни» [15, с. 7]. Однако вскоре возникло и другое мнение. Так, Н. Г. Чернышевский в № 4 «Современника» за 1861 г. в разгромной рецензии на далевские «Картины из русского быта» писал: «По правде говоря, из его рассказов ни на волос не узнаешь ничего о русском народе, да и в самих-то рассказах не найдешь ни капли народности» [15, с. 7]. Столь противоположные мнения объясняются в первую очередь принципиально разными идеологическими установками авторов: в частности, Н. Г. Чернышевского явно не устраивал элемент *эстетического любования народным бытом и поиска его внутреннего «лада»*, которые присущи художественной этнографии В. И. Даля. (А уже в 1980-х гг. понятием «лад» новейший классик русской литературы В. И. Белов охватит уже самую суть русской крестьянской культуры.) Н. Г. Чернышевский же, судя по всему, искал в произведениях о народе в первую очередь изображения такого невыносимого его состояния, которое требует немедленной кровавой революции.

Была и более конструктивная критика. В частности, А. Н. Пыпин в своей «Истории русской этнографии» (1890) утверждал, что В. И. Даль, исследуя народные типы, якобы «не умеет возвести их к общему началу» [14, с. 417–418]. Суть этой претензии скрывается в том, что А. Н. Пыпин понимает под «общим началом». По видимому, он хотел бы видеть у В. И. Даля некую четко сформулированную общую идеологическую

¹ Ср. мнение М. Горького о В. И. Дале: «Его очерки — простые описания природы, такую, какова она есть. Эти очерки имеют огромную ценность правдивых исторических документов... Даль не художник, он не пытается заглянуть в душу изображенных им людей, зато их внешнюю жизнь он знает, как никто не знал ее в то время» [6, с. 187].

установку во взгляде на народный характер и быт — наподобие тех, которые мы находим, например, в очерках «Власть земли» Г. Успенского, «Из деревни» А. Н. Энгельгардта или в письмах В. Г. Короленко, собранных в сборник «Земли! Земли!». Но такой общей идеологической установки, изначально исходящей из представления о «дикости» и «ненормальности» народного быта и характера, у В. И. Даля действительно нет. Однако это — не недостаток, а, наоборот, его достоинство. Фактически к «далевскому» взгляду на народ русская литература снова вернулась только во второй половине XX в. в знаменитой «деревенской прозе». Тем самым именно В. И. Далия и следует считать ее подлинным родоначальником еще в Золотом веке русской литературы.

Выводы современных авторов об особой сложности народного характера и личности принципиально противоречат бытующим порой интеллигентским представлениям о неразвитости и даже примитивности «человека из народа». В таких представлениях явно присутствует откровенная подмена понятий: такие авторы ищут в народных характерах свою же собственную «сложность» городского «образованного человека» и, естественно, не находят ее. Но при этом они принципиально не видят собственной сложности народного характера, которая остается для них непонятной и поэтому невоспринимаемой. Выдающийся русский философ Н. О. Лосский в своем труде «Характер русского народа» (1957) отмечал, что «близость крестьянина к природе и разнообразие труда вырабатывает многостороннюю личность и органическую цельность жизни» [12, с. 131]. Но это в полной мере было показано впервые именно в «этнографической» прозе В. И. Даля. Н. Л. Юган в качестве общего вывода своего исследования духовно-нравственных аспектов этнографической прозы В. И. Даля отмечала, что писатель «огромное внимание обращает на духовный мир личности. При этом он верит в возрождающие душу православные начала народной жизни, а также в возможность воспитания Человека» [17, с. 70]. Этот справедливый вывод, тем не менее пока еще остается рабочей гипотезой, требующей дальнейшей детальной разработки.

Следует также заметить, что в этом смысле русская «натуральная школа» первой половины XIX в. оказалась полной противоположностью того, что в Европе называли «натурализмом» в конце того же века, поскольку в последнем, как справедливо отметил Н. Я. Берковский, «и форма, и радость искусства исчезли у натуралистов, развенчание человека привело к тому, что искусство перестало говорить, утратило орган выражения, мир оказался гнетущим, бессмысленным зрелищем, исключаяющим человеческую свободу и творчество, жизнь оказалась лишенной роста, внутреннего подъема и внутренней связи, оказалась врагом поэзии»; и поэтому, продолжает автор, «русская литература, когда ее впервые широко узнали, для Европы встала как контраст искусству и миропониманию Золя и Тэна. Перед Европой появились живые, полные мыслью о своем призвании, колоссально изваянные русские герои» [4, с. 320]. В данной статье будет дан краткий анализ того, каким образом В. И. Даль средствами поэтики натуральной школы «колоссально изваял русского героя», причем «изваял» его из самого, казалось бы, неподходящего жизненного материала — из *денщика*!

Стоит отметить, что образ денщика не редок в русской литературе, но практически всегда это образ приземленно-трагический. Особняком стоит лишь пушкинский образ «дядьки» Савельича — светлый образ русского человека как такового, однако и он не лишен той же приземленности и трагизма. Но наивысшее проявление этих качеств образа денщика явлены, видимо, в рассказе Вс. Гаршина «Офицер и денщик». Здесь жизнь и судьба денщика показаны как бессмысленные и, более того, являющие бессмысленность самой жизни.

Принципиальный характер для нашей темы имеют следующие глубокие и яркие рассуждения Н. Бердяева из его книги «Философия неравенства», столь ярко отстаивавшей высшее достоинство любой личности, никак не зависящее от случайностей ее социального положения и судьбы:

Судьба каждого человека погружена в вечность, и в вечности нужно искать разгадки ее смысла. Все кажется случайным, бессмысленным и несправедливым в пределах этой кратковременной жизни... Но вы, бунтующие против божественного миропорядка и восстающие против вечности, вы не чувствуете и не видите лица человека, вы чувствуете и видите лишь отрывки и ключья личности, лишь преходящие ее состояния, лишь временные страдания и удовлетворения. Ваше гуманистическое и сентиментальное заступничество за человека, ваше иступленное желание освободить его от страданий и есть ваше неверие в Бога и неверие в человека... И это всегда ведет к истреблению личности во имя освобождения человека от страданий. Принятие *смысла страданий, смысла судьбы, которая со стороны представляется столь несправедливой и неоправданной, и есть утверждение личности, и есть вера в Бога и человека* (Выделено мной. — В. Д.) [3, с. 59].

Как известно, мыслители эпохи Возрождения сформулировали и показали на собственном опыте идеал «универсального человека», uomo universale или homo universalis. Как пишет современный исследователь, «человек как универсум и целостность или как универсальная целостность, тотальность — продуктивная теоретическая абстракция, позволяющая осмыслить общую направленность развития человека постольку, поскольку она наполняется в ходе анализа непосредственным конкретно-историческим содержанием» [11, с. 83]. Поэтому «каждое из качественно определенных отношений человека к миру, базируясь на некоей своеобразной доминирующей плоскости взаимодействия <...> тем не менее в том или ином виде включает и все другие плоскости взаимодействия, хотя последние имеют при этом подчиненный, второстепенный характер. Уже это само по себе вполне определенно указывает, что в рамках любой специфической деятельности человек способен реализовывать себя как существо всеобщее, целостное и универсальное, что не может не сказаться на его мироотношении» [11, с. 84].

Та специфическая деятельность человека, которой занимается денщик, — это поддержание Хозяйства во всех его проявлениях, причем хозяйства дворянина, человека с особыми потребностями. Это уже само по себе требует большой разносторонности; кроме того, само хозяйство — это особая сфера выражения не только материальных, но и духовных сил человека: «...хозяйство, как претворение природных сил, как их организация и регуляция, есть акт человеческого духа... Хозяйство не есть явление мертвой, материальной природы, оно насквозь пропитано духовными энергиями человека и предполагает общение между человеком и природой, их взаимопроникновение. Труд есть явление духа, а не материи, он имеет духовные основы» [3, с. 292].

Исходя из этих общих мировоззренческих принципов рассмотрим, что представляет образ денщика у В. И. Даля, в чем его смысл и непреходящая ценность? Автор «очерка» с самых первых строк указывает на его особую универсальность, пользуясь зооморфной символикой:

Говорят, в каждом человеке есть сходство с тем или другим животным — по наружности, по приемам, собственно по лицу или даже по свойствам и качествам <...>

я бы <...> нарисовал денщика Якова Торцеголового в виде небывалого, невиданного чудовища, составленного из пяти животных: одного недостаточно, потому что достоинства Якова слишком разнообразны. *Верблюды*, сутулый, неповоротливый, молчаливый, — а подчас несносно крикливый — и притом безответный работник до последнего издыхания; *волк*, с неуклюжею, но иногда смешною хитростью и жадностью своею, дерзкий и неутомимый во время голода; *пес*, ползачивый, верный, который лает на все, что только увидит вне конуры своей; *хомяк*, домовитый хозяин, с запасными сумками за скулами, который полагает, по-видимому, будто весь мир создан для того только, чтобы было откуда таскать запас и припас в свою норку, и, наконец, *бобр-строитель*, который на все мастер, все умеет сделать, что нужно в доме, и хоть из грязи, да слепит хатку и живет по-своему хорошо. Вот эти пять животных — вот какой сложный зверь вышел бы у меня из Якова Торцеголового [7, с. 239].

Эти зооморфные символы очерчивают некий смысловой «круг» жизни и деятельности человека, охватывая все ее стороны и проявления с точки зрения тех психологических и нравственных качеств, которые для них требуются. И, как видим, простой денщик — это *цельный и одновременно разносторонний человек*, всегда готовый ко всему, для которого нет ничего неожиданного.

Однако при этом он отнюдь не какой-то выдающийся «герой», а скорее наоборот: «...он попал в денщики по малому росту и сутулости, был сверх того левша, любил на ходу глядеть в землю, махать руками, переваливаться и распускать около себя одежду повольнее» [7, с. 240]. Последнее обстоятельство особо важно: «...как тесного, так и короткого платья Яков не мог терпеть <...> Он любил, чтобы все около него было и просторно и прикрыто» [7, с. 240]. Из этого ясно, в чем черпает силу этот на вид столь невзрачный человек: из *естественного ощущения свободы и вольности своего бытия*.

Эта свобода как особая атмосфера жизни позволяет ему видеть и полноту бытия в каждой отдельной, даже самой простой вещи. Поэтому, например, «на сапоги свои Яков любил иногда глядеть безотчетно и засматривался на них по целым часам, особенно когда они были недавно вычинены им и вымазаны салом <...> Он мурлыкал в такое время про себя: “Растоскуйся ты, моя голубушка!” или насвистывал сквозь зубы другую заунывную песню» [7, с. 241]. Но эта «заунывность» здесь — это вовсе не выражение грусти, но она необходима для углубления в созерцание вещи и мира.

Именно это естественное ощущение свободы и полноты своего бытия позволяет Якову *находить смысл своей жизни в честном служении*:

Яков служивал на веку своем у всяких господ, как уверял он, и служил верой и правдой <...> плакался, как жалуются по привычке на весь божий свет, а не то чтобы взаправду, как жалуются на беду неминуемую, известную, общую: на господ-де, известное дело, не угодишь; господской работы не переработаешь; работа наша, хоть день и ночь прибирай, не видная, — ровно все ничего не делаешь, а к вечеру поясницу разломит и прочее, а затем в утешение себе же он приговаривал: «Что ж, известно, на то они господа» [7, с. 241].

Столь *естественное, ненарочитое смирение* отнюдь не означает некой «порабощенности», но, наоборот, вытекает из *свободного осуществления своего долга* и глубокой *христианской совести*. Именно поэтому он может спокойно *поучать* своего барина, вспоминая, как того привезли пьяного: «<...> вы еще изволите упираться, а там и драться. “Не тронь, говорите, не подымай меня, не твое дело”. Ну чье же, сударь,

дело, коли не мое? Известно уже, коли я не присмотрю за вами, так кто же приглядит? Нехорошо, сударь, воля ваша, что этак-то хорошего будет? Ничего не будет!» [7, с. 244].

Когда же один из особо трудных в обращении барин его «волею Божию помре», «бедный Яков Торцеголовый в отчаянии ударил руками об полы и залился слезами. Он пересчитывал и припоминал все дурные свойства и качеств покойного, оканчивая, однако же, каждый раз припевом: “Да все-таки барин добрый был!”» [7, с. 242]. «Чувствительность и добродушие русского человека при подобных случаях заслуживают всякого уважения» [7, с. 242], — замечает по этому поводу В. Даль. никоим образом невозможно в этом усматривать некое якобы «рабское сознание», но как раз наоборот — это не что иное, как самое высокое проявление нравственной свободы человека, так легко и естественно преодолевающего все обиды и всем сердцем выражающего свою любовь и сочувствие к человеку, их причинившего. Но для понимания этого требуется именно христианское понимание сущности человеческой свободы — а оно является самым глубоким по своей сути и смыслу и самым труднодостижимым в реальной жизни, — а не то, светское, эгоцентрическое понимание свободы, к которому приучает современная безбожная цивилизация и которое сводится лишь к инфантильному потаканию своим желаниям.

Особо яркая деталь этого события: «Яков побежал объявить о смерти барина своего адъютанту и сказал ему предлинную чувствительную речь, которой смысл — по отрывистому расположению дум Якова — трудно выразить, но в коей несколько раз повторилось: “Власть Господня, все мы под Богом Ходим, покуда грехам нашим терпит — а у меня, сударь, известное дело, теперь родных больше нет, кроме вас, больше заступиться за меня некому”. Адъютанта этого Яков причел в родни, потому что тот более других знал с барином его» [7, с. 244]. Другая яркая деталь этого события: «Когда, по внезапной смерти барина, пришли описывать и опечатывать имение его, то Яков из усердия к покойному заступился за так называемое имение это и не хотел допустить никого; за это попал он под караул и чуть не было еще хуже. Что он думал в это время, как мог отстаивать мундир и панталоны покойного барина силой, — этого не мог он объяснить толком никогда; но отговаривался и оправдывался впоследствии тем только, что, “известно-де, за покойника заступиться некому; как же мне не беречь господского добра?” <...> Из беды и напасти, то есть из острога, после заступничества за имущество покойного барина Якова выручил другой барин, который взял его в денщики» [7, с. 245]. В этом столь непосредственном и жизненно-отчаянном исполнении им Божией заповеди «Будь верен до смерти» особенно глубоко явлена глубина и цельность личности Якова, которая и является основой ее жизненной универсальности.

Другой стороной его мировоззрения, которая делает эту универсальность не аморфной и размытой, а очень четкой и конкретной, является особый образ мироприятия денщика, для него вполне естественный. Яков, как лишь с внешней иронией замечает В. И. Даль (ибо за этой иронией явно проступает весьма глубокое наблюдение над душой русского человека), «дошел своим умом до основных понятий философии Канта, с тем только различием, что употреблял при всеобщем разделении вселенной множественное число вместо единственного; весь мир распадался для него на две половины: на *мы* и *не мы*. *Мы* — это были для него сам он с барином своим и со всеми пожитками: *не мы* — это были все прочие господа, весь видимый мир. В более обширном смысле *мы* означало также свою роту, батальон или даже полк, а в самом пространном значении *мы* принималось в смысле: вся армия, все военные, и тогда *мы* и *не мы* было то же, что приятель и неприятель» [7, с. 245].

«Не мы» здесь — это просто принцип человеческой честности, ибо душа человека не безразмерна и не может любить всех. (Заметим, что этот смысл людского «Мы», иронически сопоставленный здесь В. И. Далем с кантовским, западным делением мира на Я и не-Я уже в XX в. стал разрабатываться русскими философами, особенно С. Л. Франком, как особенный принцип русского мировоззрения в его отличии от европейского.) Это фундаментальное «Мы» в Якове было воспитано уже тем, что он сохранял самую глубокую нравственную связь со своими родными, которых он не видел уже много лет. Событие написание письма им становилось для него неким торжественным обрядом, почти священнодействием:

Бывало, Яков собирается писать домой письмо; тогда он ходит несколько дней призадумавшись, забывает дело и отвечает невпопад <...> Письмо крепко озабочивало Якова, и хотя это случалось никак не более одного или двух раз в год, но зато он в это время жил душою дома, где не бывал уже лет около двадцати <...> Человек двадцать родных было еще у Якова — русский человек без них не живет, — и он отписывал каждому порознь и поименно милостивого государя или государыню, любезного, возлюбленного, вселюбнейшего — а затем нижайший, глубочайший, усердный, преусердный или другого разбора поклон <...> испрашивая у родителей, дядей, теток и прочих, у каждого порознь, их родительского или родственного благословения, навеки нерушимого <...>. Он иногда вставлял еще где-нибудь известия о здоровье или нездоровье своего барина, говорил, что мы-де с барином собираемся жениться и прочее [7, с. 247].

Последняя деталь особенно важна: и барин включается в родственное «Мы» так, словно все уже человечество воспринимается как единая братская Семья людей.

Здесь стоит вспомнить, как В. И. Даль разъяснил нравственную сущность русской самоуправляющейся общины в своей записке, написанной в период выработки проектов отмены крепостного права. В ней он, в частности, писал: «Нет ничего могучее и благодетельнее здорового мирского управления, этого христианского отречения от личности своей на общую пользу» [8, с. 213]. Как видим, принцип «христианского отречения от личности своей на общую пользу» лежит и в основе личности денщика Якова.

Можно также сказать, что это родственное «Мы» еще распространяется Яковым даже и на природу, становясь всеобъемлющим. Об этом ярко говорит такая черта его поведения, о которой не зря сказал В. И. Даль:

Замечательное и преполозное для барина его свойство Якова заключалось еще в том, что он был везде дома, куда бы ни пришел <...> от которого дружил с каждой собакой, как только шагнет на двор. «Отчего на тебя, Яков, и собаки не лают?» — спрашивали у него, бывало, и он отвечал, смотря по расположению своему: «Они мне все свои, я всех их знаю»; или: «А что ей лаять — не видала, что ли, она человека?» [7, с. 248].

В свою очередь через это родственное «Мы» воспринимаются Яковым и годовые циклы природы, так он строит свой особый «календарь»:

Известно, что календарь нашего крестьянина отличается по способу выражения от нашего: мужик редко знает месяцы и числа, но знает хорошо посты, заговенья, сочельники, все праздники, святых и, избирая более замечательные в быту его сроки,

обозначает их теми названиями. У Якова был свой календарь, довольно понятный в его кругу: время назначения новых капралов, фельдфебелей, ротных, батальонных, полковых, бригадных и, наконец, корпусных командиров; смотр, постройка или пригонка амуниции, лагерь, ученье, перемена стоянки, марши, походы, дневки, привалы — и, наконец, замечательные события в роте, в батальоне, в полку [7, с. 249].

С другой же стороны, как тонко подмечает В. И. Даль, «для настоящего ему не нужно было календаря, потому что оно пролетало мимо его, как мимо всех нас; а для будущего — потому что он все будущее предоставлял Богу» [7, с. 249]. Вот такое восприятие Настоящего и Будущего, с одной стороны, свидетельствует о естественной легкости и вольности, внутренней свободе бытия этого человека, а с другой — является исполнением Божией заповеди не заботиться о завтрашнем дне, доверяясь воле Божией (однако это никак не противоречит упорному труду, но, наоборот, составляет его нравственную основу). Причем обе эти стороны неразрывно связаны между собой.

Завершая свой «очерк», В. И. Даль дает особо экспрессивный образ «на все руки мастера», в котором универсальность человека явлена особо зримо:

Таков был Яков, и таковы будут все Яковы наши, по крайней мере большинство их. Мастер <...> на всякую домашнюю потребу, он чинил сапоги, латал, как мы видели выше, платье, строгал, заклепывал, долбил, клеил и ладил все, что было нужно в походном хозяйстве. Как комнатный, кравчий и постельничий он ставил чайник, варил кофе, набивал трубки, бегал за вином рысью и откупоривал бутылки, стлал солому, покрывал ее простыней или рядном и клал в голову подушку, а в ноги халат и про запас еще шинель, чтобы одеться; как конюший или ясельничий стремянный и кучер он ходил за лошадью, когда она была у барана, седлая ее выбракованным гусарским седлишком или закладывая в пошевни; как приспешник готовил он де четырех блюд: щи, кашу, пирог и битки [7, с. 429–250].

Для сравнения стоит вспомнить трагическую попытку денщика в рассказе Вс. Гаршина «Денщик и офицер» выделить для себя отдельное собственное ремесло в отдельности от общей соборной службы: «Никита научился немного чеботарить: класть заплатки, подкидывать подметки, набивать подборы; переселившись к Стебелькову, он вздумал было продолжать свое ремесло, пряча мешок за двери в сенях, как только раздавался стук в двери. Барин, несколько дней замечавший, что в передней сильно пахнет черным товаром, доискался причины запаха и задал Никите жестокую головоломку, после чего приказал, “чтобы этого никогда не было”. Тогда Никите осталось только лежать на своей шинельке и думать» [5, с. 142]. Это выпадение из соборного общего дела и стало источником трагедии для героев Вс. Гаршина.

Не случайно особо яркий образ человеческой универсальности явлен именно в денщике — этом низшем представителе военного сословия. Философ русского зарубежья Н. М. Бахтин (родной брат М. М. Бахтина) описал свой экзистенциальный опыт службы во французском Иностранном легионе так: «...это смутное, но сильное ощущение причастности своей к какому-то большому и трудному делу, этот строй жизни, который, ничего не подавляя, дает всему упор, направление и смысл, — все это заставляет многих любить Легион крепкой и простой любовью, которая показалась бы странной поверхностному наблюдателю» [1, с. 14]. Таковы те нравственно-психологические основания военного братства и военной службы, благодаря которым столь мощно и ярко является цельность и универсальность личности в этой среде.

Как писал Н. Я. Берковский в своей известной работе «Запад и русское своеобразие в литературе», «русский антропоцентризм в искусстве не был фразой, бессильным притязанием, а был воплощенным, воочию показанным делом художника лишь потому, что в русском историческом опыте, в самой русской действительности содержались примеры значения личности — ее значения, когда она живет и действует заодно с остальной человеческой массой, прямо или издалека поддержанная ею <...> она могла доразвить себя, добиться свободы и самостоятельности лишь в союзе с народом и нацией» [4, с. 326]. И далевский образ денщика Якова — одно из ярких воплощений этого общего для всей русской литературы принципа.

В. Г. Белинский писал о специфике поэтики В. И. Даля: «В. И. Луганский создал себе особенный род поэзии, в котором у него нет соперников. Этот род можно назвать *физиологическим*. Повесть с завязкою и развязкою — не в таланте В. И. Луганского <...> в физиологических же очерках лиц разных сословий он — истинный поэт, потому что умеет лицо типическое сделать представителем сословия, возвести его в идеал, не в прошлом и глупом значении этого слова, т. е. не в смысле украшения действительности, а в истинном его смысле — воспроизведения действительности во всей ее истине» [2, с. 398–399]. В данном рассказе идеал «в истинном его смысле» — это раскрытие подлинной сущности человеческой личности и судьбы как способной воплощать в себе высшие смыслы жизни не взирая ни на какую ограниченность ее частных форм.

Антропологическая цель искусства — целенаправленное акцентирование процесса переживания ценностно-смысловых оснований человеческого бытия. Но это может происходить разными способами. Вяч. И. Иванов предложил дихотомическую типологию творческого мировидения, разделяя художников на «разоблачителей», которые «верят в противоположность “маски” и “правды”», и «облачителей», которые «любят в маске символ — тело тайны и знают, что “правда” ее неуловима <...> они чтут маску, как аполлонийскую завесу божественной пощады» [10, с. 76–77]. По этой типологии В. И. Даль относится скорее к «облачителям», которые скрывают глубинные смыслы человеческого бытия под «маской» внешне непритязательного «физиологического очерка».

При этом творчество В. Даля органично вписано в глубинный смысл всей русской литературы, который состоит в высшей идее духовно-нравственного преображения человека, в ее базовом «пасхальном сюжете». И. А. Есаулов в своем парадигмальном исследовании «Пасхальность русской словесности» пишет, что «пасхальный сюжет может присутствовать в тексте и имплицитно, как это происходит в стихотворении Ф. И. Тютчева “Эти бедные селенья...”. В завершающей строфе звучит особое — крестное — избрничество:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Подчеркнем, — продолжает автор, — что Христос в тютчевском тексте вовсе не празднично-«рождественский» <...> но страдающий; «удрученный»; «в рабском виде». Его *страстная* крестная ноша, таким образом, как бы соразделяется Россией. В четырех финальных строках Тютчева мы наблюдаем в сконцентрированном виде целостный *пасхальный сюжет*: от крестных Страстей Христовых (ведь «удрученный»

своей “ношей” Спаситель именно потому “в рабском виде” несет крест, что это путь на Голгофу) к пасхальному благословию России. Так *страдания* посредством благословения преобразуются в итоговую *победу*: в христианском контексте понимания эта победа может быть понята только как победа над смертью, Воскресение» [9, с. 79–80]. Соответственно, и в кратко рассмотренном нами рассказе В. И. Даля жизнь простого денщика предстает как *нравственный подвиг служения*, и она в своем предельном смысловом значении уподобляется земному страдному пути самого Христа. И поэтому столь неприметная судьба «маленького человека» в конце концов празднует победу над человеческой конечностью и своей земной ограниченностью, являя собой образ универсальности человеческой личности.

На рассмотренном нами примере одного лишь рассказа вполне очевидно, что в прозе В. И. Даля происходит явный поворот к той фундаментальной нравственно-антропологической проблематике, которая позднее стала главной мировой ценностью русской литературы. Но особая ценность и специфика его прозы в том, что в ней эта проблематика органически вырастает из конкретно-бытовых, «физиологических» особенностей русского народа. А последние глубоко несут в себе многовековой опыт христианской жизни, определяя то особое содержание, которое кроется под маской простого «бытописания».

Как справедливо отметил С. А. Фомичев, «художественный потенциал В. И. Даля был гораздо выше пытливого и изощренного этнографизма, в котором Казаку Луганскому в ту пору действительно не было равных и который в реальном развитии русской литературы ее Золотого века приобретал принципиально важное значение» [16, с. 111]. Так называемый этнографизм В. И. Даля не является самоцелью (хотя изучение народа в форме художественных очерков само по себе и имеет огромную ценность), но вместе с тем несет в себе и особый нравственный смысл.

Этот смысл состоит в том, чтобы на основе изучения народных типов обострить нравственную рефлексию «образованного общества», заставить его посмотреть на себя со стороны и понять, в чем современная цивилизация действительно несет прогресс, а в чем, возможно, и наоборот, она делает человека более примитивным, в первую очередь в нравственном отношении. Таким образом, «художественная этнография» В. И. Даля — это мощное средство духовно-нравственного и эстетического воздействия на читателя, всегда побуждающего его к саморефлексии и самосовершенствованию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бахтин Н. М. Военный монастырь // Философия как живой опыт. М.: Лабиринт, 2008. С. 8–14.
- 2 Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: АН СССР, 1956. Т. 9. 586 с.
- 3 Бердяев Н. А. Философия неравенства. М.: АСТ, 2006. 349 с.
- 4 Берковский Н. Я. Запад и русское своеобразие в литературе. Русский стиль, русская эстетика и оценка их на Западе // Мир, создаваемый литературой. М.: Сов. писатель, 1989. С. 331–473.
- 5 Гаршин В. М. Сочинения: Рассказы. Очерки. Статьи. Письма. М.: Сов. Россия, 1984. 432 с.
- 6 Горький М. История русской литературы. М.: Гослитиздат, 1939. 436 с.
- 7 Даль В. И. Избранные произведения. М.: Правда, 1983. 448 с.
- 8 Даль В. И. Записка // Далевский сборник. Луганск: Альма матер, 2002. С. 210–214.

- 9 *Есаулов И. А.* Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
- 10 *Иванов Вяч.* Споряды // Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 73–95.
- 11 *Лановенко О. П.* Научно-технический прогресс и природа искусства // Взаимодействие науки и искусства и творчество художника / под. ред. В. И. Мазепы. Киев: Наукова думка, 1988. С. 69–89.
- 12 *Лосский Н. О.* Характер русского народа. М.: ДАРЪ, 2005. 336 с.
- 13 *Пушкин А. С.* Мысли на дороге // *Пушкин А. С.* Соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1960. Т. VI: Критика и публицистика. С. 392–396.
- 14 *Пытин А. Н.* История русской этнографии. СПб.: Изд. А. Пыпина, 1890. 586 с.
- 15 *Фесенко Ю. П.* Проза В. И. Даля. Творческая эволюция. Луганск; СПб., 1999. 262 с.
- 16 *Фомичев С. А.* «Далевский пяток на выбор» // Шестые Международные Далевские чтения, посвященные 200-летию со дня рождения В. И. Даля. Луганск, Изд-во Восточноукр. нац. ун-та, 2001. С. 111–125.
- 17 *Юган Н. Л.* В. И. Даль известный и неизвестный в призме современного литературоведения // *Даль В. И.* Избранные произведения: в 2 т. Луганск, 2014. Т. 2. С. 5–70.

© 2017. Vitaliy Y. Darenskiy
Lugansk, LPR

IMAGE OF “UNIVERSAL MAN” IN DAHL’S NOVEL “OFFICER’S VALET (PHYSIOLOGICAL SKETCH)”

Abstract: The article is devoted to the analysis of V. Dahl’s novel “*Denschik* (Physiological sketch)” in the context of Russian traditional folk’s culture ethos, formed within Christian tradition. Fundamental imperatives of the ethos are: 1) unselfishness; 2) tenderness to people; 3) perception of all life events as a sort of moral deeds. A fundamental principle of this culture, thoroughly demonstrated in a V. Dahl’s novel, is a spiritual universality of person. The author considers the problematic of this Dahl’s novel as a source of existential experience for contemporary man. Author’s interpretation of the novel based on rethinking of universal human experience, necessarily linked with archetypes of culture. The paper discusses various artistic conceptions of V. Dahl: such as 1) essence of human destiny and types of moral freedom; 2) driving forces of morality and life creativity; 3) moral meaning of Russian folk’s ethos. The article also examines essential links between these conceptions. The author proposes his own interpretation of V. Dahl’s spiritual experience, which is necessarily linked with a source of human freedom. For instance, V. Dahl interprets human universality and moral freedom as untermiated and enigmatical substances, which are determined by different types of “life ways” as ways of the Christian worldview experience available to each person.

Keywords: person, universality, Russian ethos, folk’s culture, moral.

Information about the author: Vitaliy Y. Darenskiy — PhD in Philosophy, Associate Professor, Lugansk National University, Oboronnaja St., 5A, 910034 Lugansk, LPR. E-mail: darenskiy1972@mail.ru

Received: December 25, 2016

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Bahtin N. M. Voennyj monastyr' [Military monastery]. *Filosofija kak zhivoj opyt* [Philosophy as a vivid experience]. Moscow, Labirint Publ., 2008. (In Russian)
- 2 Belinskij V. G. *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols.]. Moscow, AN SSSR Publ., 1956. Vol. 9. 586 p. (In Russian)
- 3 Berdjaev N. A. *Filosofija neravenstva* [Philosophy of inequality]. Moscow, AST Publ., 2006. 349 p. (In Russian)
- 4 Berkovskij N. Ja. Zapad i russkoe svoeobrazie v literature. Russkij stil', russkajaj estetika i ocenka ih na Zapade [The West and Russian distinctness in literature. Russian style, Russian aesthetics and their appraisal in the West]. Berkovskij N. Ja. *Mir, sozdavaemyj literaturoj* [The world that literature creates]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1989, pp. 331–473. (In Russian)
- 5 Garshin V. M. *Sochinenija: Rasskazy. Oчерki. Stat'i. Pis'ma* [Works: Novels, Sketches, Articles]. Moscow, Sovetskaia Rossija Publ., 1984. 432 p. (In Russian)
- 6 Gor'kij M. *Istorija russkoj literatury* [History of Russian literature]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1939. 436 p. (In Russian)
- 7 Dal' V. I. *Izbrannye proizvedenija* [Selected works]. Moscow, Pravda Publ., 1983. 448 p. (In Russian)
- 8 Dal' V. I. Zapiska [A note]. *Dalevskij sbornik* [Dahl's collection]. Lugansk, Al'ma mater Publ., 2002, pp. 210–214. (In Russian)
- 9 Esaulov I. A. *Pashal'nost' russkoj slovesnosti* [Easter Evangelic sense of Russian literature]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russian)
- 10 Ivanov Vjach. Sporady [Sporades]. Ivanov Vjach. *Rodnoe i vselenskoe* [Native and global]. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 73–95. (In Russian)
- 11 Lanovenko O. P. Nauchno-tehnicheskij progress iprirodaiskusstva [Progress in science and technology and the nature of art]. *Vzaimodejstvie nauki i iskusstva i tvorcestvo hudozhnika* [Interaction between science and art and creativity of artist], anthology edited by V. I. Mazepa. Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 69–89. (In Russian)
- 12 Losskij N. O. *Harakter russkogo naroda* [Character of the Russian nation]. Moscow, DAR Publ., 2005. 336 p. (In Russian)
- 13 Pushkin A. S. Mysli na doroge [Reflections on the road]. *Sochineniia: v 10 t. Kritika i publicistika* [Works: in 10 vols. Critics and essays]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1960, pp. 392–396. (In Russian)
- 14 Pypin A. N. *Istorija russkoj etnografii* [History of Russian ethnography]. St. Petersburg, Izdatel'stvo A. Pypina Publ., 1890. 586 p. (In Russian)
- 15 Fesenko Ju. P. *Proza V. I. Dalja. Tvorcheskajaj evoljucija* [Prose of V. I. Dahl'. Creative evolution]. Lugansk, St. Peterburg, 1999. 262 p. (In Russian)
- 16 Fomichev S. A. "Dalevskij pjatok na vybor" ["V. I. Dahl's "five" at your discretion"]. *Shestye Mezhdunarodnye Dalevskie chtenija, posvjashhennye 200-letiju so dnja rozhdenija V. I. Dalja*. Lugansk, Izd-vo Vostochnoukrajnskogo natsional'nogo universiteta Publ., 2001, pp. 111–125. (In Russian)
- 17 Jugan N. L. V. I. Dal' izvestnyj i neizvestnyj v prizme sovremennogo literaturovedenija [Known and unknown Dahl'in terms of contemporary literary science]. Dal' V. I. *Izbrannye proizvedenija: v 2 t.* [Collected works: in 2 vols.] Lugansk, 2014, vol. 2, pp. 5–70. (In Russian)

УДК 821.161.1+821.133.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)52+85.334.3(4Фра)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. М. В. Строганов
г. Москва, Россия

«ЧТО ЕМУ ГЕРТРУДА?»
М. Е. САЛТЫКОВ И ГОРТЕНЗИЯ ШНЕЙДЕР

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «М. Е. Салтыков-Щедрин
и его современники» (№ 15-04-00389 а)

Аннотация: М. Е. Салтыков не любил современную оперетту и постоянно издевался над ее создателями и поклонниками. В числе главных объектов его сатиры была французская актриса Гортензия Шнейдер, одна из крупнейших актрис в истории музыкального театра. Зимой 1871–1872 гг. она была первой опереточной гастролершей в России, где имела головокружительный успех. Герой романа «Дневник провинциала в Петербурге» посещает ее спектакли, в которых Шнейдер намеренно подчеркивала телесный низ и эротизм — единственное, что заметили ее русские зрители, видевшие в актрисе общедоступную женщину, вызывающую интерес только физическими данными. Салтыков в книге «Убежище Монрепо» оценил оперетту Оффенбаха как зеркало нравов эпохи Наполеона III. Гортензия Шнейдер интересовала Салтыкова как символ определенных тенденций русской общественной жизни, поэтому он использовал не только собственное имя актрисы, но и ее русские прозвища: *Шнейдерша*, *обер-Шнейдерша*. Французская актриса Шнейдер и героиня Салтыкова с этим именем — это не одно и то же лицо. Салтыков берет реальное лицо в какой-либо одной общеизвестной ипостаси и превращает в определенный художественный образ. Его интересует не соответствие образа конкретному историческому лицу, а способность конкретного исторического лица стать символом времени.

Ключевые слова: Салтыков, Г. Шнейдер, массовая культура, оперетта, дива.

Информация об авторе: Михаил Викторович Строганов — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия. E-mail: mvstroganov@gmail.com

Дата поступления статьи: 11.04.2017

Дата публикации: 15.09.2017

М. Е. Салтыков очень не любил современную оперетту и постоянно издевался над ее создателями и ее поклонниками. В числе главных объектов его сатиры была французская актриса Гортензия Каролина Жанна Шнейдер (Schneider, 30.04.1833, Бордо — 6.05.1920, Париж), одна из крупнейших актрис в истории музыкального театра. Чтобы понять причины агрессии Салтыкова, направленной на Шнейдер, и раскрыть ху-

дожественную функцию упоминаний этой актрисы в произведениях писателя, мы вынуждены дать некоторые справки о самой Шнейдер и об оперетте 1860-х гг., поскольку оперетта Оффенбаха в настоящее время в России практически неизвестна.

Шнейдер дебютировала в 1846 г. в любительском театре «Атеней» в Бордо, а с 1855 г. играла в Париже: театр «Варьете» (1856–1858, 1864–1881), «Пале-Рояль» (1858–1864); по приглашению Ж. Оффенбаха выступала в его театре «Буфф-Паризьен». Триумфальный успех имели главные роли в опереттах Оффенбаха (мы не используем авторские названия жанров): «Прекрасная Елена» (1864), «Синяя Борода» (1866), «Великая герцогиня Герольштейнская» (1867), «Перикола» (1868). Шнейдер блестяще владела техникой вокала и дикции, мимики и жеста, сценической непринужденностью, комедийным мастерством. Она утвердила утонченную гривуазность, «опереточный шик» [8, с. 76] в качестве специфического направления актерского мастерства и в одеждах греческой царицы и средневековой крестьянки представила мир парижанки Второй империи. Во время франко-прусской войны гастролировала в Европе, а зимой 1871–1872 гг. была первой опереточной гастролершей в России (театр «Буфф» в Петербурге). Шнейдер имела любовные связи в высшем аристократическом кругу, в том числе с рядом титулованных особ (принц Наполеон, двоюродный брат императора, принц Уэльский, будущий Эдуард VII и др.). В 1881 г. она вышла замуж и оставила сцену.

В России Шнейдер имела головокружительный успех. За месяц до начала гастролей (10 декабря 1871 г.) все билеты на ее спектакли были раскуплены. По свидетельству А. Боссе, публика предполагала увидеть на сцене «нечто, превосходящее по своему цинизму все, что она видела до сих пор, какое-то олицетворение разнузданности и гривуазности, доведенное до последней степени» (цит. по: [8, с. 217]). Герои романа Салтыкова «Дневник провинциала в Петербурге» мечтательно рассуждают, что «у нас она в сто крат скромнее играет, нежели в Париже!» [3, с. 284]. Но на самом деле, как передавала слова самой Шнейдер газета «Гражданин» (1872, № 4, 24 января), в своих русских гастрольных спектаклях она усиливала гротеск игры, надеясь быть более «доходчивой» для петербургской публики (цит. по: [1, с. 736]). Следует признать, что известная часть публики была рада этому. Князь В. П. Мещерский в статье «У театра Буфф» (Гражданин, 1872, № 5, 31 января) писал: один офицер, «высунувшись из ложи руками и половиною туловища», «впивался в сцену и в каждое движение г-жи Шнейдер до того соблазнительно, что обращал на себя внимание многих» (цит. по: [1, с. 736]). Однако знакомство с гастрольными спектаклями Шнейдер убедило беспристрастных критиков в ее таланте и профессионализме. Когда князь В. П. Мещерский стал обличать «Герцогиню Герольштейнскую» в политической неблагонадежности, А. С. Суворин возразил ему: «Г-жа Шнейдер ни больше ни меньше как талантливая носительница французского остроумия, веселия, канкана. Было время, когда французы на штыках носили знамя цивилизации, теперь они носят его на ногах. Разнося цивилизацию на штыках, французы утешали амурами наших женщин; теперь, разнося ее на ногах, они утешают амурами наших мужчин. Я не скажу, что результаты этого последнего разноса могут быть блистательны, но они во всяком случае не угрожают ниспровержением ни правительству, ни обществу» [7, с. 403]. Иначе сказать, А. С. Суворин понимал, что оперетта и игра Шнейдер принадлежат массовой культуре, и он справедливо считал, что массовая культура не угрожает существующему режиму.

Салтыков упоминает Шнейдер в произведениях первой половины 1870-х гг. В романе «Дневник провинциала в Петербурге» (1872) он изобразил героя, который после долгого отсутствия приезжает в столицу и встречается с двумя своими соучени-

ками. Каждый из них задает вопрос, видел ли он спектакли Шнейдер [3, с. 282, 284]. С первым из приятелей провинциал смотрит «*Barbe bleue*» («Синяя борода», либретто А. Мельяка и Л. Галеви). А со вторым (на следующий день) — «*Le sabre de mon père*» («Сабля моего отца», либретто А. Мельяка и Л. Галеви), так в России называлась «Герцогиня Герольштейнская», поскольку в одной из сцен герцогиня, призывая на войну, вручает герою саблю покойного отца. Обе пьесы входили в репертуар гастролей; А. С. Суворин писал: «...случайно я попал на “Герцогиню Герольштейнскую” в четверг, а в пятницу видел артистку в “Синей бороде”» [7, с. 389]. Герой Салтыкова «стойчески выдержал целых десять представлений “avec le concours de m-lle Schneider”» ([3, с. 287]; с участием м-ль Шнейдер). Рассказчик цикла «Культурные люди» (1875–1876) вспоминал об этой же ситуации: «Вместе Шнейдершу слушали, вместе в Географическом конгрессе заседали, вместе по политическому делу судились...» [5, с. 304].

Играя в оперетте «Синяя борода» роль крестьянки Бюлоты (*Boulotte*), Шнейдер намеренно подчеркивала телесный низ и эротизм — и это единственное, что заметили ее зрители, «статские советники» и «действительные статские советники». Мы приведем все цитаты, чтобы продемонстрировать настойчивость, с которой Салтыков объясняет это своему читателю: «Как она чешет себе бедра и ноги», «*Comme elle se gratte les hanches et les jambes... cette fille!*» (Как эта девушка чешет себе бедра и ноги...) [3, с. 282]; «Поет и в то же время чешет себя во всех местах, как это, впрочем, и следует делать наивной поселянке, которую она изображает», «*Mais comme elle se gratte! comme elle se gratte!..*» (Но как она почесывается! как почесывается!..), «*Mais comme elle se gratte!*» (Но как она почесывается!) [3, с. 283]; «*Comme elle se gratte les hanches et les jambes!*» (Как она чешет себе бедра и ноги!); «*Mais comme elle se gratte! dieu des dieux! comme elle se gratte!*» (Но как она почесывается! бог богов! как почесывается!) / — Тут опять-таки гениальная черта... Заметь: кого она представляет? Она представляет простую, наивную поселянку! *Une villageoise! une paysanne! une fille des champs! Ergo... / — Mais c'est simple comme bonjour!*» (Поселянку! крестьянку! дочь полей! Следовательно... — Но это просто, как день!) [3, с. 285].

Как можно судить по этим оценкам, «почесывание» было сознательным приемом игры Шнейдер: может быть, несколько вульгарным, но зато доходчивым и комическим. Провинциал же подмечает такую особенность телесного низа Шнейдер, которая не имеет прямого отношения к ее игре и связана с особенностями ее фигуры: «Признаюсь, господа, — говорю я, — это... это... заметили ли вы, например, какой у нее отлет? / Я изгибаюсь головой и грудью вперед, а остальную часть корпуса силнось изобразить “отлет”» [3, с. 284]; «Я не стану описывать впечатления этого чудного вечера. Она изнемогала, таяла, извивалась и так потрясала “отлетом”, что товарищи мои, несмотря на то что все четверо были действительные статские советники, изнемогали, таяли, извивались и потрясали точно так же, как и она. <...> / — И заметьте, *messieurs*, какой у нее “отлет”! / — *Otlott! c'est le mot!*» (Отлет! вот настоящее слово!) [3, с. 286]. Итак, по отзывам «зрителей» невозможно понять, что они видели на сцене, поскольку они говорят только о том, «как она чешет себе бедра и ноги», и об «отлете». Пение, сценическая речь, пластика, танец — ничто не обсуждается; актриса рассматривается как общедоступная женщина, вызывающая интерес только физическими данными.

В оперетте «Великая герцогиня Герольштейнская» Шнейдер играла заглавную героиню; приемы игры и восприятие ее были примерно такими же. А. С. Суворин, который был достаточно беспристрастен к Шнейдер, так описал эту игру: «Я удивлялся равнодушию, с каким смотрела публика на актрису в этой картине, где Шнейдер достав-

ляет почти безукоризненное, если можно так выразиться, эстетическое удовольствие; публика просыпалась только при грубоватых штрихах, при канканных движениях, при шаловливости, выходящей из границ. Зато во второй картине публика ревела от восторга, от низу до верху, от фраков до чуек. Тут герцогиня желает соблазнить упомянутого Фрица, а Фриц ничего не понимает. Она поет арию “Dites lui”, исполненную вакхических движений совершенно разнузданной женской природы, и потом сажает его с собою и с ним заигрывает. Все это исполняется г-жею Шнейдер прекрасно, если хотите, но тут можно и отвернуться, и уйти из театра, чтоб не портить прежнее впечатление, чтоб не прибегать к сравнению с разными актрисами, которые только в подобных положениях и выказывают некоторую сценическую бойкость, действуя на инстинкты не совсем эстетические. Я знаю, что меня упрекнут, как упрекали не раз, в морализовании; но я останусь при своем убеждении, что сценическое искусство должно иметь свои границы, что есть такие патологические и физиологические явления жизни отдельных субъектов, которые не могут являться на сцене, из уважения к искусству и к человеку, как нравственной личности. Даже такая художественная передача их, как у Шнейдер, по моему мнению, не совсем идет к сцене уж потому, что порождает подражательниц дюжинных, не имеющих ничего общего с искусством, и игра которых также омерзительна, как соблазнительные картинки, не допущенные к продаже» [7, с. 392–393]. А. С. Суворин говорит, что игра Шнейдер граничит (по меркам того времени) с порнографией. Другой обозреватель современной жизни С. Н. Худеков в своей «Петербургской газете» (1871, № 180, 19 декабря; подпись: Сережа) говорит о той же арии: «Ходил по Невскому, в тот самый час, когда наша плешивая юность прогуливает себя для возбуждения аппетита перед обедом. Гуляли цилиндры, бобры, соболя, кепи и треуголки... Большинство из них пело “Dites lui!”» (цит. по: [1, с. 736]). Судя по этим отзывам, ария «Dites lui» (Скажите ему; д. II, сцена 5) была исключительно популярна, и герои «Дневника провинциала в Петербурге» настойчиво говорят о ней [3, с. 282, 285, 286]. Салтыков вспоминает ее и в очерке «Превращение» («Благонамеренные речи», 1875 г.): «Помните, Шнейдер в “Dites lui” вот это... масло! Нет, воля твоя! мне в “Буфф” добродетели не нужно! Добродетель — я ее уважаю, это опора, это, так сказать, основание... je n'ai rien a dire contra cela! Но в “Буфф”...» ([4, с. 154]; мне нечего возразить!). Исполняя эту арию, Шнейдер, видимо, сознательно потрафляла вкусам публики, и это вызывало отрицательные оценки даже у снисходительного А. С. Суворина: «Если б г-жа Шнейдер не подчинялась грубым инстинктам толпы, требующей резких штрихов, она передала бы эту часть своей роли еще лучше и стройнее; талант ее так оригинален, так богат и свеж, что она могла бы возвышаться до удивительного творчества; но тогда, увы, она не пользовалась бы и половиною своей известности и не привлекала бы массы зрителей» [7, с. 392].

Наконец, при разговоре об оперетте на первый план вполне естественно выдвигаются канкан и каскад, тем более что герои Салтыкова только их и видят и даже пытаются подражать им (что вполне естественно для массовой культуры): «Влетая на сцену, через какое-нибудь мгновение она уж поднимает ногу... так поднимает! ну, так поднимает!»; «Статский советник пробует пройтись церемониальным маршем, как это делает Шнейдер, то есть вскидывая поочередно то ту, то другую ногу на плечо» [3, с. 283]; «А ты заметил, как она церемониальным маршем к венцу-то прошла! / Я пробую напомнить Шнейдершу в лицах, но при первой же попытке вскинуть ногу на плечо спотыкаюсь и падаю» [3, с. 285].

Таковы упоминания Шнейдер в конкретных ролях. Салтыков вспоминает в своих произведениях большее число оперетт Оффенбаха, но вне связи со Шнейдер, почему мы и не говорим о них. Теперь рассмотрим упоминания Шнейдер не как конкретной актрисы, а как символа.

Вообще оперетта Оффенбаха рассматривалась в России как зеркало нравов эпохи Наполеона III [2; 8]. В принципе, это толкование не было собственно русским: во Франции было то же самое. Но при Наполеоне III это зеркало всех устраивало, а после поражения во франко-прусской войне Оффенбаха и его оперетты стали обвинять в разложении духа нации. На самом деле Оффенбах был далек от политики: элементы социальной критики в его опереттах отражали стремление угодить духу времени, и сознательно государственную власть он не поддерживал. Салтыков разделял мнение об оперетте Оффенбаха как воплощении Второй империи, если не определял его. В книге «Убежище Монрепо» (глава «Предостережение», 1879 г.) он писал: «У всех на памяти, как ловко подняла, в тридцатых годах, знамя семейственности и домашнего очага западноевропейская буржуазия и как крепко она держалась за него, пока вечно достойная памяти Наполеон III, при содействии Оффенбаха, Шнейдерши и нынешней неутешной вдовы, не увлек ее в сторону милой безделицы» [6, с. 402]. Поэтому неудивительно, что имя французской актрисы становится прозвищем, которое в «Дневнике провинциала в Петербурге» неоднократно заменяет настоящее имя героини [3, с. 299, 311]. А выражение «около Шнейдерши походить» [3, с. 359] означает разгульную жизнь.

Салтыкова волновала не общественная жизнь Франции, и Шнейдер интересовала его как символ определенных тенденций русской общественной жизни. В цикле «Культурные люди» рассказчик говорит: «Сознавать себя культурным человеком и в то же время не знать, куда деваться с этою культурностью, — вот истинно трагическое положение! Ну, что я с собой предприму? Куда, куда я пойду... ну, хоть сегодня вечером? Все, что можно было, в пределах русской культурности, видеть и совершить, — все это я уже видел и совершил. Жюдик — видел, Шнейдершу — видел, у Елисеева, и на бирже, и на Невском — был. Повторять то же самое — ну, просто противно, да и все тут. Ведь и для культурности есть пределы, за которыми даже право “содействия” становится бессильным оживить человека» [5, с. 301]. В отличие от предшествующих поколений русских дворян, которые наслаждались плясками крепостных крестьянок, пореформенное дворянство утратило чувство собственности: «Отчего дедушка Матвей Иванович, перед которым девка Палашка каждый вечер, изо дня в день, потрясала плечами и бедрами, не только не скучал ее скудным репертуаром, но так и умер, не насладившись им досыта, а я, несмотря на то что передо мной потрясала бедрами сама Шнейдерша, в каких-нибудь десять дней ощутил такую сытость, что хоть повеситься? А мне вот скучно. Я пью у Елисеева вино первый сорт, а мне кажется, что есть и еще какое-то вино, которое представляет собою уже самый первый сорт, и мне его не дают; я смотрю на Шнейдершу, а мне кажется, что есть еще какая-то обер-Шнейдерша и что вот если бы эту обер-Шнейдершу посмотреть, так это точно. <...> Везде чего-то недостает, как будто вся жизнь не настоящая» [3, с. 288–289]; «...мы не срываем скатертей с сервированных столов, не услаждаемся потрясениями доморощенных Палашек, потому что это слишком дорого стоит. Для того чтобы иметь хоть призрак тех удовольствий, которыми пользовались наши пращурь, мы должны ехать в Петербург и там, в складчину, по два рубля с рыла, облизываться на Шнейдершу, qui se gratte les jambes et les hanches <которая чешет ноги и бедра>. Но ведь Шнейдерша — достояние

общее, а при общедоступности доставляемого ею удовольствия кто же из нас может сказать: это моя Шнейдерша! как, бывало, говаривал дедушка Матвей Иванович: это моя Палашка! А в возможности подобных-то восклицаний и заключается тайна живучести тех несложных удовольствий, которые составляют удел наш. / <...> Мы не выработали ни новых интересов, ни новых способов жуировать жизнью, ни того, ни другого. Старые интересы улетучились, а старые способы жуировать жизнью остались во всей неприкосновенности. Очевидно, что, при таком положении вещей, не помогут нам никакие кривляния, хотя бы они производились даже с талантливостью m-lle Schneider» [3, с. 293–294].

В последней фразе Салтыков впервые и единственный раз во всем творчестве признает «талантливость m-lle Schneider». И в этом случае имя французской актрисы он пишет по всем правилам: на ее родном языке и с указанием на социальный статус. И уже не допускает никаких вольностей в обращении с именем (*Шнейдерша, обер-Шнейдерша*).

Итак, случай со Шнейдер представляет нам весьма любопытный прием. Салтыков берет реальное лицо в какой-либо одной своей общеизвестной ипостаси и превращает в определенный художественный образ. Его интересует не то, в какой мере тот образ, который он создает, соответствует конкретному историческому лицу, а то, что конкретное историческое лицо может стать символом времени в гораздо большей степени, чем отвлеченное обобщение.

Возьмем следующий характерный пример. Тургенев мог оставить за заглавным героем своего романа «Рудин» имя одного из его прототипов Бакунина. Все читатели воспринимали бы главного героя буквально как Бакунина, даже если бы их профессиональная подготовка убеждала их в противоположном прочтении. И мы, даже понимая, что в романе есть определенные преувеличения, искажения, все равно говорили бы о герое Тургенева Бакунине как о реальном Бакунине.

То же самое мы видим и в нашем случае. Конкретный материал показывает, что французская актриса Шнейдер и героиня Салтыкова с этим именем не являются одним и тем же лицом. Но для рядового читателя проза Салтыкова определяет восприятие Шнейдер, и рядовой читатель будет готов, вслед за «статскими» и «действительными статскими советниками», воспринимать Шнейдер не как актрису, которая вместе с новым жанром, композитором, либреттистами искала и новые формы музыкального массового театра. Мы будем воспринимать ее как совершенно бездарную певичку, которая пыталась собственным телесным низом компенсировать полное отсутствие вокальных, драматических и танцевальных данных.

Не менее сложным является и положение автора статьи о Шнейдер для энциклопедического справочника современников М. Е. Салтыкова, который должен за художественным образом Шнейдер обнаружить современницу Салтыкова с определенной судьбой, кругом деятельности, со своим (весьма существенным) вкладом в мировую культуру. Салтыков как художник работал всегда на современном материале и постоянно использовал тот прием, который мы описали в статье. Случай с Шнейдер очень показателен для понимания творчества Салтыкова в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Ланской Л. Р. Комментарии // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 10. С. 717–796.

- 2 Михайловский Н. К. Теория Дарвина и общественная наука (Статья третья и последняя: Дарвинизм и оперетты Оффенбаха) // Отечественные записки. 1871. № 3. Отдел II. С. 1–29.
- 3 Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 10. 839 с.
- 4 Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1971. Т. 11. 655 с.
- 5 Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1971. Т. 12. 752 с.
- 6 Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1972. Т. 13. 815 с.
- 7 Суворин А. С. Г-жа Шнейдер в роли «Герцогини Герольштейнской», 13 февраля 1872 // Театральные очерки (1866–1876 гг.) / предисл. Н. Н. Юрьина. СПб.: Тип. Тов-ва А. С. Суворина — «Новое время», 1914. С. 387–409.
- 8 Янковский М. О. Оперетта. Возникновение и развитие жанра на Западе и в СССР. М.; Л.: Искусство, 1937. 456 с.

© 2017. Mikhail V. Stroganov
Moscow, Russia

“WHAT’S GERTRUDE TO HIM?”
MIKHAIL SALTUKOV AND HORTENSE SCHNEIDER

Acknowledgements: The article was supported by Russian Foundation for Humanities within the project “M. E. Saltykov-Shchedrin and his contemporaries” (№ 15-04-00389 a).

Abstract: M. E. Saltykov did not like contemporaneous operetta and constantly mocked its authors and admirers. French actress Hortense Schneider, one of the prominent actresses in history of musical theater, was among main targets of his satire. She was the first operetta guest performer in Russia during winter 1871–1872 enjoying tremendous success. Protagonist of his “Diary of a provincial in Saint Petersburg” attends her performances, where Schneider intentionally put the focus on eroticism — the only point of attraction for Russian spectators, taking her as an accessible, open to public woman, intriguing uniquely by her physique. In his “The haven of Mon repos” Saltykov took Offenbach’s operetta as a reflection of the morals of the age of Napoleon III. He was not interested in Hortense as the symbol of certain tendencies of Russian society life, that’s why he used her Russian nickname as well: *Шнейдерша, обер-Шнейдерша (Schneidersha, Ober-Schneidersha)*. Thus French actress and his literary character were not the same person. The picture of a French actress Hortense Schneider, made by Saltykov, represented one of specific author’s devices which he used while mentioning other historical figures. He did not care much about correspondence to the historical figure. What he really cared about was the ability of a historical figure to become symbolic of her/his times.

Keywords: Saltykov, Hortense Schneider, mass culture, operetta, prototype.

Information about the author: Mikhail V. Stroganov — DSc in Philology, Professor, A. N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Institute of Slavic Culture, Khibinsky pr., 6, 129337 Moscow, Russia. E-mail: mvstroganov@gmail.com

Received: April 11, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Lanskoi L. R. Kommentarii [Comments]. *Saltykov-Shchedrin M. E. Sobranie sochinenii: v 20 t.* [Collected works: in 20 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1970, vol. 10, pp. 717–796. (In Russian)
- 2 Mikhailovskii N. K. *Teoriia Darvina i obshchestvennaia nauka (Stat'ia tret'ia i posledniaia: Darvinizm i operetty Offenbakha)* [Theory of Darwin and social science (The third, and last, article: Darwinism and operettas of Offenbah)]. *Otechestvennye zapiski*, 1871, no 3, section II, pp. 1–29. (In Russian)
- 3 Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenii: v 20 t.* [Collected works: in 20 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1970. Vol. 10. 839 p. (In Russian)
- 4 Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenii: v 20 t.* [Collected works: in 20 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1971. Vol. 11. 655 p. (In Russian)
- 5 Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenii: v 20 t.* [Collected works: in 20 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1971. Vol. 12. 752 p. (In Russian)
- 6 Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenii: v 20 t.* [Collected works: in 20 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1972. Vol. 13. 815 p. (In Russian)
- 7 Suvorin A. S. *G-zha Shneider v roli "Gertsogini Gerol'shteinskoi", 13 fevralia 1872* [Miss Schneider in the role of "Duchess Gerolstein", February, 13 1872]. *Teatral'nye ocherki (1866–1876 gg.)* [Theatrical essays (1866–1876)], preface N. N. Iur'ina. St. Petersburg, Tipografiia Partnership A. S. Suvorina — "Novoe vremia", 1914, pp. 387–409. (In Russian)
- 8 Iankovskii M. O. *Operetta. Vozniknovenie i razvitie zhanra na Zapade i v SSSR* [Operetta. Emergence and development of genre in the West and the USSR]. Moscow; Leningrad, Iskusstvo Publ., 1937. 456 p. (In Russian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. А. Е. Агратин
г. Москва, Россия

ИДЕНТИЧНОСТЬ ГЕРОЯ В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА 1880–1887 гг.

Аннотация: Проблема идентичности героя лишь косвенно затрагивалась исследователями чеховской прозы. Тем не менее в произведениях 1880–1887 гг. она является доминантной. Персонаж выбирает один из трех типов самопозиционирования, которые различаются по степени широты/узости формируемых его условий: внеконтекстуальный, нестрого контекстуальный (ситуативный) и строго контекстуальный (нарративный). Образ «я» может быть чрезвычайно устойчивым, не зависеть от обстоятельств («Тссс!», «Унтер Пришибеев»). Нередко герой вынужден отказаться от избранной роли, если контекст ее реализации меняется на инвариантном уровне («Несчастье», «Репетитор»). Наконец, изображенный субъект может представить себя участником какой-либо истории («Тряпка», «Тяжелые люди»). Ни один из типов идентичности не позволяет персонажу обрести «самость», поскольку он вынужден всякий раз смотреть на себя с точки зрения другого, т. е. по определению ненадежной точки зрения.
Ключевые слова: А. П. Чехов, идентичность, герой, роль, «самость», нарративная идентичность.

Информация об авторе: Андрей Евгеньевич Агратин — кандидат филологических наук, старший преподаватель, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, ул. Академика Волгина, д. 6, 117485 г. Москва, Россия.
E-mail: andrej-agratin@mail.ru

Дата отправки статьи: 17.04.2017

Дата публикации: 15.09.2017

Персонаж ранней прозы А. П. Чехова пытается ответить на вопрос «Кто я?» Весьма характерным примером, подтверждающим данный тезис, может послужить рассказ «Упразднили!», главный герой которого узнает страшное известие: чин прапорщика больше не существует. Вывертов с изумлением произносит: «Кто же я теперь такой есть?» [11, т. 3, с. 224]. Выясняется, что чинов также лишились землемер Катавасов, майор Ижица и даже статский советник Ягодышев. Будучи не в силах больше переживать экзистенциальную катастрофу, Павел Игнатъич решает написать «какому-нибудь высокопоставленному лицу прошение», триумфально увенчав его подписью, реабилитирующей самосознание адресанта: «...и подпишусь: прапорщик такой-то... пра-пор-щик... Понимаешь? Назло! Пра-пор-щик... Пускай! Назло!» [11, т. 3, с. 228]. Таким образом, писатель проблематизирует феномен идентичности.

Термин «идентичность», используемый в настоящей работе, до сих пор не получил исчерпывающей дефиниции. Впервые он возникает в философских трактатах

XVII–XVIII вв. [5, с. 155], однако осознаваемой единицей научного дискурса становится в 50-х гг. XX в. Речь идет прежде всего об исследованиях Э. Эриксона [14]. Под идентичностью американский психолог понимал осмысление субъектом целостности и единственности своего «я», а также причисление себя к той или иной социальной группе. Со временем термин существенно увеличил спектр своих значений, который включает самоопределение, самобытность, постоянство во времени, тождественность и т. д. [6, с. 14]. Произведения Чехова, в чем мы убедимся далее, в полной мере иллюстрируют приведенный выше перечень. Поэтому в статье термин «идентичность» употребляется универсально — для объединяющей характеристики целого ряда однородных явлений. Также следует подчеркнуть, что мы отталкиваемся в первую очередь от специфики чеховского творчества — понятийный аппарат психологии применяется лишь по необходимости и служит решению собственно литературоведческих задач. Представленные ниже обобщения и выводы основаны исключительно на анализе рассказов писателя, выбор которых определен наличием в них соответствующей проблематики¹.

Как показывает предпринятое нами исследование прозы Чехова, идентичность персонажа всегда подразумевает некоторый минимальный контекст ее реализации. В зависимости от степени широты/узости этого контекста можно выделить три основных типа идентичности.

Первый тип назовем универсальным, или внеконтекстуальным. Герой постулирует свою тождественность с какой-либо ролью вне зависимости от обстоятельств.

Чрезвычайно часто персонаж Чехова представляет себя исключительным человеком — варьируются лишь формы исключительности (ученый, образованный, талантливый, просто особенный и непонятый).

Так, в «Письме к ученому соседу» Семи-Булатов полагает, что «много произвел открытий своим собственным умом» [11, т. 1, с. 14–15]. Они, однако, крайне сомнительны: «...солнце в день Св. Пасхи <...> производит своим чудным мерцанием игривое впечатление», «...собаки весной траву кушают подобно овцам...» [11, т. 1, с. 15]. Однако герой несколько не сомневается в собственных достижениях, призывая адресата к сотрудничеству. Подобного же рода «просвещенный» субъект изображен писателем в произведении «Общее образование»: немец Осип Францыч, который «кончил курс в уездном училище и глуп, как тетерев <...> философствовать и читать сентенции считает своим неотъемлемым правом» [11, т. 1, с. 150]. «Гордый человек» из одноименного рассказа, не гнушающийся пить коньяк с обидчиками, заявляет: «Никому никогда не уступлю! Никому! Понимаю себе цену» [11, т. 1, с. 379].

Распространен у Чехова герой, примеряющий «маску» великого писателя. Краснухин из рассказа «Тсс!» — «газетный сотрудник средней руки», однако в своем воображаемом мире он несчастный гений, который самоотверженно работает всю ночь, преодолевая «гнетущую тоску» [11, т. 5, с. 405] и усталость. Краснухин явно преувеличивает значимость факторов, мешающих полностью отдаться вдохновению, — героя беспокоит любая мелочь: запах, доносящийся с кухни, тихое чтение молитвы. Иван Егорович думает, что не сможет уснуть, завершив «каторжную работу», однако «спит <...> до двенадцати или до часу дня, спит крепко и здорово». И вряд ли представления

¹ В статье рассматриваются произведения 1880–1887 гг.: мы ориентируемся на периодизацию творчества Чехова, предложенную А. П. Чудаковым, который рассматривает 1888 г. как переломный в творческой эволюции писателя [12, с. 61].

газетчика изменятся, особенно если он дорастет «до известного писателя, редактора или хотя бы издателя» [11, т. 5, с. 406]. Пациент из рассказа «Драматург», подобно Краснухину, считает, что посвятил жизнь серьезному и ответственному делу, просто меняя в переводных пьесах иностранные фамилии на русские. «Но трудно! Ох, как трудно!» — восклицает «тусклая личность» [11, т. 5, с. 669].

Роль художника чрезвычайно «прочная», смерть — единственный опасный для нее «контекст». От назойливой Мурашкиной («Драма») можно избавиться, лишь убив ее, в чем и убеждается Павел Васильевич. Лядовский из «Хороших людей» считает себя выдающимся литератором. Герой «искренно веровал в свое право писать и в свою программу, не знал никаких сомнений и, по-видимому, был очень доволен собой», даже когда испортились его отношения с сестрой и та ушла из дома. До могильной плиты Лядовский «все писал свои фельетоны, возлагал венки, пел «Gaudeamus», хлопотал о «кассе взаимопомощи сотрудников московских повременных изданий» [11, т. 5, с. 422]. Только смерть от воспаления легких останавливает газетчика.

Сословное самосознание чеховского героя также следует отнести к внеконтекстуальному типу идентичности. Сладострастная помещица Стрелкова в рассказе «Барыня» проявляет известного рода интерес к крестьянину Степану. Отец и брат героя довольны таким положением дел, поскольку получают от Елены Егоровны деньги и возможность бесплатно рубить лес на территории поместья. Жена Степана Марья против походов супруга, плачет и просит его отказать Стрелковой. Муж не хочет нарушать клятву верности, однако под давлением родных продолжает подчиняться прихотям госпожи. Барыня оказывается источником семейной трагедии: конфликт между героями приводит к тому, что Степан убивает вначале брата, а потом в порыве гнева и Марью. Но Елена Егоровна даже не задумывается о своей вине, «барская кровь» [11, т. 1, с. 267] отменяет любые доводы рассудка и нравственности. Лишь капризное возмущение охватывает Стрелкову: «Ужасный народ! — зашептала она. — Ах, какой народ! Негодяи! Хорошо же! Я им покажу! Они узнают теперь, что я за птица!» [11, т. 1, с. 272]. Попутно отметим, что рабская идентичность чеховского персонажа не менее устойчива, чем барская. Не случайно Червяков («Смерть чиновника») до последнего вздоха предан амплу «маленького человека».

Герой в произведениях писателя может и не являться представителем какого-либо сословия или элитарной группы — иногда он просто хочет им стать.

Зазубрин из произведения «Герой-барыня» рассказывает историю полковника Конвертова, который всю жизнь жаждал получить генеральский чин. В глубокой старости он достигает желаемого, однако момент триумфа длится недолго: Петра Петровича разбивает паралич, и новоиспеченный генерал отправляется «со своей старухой в Тифлис на покой». Очевидно, что достижение Конвертова фиктивно, однако лелеемую долгие годы мечту старик превращает в мираж, предметное воплощение которого — красная подкладка: «Идет по Тифлису, растопыривает фалды, как крылья, и показывает публике красноту. Знай, мол, кого видишь!» Вдовица, ухаживающая за Петром Петровичем после смерти его жены, отпарывает красную подкладку («на кофту») и пришивает на ее место «серенькую сарпинку», а обладатель высокого чина по-прежнему «выворачивает перед публикой свое пальто», ничего не замечая из-за плохого зрения [11, т. 2, с. 151–152].

Увлечен охотой за титулами герой рассказа «Лев и солнце». Куцын коллекционирует орден: он «имел две медали, Станислава 3-й степени, знак Красного Креста и знак

«Общества спасания на водах». Приезд персидского сановника Рахат-Хелама вселяет в персонажа надежду на получение ордена Льва и Солнца, которого он «желал страстно, безумно» [11, т. 6, с. 395]. После продолжительного общения со знатным гостем, прогулок с ним по городу и многочисленных намеков Куцын принимает долгожданную награду и потом ходит в тридцатипятиградусный мороз, «распахнувши на груди шубу», чтобы всем бросался в глаза орден (напрашивается аналогия с поведением Петра Петровича, демонстрировавшего красную подкладку). Героя настигает разочарование, ведь «никто не попадаетея навстречу и не видит на его груди Льва и Солнца». Тем не менее Степан Иванович не отвергает привычных фантомов — в противном случае он бы потерял себя: «...ему хотелось теперь получить сербский орден Такова. Хотелось страстно, мучительно» [11, т. 6, с. 399].

В двух последних рассказах, изображающих персонажей, общественный статус которых не подкрепляется ничем, кроме иллюзии (Конвертов и Куцын живут как будто «в условном наклонении»), писатель наиболее остро ставит вопрос о состоятельности рассматриваемого типа идентичности.

Не только в общественной, но и в семейной жизни чеховский герой обнаруживает чрезвычайно устойчивые модели самопозиционирования. В «Последней могикианше» изображен покорный муж, готовый исполнить любое приказание жены, причем в какой-то другой ипостаси он себя не видит. Лысов из рассказа «Отрава», «идеалист до конца ногтей», абсолютно уверен, что «женился не на деньгах, а на девице» [11, т. 5, с. 7], хотя несколько раз пытается получить у доктора четыреста рублей по исполнительному листу, который ему дал отец супруги. Петя в сценке «Жених» прощается с Варей крайне романтично: «Прощай! Я так несчастлив! Ты оставляешь меня на целую неделю! Для любящего сердца ведь это целая вечность!» [11, т. 2, с. 76]. После отхода поезда герой досадует, что не успел взять с невесты расписки за получение двадцати пяти рублей — недоверие к Варе не мешает персонажу считать себя почти родным для нее человеком.

В отдельную группу выделим рассказы Чехова, в которых персонаж избирает роль несправедливо осужденного. Градусов, главный герой произведения «Из огня да в полымя» видит себя не оскорбителем Деревяшкина, а учителем жизни. Даже когда Досифей Петрович, поддавшись уговорам Калякина, извиняется перед пострадавшим, он невольно начинает опять обижать собеседника: «Я извиняюсь... <...> Извините... Хочешь, чтоб я тебе «вы» говорил, изволь, буду... <...> Мне наплевать... Я, брат, не злопамятен. Шут с тобой...» [11, т. 3, с. 59]. Образумить Градусова невозможно, что и констатирует в финале соборный настоятель: «Ничего с этим дураком не поделаешь!.. Не понимает!» [11, т. 3, с. 61]. Помоев («Интеллигентное бревно») не может понять, что плохого он сделал, ударив Григория в нос гребенкой, когда тот не сумел ее найти в правом кармане сюртука, куда барин ему и указал. Более того, Архип Елисеич предлагает судье наказать крестьянина: «Посади этого Гришку под арест, и... и все!» [11, т. 4, с. 35]. В одном ряду с рассмотренными персонажами окажется и «злоумышленник» Денис Григорьев, не видящий ничего преступного в отвинчивании гаек из железнодорожных рельсов.

Внеконтекстуальная идентичность реализуется у чеховского персонажа и в более частных формах. Унтер Пришибеев выполняет функцию жандарма всегда, словно по инерции, даже когда в этом нет никакой необходимости. «Маску» неудачника предпочитают персонажи рассказов «Нытье» и «Мелюзга». Честно исполняющими свои

обязанности видят себя члены санитарной комиссии («Надлежащие меры»), с аппетитом съевшие яблоки с «заразой» [11, т. 3, с. 65]. Амплуа утонченного ценителя искусства выбирает Полуехтов («О драме»). Герой с легкостью прерывает высокий разговор о театре, чтобы выпороть племянника, а затем как ни в чем не бывало возвращается к интеллектуальной беседе с Финтифлеевым. Николай Андреич, который постоянно напоминает читателю о своей неуравновешенности («Из записок вспыльчивого человека»), так и не проявляет ее, а в конечном итоге женится на Вареньке, искренне бесившей его в продолжение всего рассказа. Лихарев («На пути») предстает в собственных глазах философом, увлеченным очередной идеей. Персонаж устремляется в угольные шахты генерала Шашковского. Его не останавливает ни сообщение Иловайской о том, что «уголь отвратительный, никто его не покупает» [11, т. 5, с. 476], ни мольба дочери Саши вернуться домой к дяде, где елка, Степа и Коля.

По верному замечанию А. Д. Степанова, «социальная роль» для героя Чехова — «вторая натура» [8, с. 227]. Универсальный тип идентичности предполагает, что персонаж превращает «я-для-другого» (характер) в «я-для-себя» (личность)². Изображенный субъект удовлетворен самоидентичностью («idem», по терминологии П. Рикера [5, с. 6]), основанной на присвоении себе неизменяемых признаков (талантливый писатель, любимый муж, несправедливо осужденный и пр.). «Самость», «ipse» [5, с. 6], принципиально ему недоступна.

Второй тип идентичности — ситуативный, или нестрого контекстуальный. Здесь роль, исполняемая персонажем, определена некоторым набором условий, допускающих вариации. Герой отказывается от нее, когда условия трансформируются на базовом (инвариантном) уровне.

В сценке «Ушла» жена выступает против лжи и воровства. Решение Софи Окуровой выйти замуж за миллионера Трамба героиня оценивает как неприемлемое: «Ни за что бы не вышла за такого субъекта! Будь он хоть миллионер!» [11, т. 2, с. 33]. Однако новость о том, что деньги, которыми ее обеспечивает супруг, добыты далеко не честным путем, заставляют возмущенную жену пойти на попятную. Чехов иронично замечает, что она «ушла» от мужа «в другую комнату» [11, т. 2, с. 34]. Героиня сохраняет свою идентичность до тех пор, пока не сделает шаг от теории к практике, от слова к делу.

Писателем-либералом представляет себя директор железной дороги в рассказе «Ревнитель». Герой принимается за статью «Несколько слов в защиту печати». Однако чтение «Нового времени» и «Голоса» заставляет автора уничтожить начатый труд: критика в собственный адрес развеивает симпатии директора — он без всякого сожаления расстаётся с выбранным амплуа и составляет «приказ по линии»... В этом приказе рекомендовалось не выписывать «некоторых» газет и журналов» [11, т. 2, с. 57]. Свободолюбие персонажа распространено лишь на те случаи, когда он сам не является его жертвой.

Юный педагог Егор Зиберов из произведения «Репетитор» кичится превосходством над малолетним Петей Удодовым, с радостью убеждаясь, что тот ничего не выучил. Зеркало, в которое смотрится репетитор, дает трещину в тот момент, когда он обнаруживает в себе неспособность решить задачу, вызвавшую трудности у «двенадцатилетнего мальчугана» [11, т. 2, с. 336]. «Имидж» учителя окончательно дискредитирует отец Пети, легко справившийся с упражнением при помощи счет. Егор уверен в себе, только если ответ на поставленный вопрос точно известен ему самому.

² О разграничении категорий «характер» и «личность» у Чехова см. подробнее: [10].

Природа ситуативной идентичности наиболее убедительно показана Чеховым в рассказах о супружеской измене.

Выходцев («На даче») — «человек семейный и положительный» [11, т. 5, с. 153], но остается таковым до получения письма с приглашением на свидание. Герой, преодолевая многочисленные сомнения, решает изменить жене. В конце выясняется, что любовное послание — розыгрыш супруги, которая таким образом выгнала Павла Ивановича из дома, чтобы спокойно помыть полы. Жена разоблачает роль верного мужа, исполняемую только в изоляции от внешних воздействий.

Софья Петровна («Несчастье»), подобно Выходцеву, пытается быть «нравственной и чистоплотной» [11, т. 5, с. 252]. Пробуждение чувства к Ильину полностью опровергает привычное мнение героини о себе: «Она задыхалась, сгорала со стыда, не ощущала под собой ног, но то, что толкало ее вперед, было сильнее и стыда ее, и разума, и страха...» [11, т. 5, с. 259].

Чеховский герой, пересекая предел идентичности, теряет себя не навсегда. Когда условия вновь складываются благоприятно, персонаж возвращает привычный образ «я».

Понимаев из рассказа «Либерал» не желает расписываться в поздравительном листе, адресованном начальнику, даже портит подпись, уже оставленную сослуживцем Везувиным. Неожиданное появление Велелептова и его просьба изобразить паровоз заставляет «либерала» смутиться — отказ выполнить прихоть начальника звучит неловко, неуверенно: «Не умею... Забыл, вашество... — пробормотал он. — Не могу и не желаю» [11, т. 2, с. 297]. Однако снисходительность Велелептова — на следующий день он слегка пожурил подчиненного и похлопал его по плечу — возвращает Понимаеву его прежний облик: «Понимаев засмеялся от удовольствия. Даже пискнул по-птичьи — так ему было приятно! Но скоро лицо его изменилось... Он нахмурился и осклабился презрительной улыбкой». Снова герой сообщает всем окружающим о своей протестной позиции: «Счастье твое, что я тогда был выпивши!.. Счастье твое, а то бы... Помнишь, Везувию, как я его отщелкал?» [11, т. 2, с. 299]. Обязательным условием «либерализма» Понимаева является расположение к нему начальника — того самого начальника, против которого выступает бунтарь.

Итак, нестрого контекстуальный тип самопозиционирования подразумевает «нащупывание» субъектом своей «самости». Перед нами герой «рассказа-открытия» [2, с. 30], осознавший несовпадение «я-для-себя» и «я-для-другого». Такой герой будет отличаться, с одной стороны, от персонажа, чересчур уверенно трактующего свою идентичность, свободного от ситуативных ограничений (Мурашкина, унтер Пришибеев и др.), с другой — от «хамелеона», который вообще не задает вопроса «Кто я?» и органично подстраивается под различные обстоятельства, полностью замещая «эго» той или иной моделью поведения («Двое в одном», «Толстый и тонкий», «Хамелеон», «Вверх по лестнице»).

Третий тип идентичности назовем нарративным, или строго контекстуальным³. Чеховский герой представляет себя участником какой-либо истории. В отличие от ситуации, она состоит из элементов, которые значительно хуже варьируются, т. е. из событий — единичных, хронологически координированных изменений в жизненном потоке⁴.

³ Первая попытка его изучения на материале произведений писателя была предпринята автором этих строк [1].

⁴ Подробнее о критериях событийности см.: [13, с. 14–19; 9, с. 148–149].

В этом плане нарратив⁵ героя о будущем наиболее хрупок, поскольку все формирующие его события воображаемы, но сохраняют при этом свою конкретность, незаменимость.

Кокин из произведения «Тряпка» мечтает о том, как пойдет на обед к советнику Блудыхину, станет участником романтической истории с участием Клавдии Васильевны, которую он по окончании вечера проводит до дома. Непредвиденная случайность перечеркивает надежды Пантелея Диомидыча: его не пускают на праздник, потому что Блудыхину не понравилась статья одного из корреспондентов «Гусиного вестника» и советник распорядился закрыть дверь для всех сотрудников издания. Эффектная роль франта оказывается неуместной, бессмысленной: Кокину «было стыдно, противно. Противны были ему и его запах духов, и новые перчатки, и завитая голова. Так бы он и ударил себя по этой голове!» [11, т. 4, с. 245].

Иллюзорна история об оскорбленном герое-романтике, принадлежащая студенту в «Тяжелых людях». Петр, поссорившись с отцом, убегает из дома и дает волю фантазии: он пойдет в Москву пешком и «где-нибудь под Курском или под Серпуховом <...> свалится и умрет. Его труп найдут, и во всех газетах появится известие, что там-то студент такой-то умер от голода». Согласно другому «сценарию» студент должен превратиться в участника «всевозможных дорожных приключений», попасть «в большой помещичий дом, где, узнав, кто он, поят и кормят его, играют ему на рояли, слушают его жалобы, и в него влюбляется хозяйская дочь-красавица» [11, т. 5, с. 326–327]. В реальности Петр не только не покидает отца, но и прощается с ним перед отъездом, и даже принимает деньги, из-за которых и поругались персонажи в начале рассказа.

Обманутый муж («Мститель») выбирает оружие в магазине. Сигаев не знает, кого же из троих «героев» драматичной истории следует убить (жену, любовника или себя). Перебрав в голове несколько вариантов сюжета мщения, персонаж решает не лишать жизни никого из участников «треугольника»: «Буду казнить их презрением и подниму скандальный бракоразводный процесс...» [11, т. 6, с. 329–333]. В результате визит в оружейный магазин теряет всякий смысл. Федор Федорович, стараясь хоть как-то оправдать свое пребывание в «Шмукс и К^о», покупает сетку для ловли перепелов. Событийный контекст ненадежен. Формируемая им роль колеблется в таком широком диапазоне, что «оскорбленный муж» [11, т. 6, с. 333] рискует перевоплотиться в мирного любителя перепелиной охоты.

Иногда герой так увлекается выдуманной историей, что не сразу осознает ее фиктивный характер. К Марье Андреевне из рассказа «Комик» приходит актер Воробьев-Соколов и долго не решается что-то сказать. Ingénue предполагает, что он хочет сделать ей предложение. И если вначале это раздражает героиню, то через несколько

⁵ Под термином «нарратив» («повествование») мы понимаем не только словесный рассказ, но и невербальные, а также имплицитные формы презентации событий. Последние чаще всего относятся к сфере ментальной деятельности героя (М.-Л. Рьян [17], А. Палмер [16]), который сочиняет историю, однако не рассказывает ее: такой нарратив реконструируется из совокупности реплик персонажа, произнесенных вслух или мысленно, из фрагментов косвенной и несобственно-прямой речи, из текста нарратора, в котором мир изображается с точки зрения героя, и, наконец, из самого хода событий, изображенных в литературном произведении, если их причинно-следственная связь подразумевает наличие «персонажного» повествования (герой поступил так или иначе, потому что действовал согласно своему представлению о прошлом и/или будущем). Мы, вслед за Дж. Брунером, не проводим строгих различий между «нарративным способом мышления» и «формами нарративного дискурса»: для нас важно «не то, как нарратив построен текстуально, а скорее то, как он используется в качестве ментального инструмента конструирования реальности» [15, с. 5–6; перевод наш. — А. А.].

минут она уже подумывает о браке с комиком. Роль невесты (жены) чрезвычайно привлекательна для Марьи Андреевны. Ключевое событие, которое призвано обеспечить ее этой ролью, — предложение — не происходит: выясняется, что Иван Акимович пришел к знакомой ради выпивки. Ingénue не может сию минуту выйти из образа новобрачной и модифицирует его — теперь она обманутая невеста. Об этом свидетельствует первая реакция героини на просьбу ее посетителя: «Ingénue покраснела, нахмурилась...». Однако спустя мгновение она «спохватилась и выдала комику рюмку водки» [11, т. 2, с. 318], сообразив, что никакой невесты нет, как и самой сцены признания.

Похожий случай показан в произведении «Беззаконие». Мигуев, найдя на крыльце дома узел с младенцем, приходит к выводу, что горничная Агния, с которой он вступил в связь, привела свою угрозу в исполнение. Мигуев выбирает роль раскаявшегося грешника: «Пускай говорят, что хотят <...> Пойду сейчас, стану на коленки и скажу: “Анна Филипповна!” Она баба добрая, поймет... И будем мы воспитывать...» [11, т. 6, с. 251]. Герой приходит к жене и честно признается ей в измене. Однако через несколько минут Семен Эрастыч узнает от дворника Еромолая, что ребенок был оставлен на крыльце прачкой Аксиньей. Мигуев тут же забывает историю о неверном супруге, избравшем путь искупления.

Проецируемый в будущее образ «я» мы также наблюдали в рассказах «Герой-барыня» и «Лев и солнце», но там фантом, завладевший персонажем, не очерчивался в сюжетные формы (речь шла о получении титула или должности вообще, когда-нибудь).

Строго контекстуальный тип идентичности может потерять свои исходные признаки, когда нарративный азарт героя пересечет собственные пределы. В «Интригах» рассказывается о планах Шелестова относительно предстоящего заседания. Ряд эпизодов проносится в его воображении. Персонаж «придет на заседание позже всех. Он войдет в залу бесшумно, томно проведет рукой по волосам и, не поглядев ни на кого, сядет у самого краешка стола». Затем произнесет блестящую речь, разоблачит вероломных врагов: «Он будет излагать, а его партия аплодировать и торжествующе потирать руки». Герой станет председателем и прогонит всех неугодных [11, т. 6, с. 360–363]. Несмотря на столь красочный сюжет, доктору не избежать столкновения с неприглядной действительностью: «...хочет он сделать лицо томным и интересным, а оно не слушается и становится кислым, тупым, как у озябшего дворняжки-щенка» [11, т. 6, с. 363]. Герой приспособливает мир к «романтическому» нарративу и в результате спасает образ окруженного недругами бунтаря: «Глядит Шелестов на это свое лицо, злится, и ему начинает казаться, что и оно интригует против него. <...> кажется ему, что интригуют и шуба, и калоши, и шапка. <...> Все сговорилось и все интригует» [11, т. 6, с. 364]. Персонаж приближается к другому типу идентичности — универсальному, при котором нет нужды в нарративе и все вокруг подходит для утверждения избранной роли.

Повествование о прошлом крепко «приковывает» персонажа к его миражам. Герой как будто не сочиняет историю, а воспроизводит в памяти уже произошедшее, испытывая эффект оперирования готовым «жизненным» материалом. Персонажу невдомек, что референт нарратива, строго говоря, всегда виртуален [9, с. 143]. Самим актом рассказывания — эксплицитного или имплицитного — герой создает диегетический мир, лишь условно тождественный реальному, а зачастую совершенно отличный от него.

Митя Кулдаров («Радость») обнаруживает свое имя в газете и сообщает всем о приобретении нежданной славы. Известность героя довольно спорна: он в нетрезвом

состоянии упал под лошадь. Но юноша не замечает негативного содержания заметки — в противном случае «событие» обесценилось бы, как и роль знаменитости.

«Хорошенькая дамочка» из рассказа «Загадочная натура» делится с попутчиком историей своей жизни. Героиня именуется «страдалицей во вкусе Достоевского» [11, т. 2, с. 90]: «Родилась я в бедной чиновничьей семье. Отец добрый малый, умный, но... дух времени и среды <...> Он пил, играл в карты... Мать же... Да что говорить! Нужда, борьба за кусок хлеба, сознание ничтожества... Мне нужно было самой пробивать себе путь... Уродливое институтское воспитание, чтение глупых романов, ошибки молодости, первая робкая любовь...». Брак с «богатым стариком-генералом», состоявшийся якобы вопреки желанию несчастной девушки, — «самопожертвование, самоотречение» ради семьи [11, т. 2, с. 90–91]. На первый взгляд смерть старика должна была избавить «дамочку» от участия в псевдодраматичной истории. Но она не намерена покинуть полюбившееся амплу: на вопрос собеседника о том, какое новое «препятствие» встало на ее пути, героиня отвечает: «Другой богатый старик...» [11, т. 2, с. 91–92].

Событийный контекст имеет еще одно важное свойство — временная завершенность: он существует до тех пор, пока разворачивается повествование. Конечно, одну и ту же историю можно рассказывать снова и снова или все время держать ее «в уме», но скорее всего известный и многократно передуманный сюжет рано или поздно наскучит, а значит, и порождаемая им роль покажется мнимой.

В «Рассказе без конца» Васильев пытается покончить жизнь самоубийством, рассматривая себя в качестве трагического героя. Смерть жены — финальная точка его жизни, воспринимаемой как череда потерь: «Первая глава: весна, любовь, медовый месяц... мед, одним словом; вторая глава: искание должности, ссуда денег под залог, бедность, аптека и... завтрашнее шлепанье по грязи на кладбище» [11, т. 5, с. 17]. Через год история неизбежной гибели несчастного мученика теряет свою свежесть, выхолащивается: «Удивительное дело! Казалось бы, вечна, неизгладима и неприкосновенна должна быть печать, налагаемая на человека его муками. И что же? Эта печать изнашивается так же легко, как и дешевые подметки. Ничего не осталось, хоть бы тебе что! Словно я тогда не страдал, а мазурку плясал» [11, т. 5, с. 19].

Итак, уже в ранней прозе писатель поднимает проблему повествовательной идентичности, которая займет центральное место в философских дискуссиях XX в. (П. Рикер [4; 5], А. Макинтайр [3]). Перед нами последняя попытка чеховского героя «разглядеть» свою «самость», добиться компромисса между «ipse» и «idem», динамикой и постоянством «я»⁶. Однако и здесь он терпит неудачу: событийный контекст по определению виртуален, изменчив, полностью зависит от акта наррации — «посредника», которого не требуют другие типы идентичности. Вместе с тем именно повествовательная идентичность, являющаяся, по сути, результатом имажинативной деятельности героя, может стать объектом его рефлексии — точно так же художник способен в какой-то момент взглянуть на свое творение как бы со стороны.

Рябович из произведения «Поцелуй» приходит в гости к фон Раббеку вместе с другими офицерами. Перемещаясь по дому, герой нечаянно оказывается в «совершенно темной комнате» [11, т. 6, с. 411], где его по ошибке целует девушка, очевидно, пришедшая на свидание с возлюбленным. «Приключение» надолго остается в памяти Рябовича и приводит к трансформации его идентичности. «Самый робкий, самый скромный и самый бесцветный офицер во всей бригаде» [11, т. 6, с. 409] чувствует

⁶ Как отмечает П. Рикер, «подлинная природа нарративной идентичности... раскрывается только в диалектике самости и тождественности» [5, с. 172].

себя «обыкновенным человеком» [11, т. 6, с. 419], которому доступны удовольствия, радость, свобода. Рябович «прозревает», когда на следующий год вновь приезжает Местечки. Герой выходит на улицу и созерцает молчаливую природу, лишённую всякой «повествовательности»: «Вода бежала неизвестно куда и зачем. Бежала она таким же образом и в мае; из речки в мае месяце она влилась в большую реку, из реки в море, потом испарилась, обратилась в дождь, и, быть может, она, та же самая вода, опять бежит теперь перед глазами Рябовича... К чему? Зачем?» [11, т. 6, с. 696]. Персонаж тоскует по утраченным иллюзиям, но теперь вряд ли к ним вернется. Он «лег в постель и назло своей судьбе <...> не пошел к генералу» [11, т. 6, с. 696]. Рябович подвергает свою идентичность философской рефлексии и находит в себе смелость от нее отказаться, причем не под влиянием экзогенных факторов, а по собственной инициативе. В этом плане «Поцелуй» предвосхищает такие произведения, как «Страх», «Скучная история», «Рассказ неизвестного человека».

Подведем итоги. Чехов художественно осмысляет три типа идентичности. Прежде всего, это универсальная идентичность, которая актуализируется в любом контексте (иными словами, обходится без него): где бы герой ни очутился, он не изменит представлению о себе, даже если ему придется заплатить за свое «упорство» жизнью («Драма»). Ситуативный тип самопозиционирования реализуется лишь на некотором участке действительности. Вероятность того, что персонаж его покинет, довольно мала, поскольку жизнь чеховского обывателя протекает в небольшом уютном мирке, как правило, домашнем, семейном («Ушла», «Несчастье»). Тем не менее на страницах произведений писателя такое событие происходит, и «автопортрет» героя разрушается. Формируя нарративную идентичность, субъект заключает себя в тесный автобиографический «коридор», к тому же вторичный по отношению к реальности, воображаемый. Стоит слегка нарушить его границы, и «я» персонажа будет безвозвратно потеряно, именно поэтому он, с одной стороны, довольно быстро сходит с «маршрута» из-за непредвиденных обстоятельств («Тряпка»), с другой — старается ни на миллиметр не отступать от него, не замечая ничего вокруг («Загадочная натура»).

Ни один из типов идентичности не позволяет персонажу обрести «самость», поскольку он вынужден всякий раз видеть себя сквозь призму другого — в его функции выступает либо социальная (прапорщик, ученый, писатель и т. д.), либо сюжетная роль (романтик-бунтарь, роковой неудачник и др.). В заключение приведем слова Ж.-П. Сартра, наиболее точно, на наш взгляд, описывающие когнитивную «ловушку», в которую попадает чеховский герой. По мнению философа, познавать себя — «это фатальным образом значит смотреть на себя с точки зрения другого, т. е. с точки зрения неизбежно ложной» [7, с. 112].

В прозе 80-х гг. Чехов ставит вопрос о подлинности и незыблемости человеческого «я» — вопрос, который получит широкое освещение в зрелом творчестве писателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Агратин А. Е.* Повествовательные стратегии в прозе А. П. Чехова 1888–1894 гг.): дис. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 2016. 196 с.
- 2 *Катаев В. Б.* Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 326 с.
- 3 *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с.

- 4 *Рикер П.* Повествовательная идентичность // Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью. М.: Academia, 1995. С. 19–37. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/pov_ident.php (дата обращения: 01.04.2017).
- 5 *Рикер П.* Я-сам как другой. М.: Изд-во гуманитарной лит., 2008. 416 с.
- 6 *Сапожникова Р. Б.* Анализ понятия идентичность: теоретические и методологические основания // Вестник ТГПУ. 2005. № 1. С. 13–17.
- 7 *Сартр Ж.-П.* Трансцендентность эго. набросок феноменологического описания // Логос. 2003. № 2(37). С. 86–121.
- 8 *Степанов А. Д.* Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
- 9 *Тюпа В. И.* Дискурсивные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.
- 10 *Тюпа В. И.* Художественность чеховского рассказа. М.: Высшая школа, 1989. 135 с.
- 11 *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983.
- 12 *Чудаков А. П.* Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 291 с.
- 13 *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
- 14 *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.
- 15 *Bruner J.* The Narrative Construction of Reality // Critical Inquiry. 1991. Vol. 18. № 1. P. 1–21.
- 16 *Palmer A.* Fictional Minds. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 2004. 276 p.
- 17 *Ryan M.-L.* Embedded Narratives and Tellability // Style. 1986. Vol. 20. № 3. P. 319–340.

© 2017. **Andrey E. Agratin**
Moscow, Russia

THE CHARACTER'S IDENTITY IN THE PROSE OF A. P. CHEKHOV OF 1880–1887

Abstract: Only indirectly researchers of Chekhov's prose used to address the issue of character's identity. Nevertheless, it is a dominant subject in the works of 1880–1887. The character chooses between three types of self-positioning, differing in the degree of latitude/narrowness of the conditions it generates: non-contextual, non-strictly contextual (situational) and strictly contextual (narrative). The image of “I” can be extremely stable, irrespective of circumstances (“Shh!”, “Sergeant Prishibeyev”). However hero is often bound to abandon the chosen role, if the context of its implementation changes at an invariant level (“A Misfortune”, “The Tutor”). Finally, depicted subject can present himself as a participant of a story (“Rag”, “Heavy People”). None of the types of identity allows the character to find “self”, because he has to look at himself from the point of view of the other — thus from a priori unreliable point of view.

Keywords: A. P. Chekhov, identity, character, role, “self”, narrative identity.

Information about the author: Andrey E. Agratin — PhD in Philology, Senior Lecturer, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina, 6, 117485 Moscow, Russia. E-mail: andrej-agratin@mail.ru

Received: April 17, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Agratin A. E. *Povestvovatel'nye strategii v proze A. P. Chekhova 1888–1894 gg.* [Narrative strategies in the prose of A. P. Chekhov 1888–1894 years]. Dissertation candidate of Philology. Moscow, MPGU Publ., 2016. 196 p. (In Russian)
- 2 Kataev V. B. *Proza Chekhova: problemy interpretacii* [Chekhov's prose: problems of interpretation]. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1979. 326 p. (In Russian)
- 3 Mcintyre A. *Posle dobrodeteli: Issledovaniia teorii morali* [After virtue: Studies of the theory of morality]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ.; Yekaterinburg: Delovaia kniga Publ., 2000. 384 p. (In Russian)
- 4 Ricoeur P. *Povestvovatel'naia identichnost'* [Narrative identity]. *Germenevtika. Etika. Politika: Moskovskie lekcii i interv'iu* [Hermeneutics. Ethics. Politics: Moscow lectures and interviews]. Moscow, Academia Publ., 1995, pp. 19–37. Available at: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/pov_ident.php (accessed 01 April 2017). (In Russian)
- 5 Ricoeur P. *Ia-sam kak drugoi* [Oneself as another]. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury Publ., 2008. 416 p. (In Russian)
- 6 Sapozhnikova R. B. *Analiz poniatiia identichnost': teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniia* [Analysis of the concept of identity: theoretical and methodological grounds]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2005, no 1, pp. 13–17. (In Russian)
- 7 Sartre J.-P. *Transcendentnost' ego. Nabrosok fenomenologicheskogo opisaniia* [The transcendence of the ego. A sketch of the phenomenological description]. *Logos*, 2003, no 2(37), pp. 86–121. (In Russian)
- 8 Stepanov A. D. *Problemy kommunikacii u Chekhova* [Problems of communication in Chekhov's prose]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005. 400 p. (In Russian)
- 9 Tiupa V. I. *Diskursnye formacii: Oчерki po komparativnoi ritorike* [Discourse formations: Essays on comparative rhetoric]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2010. 320 p. (In Russian)
- 10 Tiupa V. I. *Hudozhestvennost' chekhovskogo rasskaza* [The art of Chekhov's story]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1989. 135 p. (In Russian)
- 11 Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Collected works and letters: In 30 vols.] Moscow, Nauka Publ., 1974–1983. (In Russian)
- 12 Chudakov A. P. *Poetika Chekhova* [Poetics of Chekhov]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 291 p. (In Russian)
- 13 Schmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003. 312 p. (In Russian)
- 14 Erikson E. *Identichnost': iunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow, Flinta Publ., 2006. 342 p. (In Russian)
- 15 Bruner J. The Narrative Construction of Reality. *Critical Inquiry*, 1991, vol. 18, no 1, pp. 1–21. (In English)
- 16 Palmer A. *Fictional Minds*. Lincoln and London, University of Nebraska Press, 2004. 276 p. (In English)
- 17 Ryan M.-L. Embedded Narratives and Tellability. *Style*, 1986, vol. 20, no 3, pp. 319–340. (In English)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. Д. С. Московская
г. Москва, Россия

ВС. ИВАНОВ В ЗЕРКАЛЕ ЗАРУБЕЖНОЙ КРИТИКИ

Аннотация: В статье представлен обзор откликов зарубежной прессы на рассказы Вс. Иванова из цикла «Тайное тайное» и его роман «Похождения факира». Сопоставление отзывов зарубежной и советской критики показало, что при наличии сходства оценки диаметрально противоположны. Зарубежные критики выводили стилевую генеалогию Иванова из сибирского, казачьего прошлого и видели в происхождении автора и его биографии источник силы, давшей ему возможность в жестокой пореволюционной ситуации жить и оставаться независимым и гуманным человеком.

Ключевые слова: Всеволод Иванов, зарубежная критика, биография, стиль, гуманизм.

Информация об авторе: Дарья Сергеевна Московская — доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом рукописей, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: info@imli.ru

Дата поступления статьи: 10.04.2017

Дата публикации: 15.09.2017

Зарубежный англоязычный читатель мог познакомиться с именами советских писателей, их творчеством и критическими отзывами на их произведения благодаря художественно-библиографическому ежегодному альманаху «The Best Short Stories and the Yearbook of the American Short Story», выходящему в США под редакцией О'Брайна. Кроме перепечатки лучших американских новелл за прошедший год альманах представлял читателям рейтинг наиболее совершенных англоязычных и иноязычных образцов в жанре короткого рассказа. Их названия и выходные данные включались в вечающий ежегодник «Свиток почета» («Roll of Honour»). В 1920-е гг. в «Свиток почета» кроме многочисленных произведений Максима Горького попали рассказы Б. Пильняка («That which is Dead Calls always» — «Смертельное манит»), П. Романова («Actress» — «Актриса»), «Black Biscuits» — «Черные лепешки»), К. Феина («Garden» — «Сад»), опубликованные в периодическом издании «Transition» («Переход»). На английский язык также были переведены и включены в «Свиток почета» новеллы Бабеля, Ильфа и Петрова, Эренбурга, Глеба Алексеева, Сейфуллиной, Зоценко, Замятина, Катаева, Олеси, Ник. Тихонова, Пастернака, Веры Инбер, Зозули и Андрея Платонова. Э. Хемингуэй был обязан альманаху О'Брайна знакомством с творчеством автора «Третьего сына», А. Платоновым [5, с. 203–224]. В 1928 г. в «Свиток почета» попал и Вс. Иванов с рассказом «Old Timer» («Старик»). Англоязычный читатель мог познакомиться

с Ивановым и по переводам других его произведений — рассказов «Unfrozen water» («Полынья») (изд. «Bonfire», ed. Konovalov, 1931), «Dissert of Toub-Koy» («Пустыня Тууб-Коя») (изд. «Soviet Literature», ed. Reavey, George and Slonim, Mark, 1933) и романа «Похождения», опубликованного отдельной книгой в Нью-Йорке в 1935 г.

Творчество Иванова было замечено англоязычной критикой. Едва ли не первым газетным отзывом на русскую пореволюционную литературу и, в частности, на творчество Иванова, является статья Александра Назарова «Русские писатели больше не улыбаются. Предмет и настроение новой литературы, отражающей национальную жизнь» [14, с. 16–17]. В статье сделана попытка оценить, что в нэповской советской России происходит с русской литературой. Предметом сопоставления стало творчество традиционалистов, писателей серебряного века, оказавшихся в эмиграции, и новых «советских» русских писателей. Прежде всего Назаров отмечает начавшее с 1921 г. литературное возрождение. Оно связано, по его мнению, с предоставленной частным издательствам возможностью возобновить свою деятельность. Этим был достигнут невероятный результат: возродились литературные альманахи, и оживилась литературная жизнь. Реализм и достоверность — способность достоверно отражать русскую жизнь с ее горестями и радостями в тех формах, которую выработала русская эстетическая мысль, Назаров назвал ведущим свойством русской литературы и с этой точки зрения оценивал произведения как русской эмиграции, так и метрополии. В парижском альманахе «Окно» он отмечает «Безумного художника» Бунина и вышедшую отдельной книгой «Неупиваемую чашу» Шмелева. Вывод Назарова: «Современный русский писатель не улыбается. И вы не можете его за это осуждать: улыбка на его устах будет выглядеть неприлично». По его мнению, книги Бунина и Шмелева больше, чем просто литература, они символы жизни. Обратившись к литературе метрополии, он обращает внимание на альманах «Пчелы», в котором опубликованы рассказы представителей современного русского реализма, «Серапионовых братьев». Назаров называет «Братьев» бескомпромиссными, жесткими реалистами, даже натуралистами. Их доступ в советскую печать — преодоление цензуры этими писателями — он объяснил тем, что «они свободны от любой политической тенденциозности». Лучшими и очень характерными для этой новой группировки писателей-реалистов критик называет опубликованные «Пчелами» рассказы Всеволода Иванова и Николая Никитина.

Рассказ Иванова «Полая Арапия» Назаров характеризует следующим образом:

...это страшная картина голодного мора. Тысячи крестьян бредут в поисках «Полой Арапии» — фантастической страны, которая в их больном мозгу представляется страной обетованной, где все могут насытиться. Голод, смерть, массовое безумие, неопишуемые страдания и чудовищные сцены каннибализма, — таковы картины, которые проходят перед вашими глазами. И написаны они столь холодно, столь убедительно и с такой силой, что вам не придет с голову заподозрить м-ра Иванова в преувеличении. Этот рассказ заставляет вас содрогнуться, и потому его уже нельзя отнести к литературным произведениям.

Рассказ м-ра Никитина «Кол» также мрачен. Старый деревенский поп и несколько пожилых крестьян арестованы и казнены местными властями за контрреволюцию. Палач отмечает место их могилы с помощью простого кола. «Крест — говорит он на непередаваемом крестьянском диалекте — подошел бы лучше, да коммунисты скажут — не надо людей волновать». Ничего, у Господа все проименованы — Он угадает, что палка значит [14, с. 17].

Таковы темы, которые рассматривают новые советские реалисты, включает свой рассказ Назаров. «И они не могут быть другими, потому что события недавнего прошлого не могут быть забыты, да и не завершились еще» [14, с. 17].

Интересно, что Назаров, в отличие от другого критика зарубежья, Петра Пильского, считает Иванова и Никитина талантливыми многообещающими авторами: «Иванов и Никитин не могут быть сопоставлены с писателями предыдущей формации. <...>. Они часто неуклюжи, грубы, они перегружают свое повествование и диалектами и провинциализмами, они совершают и другие промахи. И все же они только начинающие. Их работы интересны как психологический документ, и кроме того, они обнаруживают, что эти начинающие писатели наделены талантом», — пишет Назаров. Тогда как Пильский в рецензии с характерным названием «Без героя» видит в Иванове только «циничного в своем идейном надломе» нового писателя [9, с. 65].

Назаров, однако, совпадает с Пильским в признании того, что «литература не может не отражать <...> Калибанизм, царящий в современной русской жизни» [14, с. 17]. Столь же определенно высказывается и Пильский: «...эти книги <...> станут впоследствии единственным материалом для изучения психологии современного человека России. <...> Эти литераторы выросли из посевов <русской жизни>, и они несут на себе все фамильные черты этой наследственности». Вывод Пильского: «Искажается российская жизнь — искажается и литература. Безумие пришло и в книгу. Грубость проникла и в язык. Распад явился распадом образов» [9, с. 65].

Напомним, что рассказ «Полая Арапия», которому Назаров посвятил часть своего отзыва, был написан Ивановым в 1922 г. под впечатлением от поездки в охваченное чудовищным голодом Поволжье. Этот шедевр писателя был напечатан в «Правде» 5 апреля 1922 г., но не он снискал ему славу. Высокой оценки, сопоставления его с Горьким Иванов удостоится за рассказы «Партизаны», «Бронепоезд 14,69» и «Цветные ветра», тогда как «Полая Арапия» не переиздавалась и не была допущена в прижизненные собрания сочинений.

Святополк-Мирский в 23 томе «Современных записок» за 1925 г. в отзыве на сборник современной русской прозы (под ред. Вл. Лидина, 1924 г.) пишет по поводу Вс. Иванова прямо противоположное Назарову и Пильскому. Он считает, что взгляд на современность у Иванова не реалистический, а чисто эстетический. Самой сильной вещью в сборнике он назвал ивановское «Дитё», в котором, по словам критика, писатель доказал, что «кроме экзотики и орнаментики, он способен и к настоящему заострению рассказа». Вывод Святополка-Мирского: Иванов продолжает высвобождаться из-под исключительного застоя орнамента и «киргизской зауми» [11, с. 475].

На рассказы, составившие сборники «Бразильская любовь» и «Тайное тайных», в частности, на «Смерть Сапеги», обратил внимание один из критиков русского зарубежья из пражского журнала политики и культуры «Воля России», укрывшийся за инициалами «Б. С.» Бронислав Сосинский. За точку отсчета он взял понятие «сентиментального» как свойства художественной литературы в целом. По его мнению, в молодой советской прозе расцветает ныне — «сентиментализм пристыженный, тщательно замаскированный, <...> извращенный, проиронизированный», потому что то, к чему мы уже начинаем привыкать, «нас уже перестает пугать». У Бабеля и Иванова «лирический вздох обходится дорого — за ним неизменно следует площадная брань». «За каждым сентиментальным словом идет несколько сакраментальных. В эпоху напряженнейшего <...> лиризма Пастернака и Цветаевой — “никаких сантиментов, никаких шопеновских прелюдий”», — цитирует Сосинский Вс. Иванова. «...злость вызывает малейший

намек на “чувствительность тонкую”: “Вспомнил я этого самого Тургенева со своими воробьями, такая досада взяла... Прихожу домой, смотрю свирепю, подбираю — что бы грохнуть об пол”. И не только сдержанность или досада — разнит две литературные эпохи». По мнению критика, творчество современных советских писателей, таких как Пильняк, с его тифом, вошью, теплушками, руганью, бабами, солдатами, «характеризует нашу эпоху, как эпоху грубого и беспощадного натурализма». Как мы видим, и здесь — литература новой России воспринимается как зеркало времени.

По мнению критика, сказовая форма новой русской литературы, представителем которой является Иванов, появилась для удобной маскировки сентиментализма. «Надев чужую личину, заранее оправдав все иронией... можно свободно или “с дозволения начальства” — плакать, громко рыдать». Вопрос у критика вызывает высказанная Ивановым в рассказе «Полянья» мысль: «Жизнь — как слово: слаще и горче всего». Его удивляет то, что «чем целомудреннее становится отношение писателей к слову, тем “бесстыднее” обнажение жизни, тем сильнее грубая жажда писателя к греху и пороку». По мнению Сосинского, «Нескромный Всеволод Иванов один из самых ярких представителей нынешнего беспощадного натурализма». Вывод критика: «...наши потомки останутся в недоумении перед страницами нынешних лет: что было страшнее — та жизнь или та литература?» [2, с. 179–181].

К 1930 г. о неостывшем интересе к творчеству Иванова свидетельствует мартовский номер «Воли России», где в рубрике «Заметки» особо обращается внимание на «Автобиографию» писателя. В частности, там сообщается, что в связи с юбилеем Горького «все советские журналы полны статьями о Горьком, воспоминаниями о Горьком, панегириками Горькому, мыслями о нем, о его связи с пролетарской литературой и мировой революцией о его значении для нас, для наших дней, внуков, правнуков — и так далее, и так далее. Некоторые из панегиристов, впрочем, пишут больше о себе, чем о юбиляре. Порой этой бывает любопытно. Так Всеволод Иванов в “Красной Нови”, рассказывая о своих встречах с Горьким, очень живо описывает свои юношеские скитания в Сибири, свой приезд в Петербург в 1920 году, петербургский Дом искусств на Мойке, тогдашние петербургские редакции. <...> О Горьком мы, правда, узнаем немного, но об Иванове получаем сведения интересные» [1, с. 279–280].

Зарубежная критика следит за Ивановым, которого, наряду с Леоновым, она явно выделяет среди собственно советских писателей как талантливого, обладающего собственным голосом и не растворившегося в политических литературных играх времени автора. Тем заметнее становится для нее стремление Иванова влиться в общий строй, стать среди тех, кто исполняет социальный, правительственный заказ. В том же мартовском номере «Воли России» за 1930 г. в рубрике «Среди книг и журналов» с отсылкой к «Литературной газете» от 17 марта 1930 г. сообщается, что в России «организована первая ударная бригада писателей» для освещения хода колхозного строительства. «В нее вошли Вс. Иванов, П. Павленко, В. Луговской, Л. Леонов, Е. Санников». По мнению автора, «более чем сомнительно, чтобы путем <...> посылки на места ударных бригад советское правительство могло добиться создания той литературы, которая ему нужна для его утилитарных и политических целей». В связи с этим выводом автор вспоминает роман «Соть» Леонова, для которого производственничество оказалось прежде всего материалом, и таким же ценным, как для Иванова — партизанщина. Иванов из этой поездки привезет «Повести бригадира Синицына», где между прочим будет дана жесткая оценка ударных бригад писателей, не знающих ни национального языка, ни национальной культуры. И тогда закономерен вопрос критика «Воли России», по-

вторяющий вопрос самого Иванова в «Повестях...», о ценности и любопытности книг, вырабатываемых советской литературой [10, с. 293].

«Воля России» следит за тем, как в Советской России усиливается борьба за пролетарский творческий метод в литературе. И вновь в центре внимания оказывается Иванов, словно бы он есть некий оселок, на котором ведется проверка качества новой русской литературы. Напомним, что к 1930 г., после выхода «Тайного тайных», вектор оценок творчества Вс. Иванова постепенно сдвигается вправо: он превращается из «левого» в «правого» попутчика. В конце концов, следует вывод, запечатленный Литературной энциклопедией 1930 г.: творчество позднейшего Иванова чуждо социалистической революции. 1930-й г. в биографии многих русских советских писателей переломный. Его символическое содержание — самоубийство Владимира Маяковского, так и не вписавшегося в требования творческого метода РАПП. Мучительные попытки стать «своим» делают Андрей Платонов с пьесой «Объявление о смерти» и Всеволод Иванов. Последний создает роман с «новыми тенденциями» «Путешествие в страну, которой еще нет» (1929–1930). Марк Слоним в обзоре для «Воли России» наряду с недостатками романа «Путешествие в страну...» (были названы — «запутанная сложность, надуманность построения и смешение разнородных элементов, не получивших органического завершения»; тенденциозность — «роман явно написан на тему: требовалось показать героя труда») отмечает как положительную мысль, заключенную в самом заглавии романа: «...современная действительность груба, путана и нелепа, но есть страна, в которой осуществляются надежды лучших, — это страна будущего. В ней ищет Вс. Иванов исхода из нынешней страды. Оптимистическая нота, оканчивающая произведение, должна, очевидно, опровергнуть мнение коммунистических критиков, будто Иванов поражен опасным и реакционным пессимизмом» [4, с. 685]. Как известно, опровергнуть это мнение Иванову своим «производственным» романом не удалось.

Поводом для более полного освещения в журнале «Воля России» творчества Иванова становится выход седьмого тома сочинений писателя с уже упомянутым романом «Путешествие в страну, которой еще нет». По мнению автора рецензии Николая Андреева, этот том «не может посчитаться удачей лучшей книгой автора, но он оказывается в достаточной степени для него характерным». Обратившись к раннему Иванову — «автору “Партизан”, “Цветных ветров”, “Бронепоезда”, “Голубых песков”, “Экзотических рассказов”», критик отмечает «блестящую изощренность его зрительных наблюдений, в сюжете — пафос драматических столкновений, психологическую встревоженность, непрерывную повествовательную подвижность», «введение в рассказ — новое в то время — массового героя, приключенческое беспокойство тем гражданской войны и, наконец, скупую, но выразительную орнаментацию действия пейзажем». Вывод Андреева: «Все эти элементы <...> придавали авторскому облику оттенки большой индивидуальной независимости».

«Но постепенно совершались изменения, отчасти проявившиеся уже в “Гибели Железной”, отчасти в сборнике “Тайная тайных” <так!>: ослаблялся упор на эффективность материала самого по себе, на первый план выступал психологический анализ, наблюдения и эксперимент над героями; менялась и стилистика в сторону большей спокойности и реалистической плотности. В то же время усиливался акцент “гражданских мотивов” <...> Какой-то призыв будничности прорезал праздничную воодушевленность первых лет писательства». Вывод критика: «Всеволод Иванов сделан эпохой неожиданностей. Результат ее — склонность к <...> погоне за сюжетной напряженностью <...>. Черты эти, возникшие <...> под частичным воздействием деклараций

“Серапионовых братьев”, сохранились у писателя до сих пор». Обратившись к роману «Путешествие в страну, которой еще нет», критик отмечает в его построении все то же упорное стремление к необычайному сюжетному положению.

Андреев устанавливает связь Иванова в разрешении темы с традициями русской классической литературы. «Проблема совести и человеческого достоинства, поднятая Всеволодом Ивановым раскрыта в специфической обстановке современности и очень характерными для писателя средствами. Но разрешение темы указывает на неожиданную родственность с Толстым девяностых годов. Проскальзывает <...> и явный отголосок раннего, еще романтического Горького». Критик устанавливает эволюцию творчества писателя за прошедшие годы: «Романтическое сияние меркнет, экзотика отпадает — Всеволод Иванов утончается, черты мудрой осторожности и душевной внимательности придают его творчеству отпечаток человечности. И если не всегда, как в романе, удается автору добиться полной устойчивости произведения, то причина лежит вне самого автора» [6, с. 99–100].

Новую волну интереса к Иванову за рубежом вызвала публикация в 1935 г. в Нью-Йорке в издательстве «Вангард-Пресс» перевода романа «Похождения факира». Обширный отзыв Джона Курноса в газете «Нью-Йорк-Таймс» под названием «Всеволод Иванов — литературный родственник М. Горького» охватил творчество писателя более широко. Курнос напоминает оценку Воронского: «Он происходит от Горького, он его продолжатель» — и подтверждает: «В этом есть существенная правда. Иванов действительно из Горьких Горький». В то же время есть существенное различие. Курнос видит его в том, что Иванов «удивительно не озлоблен, в нем есть обаяние и добронравие, и, что еще лучше, он обладает заразительным чувством юмора». Он отмечает стилистику «Тысячи и одной ночи» в романе, благодаря чему «не возникает вопроса о достоверности его рассказов, а скорее желание определить то состояние сознания, которое спокойно относится к жизни, обладает свежестью восприятия, которое придает оттенок изумления перед повседневными событиями. Его грусть вызывает улыбку, а ужасная злобность — обезоруживает. Он, вероятно, очень обаятельный человек». «Ничто, похоже, не может его лишить отваги, ничто не способно затуманить его веру в человека. И уверенность в себе, и это доверие к людям не имеют ничего общего с коммунизмом, который он выставляет напоказ (не в этой книге!), все это ему присущее, лежащее в основании натуры этого человека. <...> Как и у Горького, Иванов обилён странными характеристиками, такими характеристиками, которые читатель обязательно бы встретил в предвоенной русской литературе. И удивительные женщины, подлинно русские — особенно Софья и Павла! Они не скоро забудутся» [12, с. 8].

В январе 1936 г. в «Геральд-Трибьюн» появился отзыв Альфреда Казина на тот же перевод романа «Похождения факира». Статья называется «Фантастический странник». По мнению Казина, Всеволод Иванов, прославленный в Советском Союзе автор, получил право, пользуясь сегодняшним стабильным своим положением, «окинуть свою юность ненавязчивым и зрелым взглядом <...> и его история кажется веселой самоиронией, но хотя каждый эпизод выписан с юмором, он все же никогда не позволяет совсем позабыть о муке бытия, безденежья и бесприютности. “Избавься от всего этого, Всеволод, выбрось это прочь из своего мира”, — говорит он и так и делает». Для Казина, как и для Курноса, крайне важен биографический момент романа, описание дореволюционной Сибири, казацкого быта, рода Ивановых. «Будучи сибирским казаком, — пишет Казин, — он вызывает хохот проще, чем жевание маковой соломки.

И в этом его окружение много способствовало тому, чтобы жизнь не казалась слишком серьезной».

Оценивая стилистику романа, Казин отмечает, что Иванову «нравится исполненная боли грустная реальность, и он получает удовольствие, рассказывая вам о ней, иногда беспорядочно и беззаботно, но вам постоянно будет казаться, что он не хотел бы, чтобы вы все это знали. Суховатость тона может означать нечто большее, чем желание рассмешить, особенно если ваше внимание было отвлечено тем, что кажется только шалостью, и тем, что вас просят над этим посмеяться» [13, с. 19].

Напомним, что роман «Похождения факира» был написан в обстановке, менее всего способствовавшей искреннему веселью и беззаботности. Иванов уже отрекся от серапионова прошлого и выступил «за большевистскую тенденциозность в литературе». Иванова включают в состав секретариата Правления, созданного на съезде Союза советских писателей, он также становится председателем Правления Литфонда. В июне 1935 г. Вс. Иванов в составе делегации советских писателей едет на Антифашистский конгресс в Париж, где произносит официальную речь. Наконец, осенью 1936 г. официально празднуется 20-летний юбилей творческой деятельности писателя. Свои невеселые думы — о друзьях-товарищах, деле «Сибирской бригады» и пр. — он не высказывает. «Похождения факира», казалось бы, находились в русле идей Горького об изображении во всех видах убийственной правды прошлого. И Горький горячо поддерживал первую часть романа. Но по мере завершения романа он все меньше нравился Горькому. В декабре 1935 г. роман был подвергнут острой критике за «власть инстинктов», «вариацию фрейдизма», «замаскированные элементы “Тайного тайных”», «своеобразную Достоевщину», «искаженную картину дореволюционной России», «пессимистическое равнодушие». На общемосковском собрании писателей в марте 1936 г. после сокрушительной критики Иванов отречется от формализма, назвав его «слабостью и трусостью» (подробно о творческой судьбе, прижизненной критике и биографии Вс. Иванова см. труды Е. А. Папковой [7; 3; 8]).

Следует отметить, что роман произвел за рубежом совершенно иное впечатление: его стиливую генеалогию авторы отзывов выводили из сибирского, казацкого прошлого писателя, давшего ему силы жить и быть независимым и гуманным человеком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Автобиография Всеволода Иванова // Воля России. 1930. № 3. С. 279–280.
- 2 Б. С. Всеволод Иванов. Бразильская любовь. Рассказы. Изд. Огонек. Москва. 1926 г. // Воля России. 1927. № 7. С. 179–181.
- 3 Всеволод Иванов. Тайное тайных / отв. ред. Н. В. Корниенко; сост., прим. Е. А. Папкова. М.: Наука, 2012. Сер. «Литературные памятники». 566 с.
- 4 М. Сл. Обзор журналов. Партдискуссия в стихах. Роман Вс. Иванова. «Бродячий цирк Шишкова» // Воля России. 1930. № 7/8. С. 684–685.
- 5 Московская Д. С. Хемингуэй и Платонов: писатель о писателе // Возвращаясь к Платонову: вопросы рецепции: сб. ст. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 203–224.
- 6 Н. А-в. Всеволод Иванов. «Путешествие в страну, которой еще нет». Роман и повести. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1928. Т. 7. 330 с. // Воля России. 1932. № 1/3. С. 99–100.
- 7 Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества / отв. ред. Е. А. Папкова. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.

- 8 *Папкина Е. А.* Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных»: на перекрестке советской идеологии и национальной традиции. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2012. 622 с.
- 9 *Пильский П.* Без героя. О новых русских писателях // Балтийский Альманах. 1924. № 2. С. 65–69.
- 10 Производственный роман Леонова. Ударные бригады писателей. Эмигрантские критики и советские авторы. Право на старость. Рассказ Тихонова. Психология молодежи или психология большевизма? // Воля России. 1930. № 3. С. 293.
- 11 *Святополкъ-Мирский Д.* Литературная Россия. Сборник современной Русской Прозы / под редакцией Вл. Лидина. I. М.: Новые Вехи, 1924 // Современные записки. 1925. Т. 23. С. 473–475.
- 12 *Courtnos J. I.* Ivanov, a Literature Kinsman to Gorki // New York Times. 1935. December, 29.
- 13 *Kazin A.* A Fantastic Wanderer // Herald-Tribune. 1935. January, 12.
- 14 *Nazaroff A.* Contemporary Russian Writers Do not “Keep Smiling”. Subject Matter and Tone of the New Literature Reflecting Native Life // New York Times. 1924. June, 1.

© 2017. Daria S. Moskovskaia
Moscow, Russia

VSEVOLOD IVANOV THROUGH THE EYES OF FOREIGN CRITICS

Abstract: The article provides an overview of comments of the foreign press on the stories of Vs. Ivanov from the series “Secret of Secrets” and on his novel “The Adventures of a fakir”. The comparison of the foreign reviews and Soviet criticism has shown that despite available similarities the overall assessment is diametrically opposite. Foreign critics deduced Ivanov’s stylistic genealogy from his Siberian and Cossack past and saw in his biography a source of strength, which gave him a chance to live and to remain independent and humane person in a brutal post-revolutionary situation.

Keywords: Vsevolod Ivanov, foreign criticism, biography, style, humanism.

Information about the author: Daria S. Moskovskaia — DSc in Philology, Deputy Director of the A. M. Gorky Institute of World Literature, Head of the Manuscript Department, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: info@imli.ru

Received: April 10, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Avtobiografija Vsevoloda Ivanova [Autobiography of Vsevolod Ivanov]. *Volja Rossii*, 1930, no 3, pp. 279–280. (In Russian)
- 2 B. S. *Vsevolod Ivanov. Brazil'skaja ljubov'. Rasskazy. Izdatel'stvo. Ogonek. Moskva. 1926 g.* [B. S. Vsevolod Ivanov. Brazilian love. Stories. Ogonek Publ., Moscow. 1926 century]. *Volja Rossii*, 1927, no 7, pp. 179–181. (In Russian)
- 3 Vsevolod Ivanov. *Tajnoe tajnyh* [Vsevolod Ivanov. Secret of secrets], ex. ed. N. V. Kornienko, collected, article, notes by E. A. Papkova. Moscow, Izdatel'stvo IMLI RAN Publ., 2012. 566 p. (In Russian)

- 4 M. Sl. Obzor zhurnalov. Partdiskussija v stihah. Roman Vs. Ivanova. “Brodjachij cirk Shishkova” [Review of magazines. Party discussion in verse. Vs. Ivanov’s roman “Shishkov's Traveling Circus”]. *Volja Rossii*, 1930, no 7/8, pp. 684–685. (In Russian)
- 5 Moskovskaja D. S. Hemingujej i Platonov: pisatel' o pisatele [Hemingway and Platonov: writer about writer]. *Vozvrashhajjas' k Platonovu: voprosy recepcii: sborik statej* [Returning to Platonov: issues of reception: Collection of articles]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2013, pp. 203–224. (In Russian)
- 6 N. A.-v. Vsevolod Ivanov. “Puteshestvie v stranu, kotoroj eshhe net”. Roman i povesti. Sobranie sochinenij: v 8 t. [“Travel to the country, which is yet to be born”. The novel and the story. Collected works: in 8 vols.]. Moscow, Leningrad. 1928. Vol. 7. 330 p. *Volja Rossii*, 1932, no 1/3, pp. 99–100. (In Russian)
- 7 *Neizvestnyj Vsevolod Ivanov. Materialy biografii i tvorchestva. Nauchnoe izdanie.* [Unknown Vsevolod Ivanov. Materials of biography and creativity] Moscow, IMLI RAN Publ., 2010, ed. E. A. Papkova. 784 p. (In Russian)
- 8 Papkova E. A. *Kniga Vsevoloda Ivanova “Tajnoe tajnyh” : na perekrestke sovetskoj ideologii i nacional'noj tradicii.* [Vsevolod Ivanov's book “Secret of Secrets”: at the crossroads of the Soviet ideology and national traditions]. Moscow, Izdatel'stvo IMLI RAN Publ., 2012. 622 p. (In Russian)
- 9 Pil'skij P. *Bez geroja. O novyh russkikh pisateljah. Baltijskij Al'manah* [Without a hero. On the New Russian Writers. The Baltic Almanac], 1924, no 2, pp. 65–69. (In Russian)
- 10 Proizvodstvennyj roman Leonova. Udarnye brigady pisatelej. Jemigrantskie kritiki i sovetskie avtory. Pravo na starost'. Rasskaz Tihonova. Psihologija molodezhi ili psihologija bol'shevizma [Leonov's industrial novel. Shock Brigade writers. Emigrant critics and Soviet authors. Right to old age. Tikhonov's story. Psychology of youth or the psychology of Bolshevism]. *Volja Rossii*, 1930, no 3, pp. 293. (In Russian)
- 11 Svjatopolk-Mirskij D. *Literaturnaja Rossija. Sbornik sovremennoj Russkoj Prozy* [Literary Russia. Collection of modern Russian prose. “New Milestones”. Moscow, 1924. Modern notes], edited by V. Lidin. Moscow, Novye Vehi Publ., 1924. *Sovremennye zapiski*, 1925, vol. 23, pp. 473–475. (In Russian)
- 12 Cournos J. I. Ivanov, a Literature Kinsman to Gorki. *New York Times*, 1935, December, 29. (In English)
- 13 Kazin A. A Fantastic Wanderer. *Herald-Tribune*, 1935, January, 12. (In English)
- 14 Nazaroff A. Contemporary Russian Writers Do not “Keep Smiling”. Subject Matter and Tone of the New Literature Reflecting Native Life. *New York Times*, 1924, June, 1. (In English)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. Е. Н. Карташова
г. Воронеж, Россия

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ДЕВУШКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. М. ШУКШИНА

Аннотация: Существует много работ, посвященных изучению языка произведений В. М. Шукшина, однако характер как один из аспектов образа героя художественного произведения, в частности женский характер, до сих пор не подвергался описанию с лингвистических позиций. Нами рассматриваются особенности репрезентации образа девушки в прозе В. М. Шукшина. Большое внимание уделяется связи этого образа с русским фольклором. На основании лексико-семантического анализа прозы В. М. Шукшина, а также привлечения русских фольклорных текстов устанавливается, что главными чертами, отличающими девушек в произведениях писателя, являются скромность, застенчивость, нежность, нравственная и физическая сила, красота.

Ключевые слова: образ, характер, русский фольклор, русская женщина, черты характера, девушка.

Информация об авторе: Елена Николаевна Карташова — ассистент, Воронежский государственный технический университет, Московский пр., д. 14, 394026 г. Воронеж, Россия. E-mail: elena.perceva.00@mail.ru

Дата поступления статьи: 24.01.2017

Дата публикации: 15.09.2017

Творчество В. М. Шукшина играет огромную роль в осмыслении русской культуры. В. И. Коробов пишет: «Он ведь уже ощущал себя именно русским, национальным художником. <...> И разве не русский национальный характер или отдельные его черты стремился передать Шукшин во многих своих произведениях! Разве не о современной ему России, ее проблемах и ее людях страстно говорят едва ли не каждая страница его публицистики, его фильмы, его роли!.. Шукшин — и навсегда уже — “прописан” только в одном месте — в России, в русском народе!» [10, с. 78]. Через призму его произведений можно рассмотреть все тонкости загадочной русской души, понять особенности национальной культуры. Об уникальности писательского таланта Василия Макаровича пишет в своей работе «Проза В. Шукшина» В. А. Апухтина: «Шукшинское слово, богатое интонационно, воспринимается нами как бы озвученным, оно точно воспроизводит смену психологических состояний действующих лиц, пластично очерчивая облик, духовный строй персонажей. Можно сказать, что слово, чья роль многофункциональна, в значительной мере создает необходимую форму рассказа, повести, романа. <...> В своих художественных исканиях Шукшин преобразовывал жанры, открывая их новые возможности и резервы. <...> В обманчиво простой форме нашли свое выражение подлинное искусство перевоплощения, умудренное знание, артистизм» [1, с. 51].

С огромным уважением относится В. М. Шукшин к русской женщине: «Я не склонен ни к преувеличениям, ни к преуменьшениям национальных достоинств русского человека, но то, что я видел, что привык видеть с малых лет, заставляет сказать: столько, сколько может вынести русская женщина, сколько она вынесла, вряд ли кто сможет больше, и не приведи судьба никому на земле столько вынести. Не надо» [22, с. 629].

Автор подчеркивает незаурядные душевные качества русской женщины, с удивительной точностью подмечает особенности ее характера: «Умеет радоваться наша хорошая русская женщина. Легче жить, когда в доме такая вот умная, терпеливая, “незряшная”... Такой и пожаловаться не грех: поймет ли, не поймет, а все легче станет. Где и не поймет, так чутьем угадает, что тебе тяжело, и уже равнодушной не останется. Главное, не стыдно будет, что пожаловался» [20, с. 324].

Национальный характер русской женщины очень интересен для изучения, ведь женщина играет важную роль в русской культуре. Большое внимание женскому русскому характеру уделяли философы, историки, культурологи. Исключительные нравственные качества русской женщины отмечал Ф. М. Достоевский: «В нашей женщине все более и более замечается искренность, настойчивость, серьезность и честь, искание правды и жертва; да и всегда в русской женщине все это было выше, чем у мужчин. <...> Женщина настойчивее, терпеливее в деле; она серьезнее, чем мужчина, хочет дела для самого дела, а не для того лишь, чтоб казаться» [9, с. 189].

В произведениях В. М. Шукшина представлено многообразие женских персонажей, среди которых немало молодых девушек. Их образы наделены определенными чертами, имеющими связь с русским фольклором.

Необходимо отметить близость В. М. Шукшина к фольклору. Л. Т. Бодрова подчеркивает: «Василий Шукшин как художник и гражданин позиционировал себя “выразителем крестьянства” и постоянно демонстрировал неотрывность от корней народных, от народной культуры. По его высказываниям, по его книгам видно, что он не “точно” и не изредка обращается к архетипическим сюжетам, мотивам и образам фольклора. Не подлежит сомнению, что фольклорно-литературное взаимодействие здесь основано на глубинном, тотальном проникновении в народную культуру, в переосмыслении и отталкивании от нее. Такой фольклоризм обеспечивает показ жизни нации, народа не со стороны, а изнутри. <...> Являясь сам носителем фольклора, он делает его ведущим в психобиографической составляющей стратегии текста» [4, с. 44–45].

Русское народное творчество интересовало В. М. Шукшина с детства. Рассказы матери, Марии Сергеевны Куксиной-Шукшиной, оказали огромное влияние на будущего писателя. Ее личность сама по себе была уникальна. «При страшных испытаниях, выпавших на ее долю, она сохранила удивительное самообладание, душу живую и, не получив образования, тем не менее успешно освоила народную мудрость и основы традиционной культуры, эмоциональную память» [4, с. 51].

В. М. Шукшин говорил, что писать рассказы он учился именно у матери, сумевшей передать ему всю красочность, «сочность» русской народной речи, неповторимую искрометность народного юмора, простоту и накопленную веками мудрость, заключенную в сказках, песнях, пословицах и поговорках [22, с. 629]. В произведениях русского фольклора запечатлено мировосприятие народа, его морально-нравственные ценности. Значение произведений В. М. Шукшина огромно, поскольку через них транслируется традиционный, самобытный жизненный опыт русского народа. Сам писатель призывал нас: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения

такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброту. Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами. Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание не отдавай всего этого за понюх табаку» [22, с. 647].

Необходимо не только бережно хранить наше культурное наследие, но и извлекать из него полезную информацию. З. Е. Фомина подчеркивает: «Изучение пословичного корпуса позволяет установить национально и культурно обусловленные приоритеты в выборе глобальных философских, религиозных, культурных понятий, используемых разными этносами в качестве метазнаков, в качестве метаязыка в целях отражения своего мировидения» [16, с. 42].

Итак, пословицы о девушке отмечают ее смирение, терпение, скромность: «Смиренье — девичье ожерелье; Девичье терпенье — жемчужно ожерелье» [8, с. 523]; «От слова девка брусвянеет» (брусвянеть — краснеть, алеть, багроветь) [8, с. 133]; «Не берись, девка, за лапту» (т. е. будь скромна); «Хорошо гостит девка, а и того лучше дома сидит»; «Всяк бы про девку слышал (ведал), да не всяк бы ее видел»; «Чего девушка не знает, то ее и красит»; «У доброй девки ни ушей, ни глаз»; «У девушки нрав косою закрыт, уши золотом завешаны» [7, с. 274–275]; «У девки уши золотом завешаны — не слышит, не понимает непристойных речей» (о драгоценной скромности, защищающей от нескромных слов [11, с. 916].

У Шукшина в описании характера девушек встречаются такие черты, как скромность и застенчивость. Они выражаются посредством лексем: *покраснела, стыдно, стыд*, словосочетаний *занялась румянцем, розовая от смущения*. «Хорошая, — сказала Валя. И чуть покраснела от взгляда Владимира Семеныча» [19, с. 48], «Вале было ужасно стыдно, но она хотела преодолеть этот стыд» («Владимир Семенович из мягкой секции») [19, с. 48]; «Марья занялась румянцем во всю щеку. Смотрела в пол» («Любавины») [20, с. 91]; «И стыд, и ласка, и упрек, и одобрение, и что-то еще невыразимо прекрасное, робкое, отчаянное было в ее взгляде» [21, с. 33], «То есть замуж? — спросила Элла и покраснела. Она стояла около стола, розовая от смущения, старательно снимала белыми пальчиками соринку с платья» («Степкина любовь») [21, с. 33].

В книге «Юности честное зерцало», которая была издана в 1717 г. и представляла собой «набор этикетных правил и базовых норм, которыми должны руководствоваться в жизни молодые дворяне мужского и женского пола» [6, с. 108], очень большое внимание уделяется такому качеству девушки, как стыдливость: «Добродетель, пристойная девицам, есть стыдливость <...> Стыдливая девица не только в лице краснеет, но и стыдливые имеет уши. Устрашится, когда бесстыдное слово услышит, как легкомысленные издевки и скверные песни, суцая девица потупит лицо свое, как бы она того не разумеет, или, встав, отходит далее» [23, с. 65]. Таким образом, в произведениях В. М. Шукшина, относящихся к XX в., воплощаются человеческие качества, издавна почитаемые русским народом.

Стремление девушки любить также отражено в русских пословицах: «Лакома овца до соли, коза до воли, а девушка к новой любви» [8, с. 523]; «Что шелкова ленточка к стенке льнет (девица к парню)» [8, с. 646].

В произведениях Шукшина девушки полны нежности, любви, они очень ласковые. Эта черта репрезентируется с помощью лексем *ласковые, ласково, ласка*: «Смотрела серыми дерзкими глазами ласково, точно гладила по лицу ладошкой» («Любавины») [20, с. 17]; «Какой же вы молодой! Милый... — говорила она и смотрела на Ленку ла-

сково, точно гладила по лицу ладошкой» [21, с. 95], «...вдруг она придвинулась к нему вплотную, взяла его голову в свои мягкие ласковые руки...» («Ленька») [21, с. 98].

В русских народных песнях и сказках девушки наделены небывалой красотой. «Возле реку, возле реку на крутом берегу, на крутом берегу стоял же тут, стоял же тут нов высок терем. В том терему, в том высоком жила девица да раскрасавица» [12, с. 359], «Засмотрелся добрый молодец на ее красоту неописанную, на ее тело белое, отуманила его любовь горячая, не выдержал и поцеловал королеву в уста сахарные. От того пробудилась красная девица...» («Волшебный конь») [2, с. 25]; «Среди леса поляна, на поляне огонь горит, в огне девица сидит, да такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать» («Волшебное кольцо») [2, с. 37].

Красота девушек подчеркивается и в поговорках: «Девичья коса — на всю Москву краса», «Красная девка в хороводе, что маков цвет в огороде» [7, с. 274].

Молодежь в произведениях Шукшина красива и сильна. Сила эта не только физическая, внешняя, но и внутренняя: они надежны и не отступают перед трудностями. Такая черта характера девушек, как сила, акцентуируется посредством лексем *сильная, крепкая, крепко, сильно, здорово, тяжелую, широкие, рослая, круглоликая, румяная* (признак здоровья — «кровь с молоком», т. е. здоровый, цветущий, с хорошим цветом лица, с румянцем [17, с. 214]), а также с помощью лексического повтора: «Ты сильная, Ольга, сильная. Вот ты — сильная. И красивая...» [19, с. 123], «Вошла рослая, крепкая, юная женщина. Она, как видно, искупалась, и к ее влажному еще телу местами прилипло легкое ситцевое платье — и это подчеркивало сколь сильно, крепко, здорово это тело» («Приезжий») [19, с. 123]; «Анна, рослая, скуластая, добрая» [19, с. 465], «Сильная Нюра чуть покачивалась — вправо-влево, вправо-влево — в такт, как двигались руки, и под белой кофточкой с цветочками шевелились ее широкие лопатки» («Гена Пройдисвет») [19, с. 465]; «Из горницы вышла девка в пестром ситцевом платье — крепкая, легкая на ходу, с маленькой, гордо посаженной головой» [20, с. 14], «Настя спокойно поднялась, положила тяжелую руку на сухое Пашкино плечо» («Любавины») [20, с. 347]; «Была в их селе девка Марья Ермилова, красавица, круглоликая, румяная, приветливая...» («Осенью») [22, с. 139]. Красота репрезентируется лексемами *красивая, красавица*.

В образе шукшинской девушки присутствуют и такие черты, как сходство с ребенком (инфантилизм), чистота, доверчивость. Сходство с ребенком репрезентируется посредством словосочетаний *как ребенок, с детской улыбкой*: «Маленькая полненькая девушка спала, раскинув по подушке белые полненькие руки. Ротик приоткрыт, к нижней губе пристала пушинка <...> «Как ребенок», — подумал Серега с нежностью» («Внутреннее содержание») [21, с. 384]; «Марья сидела у стола в синеньком ситцевом платье <...> она снизу с детской ясной улыбкой вопросительно глядела на него» («Любавины») [20, с. 62]; чистота выражается лексемами *ясные, ясная, зеленовато-чистые, чистые*: «В дверь заглянула маленькая опрятная головка. Пара ясных глаз с припухшими со сна веками» («Воскресная тоска») [21, с. 128]; «Эллочка вдруг резко подняла голову, глянула на Степана зеленовато-чистыми глазами» («Степкина любовь») [21, с. 33]; доверчивость — с помощью лексем *верит, наивная*: «Ей, дуре, пока она молодая, неси не стыдись самые дурацкие слова — верит; старой — скажи, попробуй про самую свою нечаянную думу, — сам моментально дураком станешь» («Земляки») [21, с. 491]; «Он вдруг увидел, что девушка перед ним милая и наивная» («Медик Володя») [19, с. 404].

Необходимо отметить, что в описаниях девушек автор часто использует суффиксы субъективной оценки. Таким образом, подчеркивается хрупкость героинь, их

детская беззащитность, нежное отношение к ним: «Но именно это, что она похожа на куколку, на изящную куколку, необъяснимым образом влекло и подсказывало, что она же — женщина, способная сварить борщ и способная подарить радость, которую никто больше не в состоянии подарить, то есть она женщина, но к тому же изящная, как куколка» («Страдания молодого Ваганова») [19, с. 374]; «Смотрела серыми дерзкими глазами ласково, точно гладила по лицу ладошкой» («Любавины») [20, с. 17]; «Какой же вы молодой! Милый... — говорила она и смотрела на Леньку ласково, точно гладила по лицу ладошкой» («Ленька») [21, с. 95]; «Будет там эта курносенькая хохотушка, учительница немецкого языка» («Шире шаг, маэстро!») [19, с. 163]; «Уколы делала сестричка, молодая, рослая, стеснительная, очень приятная на лицо, то и дело что-то все краснела» («Психопат») [18, с. 100]; «Она стояла около стола, розовая от смущения, старательно снимала белыми пальчиками соринку с платья» («Степкина любовь») [21, с. 33]; «Маленькая полненькая девушка спала, раскинув по подушке белые полненькие руки. Ротик приоткрыт, к нижней губе пристала пушинка...» («Внутреннее содержание») [21, с. 384], «В дверь заглянула маленькая опрятная головка» («Воскресная тоска») [21, с. 128].

Именно детская чистота, наивность, непосредственность являются главными украшениями девушек в прозе В. М. Шукшина. Они прекрасны в своей природной, первозданной красоте, которой чужды вульгарность, грубость, вызывающие краски.

Автор с юмором относится к эмансипированным девушками с подстриженными волосами, в брюках, с сигаретой, иногда отказывая им в женском имени, лишает их принадлежности к женскому полу: такова журналистка А. Сильченко, героиня рассказа «Гринька Малюгин»: «И тотчас в палату вошла девушка лет двадцати трех. В брюках, накрашенная, с желтыми волосами — красивая. <...> На другой день Гриньке принесли газету, где была небольшая заметка о нем. Называлась заметка “Мужественный поступок”. Подпись: “А. Сильченко”» [22, с. 119]; «Леля откинула со лба короткие волосы. — Ему этот факт выйдет боком, — серьезно сказала она. — Сигаретка есть у кого-нибудь?» («Леля Селезнева с факультета журналистики») [21, с. 151].

Внимание автора к прическе героинь не случайно. На Руси девушкам нельзя было отрезать волосы: «Остричь девку, отрезать косу, считается позором» [8, с. 348]. Подстриженную девушку шутливо называли бесхвостой: «бесхвостая девка, шуточно, стриженная, бескосая» [8, с. 79]. С женскими волосами связано много поверий: считалось, что в них заключена некая волшебная сила. Непокрытые женские волосы, по верованиям народа, могли навредить людям или хозяйству и урожаю [13, с. 107].

Коса для девушки являлась символом ее красоты: «Природна трубчатая коса — дорогá девичья краса» [7, с. 274].

С расплетением косы связан свадебный обряд, символизирующий переход девушки в новую возрастную группу: «Волосы невесты — своего рода точка притяжения всех смыслов, которые сконцентрированы в понятии красота. Применительно к волосам отделение красоты передавалось с помощью таких ритуальных действий, как расплетение косы, ее отрезание (реальное или символическое), передача косы жениху» [3, с. 69]. Этот обряд обычно сопровождался печальными песнями девушки-невесты: «Благослови, родимая матушка и кормилец батюшка расплести мою руссу косу, развивать алыя ленточки! Открасовалася моя руса коса, относила алыя ленточки!» [12, с. 331]; «Не трубушка трубит рано по зари — Аннушка плачет по русой косы, Ивановна плачет по девичьей красы: “Свет моя косынька, русая коса, вечер тебя, косынька, девушки плели и золотом русую перевивали, жемчугом русую перенизали. Как и бог судить Николы Ивановича: прислал ко мне сваху немилостивую, не милостивую, не жа-

лосливу: взяла мою косыньку рвать, порывать, золото на косыньке все изорвала, жемчуг на русой весь рассыпала» [12, с. 383].

Итак, В. М. Шукшину ближе традиционный образ «красной девицы», скромной и нежной, запечатленный в русском фольклоре.

Нельзя не отметить важность изучения антропонимического пространства в шукшинской прозе. Оно представляет огромный интерес для исследования. Л. Н. Верховых в своей статье «Фамилии с диалектной основой в лексико-семантическом аспекте» подчеркивает: «Изучение антропонимического пространства является одним из продуктивных видов научной деятельности, позволяющим не только выявить многогранные связи в современной лингвосистеме, но и воспроизвести национальный элемент языковой картины мира» [5, с. 88]. Имена девушек в произведениях Шукшина часто указывают на особенности их характера. По мнению Л. Т. Бодровой выбор имени (реально-бытового и одновременно условно-литературного) и точное «попадание» в суть характера через яркую языковую формулу задает тон повествованию, делает ключевым ядро характера [4, с. 240]. Шукшин выделяет среди девушек с распространенными, каноническими именами, например, Анна (Нюра), Марья («Любавины», «Осенью», «Гена Пройдисвет»), Валя («Брат мой», «Владимир Семенович из мягкой секции»), героинь, чьи имена отличаются от характерного для творчества писателя ономастикона: Элла (Элочка) («Степкина любовь») из Воронежа, в которую влюбился незадачливый Степан, Тамара из Владимира, разбившая сердце Ленке («Ленька»), гордая Майя Якутина («Страдания молодого Ваганова»). Имя Майя имеет три источника происхождения: 1. Русс. нов. связывается с майскими праздниками; 2. Греч. Имя богини матери Гермеса; 3. Инд. Имя матери Будды, легендарной царицы [14, с. 310]. Фамилия Якутина не исконно русская, производная от скандинавского личного имени Након, [15, с. 80]. Таким образом, автор подчеркивает возвышенность и отчужденность героини. Оппозиция имени и фамилии героини (Майя — тепло, Якутия — холод) отражает поведение девушки: она то отдаляется от главного героя, выйдя замуж за талантливого физика, то вновь приближает его, присылая письмо с просьбой приехать. Не случайно с этими девушками связана тема несчастной любви героев-мужчин.

Девушки в произведениях В. М. Шукшина скромны, застенчивы, ласковы, по-детски незащитны. Их облик наполнен нравственной и физической силой и красотой. Проза Шукшина транслирует русские народные представления о том, какой должна быть девушка. Образ молодой женщины, будущей жены и матери, овеян ореолом скромности, чистоты. Народные традиции изображения русской незамужней женщины, нашедшие свое отражение в жанрах русского народного фольклора, воплотились в образе девушки, представленном в произведениях В. М. Шукшина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Апухтина В. А. Проза В. Шукшина: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1986. 96 с.
- 2 Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 3 т. М.: Наука, 1985. Т. 2. 463 с.
- 3 Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 253 с.
- 4 Бодрова Л. Т. Малая проза В. М. Шукшина в контексте современности. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2011. 372 с.
- 5 Верховых Л. Н. Фамилии с диалектной основой в лексико-семантическом аспекте // Вестник Воронежского ГАСУ. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2007. Вып. 1 (8). С. 87–94.

- 6 *Глебкин В. В.* От христианина к дворянину. Системы базовых ценностей «Домостроя» и «Юности честного зеркала» // Россия XXI. 2013. Вып. 4. С. 96–113.
- 7 *Даль В. И.* Пословицы и поговорки русского народа. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 344 с.
- 8 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880. Т. 1. 723 с. Т. 4. 723 с.
- 9 *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб 36.6, 2011. Т. 1. 800 с.
- 10 *Коробов В. И.* Василий Шукшин: Вещее слово / вступ. ст. В. Я. Курбатова. М.: Молодая гвардия, 2009. 420 с.
- 11 *Михельсон М. И.* Русская мысль и рѣчь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных словъ и иносказаний: Посмертное издание. СПб.: Тип. Акц. Общ. «Брокгаузъ-Ефронъ», 1912. 103 с.
- 12 *Обрядовая поэзия* / сост., предисл., примеч., подгот. текстов В. И. Жекулина, А. Н. Розова. М.: Современник, 1989. 735 с.
- 13 *Славянская мифология. Энциклопедический словарь.* М.: Эллис Лак, 1995. 416 с.
- 14 *Суперанская А. В.* Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.
- 15 *Унбегаун Б.* Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 443 с.
- 16 *Фомина З. Е.* Человек, пространство и культура в зеркале русских паремий // Вестник Воронежского ГАСУ. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2016. Вып. 2 (30). С. 42–59.
- 17 *Фразеологический словарь русского языка* / под ред. А. И. Молоткова. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 543 с.
- 18 *Шушкин В. М.* До третьих петухов: рассказы и повести. М.: ПРОЗАИК, 2010. 512 с.
- 19 *Шушкин В. М.* Крепкий мужик: рассказы. М.: ПРОЗАИК, 2010. 528 с.
- 20 *Шушкин В. М.* Любавины: Роман. М.: Известия, 1989. 560 с.
- 21 *Шушкин В. М.* Светлые души: рассказы. М.: ПРОЗАИК, 2010. 512 с.
- 22 *Шушкин В. М.* Собр. соч.: в 3 т. / сост. Л. Федосеева-Шукшина. М.: Мол. гвардия, 1985. Т. 2. 591 с. Т. 3. 671 с.
- 23 *Юности честное зеркало, или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов: печатано по велению Царского величества в Санкт-Петербурге лета господня 1717, февраля 4 дня.* СПб., 1717. 62 с.

© 2017. Elena N. Kartashova
Voronezh, Russia

THE PECULIARITIES OF REPRESENTATION OF THE IMAGE OF THE GIRLS IN THE WORKS OF V. M. SHUKSHIN

Abstract: There are many works devoted to the study of language in the works of V. M. Shukshin, however, character as an aspect of the fiction's protagonist image, in particular female one, is still not subjected to description in linguistics terms. Thus we have focused on representative features of the female protagonists in the prose of

V. Shukshin. Great attention is paid to the relationships of this image with the Russian folklore. On the basis of the lexical-semantic analysis of prose V. M. Shukshin and involvement of Russian folklore texts, the study reveals that the main features characteristic of the girls in writer's works are modesty, shyness, gentleness, moral and physical strength, beauty.

Keywords: the image, character, Russian folklore, Russian woman, character traits, the girl.

Information about the author: Elena N. Kartashova — Assistant, Voronezh State Technical University, Moskovsky av., 14, 394026 Voronezh, Russia. E-mail: elena.perceva.00@mail.ru

Received: January 24, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Apukhtina V. A. *Proza V. Shukshina. Uchebnoe. posobie* [Prose of V. Shukshin: a training manual]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1986. 96 p. (In Russian)
- 2 Afanas'ev A. N. *Narodnye russkie skazki: v 3 t.* [Russian folk tales: in 3 vols.] Moscow, Nauka, 1985, vol. 2. 463 p. (In Russian)
- 3 Baiburin A. K. *Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obriadov* [The ritual in traditional culture. Structural-semantic analysis of East Slavonic rites]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 253 p. (In Russian)
- 4 Bodrova L. T. *Malaia proza V. M. Shukshina v kontekste sovremennosti* [Small prose of V. M. Shukshin in the context of modernity]. Cheliabinsk, Izdatel'stvo ChGPU Publ., 2011. 372 p. (In Russian)
- 5 Verkhovykh L. N. *Familii s dialektnoi osnovoi v leksiko-semanticheskom aspekte* [Names with dialectal basis in lexical-semantic aspect]. *Vestnik Voronezhskogo GASU. Seriya "Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniia"*, 2007, vol. 1 (8), pp. 87–94. (In Russian)
- 6 Glebkin V. V. *Ot khristianina k dvorianinu. Sistemy bazovykh tsennostei "Domostroia" i "Iunosti chestnogo zertsala"* [From Christian to nobleman. System of basic values in "The Household Book" and "The Honourable mirror of youth"]. *Rossia XXI*, 2013, vol. 4, pp. 96–113. (In Russian)
- 7 Dal' V. I. *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda* [Proverbs and sayings of the Russian people]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2000. 344 p. (In Russian)
- 8 Dal' V. I. *Tolkovy slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. St. Petersburg, Moscow, Izdanie M. O. Vol'fa Publ., 1880, vol. 1, 723 p. (In Russian)
- 9 Dostoevskii F. M. *Dnevnik pisatel'ia: v 2 t.* [Writer's diary: in 2 vols.] Moscow, Knizhnyi klub 36.6 Publ., 2011, vol. 1. 800 p. (In Russian)
- 10 Korobov V. I. *Vasilii Shukshin: Veshchee slovo* [Vasily Shukshin: the Prophetic word]. Introductory article by V. Y. Kurbatov. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2009. 420 p. (In Russian)
- 11 Mikhel'son M. I. *Russkaia mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt" russkoi frazeologii: Sbornik" obraznykh" slov" i inoskazanii: Posmertnoe izdanie* [Russian thought and speech. One's own and strange. The experience of Russian phraseology: Collection of image words and allegories: post-mortem edition]. St. Petersburg: Tipografiia Aktsionernogo obshchestva "Brokgauz–Efron" Publ., 1912. 103 p. (In Russian)

- 12 *Obriadovaia poeziia* [Ritual poetry]. Compilation, Foreword, note, preparation of texts by V. I. Zhekulina, A. N. Rozova. Moscow, Sovremennik Publ., 1989. 735 p. (In Russian)
- 13 *Slavianskaia mifologiiia. Entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic dictionary]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1995. 416 p. (In Russian)
- 14 Superanskaia A. V. *Sovremennyi slovar' lichnykh imen: Sravnenie. Proiskhozhdenie. Napisanie* [Modern dictionary of personal names: a Comparison. Origin. Writing]. Moscow, Airis-press Publ., 2005. 384 p. (In Russian)
- 15 Unbegaun B. *Russkie familii* [Russian surnames]. Moscow, Progress Publ., 1989. 443 p. (In Russian)
- 16 Fomina Z. E. Chelovek, prostranstvo i kul'tura v zerkale russkikh paremii [Man, space and culture in the mirror of Russian Proverbs]. *Vestnik Voronezhskogo GASU. Seriiia "Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniia"*, 2016, vol. 2 (30), pp. 42–59. (In Russian)
- 17 *Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Edited by A. I. Molotkova. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia, 1968. 543 p. (In Russian)
- 18 Shukshin V. M. *Do tret'ikh petukhov: rasskazy i povesti* [Till all hours: stories and novels]. Moscow, PROZAIK Publ., 2010. 512 p. (In Russian)
- 19 Shukshin V. M. *Krepkii muzhik: rasskazy* [Strong man: stories]. Moscow, PROZAIK Publ., 2010. 528 p. (In Russian)
- 20 Shukshin V. M. *Liubaviny: Roman* [Lyubaviny: A Novel]. Moscow, Izvestiia Publ., 1989. 560 p. (In Russian)
- 21 Shukshin V. M. *Svetlye dushi: rasskazy* [Bright soul: stories]. Moscow, PROZAIK Publ., 2010. 512 p. (In Russian)
- 22 Shukshin V. M. *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols.], compiled by L. Fedoseeva-Shukshina. Moscow, Mol. gvardiia, 1985. Vol. 2. 591 p. Vol. 3. 671 p. (In Russian)
- 23 *Iunosti chestnoe zertsalo, ili pokazanie k zhiteiskomu obkhozhdenniu, sobrannoe ot raznykh avtorov: pechatano po veleniiu Tsarskogo velichestva v Sankt-Peterburge leta gospodnia 1717, fevralia 4 dnia* [The honourable mirror of youth, or indication for worldly manners, collected from different authors: prints at the behest of the Imperial Majesty in St. Petersburg, the summer of the Lord 1717, Feb 4 days]. St. Petersburg, 1717. 62 p. (In Russian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. А. В. Григорьев
г. Москва, Россия

© 2017 г. А. В. Орлова
г. Москва, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ИСКОННОЙ СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛА *ЦЕЛОВАТЬ* У СЛАВЯН

Аннотация: В статье выявляется первичная семантика глагола *целовать* у славян. Показано, что, хотя в современных славянских языках слово *целовать* означает «прикасаться губами в знак любви, привязанности, почтения», в старославянском языке и древнейших русских памятниках в качестве основного у него выступает значение «приветствовать», причем многие контексты использования собственно поцелуя не предполагают. Глагол *целовать* восходит к индоевропейскому корню *koǵ- со значением «целый, невредимый», отсюда, с одной стороны, исконно у славян данный глагол означал «желать исцеления, здоровья близкому, родному, милому», что подтверждается материалом славянских языков и фольклора. С другой стороны, в книжных контекстах христианского периода исследуемое слово используется для перевода греческих глаголов, указывающих на связанность, целостность человека с людьми «ближнего круга» (рода, общины), в первую очередь старшими родственниками. Показано, что первичное значение славянского глагола *целовать* могло быть связано не только с желанием исцеления, здоровья близкому человеку, но и демонстрацией идеи целостности членов семьи, рода, общины. Сходные семантические процессы прослеживаются в статье и на материале классического греческого языка.

Ключевые слова: славянские языки и культуры, славянский фольклор, индоевропейский язык, древнегреческий язык, семантика, внутренняя форма слова.

Информация об авторах:

Андрей Владимирович Григорьев — доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, 119435 г. Москва, Россия. E-mail: greg988@yandex.ru

Антонина Вячеславовна Орлова — магистрант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия. E-mail: antonina-orlova@rambler.ru

Дата поступления статьи: 30.03.2017

Дата публикации: 15.09.2017

В современных славянских языках слово *целовать* (рус. *целовать* [10, с. 600–601], болг. *целувам* [4], польск. *całować* [21, с. 779], блр. *цалаваць* [2, с. 999] и др.) означа-

ет «прижимать свои губы к губам (к щеке, к руке и пр.) другого или к какому-нибудь предмету в знак любви, привязанности, почтения» [10, с. 600–601]. Однако представляется интересным, что в старославянском языке и древнейших русских памятниках у данного глагола в качестве основного выступает значение «приветствовать», причем многие контексты использования собственно поцелуя совершенно не предполагают. Так, например, цитата из Остромирова Евангелия «*Начаша цѣловати н глѣщи: радѹнса, цѣю Нюдѣнскѣ*» (Мр. XV: 18. Остр. ев.) описывает римскую игру в шутовского царя (см. параллельные места у Матфея и Иоанна), которой солдаты развлекались во время праздника сатурналий: Иисусу надели на голову венок из терна, дали Ему палку, символизирующую скипетр; насмехаясь, воины становились перед Ним на колени и приветствовали Его, но не поцелуем, а фразой «радуйся, Царь Иудейский» (Матф. XXVII: 29), пародирующей известное латинское приветствие императора: «*Ave, Caesar, victor, imperator!*» («Здравствуй, Цезарь, победитель, император!») [12, с. 51–52; 13, с. 111–112; 15].

В праславянском же языке глагол *целовать* восходит к индоевропейскому корню *koǵ- со значением «целый, невредимый» [14, с. 179–180]. Он образован от основы *цел-* (<*цел/ый*) с помощью суффикса *ов-/-у-* со значением «совершать действие, имеющее отношение к признаку, который назван производящей основой» [7].

Исходя из этого, В. В. Колесов отмечает, что исконно у славян данный глагол означал «желать исцеления, здоровья близкому, родному, милому», при этом корень *-цел-* указывал на единение субъектов в поцелуе, их физическое и душевное здоровье вместе взятых [6, с. 77]. По мнению исследователя, пожелание сохраниться в целостности обозначалось словом, родственным глаголу *исцелить*, и выражалось в поцелуе, который, возможно, являлся актом передачи собственной духовной силы, жизненной энергии и здоровья, с чем можно согласиться, привлекая материал славянских языков и славянского фольклора [6, с. 77].

Так, В. Махек указывает, что в чешском языке при прощании на долгое время употреблялось выражение *řání sě! «желаю целостности»* (т. е. «возвращайся целым, пусть с тобой ничего не случится»), которое сопровождалось поцелуем, впрочем, в его словаре не указывается ни текстов, в которых встречается данное выражение, ни времени его появления [20, с. 82]. В полабском языке отмечается пожелательная формула *s'ol «на здоровье»* [19, с. 86], которую, как считает Е. А. Блинова, можно рассматривать и как приветственную: «*здорово!*» [3, с. 13].

В славянском фольклоре поцелуй является неотъемлемой частью многих обрядов, связанных с передачей жизненной силы и здоровья. Например, в «Калужской губернии одно из средств от падежа скота заключалось в том, что животных целовали в лоб. В Сербии женщина, у которой до этого умирали дети, сразу целовала только что родившегося ребенка, чтобы уберечь его от порчи» [1, с. 52]. При этом часто ритуальная составляющая поцелуя совмещалась с чувственной, что объясняется мощной силой поцелуя, способного стимулировать плодородие, уберечь от болезней и порчи, в том числе и в контексте славянского свадебного обряда [8, с. 482–485].

В то же время в книжных контекстах христианского периода глагол *целовать*, в отличие от глагола *лобзать* «приветствовать поцелуем; целовать, лобызать; ласкать» [9, с. 263], не только не представлен во фрагментах с ярко выраженной чувственной семантикой, но и используется для перевода греческих глаголов, в основе которых лежала идея связывания, принадлежности (например, *ἀσπάζω*). Возможно предположить, что и у славян долгое время сохраняло актуальность первоначальное, еще индоевропей-

ское, значение корня *-цел-*, который мог указывать как на целостность, «невредимость» самого человека, так и на его связанность, целостность с людьми «ближнего круга» (рода, общины), в первую очередь старшими родственниками, которые дали ему жизнь.

Сходные семантические процессы мы можем проследить и на материале классического греческого языка. В античности приветствие, элементом которого являлся поцелуй, было характерно именно для близких родственников. Идею близости отражает и первичная семантика глагола *целовать* в древнегреческом языке: *φιλέω* — «принадлежать кому-либо/чему-либо», «ухаживать за кем-либо из круга твоих людей» > «целовать» [18, р. 113.]. Неудивительно, что именно глаголом *φιλέω*, а не, например, *κύνέω*, этимология которого связана предположительно со звуком, возникающим во время поцелуя [16, р. 600], обозначается приветствие близких родственников или людей одного круга в библейских контекстах. Так, в Книге Бытия мы читаем, что «Лаван, услышав о Иакове, сыне сестры своей, выбежал ему навстречу, обнял (*περιλαβὼν*) его и поцеловал (*ἔφιλήσεν*) его, и ввел его в дом свой; и он рассказал Лавану все сие» (Быт. 29: 13). При этом стоит заметить, что *ἔφιλήσεν* является переводом древнееврейского *nashaq*, в основе которого лежит идея скрепления, связывания [22], что соотносится с идеей «принадлежности к чему-либо», заложенной в основе *φιλέω*. Для иудеев поцелуй при встрече был особенно уместен после долгой разлуки [18, р. 126.], что мы и видим в приведенной цитате из Книги Бытия.

Тот же греческий глагол *φιλέω* с усилительной приставкой *κατα-* используется и в эпизоде предательства Иуды, когда поцелуй одновременно является приветствием и продуманным оскорблением. Дело в том, что в Древнем Израиле поцелуй — этикетный знак приветствия учителя учеником, указывающий на принадлежность к общности учеников. При этом ученику не было позволено приветствовать учителя первым. «Предатель, первым приветствуя Христа, показывает тем самым, что Иисус больше не является Учителем, не обладает авторитетом и неприкосновенностью» [5, с. 96].

У глагола *φιλέω* в дальнейшем происходит семантический сдвиг как в первичном, так и в дальнейших значениях: он начинает использоваться не только по отношению к «ближнему кругу», но и к тому, кто является выбранным (избранным): друзья, возлюбленные и т. п. [18, р. 113] То же происходило, видимо, и по отношению к глаголу *целовать*: движение от взаимоотношений внутри семьи (отметим сохранение этой семы и в славянской письменной традиции: «*Всеволодъ же прнде к братоу своему Нзаславоу Кневоу, цѣловавшесѧ, н сѣдоста*») (Повесть временных лет, 6586 г. [11, с. 731], в контексте свадебного обряда и ритуала приветствия). Обратим внимание и на древнепрусскую задравную формулу «*Kails! Pats kails!* «*Будьте здоровы! — И вы будьте здоровы!*», используемая на «вечеринках» (то есть в кругу избранных)» [17, с. 322].

Интересно, что аналогом языческих воззрений славян о передаче жизненной энергии через поцелуй являются представления о культовых поцелуях, чрезвычайно распространенных в античности, которые не просто являлись знаками религиозного почитания, но также приобщали человека к сверхъестественной силе богов. Греки целовали изображения богов, их статуи, алтари, пороги храмов и др., желая получить частичку божественной силы и энергии. Причем самыми распространенными местами для целования изображений и статуй богов были рот, подбородок, руки и ноги. Например, рот и подбородок бронзовой статуи Геркулеса в храме в Агригенте были изношены от частого целования. По той же причине становились тоньше правые руки и у других бронзовых статуй богов. Как отмечают некоторые исследователи, прямым продолжением данной языческой традиции является целование ноги статуи Петра в Риме в Западной церкви и целование икон, прикладывание к ним в Восточной [18].

Однако значимо, что в византийских текстах для слова, указывающего на «целование священных предметов, прикладывание к ним», начинает использоваться не только глагол φιλέω, но и ἀσπάζω, основное значение которого было «приветствовать», а внутренняя форма, возможно, определялась идеей стягивания, единения. Поэтому можно предположить, что в византийской христианской традиции целование священных предметов связано в первую очередь с представлением стать через этот акт единым целым со всей Церковью как сообществом верующих. Неудивительно, что в этих случаях славяне выбирают для перевода греческих φιλέω и ἀσπάζω именно глагол *целовать*, актуализируя первичное значение корня.

Таким образом, по всей вероятности, изначально семантика славянского глагола *целовать* соотносилась не только с «желанием исцеления, здоровья близкому, родному, милому», но и с демонстрацией, закреплением идеи связывания, целостности членов семьи, рода, общины. И сейчас родители целуют ребенка «по традиции» не только тогда, когда он болен или ушибся, но и просто в ситуации общения, как выражая привязанность и любовь, так и в глубинном смысле закрепляя родственные узы.

Можно предложить, что данное первичное значение изучаемого глагола долгое время в языческий период продолжало быть актуальным для носителей языка, и именно поэтому с принятием христианства так легко оказалось использовать данный глагол для обозначения приветствия, в том числе духовного, христианского, не предполагающего не только чувственного компонента или подтекста, но и даже в принципе прикосновения губами в ритуале.

Таким образом, при реконструкции первоначальной семантики слова, безусловно, необходимо обращаться к его внутренней форме, которая может предопределять смысл слова на протяжении многих веков, даже при значительном развитии его семантики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Л.: Наука, 1990. 165 с.
- 2 Белорусско-русский словарь / под ред. К. К. Крапивы. М.: ГИИНС, 1962. 1048 с.
- 3 Блинова Е. А. История средств адресации в немецком и русском языках (на материале формул приветствия и прощания): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 19 с.
- 4 Български тълковен речник / Л. Андрейчин и др. София: Наука и изкуство, 1955. 970 с.
- 5 Григорьев А. В. Иудин поцелуй и иудино лобзание // Русская речь. 2001. № 4. С. 93–97.
- 6 Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 2. 592 с.
- 7 Русский древослов. Историко-словообразовательный словарь / под ред. А. М. Камчатнова. URL: <http://www.drevoslov.ru/> (дата обращения: 30.05.2016).
- 8 Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. 736 с.
- 9 Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 30 т. / под ред. Г. Я. Романовой. М.: Наука, 1981. Вып. 8. 352 с.
- 10 Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. Л. С. Ковтун, В. П. Петушкова. М., Л.: Наука, 1965. Т. 17. 1067 с.

- 11 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб.: Тип. Имп. АН, 1912. Т. 3. 996 с.
- 12 Успенский Н. Д. Святые места в Иерусалиме // Къ свету (Альманах). М., 2002. Вып. 19. С. 51–52. Опубликовано по: Журнал Московской Патриархии. 1961. № 5–7.
- 13 Чернышева М. И. Уходящие слова, ускользящие смыслы: монография. М.: МГУП, 2009. 196 с.
- 14 Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1976. Вып. 3. 199 с.
- 15 Anchor Bible. New York, 1986.
- 16 Chantraine P. Dictionnaire étymologique grec. Histoire des mots. Paris: Editions Klincksieck, 1968–1980. 1368 p.
- 17 Fortson B. W. Indo-European language and culture: an introduction. Oxford, Blackwell, 2004. 468 p.
- 18 Kittel G., Friedrich G. Theological dictionary of the New Testament. Wm. B. Eerdmans Publishing, 1973. Vol. 9. 696 p.
- 19 Lehr-Splawinski T., Polanski K. Słownik etymologiczny języka Drzewian Polabskich. Wrocław; Warszawa; Kraków: Energeia, 1994. Z. 6. 205 s.
- 20 Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: Československá Akad. Věd, 1957. 627 с.
- 21 Słownik języka polskiego / red. W. Doroszewski. Warszawa, 1958. T. I. 1260 s.
- 22 Whitaker R. Revised BDB Hebrew-English Lexicon. Philadelphia, 1995.

© 2017. **Andrey V. Grigorev**
Moscow, Russia

© 2017. **Antonina V. Orlova**
Moscow, Russia

ON THE ISSUE OF ORIGINAL SEMANTICS OF THE VERB ЦЕЛОВАТЬ AMONG THE SLAVS

Abstract: The paper reveals original semantics of the word *целовать* among the Slavs. It has been showed that *целовать* in contemporary Slavic languages the word denotes “to touch with lips to express love, attachment, respect”. At the same time in Old Slavonic language and in the oldest Russian manuscripts it commonly means “to welcome”, in many cases not implying a kiss. The verb *целовать* derives from the Indo-European root *koil- “whole and unharmed”. Hence, on the one hand, among the Slavs this verb could denote “to wish healing, health to one`s nearest and dearest”. Materials of Slavic languages and folklore sustain this supposition. However, on the other hand, literary contexts of Christian period employ this word for translation of ancient Greek verbs, indicating cohesion between person and his “inner circle”, in the first place, one`s relatives. Thus, the study revealed that the original meaning of the Slavic verb *целовать* is connected both with the wish of healing and the idea of unity of clan`s members. Similar semantic processes are traced in the material of classical ancient Greek language.

Keywords: Slavic languages and cultures, Slavic folklore, Indo-European language, ancient Greek language, semantics, inner form of a word.

Information about the authors:

Andrey V. Grigorev — DSc in Philology, Professor, Moscow State Pedagogical University, Malaya Pirogovskaya 1, 119435 Moscow, Russia. E-mail: greg988@yandex.ru

Antonina V. Orlova — Master's Student, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory 1, bld. 51, 119991 Moscow, Russia. E-mail: antonina-orlova@rambler.ru

Received: March 30, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Baiburin A. K., Toporkov A. L. *U istokov etiketa* [At the origins of etiquette]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 165 p. (In Russian)
- 2 *Belorussko-russkii slovar'* [Belarusian-Russian dictionary], edited by K. K. Krapiva. Moscow, GIINS Publ., 1962. 1048 p. (In Russian)
- 3 Blinova E. A. *Istoriia sredstv adresatsii v nemetskom i russkom iazykakh (na materiale formul privetstviia i proshchaniia)* [The history of the addressing means in German and Russian (based on the forms of greetings and farewells)]. Abstract of dissertation candidate of Philology. Moscow, 2014. 19 p. (In Russian)
- 4 *B"lgarski t"lkoven rechnik*, L. Andreichin i dr. Sofiia, Nauka i izkustvo Publ., 1955. 970 p. (In Bulgarian)
- 5 Grigor'ev A. V. Iudin potselui i iudino lobzan'e [The Jubilus kiss and the kiss of Judas]. *Russkaia rech'*, Moscow, 2001, no 4, pp. 93–97. (In Russian)
- 6 Kolesov V. V., Kolesova D. V., Kharitonov A. A. *Slovar' russkoi mental'nosti: v 2 t.* [Dictionary of Russian mentality: in 2 vols.]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2014, vol.2. 592 p. (In Russian)
- 7 *Russkii drevoslov. Istoriko-slovoobrazovatel'nyi slovar'* [The Russian Drevoslov. Historical word-formation dictionary], edited by A.M. Kamchatnova. Available at: <http://www.drevoslov.ru/> (accessed 30 May 2016). (In Russian)
- 8 *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.], general edited by N. I. Tolstoi. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2012. Vol. 5. 736 p. (In Russian)
- 9 *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.: v 30 t.* [Dictionary of Russian language of the XI–XVII centuries: in 30 vol.], edited by G. Ia. Romanova. Moscow, Nauka Publ., 1981. Vol. 8. 352 p. (In Russian)
- 10 *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka: v 17 t.* [Dictionary of contemporary Russian literary language: in 17 vols.], edited by L. S. Kovtun, V. P. Petushkova. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. Vol. 17. 1067 p. (In Russian)
- 11 Sreznevskii I. I. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam: v 3 t.* [The materials for the Old Russian dictionary, based on manuscripts: in 3 vols.]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1912. Vol. 3. 996 p. (In Russian)
- 12 Uspenskii N. D. Sviatye mesta v Ierusalime [Holy places in Jerusalem]. K" svetu [Towards light] (Al'manakh [The Almanac]). Moscow, 2002, pp. 51–52 (Opublikovano po: *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, 1961, vol. 19, no 5–7). (In Russian)

- 13 Chernysheva M. I. *Ukhodiashchie slova, uskol'zaiushchie smysly: monografiia* [Leaving words, elusory senses: monograph]. Moscow, MGUP Publ., 2009. 196 p. (In Russian)
- 14 *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: proto-Slavic lexical Fund], edited by O. N. Trubacheva. Moscow, Nauka Publ., 1976. Vol. 3. 199 p. (In Russian)
- 15 *Anchor Bible*. New York, 1986. (In English)
- 16 Chantraine P. *Dictionnaire étymologique grec. Histoire des mots* [Etymological Greek dictionary. History of the words]. Paris, Editions Klincksieck Publ., 1968–1980. 1368 p. (In French)
- 17 Fortson B. W. *Indo-European language and culture: an introduction*. Oxford, Blackwell, 2004. (In English)
- 18 Kittel G., Friedrich G. *Theological dictionary of the New Testament*. Wm. B. Eerdmans Publishing, 1973. Vol. 9. 696 p. (In English)
- 19 Lehr-Splawinski T., Polanski K. *Słownik etymologiczny języka Drzewian Polabskich* [Etymological glossary of Polabian language]. Wrocław, Warszawa, Kraków, Wydawnictwo Energeia Publ., 1994. Vol. 6. 205 p. (In Polish)
- 20 Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského* [Etymological glossary of Czech language]. Praha, Československá Akademie Věd Publ., 1957. 627 p. (In Slovak)
- 21 *Słownik języka polskiego* [Glossary of Polish language]. Edited by W. Doroszewski. Warszawa, 1958. Vol. I. 1260 p. (In Polish)
- 22 Whitaker R. Revised BDB. *Hebrew-English Lexicon*. Philadelphia, 1995. (In English)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. **Н. В. Дулина**
г. Волгоград, Россия

© 2017 г. **Е. В. Каргаполова**
г. Астрахань, Россия

© 2017 г. **М. А. Симоненко**
г. Астрахань, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: Объектом междисциплинарного исследования стал прецедентный текст художественной литературы, инкорпорированный в коллективный культурный лексикон студенческой молодежи. Интеграция исследовательских приемов социологии и лингвистики позволила выделить корпус прецедентных текстов, значимых для молодых читателей в культурно-познавательном аспекте, выявить жанровые предпочтения и определить актуальность прецедентных текстов в ценностном и эмоционально-оценочном аспектах. Результаты социологического опроса свидетельствуют о наличии большого количества прецедентных текстов в общей «текстотеке» произведений, популярных в студенческой среде, при этом корпус отличается фрагментарностью, размытостью границ между ядром, периферией и непрецедентными текстами, в связи с чем можно констатировать неустойчивость и недооформленность единой базы прецедентных текстов в коллективной памяти читающей молодежи. В развернутых вербальных ответах респондентов относительно эмоционального воздействия того или иного текста проявляется амбивалентность коллективных оценок. В процессе лингвистического анализа выявлено, что для части таких ответов характерны унификация оценочной шкалы, стереотипность в общей тональности размышлений вне зависимости от произведения, значительная же часть ответов демонстрирует большую вариативность в выборе средств вербализации эмоционально-оценочных переживаний.

Ключевые слова: прецедентный текст, прецедентный феномен, прецедентное имя, прецедентное высказывание, художественная литература, студенчество, культурная память, социология, лингвистика, социологический опрос.

Информация об авторах:

Надежда Васильевна Дулина — доктор социологических наук, профессор, Волгоградский государственный технический университет, пр. им. Ленина, д. 28, 400005 г. Волгоград, Россия. E-mail: nv-dulina@yandex.ru

Екатерина Владимировна Каргаполова — доктор социологических наук, доцент, Астраханский архитектурно-строительный университет, ул. Татищева, д. 18, 414056 г. Астрахань, Россия. E-mail: k474671@list.ru

Марина Александровна Симоненко — кандидат филологических наук, Астраханский архитектурно-строительный университет, ул. Татищева, д. 18, 414056 г. Астрахань, Россия. E-mail: MASimonenko@yandex.ru

Дата поступления статьи: 13.11.2016

Дата публикации: 15.09.2017

Прецедентность как феномен культуры в широком понимании оказывается в фокусе внимания разных гуманитарных наук, каждая из которых, пользуясь собственным научным инструментарием и исследовательскими приемами, высвечивает ее определенные свойства. Взгляд на природу прецедентности с позиции социологии и лингвистики позволяет сосредоточиться на нескольких аспектах, в частности, на способности прецедентных феноменов (далее — ПФ) фиксировать и транслировать культурно значимые смыслы и тем самым участвовать в социализации молодого поколения, а также на процессах восприятия и интерпретации ПФ в дискурсе языковой личности. Объединение разных исследовательских подходов призвано способствовать в поиске ответов на вопросы о том, *какие* прецедентные тексты (далее — ПТ) художественной литературы входят в число наиболее значимых для определенной социальной группы (в нашей работе это студенческая молодежь) и *как* ПТ функционируют в речи носителя национального языка и вместе с ним определенного национального культурного кода.

Согласно ставшему классическим и многократно процитированному определению ПТ, это текст, «1) значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющий сверхличностный характер, т. е. хорошо известный и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, <...>3) обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216]. Список свойств и характеристик ПТ можно продолжить, обращаясь к другим исследователям прецедентности: «ПТ — это (поли)предикативная единица, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [6, с. 64]; «ПТ — это феномен скорее когнитивного, нежели лингвистического плана, поскольку хранится в сознании носителей языка в виде инварианта восприятия, <...> а обращение к нему происходит через его символы, в роли которых обычно выступают прецедентные имена и прецедентные высказывания» [10, с. 152]; прецеденты, в их числе и ПТ, «выполняют роль “культурных скреп”, сцепляющих отдельные культурные пласты <...> в единую систему и <...> отражают ценностные представления об окружающей действительности, <...> нравственных приоритетах, характерных для определенного социально-исторического этапа и специфичных для определенного лингвокультурного сообщества» [9, с. 20]. Основными дифференцирующими признаками ПТ, таким образом, являются его способность формировать коллективный концепт, что автоматически включает ПТ в систему ценностей определенного лингвокультурного сообщества, перманентная возобновляемость в дискурсе, наличие символов и атрибутов, включая вербальные ПФ, которые отсылают к хранимому в памяти инварианту ПТ и активируют его в ситуации актуального общения в точке «здесь-и-сейчас». Под прецедентным текстом в нашей работе понимается законченный самостоятельный продукт речемыслительной деятельности, характеризующийся связностью и цельностью,

фиксирующий инвариантные коллективные смыслы культуры и многократно воспроизводимый в дискурсе через связанные с этим текстом высказывания и символы.

В качестве объекта исследования был избран ПТ художественной литературы. На наш взгляд, классификация ПТ по их источнику позволяет проследить степень влияния социальных институтов, таких как образование, религия, искусство, на формирование и становление личности. В феврале 2016 г. нами было проведено конкретное социологическое исследование «Круг чтения художественной литературы учащихся Нижнего Поволжья» методом анкетирования (разработчики инструментария — доктор социологических наук, профессор кафедры «Философия, социология и лингвистика» Астраханского государственного архитектурно-строительного университета Е. В. Каргаполова и доктор социологических наук, профессор кафедры «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета Н. В. Дулина). Опрошена студенческая молодежь Астраханского государственного архитектурно-строительного университета и Волгоградского государственного технического университета очного и заочного отделений. Общее число опрошенных составило 815 человек, среди которых 53,2% юношей и 46,8% девушек; подавляющее большинство (78,2%) в выборке — представители технических специальностей, 11% — представители социально-экономической специализации, 2,6% — гуманитарии, 1,3% — представители естественнонаучной специализации и 6,9% не указали свою специализацию. Исследование носило зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась, полученные результаты могут распространяться только на исследованную совокупность либо использоваться как справочные. Однако объем «поля» позволяет не только предложить достаточно большой объем информации для размышления, но и сделать вполне обоснованные выводы. Массив полученных данных обработан с использованием программного комплекса «Vortex».

По итогам социологического исследования были установлены ПТ, входящие в когнитивную базу современного студента. Лингвистический анализ вербальных ответов (однословных и развернутых) позволил определить актуальность ПТ в ценностном и эмоционально-оценочном аспектах для молодых читателей.

В рамках социологического опроса респондентам было предложено назвать свое любимое произведение. Количественный состав ПТ, выявленных в общей базе «любимых произведений», указывает на значительную раздробленность, неоднородность корпуса ПТ, функционирующих в коллективном культурном тезаурусе студенческой молодежи. Обратим внимание на тот факт, что только 611 респондентов назвали свое любимое произведение художественной литературы. Иначе говоря, примерно каждый четвертый опрошенный студент не смог назвать любимое произведение или же такового просто не имеется. Те же, кто ответил, сформировали список литературных предпочтений из 245(!) наименований. Из них большинство (160) составляют тексты, названные одним или двумя респондентами.

Среди этих произведений находим ПТ, образцы мировой классики — как зарубежной, так и отечественной. Среди зарубежных — «Божественная комедия» Д. Алигьери, «Ромео и Джульетта» У. Шекспира, «Граф Монте-Кристо» и «Три мушкетера» А. Дюма, «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна» М. Твена, «Малыш и Карлсон» А. Линдгрена, «Алиса в стране чудес» Л. Кэрролла, а также произведения, которые обрели особую известность благодаря экранизациям, — «Унесенные ветром» М. Митчелл, «Крестный отец» М. Пьюзо.

Один или два респондента выбирают в качестве любимого произведения отечественных авторов ПТ «золотого» и «серебряного» веков русской культуры: «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Дубровский» А. С. Пушкина, «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Идиот» Ф. М. Достоевского, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «Гроза» А. Н. Островского. Такая же ситуация наблюдается с произведениями советской литературы: «На дне» М. Горького, «Как закалялась сталь» Н. А. Островского, «Молодая гвардия» А. А. Фадеева.

Следующий список составлен из ПТ, названных «любимыми» чуть большим количеством опрошенных (от трех до шести респондентов): «Робинзон Крузо» Д. Дефо (1,2%), «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери (1%), «Горе от ума» А. С. Грибоедова (0,8%), «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда (0,8%), «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя (0,7%), «Отцы и дети» и «Муму» И. А. Тургенева (1,2% и 0,8%), «Вишневый сад» А. П. Чехова (0,5%).

Таким образом, общая картина «любимых произведений» молодых читателей отличается большой пестротой, диффузностью, фрагментарностью, в связи с чем не представляется возможным разграничить центр и периферию в общем корпусе выявленных ПТ. Доля самых популярных ПТ в коллективной базе «любимых произведений» невелика: роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», лидер нашего опроса по популярности, набирает всего лишь 13,2% от количества ответивших, 6% респондентов назвали роман Л. Н. Толстого «Война и мир», 5,5% студентов любимым текстом считают «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского. На периферии литературных предпочтений оказались ПТ, апеллирующие как к национальным концептам — «Евгений Онегин» (3%), «Герой нашего времени» (2,4%), «Капитанская дочка» (1,9%), «Собачье сердце» (1,9%), «Мертвые души» (2,2%), так и к концептам, которые можно отнести к числу межнациональных: «Гарри Поттер» (2,6%), «Приключения Шерлока Холмса и Доктора Ватсона» (2,4%) (см. рис. 1).

Рисунок 1 — Любимые произведения художественной литературы у студенчества Астрахани и Волгограда (% от опрошенных)
Favorite works of fiction from students of Astrakhan and Volgograd

Итак, в общем корпусе любимых произведений обнаруживается большое количество ПТ, однако только незначительная их часть входит в коллективную «базу данных». Уточним, что понятия «любимое произведение» и «прецедентный текст» в нашем исследовании не отождествляются, хотя мы предполагаем, что между ними имеется определенная корреляция. Вопрос о любимом произведении активирует ресурсы памяти, поиск имени любимого произведения осуществляется в индивидуальной «текстотеке», где хранятся знания и представления о разных текстах, которые когда-либо попадали в фокус внимания респондента. Как правило, итогом такого поиска (по результатам нашего исследования) становится выведение на «табло сознания» (термин А. А. Залевской) ПТ, поскольку такой текст обладает хрестоматийностью, т. е. хорошо знаком всем представителям лингвокультурного сообщества, ПТ постоянно функционирует в дискурсе через связанные с ним прецедентные имена и высказывания, и, наконец, ПТ имеет множество форм материального воплощения (вербальный текст может быть переложен на язык кино или театрального искусства).

О неустойчивости фонда прецедентных текстов свидетельствует, на наш взгляд, тот факт, что в ряду любимых художественных произведений достаточно часто молодыми людьми называются произведения детской литературы: «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна» М. Твена, «Малыш и Карлсон» А. Линдгрена, «Алиса в стране чудес» Л. Кэрролла, «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина. То есть, называя любимые произведения, молодые люди апеллируют к своему прошлому опыту, и не совсем ясно, сохраняют ли произведения детской литературы свою актуальность в настоящем. Следует уточнить, что данные тексты, являясь прецедентными по всем названным выше параметрам, общеизвестны, реинтранслируемы (переложены на язык кино и анимации), маркированы в дискурсе посредством специфических активаторов, вербальных ПФ — не входят, однако, в корпус ПТ, значимых для большинства наших респондентов.

В рамках социологического исследования респондентам предлагалось дать собственную оценку любимому произведению и описать чувства и эмоции, возникшие после прочтения книги. Полученные ответы — однословные и развернутые — представляют определенный интерес для лингвистического анализа. Мы отобрали четыре ПТ, которые, по данным опроса, пользуются наибольшей популярностью у молодых читателей — это «Мастер и Маргарита», «Война и мир», «Преступление и наказание» и «Евгений Онегин». Ответы респондентов по поводу их эмоциональных переживаний после прочтения любимого произведения можно условно считать вербальными реакциями на стимул — имя соответствующей книги, только эти реакции контролируемые, направленные, так как была дана установка на рефлексию относительно одного из аспектов восприятия текста, его ценностной, эмоциональной составляющей.

Универсальными, повторяющимися вне зависимости от произведения можно назвать ответы типа: *Я испытывал(а) удовлетворение / восторг / восхищение / удовольствие / наслаждение*. Подобные реакции можно встретить у тех, кто считает любимым произведением «Мастера и Маргариту» и у поклонников «Преступления и наказания». Намеренная унификация оценочной шкалы, автоматизация ответов не позволяет проследить ассоциативные связи с самим ПТ, свидетельствует об отстраненности респондента, нежелании или неспособности реконструировать глубинные смыслы ПТ. Возможно, определенный вектор ответов был обусловлен содержанием вопроса «Какие чувства Вы испытали после прочтения Вашего любимого произведения?»

Развернутые ответы представляют собой продукты вербализации инвариантных смыслов ПТ, который хранится в сознании в «сжатом», редуцированном виде. Так, «Мастер и Маргарита» активизирует ценностные представления, связанные с восприятием и оценкой мистицизма: *восторг от того, что нас посвящают в таинственный мир мистицизма. Страх и желание узнать больше, чем положено; мистические и таинственные ощущения от жизни; мистические (чувства), добра и зла: интерес к теме добра и зла, неоднозначность этого выбора.* Рефлексии по поводу «Войны и мира», «Преступления и наказания» и «Евгения Онегина» содержат апелляции к нравственному долгу, ответственности за других людей: *(книга) учит цельности во всех проявлениях жизни, верности единому нравственному чувству («Война и мир»); беспокойство за окружающий мир; глубокие размышления над каждой мелочью этого мира («Преступление и наказание»); ответственность любовных отношений («Евгений Онегин»).*

Важной аксиологической характеристикой текста, показателем его прецедентности, по данным нашего исследования, является потенциальная способность текста побуждать к размышлениям как над внутритекстовой проблематикой (сюжет, судьбы героев), так и внетекстовыми реалиями (вопросы общегуманитарной направленности): например, *книга вызвала очень много чувств. Трудно смириться с тем, что человек может быть настолько разным, совершать настолько разные поступки, трудно проникнуться к нему доверием; я чувствую, что есть много вещей, которые я не знаю («Война и мир»); удивляюсь актуальности произведения во все времена, задумываюсь над поставленными проблемами («Мастер и Маргарита»); книга перевернула мое сознание, проявила интерес к чтению других произведений; глубокие размышления; глубокие рассуждения («Преступление и наказание»).*

Как совершенно точно подметил Г. Г. Слышкин, «за каждым прецедентным текстом стоит своя уникальная система ассоциаций, вызываемых им в сознании носителя языка» [13, с. 47]. В ответах наших респондентов данный тезис реализуется через систему вербальных и вербализуемых прецедентных феноменов, отсылающих к концепту ПТ: *чувство наслаждения, так как Мастер приобрел покой; чувство легкой эйфории, когда главная героиня Маргарита превращается в ведьму и летит над ночным городом; чувство веры в Иешу Га Ноцири (он же Иисус Христос) и чувство радости за влюбленных («Мастер и Маргарита»); я ощущаю себя в XVIII в., на светском салоне («Война и мир»).* Следует отметить, что подобные ответы, устанавливающие прямую ассоциативную связь с ПТ, малочисленны. Мы склонны объяснять это узкой формулировкой вопроса анкеты, смещающего фокус внимания на чувственное восприятие ПТ, дающего установку на рассуждения о ценностном отношении к тексту, о его эмоциональном фоне, т. е. вопросом заранее программируются размышления в том аспекте ПТ, который наиболее подвержен влиянию индивидуального (в противоположность коллективному) опыта.

Напомним, что в сознании языковой личности ПТ хранится в виде инварианта восприятия, «в виде концепта, <...> сжатого представления, включающего его название, автора, сюжет, персонажей, <...> наиболее яркие детали, крылатые слова и отношение ко всему перечисленному» [14, с. 43]. Иными словами, концепт ПТ включает три составляющих — образное представление об объекте — прецедентном тексте, энциклопедические знания, ценностное отношение к тексту и через него к внетекстовой действительности. Ценностный компонент, предполагающий эмоциональную оценку со стороны интерпретатора, стимулирует множественные вариативные вербальные ре-

акции в дискурсе языковой личности, поскольку «именно в эмоциональном опыте рождаются личностные смыслы» [16, с. 46].

В ответах респондентов обнаруживается большое количество лексем, обозначающих разные эмоции и переживания, порой диаметрально противоположные, хотя они относятся к одному ПТ: *сожаление, боль, горечь, переживание; светлые чувства; гордость, печаль, умиротворение; чувство страха («Война и мир»); благоговение, необыкновенный душевный подъем; наслаждение, удовлетворение, радость, любопытство; восхищение, сочувствие, переживание; сострадание, уверенность, жалость, чувство справедливости; смятение, презрение; горечь, благоговение («Мастер и Маргарита»); отличные, позитивные чувства; горечь, надежду на лучшее в судьбе героев, жалость к некоторым из героев; чувство опустошения; душевное обогащение. Слезы счастья («Преступление и наказание»); сострадание и жалость к герою; наслаждение, радость; восторг, изумление и восхищение женской силой; счастье, удивление («Евгений Онегин»)*. В ПТ по умолчанию аккумулируются знания и ценности, разделяемые в определенном лингвокультурном сообществе. Однако в процессе социализации каждый отдельный представитель этого сообщества, «присваивая» коллективные знания, модифицирует их, исходя из личного опыта, и формирует собственную индивидуальную когнитивную базу, в контексте которой он пользуется известными ему прецедентными феноменами. Свойства индивидуального знания, в котором сосуществуют два типа знаний — коллективное и личностное, объясняют разнообразие эмоциональных реакций на прецедентные тексты — от вполне прогнозируемых («гордость», «умиротворение» о «Войне и мире») до неожиданных («отличные, позитивные чувства», «слезы счастья» о «Преступлении и наказании»). Большое количество противоречивых, а порой и взаимоисключающих оценок может также указывать на сложности формирования коллективных смыслов соответствующих ПТ у студенческой молодежи.

ПТ служит хранилищем культурно значимых смыслов, ПТ — это своеобразная «свернутая ассоциативная цепочка» [12, с. 27], которая активизируется в дискурсе, в результате чего происходит декодирование, восстановление скрытых смыслов с опорой на индивидуальный опыт, в котором обязательно присутствует и коллективное, разделяемое представление о ПТ. Ю. Н. Караулов подчеркивает, что «знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [4, с. 216]. Самые частотные эмоциональные реакции на ПТ в нашем исследовании вербализованы лексемами «наслаждение», «восторг», «удовольствие», «радость», «горечь», «жалость», «сочувствие», «сострадание». Все они соотносятся с культурными ценностями и со стереотипными представлениями о психоэмоциональном воздействии художественного текста.

Ю. Н. Караулов включает в число ПТ произведения русской, советской и мировой классики, а также фольклорные тексты [4], Ю. Е. Прохоров расширяет список и вводит в него также тексты песен, рекламы, политические и публицистические тексты [10]. Примечательно, что участники нашего опроса к любимым произведениям художественной литературы причисляют тексты, которые к художественной литературе имеют либо косвенное отношение (например, назван фильм «Сталкер»), либо никакого отношения (религиозная книга «Коран»), однако они в полной мере соответствуют представлениям о ПТ. Поэтому с учетом динамичности и транспарентности базы прецедентных текстов некоторые тезисы теории прецедентности сегодня подвергаются пересмотру, например, Г. Г. Слышкин предлагает включить в число прецедентных

«тексты для узкого круга людей (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы), <...> а также тексты, становящиеся прецедентными на относительно короткий срок (рекламный ролик, анекдот)» [13, с. 28].

Среди ПТ, выявленных в общей базе «любимых произведений», находим тексты разных жанров: психологический роман («Преступление и наказание»), роман-эпопея («Война и мир»), детектив («Приключения Шерлока Холмса и Доктора Ватсона»), фэнтези («Гарри Поттер»). Следует отметить, что по результатам опроса произведения классической литературы существенно уступают фантастике и фэнтези (49,1% против 73% по сумме ответов соответственно) в структуре читательских предпочтений жанров художественной литературы. На наш взгляд, виртуализация бытия, которая в первую очередь влияет на систему ценностных ориентаций, мотивацию деятельности именно молодых людей [2; 3; 5; 8] и сопровождается «бумом нечеловеческих существ в фантазийно ориентированных кино и литературе» [7, с. 25], породила увлечение молодежи такими жанрами литературы, как фантастика и фэнтези.

Следует уточнить, что социологический опрос выявил существенное противоречие в ответах респондентов: выбирая любимый жанр, большинство отдают предпочтение фэнтези и фантастике, однако исключают такие тексты из списка своих любимых произведений. Так, ПТ «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина, «Гарри Поттер» Дж. Роулинг, «Приключения Шерлока Холмса и Доктора Ватсона» А. Конан Дойля оказываются на дальней периферии коллективного фонда ПТ (по данным нашего исследования).

Первые позиции в списке литературных «хитов» занимают тексты классической литературы, хотя лидерство среди «любимых» произведений художественной литературы с большим отрывом от других произведений мировой классики — у романа «Мастер и Маргарита», сочетающего в себе «полифонию» жанров; чтение такого текста, как показывает лингвистический анализ развернутых вербальных ответов, активирует не столько проблематику общегуманитарной направленности, сколько ценностные представления, связанные с восприятием и оценкой мистицизма.

Большой разброс литературных предпочтений, невозможность идентифицировать единый коллективный фонд прецедентных текстов в среде читающей молодежи (по итогам нашего исследования) мы связываем с воздействием социокультурных факторов и процессов. К числу этих факторов можно отнести влияние идеологического контекста и специфику социализации.

По мнению В. Е. Семенова, у большинства современных молодых людей формируется «мозаично-эклетикий псевдоменталит, то есть отсутствие какой-либо более или менее четкой логичной картины мира, системы мировоззрения, явные противоречия в сознании» [11, с. 23]. Этот вывод подтверждается автором эмпирическими социологическими и социально-психологическими исследованиями молодежи, проведенными НИИ комплексных социальных исследований СПбГУ в 1999–2006 гг. в Петербурге, Ленинградской области и других регионах.

Состояние современной российской молодежи очень точно, на наш взгляд, передает фраза «класс в себе». Эта характеристика отражает такой аспект ее существования, как отсутствие единства в культурном и духовном смысле, что зачастую приводит к возникновению взаимоисключающих моделей поведения [1]. С. Н. Шелепова подчеркивает, что «молодежные когорты отличаются по жизненным ценностям (ценности подвижны, хаотичны, не имеют единого вектора становления и развития) и направленности жизненных ориентаций (равнозначность по силе, но противоположность по сути: «цели-средства» — «цели-ценности»; социальный оптимизм — неуверенность

в завтрашнем дне; стремление к пониманию, взаимопомощи, любви — прагматизм; предприимчивость — пассивность); степени и характеру реальной и потенциальной социальной активности их представителей» [17, с. 21]. Это, на наш взгляд, приводит к когнитивно-ценностному диссонансу, что отражается и на фрагментарности, дробности базы ПТ в молодежной среде.

Из результатов опроса следует, что современное студенчество знакомо с произведениями отечественной классики художественной литературы не понаслышке. Так, полный текст соответствующего произведения читали: «Сказка о рыбаке и рыбке» — 80,2% опрошенных, «Му-му» — 71,4%, «Мертвые души» — 63,7%, «Преступление и наказание» — 61,8%, «Капитанская дочка» — 61,5%, «Евгений Онегин» — 60,4%, «Горе от ума» — 59%, «Ревизор» — 57,2%, «Герой нашего времени» — 56,9%, «Отцы и дети» и «Мастер и Маргарита» — по 54,6%, «Собачье сердце» — 51,2%, «Война и мир» — 42,6% респондентов. Эти цифры свидетельствуют о том, что существует достаточно большая когорта молодежи, читающая произведения классической художественной литературы и сохраняющая традиции книжной культуры. При этом только часть из названных ПТ входит в коллективную «текстотеку» любимых произведений и формирует базу ПТ, популярных среди читающей молодежи (по результатам нашего исследования).

Таким образом, корпус ПТ, выявленных в социологическом опросе, демонстрирует размытость границ между ядром, периферией и беспрецедентными текстами, фрагментарность прецедентной базы современной молодежи. Л. Ю. Федорова также отмечает наличие социокультурных лакун в области прецедентных феноменов у студенческой молодежи [15]. Лингвистический анализ развернутых ответов указывает, с одной стороны, на вариативность мнений и оценок: респонденты по-разному вербализуют собственные эмоции относительно одного и того же ПТ, иногда в ответах содержатся взаимоисключающие оценки, что, на наш взгляд, свидетельствует о дробности, фрагментарности интериоризации ПТ студенческой аудиторией. С другой стороны, часть ответов демонстрирует стереотипность восприятия ПТ, что может трактоваться в пользу прецедентности этих текстов, так как инвариант восприятия ПТ отражает общие свойства: «инвариант учитывает <...> минимум необходимых системообразующих признаков» [18, с. 37–38]. Шаблонность ответов можно также объяснить слабой мотивированностью ПТ для молодого читателя, недостаточной сформированностью прецедентной базы, трудностями при поиске и фиксации ассоциативных связей между именем ПТ и хранимыми в памяти знаниями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Гуляихин В. Н. Вхождение российской молодежи в общественно-правовую жизнь: роль правовой социализации // NB: Вопросы права и политики. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_9698.html (дата обращения: 13.08.2016).
- 2 Дулина Н. В., Каргаполов С. В. Интернет-культура и идентификационные практики личности // Материалы научно-практической конференции Дыльновские чтения «Российская идентичность: состояние и перспективы». Саратов: Саратовский источник, 2015. С. 30–33.
- 3 Дулина Н. В., Каргаполов С. В. Концепт электронной культуры в современном социально-гуманитарном знании // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания». Волгоград: Изд-во ВолГТУ, 2015. Вып. 20. № 10 (174). С. 35–39.

- 4 *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: КомКнига, 2006. 264 с.
- 5 *Каргаполов С. В., Каргаполова Е. В.* Электронная культура в современном социокультурном пространстве // Актуальные проблемы социологии культуры, образования, молодежи и управления. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2016. С. 475–480.
- 6 *Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В.* и др. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Филология. М.: Изд-во МГУ, 1997. Серия 9. № 3. С. 62–75.
- 7 *Мальшиев В. Б.* Фундаментальные метафоры в метаязыке новоевропейской культуры: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2013. 33 с.
- 8 *Менталитет и электронная культура современной молодежи (опыт социологического анализа): монография / А. Ю. Арясова, Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова, С. В. Каргаполов; под общ. ред. Н. В. Дулиной.* Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2016. 175 с.
- 9 *Назарова Р. З., Золотарев М. В.* Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия Филология. Журналистика. Саратов: Изд-во СГУ, 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 17–23.
- 10 *Прохоров Ю. Е.* Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.
- 11 *Семенов В. Е.* Проблемы воспитания российской молодежи и средства массовой информации // Ценностно-нравственные проблемы российского общества: самореализация, воспитание, средства массовой информации. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 23–33.
- 12 *Сорокин Ю. А., Гудков Д. Б., Красных В. В.* и др. Феномен прецедентности и прецедентные феномены // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Филология, 1998. Вып. 4. С. 5–33.
- 13 *Слышкин Г. Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
- 14 *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004. 339 с.
- 15 *Федорова Л. Ю.* Прецедентные феномены культуры в сознании современной студенческой молодежи: опыт социокультурного анализа: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д., 2008. 22 с.
- 16 *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 208 с.
- 17 *Шелепова С. Н.* Социологический анализ молодежных когорт в региональной социокультурной реальности: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Хабаровск, 2012. 25 с.
- 18 *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.

© 2017. Nadezhda V. Dulina
Volgograd, Russia

© 2017. Ekaterina V. Kargapolova
Astrakhan, Russia

© 2017. Marina A. Simonenko
Astrakhan, Russia

PRECEDENT TEXT OF BELLETRISTIC LITERATURE IN THE CULTURAL MEMORY OF STUDENTS: SOCIOLINGUISTIC ASPECT

Abstract: The interdisciplinary research studies the precedent text of belletristic literature, incorporated into collective cultural lexicon of students. Integration of research methods of sociology and linguistics made it possible to identify a body of precedent texts, relevant to the young readers in cultural and cognitive aspects, to find out genre preferences and to determine the relevance of precedent texts in terms of their moral value, emotional and evaluative aspects. The data obtained in the sociological poll indicate a number of precedent texts in overall collection of fiction texts popular among students, however the body of precedent texts is characterized by fragmentariness, blurriness of boundaries between the core, periphery and non-precedent texts, which gives right to assert instability and incompleteness of the unified database of precedent texts in the collective memory of young readers. Verbal responses about emotional effects of a certain text attest to the ambivalence in collective assessments of precedent texts. The linguistic analysis revealed that some of these responses are characterized by unification in assessments, use of stereotyped statements regardless the work of literature assessed; however a number of responses demonstrate great diversity of means chosen by the respondents for verbalizing their assessments and emotional experience.

Keywords: precedent text, precedent phenomenon, precedent name, precedent utterance, belletristic literature, students, cultural memory, sociology, linguistics, sociological poll.

Information about the authors:

Nadezhda V. Dulina — DSc in History, Professor, Volgograd State Technical University, Leninsky av., 28, 400005 Volgograd, Russia. E-mail: nv-dulina@yandex.ru

Ekaterina V. Kargapolova — DSc in Sociology, Associate Professor, Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering, Tatischev St., 18, 414056 Astrakhan, Russia. E-mail: k474671@list.ru

Marina A. Simonenko — PhD in Philology, Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering, Tatischev St., 18, 414056 Astrakhan, Russia. E-mail: MASimonenko@yandex.ru

Received: November 13, 2016

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Guliaikhin V. N. Vkhozhdenie rossiiskoi molodezhi v obshchestvenno-pravovuiu zhizn': rol' pravovoi sotsializatsii [Entering of the Russian youth into social and legal life: the role of legal socialization]. *NB: Voprosy prava i politiki* [NB: Matters of law and policy]. Available at: http://www.e-notabene.ru/lr/article_9698.html (accessed 13 August 2016). (In Russian)
- 2 Dulina N. V., Kargapolov S. V. Internet-kul'tura i identifikatsionnye praktiki lichnosti [The Internet culture and identification practices of the individual]. *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii Dyl'novskie chteniia "Rossiiskaia identichnost': sostoianie i perspektivy"* [Materials of scientific-practical conference Dyl'nov readings "Russian identity: status and prospects"]. Saratov, Saratovskii istochnik Publ., 2015, pp. 30–33. (In Russian)
- 3 Dulina N. V., Kargapolov S. V. Kontsept elektronnoi kul'tury v sovremennom sotsial'no-gumanitarnom znaniia [The concept of electronic culture in the modern socio-humanitarian knowledge]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriiia "Problemy sotsial'no-gumanitarnogo znaniia"* [The news of Volgograd state technical University. Series "Problems of humanities and social knowledge"]. Volgograd, Izdatel'stvo VolgGTU, 2015, vol. 20, no 10 (174), pp. 35–39. (In Russian)
- 4 Karaulov Iu. N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 264 p. (In Russian)
- 5 Kargapolov S. V., Kargapolova E. V. Elektronnaia kul'tura v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve [Electronic culture in modern socio-cultural space]. *Aktual'nye problemy sotsiologii kul'tury, obrazovaniia, molodezhi i upravleniia. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Relevant issues of sociology of culture, education, youth and management. Materials of all-Russian scientific-practical conference with international participation]. Anthology edited by Iu. R. Vishnevskii. Ekaterinburg, Izdatel'stvo UrFU Publ., 2016, pp. 475–480. (In Russian)
- 6 Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Zakharenko I. V. i dr. Kognitivnaia baza i pretsedentnye fenomeny v sisteme drugikh edinit i v kommunikatsii [Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and in communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Filologiiia*. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1997, series 9, no 3, pp. 62–75. (In Russian)
- 7 Malyshev V. B. *Fundamental'nye metafory v metaiazyke novoevropetskoi kul'tury* [Fundamental metaphor in the metalanguage of modern European culture]. Abstract of the thesis for PhD in Philosophy. St. Petersburg, 2013. 33 p. (In Russian)
- 8 *Mentalitet i elektronnaia kul'tura sovremennoi molodezhi (opyt sotsiologicheskogo analiza): monografiia* [Mentality and electronic culture of today's youth (experience of the sociological analysis): monograph], A. Iu. Ariasova, N. V. Dulina, E. V. Kargapolova, S. V. Kargapolov. Anthology edited by N. V. Dulina. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo Publ., 2016. 175 p. (In Russian)
- 9 Nazarova R. Z., Zolotarev M. V. Pretsedentnye fenomeny: problemy definitsii i klassifikatsii pretsedentnykh fenomenov [Precedent phenomena: problems of definition and classification of precedent phenomena]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia Seriiia. Seriiia Filologiiia. Zhurnalistika*. Saratov, Izdatel'stvo SGU Publ., 2015, vol. 15, issue 2, pp. 17–23. (In Russian)

- 10 Prokhorov Iu. E. *Deistvitel'nost'. Tekst. Diskurs* [Reality. Text. Discourse]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009. 224 p. (In Russian)
- 11 Semenov V. E. Problemy vospitaniia rossiiskoi molodezhi i sredstva massovoi informatsii [Issues of education of the Russian youth and the media]. *Tsenostno-nravstvennye problemy rossiiskogo obshchestva: samorealizatsiia, vospitanie, sredstva massovoi informatsii* [Value-based and moral problems of Russian society: self-actualization, education, media]. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2008, pp. 23–33. (In Russian)
- 12 Sorokin Iu. A., Gudkov D. B., Krasnykh V. V. i dr. Fenomen pretsedentnosti i pretsedentnye fenomeny [The phenomenon of precedence and precedent phenomena]. *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia: sb. statei* [Language, consciousness, communication: collected articles]. Anthology general edited by V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. Moscow, Filologiya Publ., 1998, vol. 4, pp. 5–33. (In Russian)
- 13 Slyshkin G. G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From text to symbol: linguistic-cultural concepts of precedent texts in mind and discourse]. Moscow, Academia Publ., 2000. 128 p. (In Russian)
- 14 Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: monografiia* [Linguocultural concepts and metaconcepts: monograph]. Volgograd, Peremena Publ., 2004. 339 p. (In Russian)
- 15 Fedorova L. Iu. *Pretsedentnye fenomeny kul'tury v soznanii sovremennoi studencheskoi molodezhi: opyt sotsiokul'turnogo analiza* [Precedent phenomena of culture in the consciousness of contemporary student youth: experience of social and cultural analysis]. Abstract of the thesis for PhD in Sociology. Rostov na Donu, 2008. 22 p. (In Russian)
- 16 Shakhovskii V. I. *Kategorizatsiia emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme iazyka* [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language]. Moscow, Izdatel'stvo LKI Publ., 2008. 208 p. (In Russian)
- 17 Shelepova S. N. *Sotsiologicheskii analiz molodezhnykh kogort v regional'noi sotsiokul'turnoi real'nosti* [A sociological analysis of youth cohorts in the regional socio-cultural reality]. Abstract of the thesis for PhD in Sociology. Khabarovsk, 2012. 25 p. (In Russian)
- 18 Cherniavskaia V. E. *Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Text linguistics: policedness, intertextuality, interdiscursivity]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 248 p. (In Russian)

Искусствоведение
History of Arts

УДК 75.046+351.852.1
ББК 85.146.56(2)+85.101(4)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. Т. Ю. Юренева
г. Москва, Россия

РУССКАЯ ИКОНА В ЕВРОПЕЙСКИХ МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ

Аннотация: В статье рассматриваются коллекции русских икон в европейских музеях, анализируются исторические и социокультурные факторы, обусловившие их формирование и состав. В XIX в. русская икона интересовала коллекционеров главным образом в качестве редкости или предмета церковного обихода. В начале XX в. произошла ее художественная переоценка, повлекшая за собой бурный рост российских коллекций иконописи. Однако в Европе открытие русской иконы как явления искусства в полной мере не состоялось: помешала Первая мировая война, а затем революционные потрясения в России. В первой половине XX в. в европейских музеях, за исключением шведского Национального музея, не сложилось сколько-нибудь представительных коллекций русской иконописи. Во второй половине столетия, когда зарубежные музеи стали проявлять особый интерес к русским иконам, шедевры древнерусской живописи в большинстве своем уже находились в российских музеях. Поэтому в европейских странах не сложилось коллекций, равнозначных первоклассным собраниям Москвы и Санкт-Петербурга. Вместе с тем некоторые европейские музеи сформировали весьма интересные и представительные коллекции русских икон, имеющие большую художественную, познавательную и просветительную ценность.

Ключевые слова: русская икона, древнерусская живопись, коллекционирование икон, коллекции русских икон в зарубежных музеях, русское искусство в зарубежных музеях, русское культурное наследие за рубежом.

Информация об авторе: Тамара Юрьевна Юренева — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Берсеневская наб., д. 20, стр. 3, 119072 г. Москва, Россия. E-mail: iureneva@mail.ru

Дата поступления статьи: 11.05.2017

Дата публикации: 15.09.2017

В последние годы опубликовано немало исследований, посвященных российскому культурному наследию за рубежом. Их авторы рассматривали вклад российских эмигрантов в мировую культуру и анализировали влияние выходцев из России на развитие литературы и искусства западных стран. Появились научные и справочно-инфор-

мационные труды о деятелях русского зарубежья, о творцах художественной культуры, об отдельных архивах, музеях и частных коллекциях, созданных за рубежом с целью сохранения историко-культурного наследия России. Вместе с тем в этом массиве публикаций явно ощущается нехватка исследований обобщающего характера о коллекциях русского искусства в зарубежных музеях, об исторических и социокультурных факторах, обусловивших их формирование и состав. Данная работа призвана отчасти восполнить этот пробел путем анализа эмпирических данных из музеографических публикаций и с музейных сайтов. Формат статьи не позволяет с исчерпывающей полнотой рассмотреть все иконные коллекции, поэтому основное внимание уделено наиболее значимым и представительным собраниям.

Интерес к русской иконе как к объекту коллекционирования появился в европейских странах, главным образом, в XIX в. В определенной степени он был вызван влиянием сложного и многопланового интеллектуального и художественного течения, получившего название романтизм. Отстаивая свою эстетическую платформу, романтики утверждали, что наряду с великими творениями древних греков и римлян существуют и не укладывающиеся в классические каноны шедевры творчества других народов. Стимулированный ими интерес к иным мирам и культурам повлек за собой формирование коллекций древнехристианского, византийского и раннесредневекового искусства.

Известно, что в 1814 г. И. В. Гёте обратился к российскому правительству с просьбой предоставить ему подробную информацию об иконах Суздаля и прислать несколько экземпляров. Интерес великого поэта к русской иконописи был в значительной степени проявлением распространенного в то время среди немецких романтиков представления о тесной связи древнегерманского искусства с древнегреческим и византийским искусством, одним из ответвлений которого считали древнерусскую живопись. В ответ на запрос владимирский губернатор А. Н. Супонев сообщил Гёте обстоятельную информацию, но, судя по сохранившейся переписке, обещанные ему иконы из Палеха и Мстеры поэт, по-видимому, так и не получил [13, с. 18]. Ошибочно полагая, что русские иконы полностью воспроизводят древнюю византийскую иконографию, Гёте в 1818 г. писал немецкому коллекционеру живописи и историку искусства С. Буассере: «Что касается древнейших византийских плоскостных работ, то я приобрел три ценные иконы». Речь шла о покупке произведений для собрания герцога Карла-Августа Саксен-Веймар-Эйзенахского; как позднее выяснилось, две работы оказались произведениями русского искусства XVII в. и ныне хранятся в Веймарском дворце-музее [13, с. 18–19], где собрано более 100 русских икон XV–XIX вв. [20].

В 1823 г. Королевский музей в Берлине купил для своей Картинной галереи некоторое количество византийских и русских икон [13, с. 19]. В 1864 г. Южно-Кенсингтонский музей науки и искусства в Лондоне (ныне — Музей Виктории и Альберта) приобрел две высококачественные русские иконы начала XIX в. — «Видение св. Сергия Радонежского» и «Воскресение со св. Анастасией и 16 праздниками» палехской школы [26].

С середины XIX в. продвижению русской иконописи в сфере европейского коллекционирования способствовали всемирные промышленные выставки, где в национальных павильонах демонстрировалась художественная старина. Вместе с тем, отмечает Г. И. Вздорнов, «ретроспективные отделы русских павильонов, где экспонировались иконы, рассматривались скорее как экзотика, а не искусство в подлинном значении этого слова» [2, с. 205]. Предвзятые и порой безответственные суждения некоторых иностранных авторов о русской иконе как смеси «тупого благочестия и рабского

подражания плохим образцам», а о русском искусстве как о «нелепом соединении стилей византийского, татарского, индийского, китайского, персидского и финского» были обусловлены не только тенденциозностью и непониманием русской художественной старины, но и несостоятельностью науки о древнерусском изобразительном искусстве в самой России [2, с. 102].

Научное изучение иконы, начавшееся в середине XIX в., осуществлялось или в проблемном поле литературы и общественной мысли, или в рамках анализа иконографических типов и их изводов, или же в качестве археологической старины. На протяжении всего столетия «икона как художественный феномен русского средневековья оставалась <...> неведома» для представителей старой академической науки [4, с. 44]. Ведь в их распоряжении имелись работы преимущественно XVII–XIX вв., реже — XVI в.; подлиннее же древние иконы, записанные, поновленные, скрытые под массивными окладами и слоями потемневшей олифы, копоти и пыли, оставались неизвестными и в научный оборот не вводились.

Устойчивый интерес к иконе способствовал дальнейшему развитию коллекционирования в России: при главных епархиальных управлениях, духовных академиях, губернских ученых архивных комиссиях, исторических и археологических обществах, в музеях и у частных лиц появились собрания церковной старины. Наряду с лицевым и орнаментальным шитьем, окладами, рукописными книгами и предметами церковного обихода важное место в них заняли иконы [2, с. 169–177]. Начали формироваться и специализированные коллекции икон. Лучшие из них принадлежали главным образом представителям промышленных и финансовых кругов из старообрядческих семей, в которых почитание предметов церковной старины имело давнюю традицию, а иконы приобретались только при условии их создания до эпохи церковных преобразований патриарха Никона [2, с. 115–118; 4, с. 44–47].

Русская икона стала привлекать внимание и зарубежных коллекционеров. Особый интерес к ней проявлял принц Иоганн Георг Саксонский (1869–1938), признанный эксперт в области искусства. В 1898 г. он приехал в Россию, чтобы изучать сокровища церквей и монастырей. Позже он побывал в Греции, Константинополе, Сирии, Палестине и других странах Ближнего Востока, где приобрел позднеантичные, византийские, коптские памятники и ритуальные предметы православной церкви. С особым увлечением он собирал иконы. Его коллекция включала около 150 произведений XV–XIX вв.; значительную часть из них составляли русские иконы. Зимой 1949–1950 гг. Министерство культуры земли Рейнланд-Пфальц приобрело собрание принца Саксонского для Института истории искусств Майнцкого университета; с 1981 г. оно экспонируется в Муниципальном музее Майнца, поскольку теперь находится здесь на постоянном хранении [21].

На рубеже веков стараниями коллекционеров и усилиями реставраторов древним иконам стали возвращать первоначальный вид, очищая от записей, от потемневшей олифы и свечной копоти. Это повлекло за собой принципиальные изменения в принципах формирования коллекций: главенствующую позицию постепенно завоевывал эстетический подход, ведь икона, воспринимаемая уже не как редкость или древность, а как произведение искусства, превращалась в предмет любования и восхищения ценителей прекрасного. Среди коллекционеров началась настоящая иконная лихорадка, цены на хорошие древние иконы взлетели на небывалую высоту, а торговцы были завалены пожеланиями приобрести экземпляры хорошей сохранности.

Параллельно с коллекционированием икон шел процесс приобщения к древнерусской живописи и формирования вкуса к русской иконе среди широких кругов любителей отечественной истории и художественной старины: публиковались статьи, каталоги и альбомы, а иконы стали демонстрироваться уже не только на выставках церковной археологии, но и на художественных выставках универсального типа. В 1906 г. они впервые экспонировались за рубежом: по инициативе С. П. Дягилева и при поддержке русских художников, меценатов и коллекционеров в ряде европейских городов прошла большая ретроспективная выставка «Два века русской живописи и скульптуры», которая стала важным этапом в продвижении отечественного искусства на Западе. Ее хронологические рамки были значительно шире обозначенных в названии, поскольку экспонировалось и древнерусское искусство XV–XVII вв. Выставка в Берлине получила немалый резонанс в немецкой прессе; некоторые критики увидели в русских иконах «столько же жизни, как в произведениях Паоло Учелло или же Кастаньо» [12, с. 19].

Важным событием в художественной переоценке иконы стала выставка, проходившая зимой 1913 г. в Москве и приуроченная к торжествам по случаю празднования 300-летнего юбилея дома Романовых. Избавленная от вековых наслоений великолепная самобытная живопись предстала на выставке перед пораженными зрителями: 147 произведений иконописи XIV–XVII вв. из коллекций С. П. Рябушинского, И. С. Остроухова и других менее именитых собирателей. «Публика, для которой до тех пор слово “икона” означало темный и даже не совсем ясный в своих очертаниях образ, находящийся непременно в храме или домашней молельной, изумленно взирала на подлинные произведения искусства, — пишет Г. И. Вздорнов. — Они сияли всеми цветами радуги, их рисунок поражал своей точностью и выразительностью, в композициях ощущалась как вековая традиция, так и индивидуальное мастерство. Это была настоящая сенсация. Стало ясно, что русский народ — создатель яркого, волнующего искусства...» [3, с. 22–23].

Под впечатлением от выставки известный искусствовед и писатель П. П. Муратов в апреле 1913 г. поделился своими размышлениями о дальнейшей судьбе русской иконы: «Странно подумать, что еще никто на Западе не видел этих сильных и нежных красок, этих искусных линий и одухотворенных ликов, Россия вдруг оказалась единственной обладательницей какого-то чудесного художественного клада. <...> Конечно, не успеет пройти три-четыре года, как о подобной выставке будет мечтать Европа и как русская иконопись войдет почетной гостьей в западные музеи, и может быть теперь уже не лишнее подумать о тех мерах, которые могут оградить русскую старину от нестойчивости и зоркости западных собирателей» [9, с. 31–32].

Однако через год началась Первая мировая война, положившая конец иконному буму в России, а Октябрьская революция 1917 г. принесла с собой национализацию и конфискацию художественного наследия, хранимого частными коллекционерами и церковью. Но изучение иконописи продолжилось. Всероссийская комиссия по сохранению и раскрытию древнерусской живописи (с 1924 г. — Центральные государственные реставрационные мастерские) провела под руководством И. Э. Грабаря колоссальную работу, снарядив десятки экспедиций, расчистив первостепенные по значимости памятники, открыв десятки икон XII–XIII вв. и сделав выдающиеся открытия, которые позволили заново написать историю древнерусской художественной культуры.

В первое послереволюционное десятилетие среди собирателей русских икон появились иностранцы, обладавшие необходимыми знаниями, финансовыми возможно-

стями и связями для формирования в России коллекций принципиально нового типа. В их числе был банкир Улоф Ашберг (1877–1960), активный сторонник международно-правового признания СССР шведским правительством. Один из основателей, а затем генеральный директор Российского коммерческого банка, он в первой половине 1920-х гг. постоянно проживал в Москве, где вспыхнувший в нем интерес к иконописи вылился в создание крупной и представительной коллекции. К середине 1920-х гг., когда стала заканчиваться недолгая эпоха НЭПа и банкир свернул свою деловую активность, эта коллекция включала около 200 икон. При содействии наркома внешней торговли Л. Б. Красина ему удалось перевезти ее в Швецию; эксперты не разрешили вывезти лишь 15 икон, и У. Ашберг передал их в советские музеи. В октябре 1928 г. он вновь посетил Москву, где приобрел 52 иконы XIV–XVII вв. великолепного качества; около 30 из них прежде принадлежали расстрелянному большевиками великому князю Павлу Александровичу, сыну императора Александра II. Эта покупка включала и комплект из 16 икон из иконостаса XVII в. [15, с. 9, 12].

Роскошная коллекция размещалась сначала на вилле банкира в окрестностях Стокгольма, а затем в его особняке под Версалем, вызывая восторженные отзывы гостей: художников, писателей и почитателей иконописи. Понимая ее ценность, У. Ашберг в 1933 г. передал около 250 икон, преимущественно русских, Национальному музею в Стокгольме, где до этого знаменательного события хранилось всего 4 иконы. В результате музей стал обладателем самой крупной коллекции русской иконописи за пределами Советской России, которая, по оценке шведского искусствоведа Х. Челина, включала 240 произведений: 60 икон были исполнены в XV–XVI вв., 70 икон — в XVII в, а остальные — главным образом в XVIII в. [15, с. 12]

С годами коллекционерский пыл Ашберга не остыл, и в 1952 г. он передал музею еще 30 икон исключительно высокого качества, приобретенных в знаменитой антикварной галерее «A la Vielle Russie», переехавшей после революции из Киева в Париж, а затем в Нью-Йорк, а также через советскую торговую фирму «Антиквариат» [15, с. 12–13]. Позже в музейное собрание вошли 14 русских икон из коллекции дипломата Вильгельма Ассарсона (1889–1974), работавшего в СССР в конце 1930-х — начале 1940-х гг.

В настоящее время коллекция русских икон шведского Национального музея продолжает оставаться одной из самых крупных и представительных за пределами России. Она включает более 300 произведений; четверть из них написана до 1700 г., а самые древние датируются XIV в. и относятся к одному из главных иконописных центров средневековой Руси — новгородской школе, хорошо представленной в собрании музея. Остальная часть коллекции содержит русские иконы более позднего времени и небольшое количество греческих и балканских икон, исполненных преимущественно в XVIII–XIX вв. В начале 1990-х гг. инициированное музеем технико-технологическое исследование коллекции, в котором участвовали европейские и российские специалисты, позволило выявить ряд подделок, изменить датировки и уточнить атрибуцию многих памятников. Однако, несмотря на то что коллекция икон Национального музея теперь является одной из наиболее изученных, в экспозиции представлена лишь небольшая ее часть [1, с. 64–65].

В обстоятельствах формирования коллекции Ашберга отражены многие реалии советской действительности, когда коммунистическая власть сочла возможным и даже необходимым распродать немалую часть художественного наследия страны, чтобы пополнить валютные запасы для проведения социалистической индустриализации.

ции. «Во всех делах, касающихся продажи наших художественных ценностей за границу, необходимо соблюдать строжайшую осторожность, — писал нарком просвещения А. В. Луначарский руководителю Главнауки М. Н. Лядову (13 ноября 1928 г.). — Конечно, иконами торговать мы можем. Иконы сейчас излюбленная вещь и для некоторых музеев и для частных коллекций. Между тем икон у нас много, и мы можем продавать не только заурядные иконы в довольно большом количестве, но и хорошие, относительно ценные и относительно древние, конечно, не лишая себя того, что действительно имеет глубокую музейную ценность и для нас. Я говорил с Грабарем, лучшим знатоком этого дела, стоящим во главе реставрационной мастерской <...>. Теперь Антиквариат уточняет свой план выставок, предваряющих продажу. Я прошу Вас, прежде чем Вы дадите соответствующий отзыв или разрешение, обязательно вызвать к себе Грабаря и очень серьезно и подробно с ним переговорить» (цит. по: [14, с. 432]).

Несколькими месяцами ранее И. Э. Грабарь изложил в служебной записке директору-распорядителю «Антиквариата» А. М. Гинзбургу свое видение «правильной постановки коммерческой стороны предприятия», т. е. реализации на Западе государственных иконных фондов. Апеллируя к тому, что в «настоящее время ни в Европе, ни в Америке нет не только благоприятной рыночной конъюнктуры, способной обеспечить хороший сбыт русских икон за границу, но и просто нет никакого рынка, а есть только случайные сделки», он предложил «прекратить на время всякую продажу за границу икон» и приступить к «созданию моды» на них путем выпуска соответствующих книг и организации выставок, которые включали бы не только подлежащие возврату высокохудожественные произведения, но и образцы иконописи музейного значения для последующей реализации [5, с. 179–180].

Летом 1929 г. в Берлине стартовал масштабный выставочный проект, который затем проходил в других городах Германии, в Австрии и Великобритании, а в 1930–1932 гг. — в США. Экспозиция, включавшая более 130 икон из советских музеев и Централных государственных реставрационных мастерских, призвана была не только показать историю развития древнерусской живописи в XII–XIX вв. и достижения советской реставрации, но и способствовать продвижению русской иконы на мировом антикварном рынке. По сведениям музейных специалистов и реставраторов, часть экспонатов предназначалась для реализации, но официального подтверждения эта информация не получила [8, с. 286–287; 6, с. 61–62]. Выставка имела большой успех, ее экспонаты стали приобретать статус «русских примитивов» и выдающихся образцов средневековой живописи, но продажа икон по не вполне понятным причинам не состоялась [8, с. 351]. Несомненно, в немалой степени это было связано с глобальным экономическим кризисом, в который погрузился мир. Одной только выставки, пусть и широкомасштабной, оказалось недостаточно, чтобы русская икона стала восприниматься как явление мирового искусства и вызывать особый интерес у западных музеев и сохранивших капиталы крупных игроков на антикварном рынке, предпочитавших вкладывать средства в бесспорные шедевры минувших эпох.

В этих условиях советская власть предприняла ряд мер по укреплению и расширению внутреннего рынка антиквариата. В циркуляре, разосланном 29 декабря 1929 г. заместителем наркома торговли Л. М. Хинчуком ряду торгпредств СССР, в частности, говорилось: «В Союзе мы в состоянии удовлетворить более широко спрос покупателей <...>. Метод посылки покупателей в Союз является сейчас важным для оживления реализации антикварных вещей, и я прошу Вас принять все меры, чтобы активизировать это дело» (цит. по: [6, с. 87]). 2 января 1930 г. СНК СССР принял закон «О по-

рядке вывоза иностранцами за границу предметов искусства и старины», снявший ряд прежних ограничений в этой сфере и позволяющий вывозить предметы старины и искусства, в том числе иконы, без особых разрешений народных комиссариатов просвещения и без лицензии, лишь по предъявлению счетов магазинов [6, с. 88].

Однако в довоенный период в Европе, за исключением Швеции, не сложилось сколько-нибудь представительных музейных коллекций русской иконы. Ее художественное открытие, состоявшееся в начале XX в., Запад так и не постиг в полной мере, чему, безусловно, помешали Первая мировая война и революционные потрясения в России. Долгое время коллекционирование русских икон в Европе было инициативой главным образом частных лиц. Выставки икон и публикации работ советских и зарубежных исследователей иконописи [13, с. 19–20], несомненно, имели большое значение для продвижения и популяризации древнерусской живописи в европейском музейном мире, но их накопительный эффект стал проявляться только в послевоенный период, особенно после падения пресловутого «железного занавеса».

В 1994 г., анализируя выставку иконописных шедевров из собрания Русского музея «Врата тайны», проходившую в Музее Виктории и Альберта, известный специалист по древнерусскому искусству, эксперт фирмы «Сотбис» Дж. Стюарт писал: «...в конце XX века Запад почувствовал необходимость лучше узнать Россию. Стереотипные представления о России то как о стране дерущихся на дуэли аристократов, то как о “социалистическом рае” или наоборот как об “империи зла” уже не выдерживают критики. Мы, наконец, поняли, как мы нуждаемся в том, чтобы узнать о России возможно больше. <...> В выставочном зале музея были толпы посетителей. <...> Западный зритель был ранее лишен возможности лицезреть иконы так близко — и вот теперь они дождались всеобщего признания» [11, с. 4].

Несколько запоздалое признание русской иконы явлением мирового искусства в определенной степени имело позитивное значение для российской музейной сферы, ведь к тому времени шедевры древнерусской живописи в большинстве своем уже находились в столичных и провинциальных музеях. Коллекций, равнозначных первоклассным собраниям Москвы и Санкт-Петербурга, в Европе не сложилось, но в ряде музеев к концу XX в. сформировались достаточно представительные и интересные коллекции.

Свою первую икону «Четыре евангельских праздника» — византийской школы XIV в. — Британский музей приобрел в 1852 г., а в 1895 г. в его собрание вошла исполненная в XVII в. русская икона Казанской Божьей Матери. На протяжении последующих десятилетий иконные поступления носили эпизодический характер, и к 1980 г. в музейном собрании насчитывалось всего лишь 6 икон, но высокохудожественной считалась только одна из них [7, с. 110]. Принятое музеем решение о систематическом комплектовании иконописной коллекции принесло свои плоды уже в 1980-е гг. Среди приобретений этого десятилетия — икона св. Георгия, поражающего копьём змея, которая выделяется вороной мастью коня и известна как «Черный Георгий» [18, № 1]. Этот шедевр русской иконописи начала XV в. был найден в 1959 г. в маленькой деревеньке Ильинский погост на берегу реки Пинега: потемневшую и записанную икону использовали в качестве ставни на окне амбара. В ходе реставрации под поздними слоями живописи было открыто совершенное по мастерству исполнения первозданное изображение. В 1960-е гг. икона неоднократно экспонировалась на выставках в Москве. Она принадлежала М. Розановой, жене известного писателя-диссидента А. Синявского. В 1973 г. супруги эмигрировали во Францию и на законном основании увезли с собой икону, а в 1986 г. продали ее Британскому музею.

Вместе с тем основной массив новых поступлений в музейное собрание был связан не с закупочной деятельностью, а с получением произведений в дар и по завещанию. Самым крупным стал посмертный дар Фрэнка Робертса (1907–1998), работавшего послом Великобритании в СССР в 1960–1962 гг.: 45 живописных икон и 19 икон на металле XVII–XIX вв. преимущественно русской школы [7].

В настоящее время коллекция русских икон Британского музея включает 74 произведения и считается самой крупной и представительной среди общественных собраний страны. Ее ценность обусловлена не только отдельными произведениями, но и тем, что в ней отражены все периоды русской иконописи, за исключением домонгольского. Самые значимые иконы выставлены в постоянной экспозиции, произведения же из запасников доступны исследователям в специальном помещении, а широкой аудитории — в подробном электронном каталоге, составленном на основе тщательного изучения отдельных икон и позволяющем представить коллекцию во всей ее полноте [18].

В соседней Ирландии появление иконной коллекции в Национальной галерее в Дублине связано с именем супругов Алленов — Уильяма и Наташи. У. Аллен (1901–1973), английский историк, писатель и дипломат много лет посвятил изучению истории Кавказа, особенно Грузии, а во время своих поездок по Турции и Ближнему Востоку в 1920-е гг. собирал древнегреческие и русские иконы. Его супруга Наталья Коссовская (1900–1966) до замужества работала реставратором иконописи в парижской галерее «A La Vieille Russie». В конце 1920-х – начале 1930-х гг., путешествуя вместе с П. П. Муратовым по Англии, Бельгии, Германии и Восточной Европе, она собрала хорошую коллекцию русских икон. В 1946 г. Аллены переехали в поместье близ селения Уайтчержауз на юге Ирландии, где и разместилось их художественное собрание [10]. После смерти Н. М. Аллен-Коссовской Национальная галерея в Дублине в 1968 г. приобрела у ее супруга 14 греческих и 10 русских икон; эту покупку отчасти профинансировал сам У. Аллен. Среди русских икон — «Чудо св. Георгия и дракон» (новгородская школа, первая половина XV в.), «Вход в Иерусалим» (московская школа, вторая половина XV в.), «Рождество Христово» (четыре иконы московской школы XVII в.) [25, с. 7, 11, 38–55].

Германия, полагают специалисты, является мировым лидером по количеству русских икон в общественных и частных собраниях за пределами России [13, с. 23, 21]. Среди них — Музей византийского искусства в Берлине, хранящий произведения, созданные не только в Византии, но и в сопредельных территориях и странах, где получил распространение византийский художественный стиль. В собрании музея представлена русская иконопись от новгородской школы XVI в. до московской религиозной живописи XIX в. [17, с. 327, 357].

Среди европейских стран Германия выделяется и специализированными музеями икон. Первый из них торжественно открылся 21 июля 1956 г. в Реклингхаузене, небольшом шахтерском городке на федеральной земле Северный Рейн — Вестфалия. Этому событию предшествовала выставка «Иконы из известных частных собраний и монастырей», снискавшая такой огромный успех и широкий резонанс, что Городской совет принял решение о создании музея, для которого приобрел у экспонентов значительную часть их коллекций. Среди первых поступлений были иконы, принадлежавшие Мартину Винклеру (1893–1982), специалисту по русской культуре и искусству, собиравшему иконы на протяжении многих лет. В 1920-е гг. он неоднократно бывал в России, где познакомился с И. Э. Грабарем, подружился с искусствоведом А. И. Анисимовым и реставратором Г. О. Чириковым. В числе его знакомых был и нарком А. В. Луначар-

ский, выписавший Винклеру пропуск, по которому тот мог беспрепятственно, т. е. без сопровождения и опеки со стороны чиновников, посещать монастыри и музеи [13, с. 9]. Памятники архитектуры Владимира и Суздаля он осматривал вместе с австрийским искусствоведом Фанниной Галле (1881–1963), часто приезжавшей в Россию с научно-исследовательскими целями. Здесь она собрала небольшую коллекцию, 9 икон из которой прежде принадлежали известному историку искусства Д. В. Айналову. В 1957 г. музей приобрел коллекцию Ф. Галле, а спустя восемь лет — 50 икон из собрания известного русского антиквара Александра Попова (1885–1965), владельца художественной галереи в Париже. В числе уникальных — икона «Апостол Петр» новгородской школы конца XV в. из деисусного чина иконостаса. В дальнейшем музейные коллекции росли благодаря пожертвованиям, щедрым дарам, наследуемому имуществу и получению произведений на ответственное хранение [13, с. 12–13].

В настоящее время Музей икон в Реклингхаузене обладает самым крупным собранием предметов искусства восточно-христианской церкви за пределами православных государств. Более 1000 русских, греческих, румынских и коптских икон, книжные миниатюры, золотое шитье, резные и литые кресты, резьба по дереву и кости дают представление обо всем многообразии тем и стилистическом развитии иконописи и прикладного искусства христианского Востока. В коллекции русской иконописи есть признанные шедевры — «Успение Богоматери» (XIII в.), «Святой Дмитрий Солунский» (Новгород, первая половина XV в.), «Святитель Николай с житием» (Тверь, конец XV — первая треть XVI в.).

Второй немецкий Музей икон открылся в 1990 г. во Франкфурте-на-Майне; его основу составила коллекция из 800 произведений, которую двумя годами ранее подарил городу врач Йорген Шмидт-Фогт (1917–2004). Будучи известным кардиологом, он в 1960–1970-е гг. неоднократно приезжал в СССР по приглашению советского руководства, лечил и консультировал первых лиц государства и православных иерархов, а также деятелей культуры и искусства. Познакомившись с миром православной иконописи, он стал заядлым собирателем, а сановные пациенты, зная о коллекционерских пристрастиях врача, в знак благодарности дарили ему иконы. Кроме того, Й. Шмидт-Фогт имел возможность пополнять и пополнял свою коллекцию путем покупок произведений иконописи.

После открытия музея его собрание росло за счет частных пожертвований, даров, закупок, а также получения произведений на ответственное хранение. В настоящее время оно насчитывает свыше 1000 икон XV–XX вв., которые представляют все многообразие восточно-христианского мира. Большую часть собрания составляют русские иконы, среди которых преобладают произведения XIX в. В числе наиболее интересных — иконы, исполненные Михаилом Милютиным (†1670–1690) [16].

Во второй половине XX в. обладателями иконных коллекций становятся и французские музеи. В середине 1950-х гг. Лувр приобрел ряд произведений, составивших ядро его коллекции и ныне экспонирующихся вместе с греческой иконописью в отдельном зале. Самые ранние из них относятся к XVI в. — «Распятие» новгородской школы, «Св. Симеон Столпник» и «Богоматерь с младенцем, называемая Грузинская Божья мать» [17, с. 291].

Спустя 30 лет вторая внушительная иконная коллекция появилась в Руане: Татьяна Коллин (урожденная Кравцова) в 1985 г. завещала Музею изящных искусств 32 предмета, в том числе 28 русских икон. Коллекцию отличает широта хронологиче-

ских рамок (XVI–XX вв.) и многообразие иконописных школ; в ней представлены и народные иконы, и работы императорских мастерских [19, с. 245, 257].

В 1998 г. обладателем самой крупной и представительной коллекции икон среди французских общественных собраний стал Париж: по завещанию предпринимателя Роже Кабала (1929–1997) городской Музей изящных искусств получил 67 греческих и русских икон, исполненных в VIII–XIX вв. Иконы Р. Кабал приобретал в те годы, когда этот вид живописи еще не вызывал особого интереса среди собирателей, и ему удалось составить великолепную коллекцию, но в экспозиции, развернутой в роскошном Малом дворце (Пти-пале), представлена лишь небольшая ее часть. Среди русских икон — один из редких иконографических типов «Богородица Гора Нерукосечная» новгородской школы начала XVI в., а также иконы северного письма из деисусного ряда иконостаса второй половины XVII в. — «Архангел Михаил» и «Архангел Гавриил» [24].

Конец XX в. ознаменовался появлением великолепного собрания русских икон в Италии. В середине 1990-х гг. один из ведущих итальянских банков Интеза приобрел у частного венецианского коллекционера, чье имя не сообщается, коллекцию русской иконописи, которая потом целенаправленно пополнялась на международных аукционах. В нее вошли очень ценные произведения XV–XVI вв. и две весьма редкие иконы новгородской школы второй половины XIII в. — «Сошествие во Ад» и «Вознесение пророка Илии». Теперь коллекция включает более 400 произведений, исполненных в XIII–XIX вв.; в ней представлены различные периоды русской иконописи, многочисленные школы и художественные центры, разнообразные иконографические сюжеты, в основе которых лежат не только тексты Священного писания, но и апокрифы, литургические песнопения, житийные тексты, проповеди и богословские трактаты византийских и русских авторов. Международные эксперты полагают, что, возможно, эта коллекция является самой представительной за пределами России, а в отдельных разделах содержит произведения уровня музейных собраний Москвы и Санкт-Петербурга. В постоянной экспозиции, развернутой в роскошных залах Галереи дворца Леони Монтанари в Виченце, представлена треть этой выдающейся коллекции — 130 икон [22].

Наряду с обширными и представительными собраниями в европейском музейном мире сформировались и менее крупные, но по-своему интересные и ценные коллекции русской иконописи. В их числе нужно прежде всего отметить небольшую, но первоклассную коллекцию икон в Национальной галерее Норвегии в Осло; она стала формироваться с конца 1920-х гг. и ныне включает около 25 произведений. Среди них — не менее 16 работ новгородской школы XV–XVI вв.; к особо выдающимся относятся иконы «Божья Матерь Грузинская» и «Святой Николай Зарайский с 20-ю сценами жития» [23; 17, с. 825].

Замечательными иконами XVI в. известен норвежский Художественный музей Бергена. Около 170 произведений XV–XIX вв. представлено в постоянной экспозиции Музея икон в небольшом нидерландском городке Кампене. Русские иконы хранятся в Музее и художественной галерее в Блэкберне (Англия), Музее икон Греческого института византийских и поствизантийских исследований в Венеции, в Музее иконографии и миниатюр в Андорре, в Национальном музее в Белграде, в Словацкой национальной галерее, в Национальном музее искусств Румынии, в Национальном музее в Кракове, в Музее Замка Горки в Шамотулах (Польша).

Среди иконных коллекций европейских музеев есть такие, которые дают достаточно полное представление о многовековом пути развития русской иконописи, о мно-

гообразии иконописных школ и иконографических сюжетов. В других же этот путь отражен хотя и фрагментарно, но выдающимися образцами древнерусской живописи. В третьих немногочисленные русские иконы из музейного собрания призваны показать многообразие восточно-христианского искусства. Все эти коллекции по-своему интересны и представляют несомненную ценность — художественную, познавательную, просветительную.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Бобров Ю. Г.* Собрание русских икон в Национальном музее в Стокгольме: время разбрасывать камни, и время собирать камни // Икона. Коллекции и коллекционеры. Материалы Международной научной конференции III Санкт-Петербургского международного культурного форума: сб. ст. / науч. ред. Ю. Г. Бобров. СПб.: Изд-во ин-та им. И. Е. Репина, 2015. С. 56–65.
- 2 *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи, XIX век. М.: Искусство, 1986. 384 с.
- 3 *Вздорнов Г. И.* Реставрация и наука: очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М.: Индрик, 2006. 411 с.
- 4 *Вздорнов Г. И.* Частное коллекционирование икон в России // Наше наследие. 2003. № 65. С. 44–53.
- 5 *Грaбарь И. Э.* Письма / ред.-сост. Л. В. Андреева, Т. П. Каждан. М.: Наука, 1977. Т. 2: 1917–1941. 442 с.
- 6 *Жуков Ю. Н.* Операция Эрмитаж: опыт историко-архивного расследования. М.: Москвитянин. 1993. 128 с.
- 7 *Кормак Робин.* Иконы. М.: ФАИР, 2008. 144 с.
- 8 *Кызласова И. Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930 годы: По материалам архивов. М.: Изд-во Акад. горных наук, 2000. 437 с.
- 9 *Муратов П. П.* Выставка древнерусского искусства в Москве // Русская старина. 1913. Апрель. С. 31–38.
- 10 *Муратова К. М.* Павел Муратов — колумнист газеты «Возрождение» // Наше наследие. 2014. № 108. URL: <http://nasledie-rus.ru> (дата обращения: 16.03.2017).
- 11 *Стюарт Дж. И.* Врата тайны: Русские иконы в Лондоне // Наше наследие. 1994. № 31. С. 2–13.
- 12 *Толстой А. В.* Художники русской эмиграции. М.: Искусство XXI век, 2005. 382 с.
- 13 *Хауштайн-Барч Е., Бенчев И.* Музей икон в Реклингхаузене, Германия. М.: Интербук-бизнес, 2008. 310 с.
- 14 *Юрeнева Т. Ю.* Музей в мировой культуре. М.: Русское слово–РС, 2003. 535 с.
- 15 *Abel Ulf, Moore Vera.* Icons: Catalogue. Stockholm, National museum Stockholm Publ., 2002. 218 p.
- 16 *Althaus Klaus-Raine.* Ikonen: aus der Samml. Dr. Jürgen Schmidt-Voigt: Katalog. Frankfurt am Main, Ikonen-Museum der Stadt Frankfurt a. M. Publ., 1991. 301 p.
- 17 *Art museums of the world.* New York: Greenwood press, 1987. Vol. 1–2. 1390 p.
- 18 *Bobrov Y.* A catalog of the Russian icons in the British Museum // The British Museum. URL: http://www.britishmuseum.org/research/publications/online_research_catalogues/russian_icons/catalogue_of_russian_icons.aspx (дата обращения: 31.01.2017).

- 19 *Bortoli-Doucet Catherine*. Une nouvelle collection d'icônes en France: le fonds Henri Collin du musée des Beaux-Arts de Rouen // *Revue des études slaves*. 1991. Vol. 63. N. 1. P. 245–260.
- 20 Klassik Stiftung Weimar. URL: <http://www.klassik-stiftung.de/en/collections> (дата обращения: 22.04.2017).
- 21 Landes museum Mainz. URL: <http://www.landmuseum-mainz.de> (дата обращения: 16.03.2017).
- 22 Le Icone Russe // Le Gallerie di Palazzo Leoni Montanari. URL: <http://www.gallerieditalia.com/it/vicenza/icone-russe/> (дата обращения: 10.04.2017).
- 23 Nasjonalmuseet for kunst, arkitektur og design. URL: <http://samling.nasjonalmuseet.no/en> (дата обращения: 16.03.2017)
- 24 Petit Palais, City of Paris Fine Art Museum. URL: <http://www.petitpalais.paris.fr/en> (дата обращения: 16.03.2017).
- 25 *Talbot Rice Д., Talbot Rice T.* Icons: The Natasha Allen collection: Catalogue. Dublin: The National gallery of Ireland, 1968. 62 p.
- 26 Victoria and Albert Museum. URL: <http://www.vam.ac.uk/> (дата обращения: 24.01.2017)

© 2017. Tamara Yu. Yureneva
Moscow, Russia

RUSSIAN ICON IN EUROPEAN MUSEUM COLLECTIONS

Abstract: The author considers collections of Russian icons in European museums, analyses historical and socio-cultural factors that have conditioned their formation and composition. During the XIX century, the Russian icon interested collectors mainly as a rarity or an object of church use. Artistic re-evaluation of the icon, which took place at the beginning of the 20th century, resulted in rapid growth of icon collections in Russia. However, this “discovery” of the Russian icon as a phenomenon of art did not take place in Europe to the full: the First World War and then revolutionary upheavals in Russia intervened. In the first half of the 20th century, European museums, with the exception of the Swedish National Museum, did not have representative collections of the Russian icon. By the second half of the century, when foreign museums began to show special interest in Russian icons, for the most part masterpieces of Old Russian painting had already been in Russian museums. That is why in European countries there are no collections of equal worth to collections in Moscow and St. Petersburg. At the same time, some European museums have formed very interesting and representative collections of Russian icons, of great artistic, cognitive and educational value.

Keywords: Russian icon, Russian medieval painting, icon collecting, collections of Russian icons in foreign museums, Russian art in foreign museums, Russian cultural heritage abroad.

Information about the author: Tamara Yu. Yureneva — DSc in History, Leading Research Fellow, Russian Institute of Cultural and Natural Heritage by named D. S. Likhachev, Bersenevskaya nab., 20, 119072 Moscow, Russia. E-mail: iureneva@mail.ru

Received: May 11, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Bobrov Iu.G. Sobranie russkikh ikon v Natsional'nom muzee v Stokgol'me: vremia razbrasyvat' kamni, i vremia sobirat' kamni [Collection of Russian icons in the National Museum in Stockholm: time to cast away stones, and time to gather stones together]. *Ikona. Kolleksii i kollektionery. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii III Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kul'turnogo foruma: Sbornik statei* [Icon. Collections and collectors. Proceedings of the International Scientific Conference of the III St. Petersburg International Cultural Forum: Collection of articles], executive edited by Iu. G. Bobrov. St. Peterburg, Izdatel'stvo Instituta im. I. E. Repina Publ., 2015, pp. 56–65. (In Russian)
- 2 Vzdornov G. I. *Istoriia otkrytiia i izucheniiia russkoi srednevekovoi zhivopisi, XIX vek* [The history of the discovery and study of Russian medieval painting, XIX century]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 384 p. (In Russian)
- 3 Vzdornov G. I. *Restavratsiia i nauka: ocherki po istorii otkrytiia i izucheniiia drevnerusskoi zhivopisi* [Restoration and science: essays on the history of discovery and study of ancient Russian painting]. Moscow, Indrik Publ., 2006. 411 p. (In Russian)
- 4 Vzdornov G. I. Chastnoe kolleksionirovanie ikon v Rossii [Private collection of icons in Russia]. *Nashe nasledie*, 2003, no 65, pp. 44–53. (In Russian)
- 5 Grabar' I. E. *Pis'ma*. [Letters], executive edited by L. V. Andreeva, T. P. Kazhdan. Moscow, Nauka Publ., 1977. Vol. 2: 1917–1941. 442 p. (In Russian)
- 6 Zhukov Iu. N. *Operatsiia Ermitazh: opytistoriko-arkhivnogo rassledovaniia* [Operation Hermitage: the experience of historical and archival investigation]. Moscow, Moskvitianin Publ., 1993. 128 p. (In Russian)
- 7 Kormak Robin. *Ikony* [Icons]. Moscow, FAIR Publ., 2008. 144 p. (In Russian)
- 8 Kyzlasova I. L. *Istoriia otechestvennoi nauki ob iskusstve Vizantii i Drevnei Rusi. 1920–1930 gody: Po materialam arkhivov* [The history of Russian science on the art of Byzantium and Ancient Rus. 1920-1930: Based on archives]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii gornykh nauk Publ., 2000. 437 p. (In Russian)
- 9 Muratov P. P. Vystavka drevnerusskogo iskusstva v Moskve [Exhibition of Old Russian Art in Moscow]. *Russkaia starina*, 1913, no April', pp. 31–38. (In Russian)
- 10 Muratova K. M. Pavel Muratov — columnist gazety “Vozrozhdenie” [Pavel Muratov — columnist of the newspaper “Vozrozhdenie”]. *Nashe nasledie*, 2014, no 108. Available at: <http://nasledie-rus.ru> (accessed 16 March 2017) (In Russian)
- 11 Stiuart Dzh. I. Vrata tainy: Russkie ikony v Londone [Gates of Mystery: Russian icons in London]. *Nashe nasledie*, 1994, no 31, pp. 2–13. (In Russian)
- 12 Tolstoi A. V. *Khudozhniki russkoi emigratsii* [Artists of the Russian emigration]. Moscow, Iskusstvo XXI vek Publ., 2005. 382 p. (In Russian)
- 13 Khaustain-Barch E., Benchev I. *Muzei ikon v Recklinghauzene, Germaniia* [Museum of Icons in Recklinghausen, Germany]. Moscow, Interbuk-biznes Publ., 2008. 310 p. (In Russian)
- 14 Iureneva T. Iu. *Muzei v mirovoi kul'ture* [The Museum in world culture]. Moscow, Russkoe slovo–RS Publ., 2003. 535 p. (In Russian)
- 15 Abel Ulf, Moore Vera. *Icons*. Stockholm, Nationalmuseum Stockholm Publ., 2002. 218 p. (In English)

- 16 Althaus Klaus-Rainer. *Ikonen: aus der Samml. Dr. Jürgen Schmidt-Voigt: Katalog* [Icons: from the collection of Dr. Jürgen Schmidt-Voigt: Catalog]. Frankfurt am Main, Ikonen-Museum der Stadt Frankfurt a. M Publ., 1991. 301 p. (In German)
- 17 *Art museums of the world*. New York, Greenwood press Publ., 1987. Vol. 1–2. 1390 p. (In English)
- 18 Bobrov Y. A catalog of the Russian icons in the British Museum // *The British Museum*. Available at: http://www.britishmuseum.org/research/publications/online_research_catalogues/russian_icons/catalogue_of_russian_icons.aspx (accessed 31 January 2017) (In English)
- 19 Bortoli-Doucet Catherine. Une nouvelle collection d'icônes en France: le fonds Henri Collin du musée des Beaux-Arts de Rouen [A new collection of icons in France: Henri Collin collection from the museum of Fine Arts of Rouen]. *Revue des études slaves*, 1991, vol. 63, no 1, pp. 245–260. (In French)
- 20 *Klassik Stiftung Weimar*. Available at: <http://www.klassik-stiftung.de/en/collections> (accessed 22 April 2017). (In German)
- 21 *Landes museum Mainz*. Available at: <http://www.landestmuseum-mainz.de> (accessed 16 March 2017). (In German)
- 22 *Le Gallerie di Palazzo Leoni Montanari* [The Gallery of Palazzo Leoni Montanari]. Available at: <http://www.gallerieditalia.com/it/vicenza/icone-russe> (accessed 10 April 2017). (In Italian)
- 23 *Nasjonalmuseet for kunst, arkitektur og design* [The national museum of art, architecture and design]. Available at: <http://samling.nasjonalmuseet.no/en> (accessed 16 March 2017). (In Norwegian)
- 24 *Petit Palais, City of Paris Fine Art Museum*. Available at: <http://www.petitpalais.paris.fr/en> (accessed 16 March 2017). (In English)
- 25 Talbot Rice D., Talbot Rice T. *Icons: The Natasha Allen collection: Catalogue*. Dublin, The National gallery of Ireland Publ., 1968. 62 p. (In English)
- 26 *Victoria and Albert Museum*. Available at: <http://www.vam.ac.uk> (accessed 24 January 2017). (In English)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. Г. А. Пожидаева
г. Москва, Россия

ПЕРИОД ВТОРОГО «ЮЖНОСЛАВЯНСКОГО ВЛИЯНИЯ» В ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ РУСИ

Аннотация: Цель статьи — изучение связей Руси и Византии, включая Болгарию и Сербию, в области церковного пения в период второго «южнославянского влияния» (конец XIV–XV вв.). В статье показано, как русско-балканские связи в период позднего Средневековья проявили себя прежде всего в организации богослужения по новому, Иерусалимскому уставу, во многом обновившему корпус гимнографии. Гимнография южных славян, трудившихся на Руси, — митрополита Киприана, Григория Цамблака и Пахомия Серба — привнесла на Русь отголоски Тырновской реформы патриарха Евфимия, отразившиеся в стиле «плетения словес». Наряду с творчеством русских авторов, сочинения южнославянских гимнографов составили поэтическую основу новых песнопений, напевы которых были сочинены русскими распевщиками. В освоении музыкальной письменности развитие Руси опережало южнославянские страны. В то время как в певческой практике Болгарии и особенно Сербии господствовала устная традиция, на Руси существовал большой корпус нотированной певческой книжности. Поэтому говорить о южнославянских и балканских «влияниях» в певческом искусстве можно только в отношении церковного устава и литургической поэзии, но не певческой традиции и музыкальной письменности. Позднее, в богослужебной практике XVI в. возросло почитание южнославянских святых. Это было обусловлено тенденцией объединения славянства в новом центре православия «Москве — Третьем Риме» в поствизантийский период.

Ключевые слова: церковно-певческое искусство Московской Руси, второе «южнославянское влияние», русско-балканские связи, Москва — Третий Рим.

Информация об авторе: Галина Андреевна Пожидаева — доктор искусствоведения, профессор, Высшее театральное училище (институт) им. М. С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре России, ул. Неглинная, д. 6/2, стр. 1, 2, 109012 г. Москва, Россия. E-mail: pozhidaeva.galina@yandex.ru

Дата поступления статьи: 28.04.2017

Дата публикации: 15.09.2017

Культурные связи Византии и Руси в конце XIV–XV вв. достаточно заметно проявили себя в процессе, который принято называть *вторым южнославянским влиянием*. Как и в ранний период, заметную роль в русско-балканском культурном взаимодействии сыграли южные славяне — болгары и сербы. Отсюда и возникло название этого «блока» культурных связей Руси и Византии «вторым южнославянским влиянием». Не-

точность термина была отмечена учеными (И. И. Калигановым [5], Л. П. Жуковской [3] и др.), но он вошел в научный оборот, и его трудно заменить, хотя правильнее и точнее было бы говорить в этом случае о межкультурных связях Византии и Руси в этот период.

Контакты Руси с Византией через Константинополь и Афон, ослабленные в период татаро-монгольского ига, возобновляются и активизируются в XIV в. Следствием становится введение Иерусалимского устава в конце XIV – XV вв.

Принятие нового устава повлекло за собой существенные изменения в певческой гимнографии, поскольку согласно новому уставу был расширен круг богослужений. Привычное для нас сегодня всенощное бдение в канун воскресного дня и накануне великих праздников появилось на Руси именно с введением Иерусалимского устава. Со сменой типикона на службе было введено огромное количество новых песнопений — около 60 000, — которые требовалось распеть русским распевщикам. Это было реализовано уже в новой редакции знаменного распева к концу XV в.

В этот период возникают также заметные изменения в орфографии славянского языка и оформлении богослужебной книжности: несколько сокращается состав алфавита, изменяются начертания отдельных букв и почерк рукописей: старший полуустав меняется на младший. Тогда же появляется новое художественное оформление рукописей: звериный (тератологический) орнамент уступает место геометрическому (нововизантийскому — ил. 1). Все эти изменения коснулись и певческих рукописей.

Классик русской филологии А. И. Соболевский считал изменения в орфографии славянского языка в конце XIV – первой половине XV вв. следствием реформ по нормам болгарской тырновской школы патриарха Евфимия [25]. Д. С. Лихачев, поддерживая эту точку зрения, считал, что «второе южнославянское влияние» действительно проявлялось в конце XIV – начале XV вв., причем не только в языке, письменности и литературе, но и в культуре в целом [13].

Реформа Евфимия Тырновского идеологически была тесно связана с исихазмом («исихия» — *греч.* — молчание, безмолвие) как течением религиозно-мистической философии, получившим широкое распространение в Византии в XIV в. Между ведущими исихастами Григорием Синаитом (1256–1346) и Григорием Паламой (1296–1359) и их сторонниками шли споры на богословские темы.

Исихазм как ведущее направление философии Византии проявился в разных видах искусств православных стран: Болгарии и Сербии, Древней Руси, в частности, в иконописи и фресковой живописи Феофана Грека и Андрея Рублева. Но особенно важное значение он обрел для духовной литературы и книжности XIV в. Учение исихастов было направлено на «совершенствование человеческой личности, поднятие нравственной и духовной жизни на качественно новую ступень посредством достижения концентрированного состояния духа. <...> Приверженность исихастов к безмолвию не сопровождалась отказом от слова. Слово для исихастов — “святая святых”, но произнести его или тем более запечатлеть письменно следовало только после духовного очищения и обретения внутреннего совершенства. Назвать вещь словом для исихастов означало придать ей сущность...» [6, с. 116].

Из стремления исихастов постигнуть глубинный смысл каждого слова возникает стиль «плетения словес». Он проявляется в жанрах духовной литературы и поэзии: агиографии и гимнографии. «“Плетение словес” основано на внимательнейшем отношении к слову: к его звуковой стороне (аллитерации, ассонансы), к этимологии слова (сочетания однокоренных слов, этимологически одинаковые окончания и т. п.),

к тонкостям его семантики (словосочетания синонимические, тавтологические и пр.), на любви к словесным новообразованиям, составным словам и калькам с греческого и пр. <...> Поиски слова, нагромождения эпитетов, синонимов и т. д. обуславливались представлениями о тождестве слова и сущности, божественного писания и божественной благодати, что лежали и в основе реформы» [13, с. 23–24].

Отголоски реформы патриарха Евфимия Тырновского, по мнению Д. С. Лихачева, проявились на Руси в деятельности митрополита Киприана, болгарина по происхождению. Отсюда преобразования, проводившиеся в русской культуре, соотносили именно с южнославянским влиянием, а именно с влиянием тырновской школы.

В тот период церковные деятели Болгарии и Сербии, как представители Византии, были «делегированы» на Русь в том числе для пополнения житийной литературы, служб и литературных переводов. Крупнейшими гимнографами этого периода стали писатели и общественные, церковные деятели — южные славяне, жившие на Руси, — митрополит Киприан, Григорий Цамблак, Пахомий Серб (Логофет). Они создали около 20 новых служб русским святым, которые вошли в служебную Минею. Службы были распеты русскими распевщиками, и эти произведения стали частью церковного обихода и в целом культуры Руси.

Киприан, митрополит Киевский и всея Руси (ок. 1330 – 1406) происходил из тырновской семьи Цамблаков, входил в ближайшее окружение патриарха Евфимия Тырновского, позднее в Константинополе он был близок патриарху Филофею Коккину, известному поборнику исихазма.

В истории русской культуры Киприан сыграл большую роль, приложив много усилий для возвышения Москвы. Перу Киприана принадлежат очень важные и значимые для Московской Руси житие и служба первому русскому митрополиту — Петру, митрополиту московскому, который считается небесным покровителем Москвы. Уже в XVI в. Иван Грозный дополнил эти службы своими стихирами.

Нотированные списки служб Сретенью иконы Владимирской Богоматери, распеты русскими мастерами в традициях знаменного распева, появляются в списках середины XVI в., митрополиту Петру — с 80-х гг. XVI в. [21, с. 227, 196].

Другим деятелем болгарской культуры, оставившим свой след в культуре Руси, был **Григорий Цамблак** (ок. 1365 — ок. 1420). Он был писателем, представителем Тырновской школы, культурным и общественным, церковным деятелем Болгарии, Сербии, Молдавии и Руси.

Родившийся в знатной семье в столице Болгарии Тырнове, он принадлежал к высшей придворной аристократии как племянник Киприана, митрополита всея Руси. Григорий получил прекрасное образование, входил в круг патриарха Евфимия Тырновского. Какое-то время Григорий Цамблак жил в Константинополе и на Афоне. В начале XV в. (1402) он стал игуменом Дечанского монастыря в Сербии, в Косово. Служил также в Сучаве «пресвитером великой церкви Молдавской».

Как гимнограф, он написал две службы, которые были связаны с его пребыванием в Молдавии (в Сучаве) и Сербии (в Дечанах). Первая служба посвящена Иоанну Новому Белгородскому, первому молдавскому святому, христианскому мученику, убиенному татарами-язычниками. Мощи его «были перенесены из Белгорода Днестровского в Сучаву и стали главной святыней Молдавского княжества» [28, с. 503]. В русских нотированных источниках песнопения службы появляются в Стихираре «Дьячье око» в конце XVI в.¹

¹ РНБ, Кирилло-Белозерское собр., 586/843. Л. 593; БРАН, собр. Строганова, 44. Л. 639 об.

Другая служба написана Григорием Цамблаком в честь Стефана Дечанского, сербского короля. Возможно, что Григорию Цамблаку принадлежит также редакция службы Параскеве (Петке) Тырновской, очень почитаемой болгарской святой. Сочинения Григория Цамблака были внесены в XVI в. в Великие Четьи Минеи митрополита Макария.

О значении деятельности Григория Цамблака для церковного пения Руси говорит тот факт, что на основе Слова на Успение Пресвятой Богородицы Григория Цамблака русскими книжниками была составлена стихира на Успение Божией Матери «Днесь Владычица и Богородица». Она относится к стихирам на целование и представляет собой осмогласник, редкий по своему пространному изложению и протяженности. Вместо обычных для стихир нескольких строк эта стихира занимает несколько листов певческой рукописи. Стихира сохранилась в русских списках не ранее начала XVII в. (1610) и старообрядческих XVIII–XIX вв., где изложена знаменным распевом новой редакции. Это уникальное по своим масштабам произведение гимнографии отражает, как отмечалось, стиль «плетения словес», связанный с Тырновской школой. Можно предположить, что грандиозные масштабы стихир стали одной из причин ее относительно небольшого распространения. Однако создание столь крупного произведения в стиле знаменного распева показывает масштабы дарования русских гимнографов и распевщиков, создавших такое монументальное полотно.

Поэтический текст стихир опубликован еще В. М. Ундольским [30, с. 4], затем И. Гарднером [1, с. 343–345], несколько ее крюковых списков изданы и расшифрованы Б. П. Карастояновым [9], Н. С. Серegiной [22; 23]. Изучению музыкально-поэтических особенностей стихир посвящена статья З. М. Гусейновой [2] и Е. А. Титовой [26].

Пахомий Серб (Логофет) († после 1484 г.) был известным литератором XV в., составителем и редактором житий, похвальных слов, служб и канонов, а также переводчиком и писцом. Он написал много житий и служб русским святым, а также сделал новые редакции прежних. Перу Пахомия Серба принадлежат 14 служб русским святым: Варлааму Хутынскому, Знамению Богородицы в Новгороде, Сергию Радонежскому, Никону Радонежскому, Алексию, митрополиту московскому, Евфимию Новгородскому, Антонию Печерскому, Кириллу Белозерскому, Савве Вишерскому, митрополиту московскому Ионе, Михаилу Черниговскому и боярину его Феодору, Стефану Пермскому, на перенесение мощей митрополита Петра, Димитрию Прилуцкому. Кроме того, Пахомием написан 21 канон — на те же службы и на службы Покрова Богородицы, Кириллу Белозерскому (2 канона), Петру и Февронии Муромским и др.

Как мы видим уже по списку сочинений, Пахомий Серб состоялся как очень плодовитый писатель и гимнограф. Его службы и каноны вошли в служебную Минею. В его произведениях нашел свое отражение стиль «плетения словес», сложившийся в Тырновской школе. В новейших исследованиях его литературного творчества доказывается вторичность некоторых его сочинений и использование сочинений русских литераторов [10]. Службы Пахомия Серба также были распеты и нотированы русскими распевщиками и сохранились во множестве списков.

В XVI в. взаимосвязь южнославянской и русской культур становится настолько значимой, что на Руси растет почитание южнославянских святых, связанное с идеей «Москва — III Рим». Москва начинает ощущать себя вселенским центром православия, а потому стремится собирать, объединять все православные народы. Подтверждение этому находим в певческой рукописной традиции.

Так, полный Стихирарь «Дьячье око», писанный в Москве [19, с. 42–46; 15]² в 80-е гг. XVI в. – начале XVII в., БРАН, собр. Строганова, 44, содержит шесть памятней южнославянских святых. Это болгарские святые преподобный Иоанн Рыльский (перенесение мощей в 1238 г.), преподобная Параскева Тырновская (XI в.) и Георгий Новый, «мучившейся в Средеце граде Болгарьстемь» (1515)³. Из сербских святых Стихирарь содержит памяти святителей из правящей династии Неманичей Саввы и Арсения Сербских, сербских архиепископов († 1237 и 1266 гг.), в него вошла также память первого молдавского святого Иоанна Нового, Сочавского, «мучившегося в Беле граде» († 1330)⁴.

В стихираре «Дьячье око» Кирилло-Белозерского собрания к ним добавлено еще четыре службы: Симеону Мироточивому, королю Сербскому и отцу Саввы Сербского († 1200), Стефану Милутину, сербскому королю († 1321), князю Лазарю Сербскому, погибшему на Косовом поле († 1389) и епископу, святителю Илариону Мыгленскому († 1206)⁵.

Более поздний источник — Минея середины XVII в., ярославского происхождения, одна из самых полных по составу, РГБ, собр. Разумовского, ф. 379, № 64, — также содержит песнопения Савве Сербскому. Древнерусскую традицию сохранили и старообрядческие Стихирари: одна из стихир «Славы убо всех царя Христа» опубликована в расшифровке Т. Ф. Владышневской по списку XIX в. [34, с. 40–56]⁶.

В пантеоне болгарских святых выделяется фигура **Георгия Нового**. Он был православным мучеником, погибшим за веру христову, за отказ принять ислам. Юноша-болгарин (18 лет) был сожжен турками на площади в Средецком граде (средневековое название Софии), близ храма святой Софии, 11 февраля 1515 г., при огромном стечении народа.

Житие и службу ему написал болгарский книжник и священник Пейо, который «не просто знал Георгия, а был для него вторым отцом и <...> духовным наставником» [4, с. 20–21]⁷.

Георгий Новый был канонизирован на Руси уже в 40-е гг. XVI в. Его историю рассказали русским монахам на Афоне, и непосредственно с Афона она стала известна на Руси, получив воплощение в литературных произведениях и гимнографии. Авторами этих произведений были литераторы псковско-новгородской епархии. Будущий митрополит Макарий до 1542 г. служил новгородским архиепископом, именно он стоял у истоков этих произведений, одно из которых было написано уже в 1539 г. по его благословению и повелению.

Житие и службу Георгию Новому создал известный агиограф псковско-новгородской епархии Василий-Варлаам. Краткая его редакция была включена в Великие Четьи Минеи. Пафос жития — борьба православного и исламского мира, которая остается актуальной и сегодня. За основу жития был взят текст жития Иоанна Нового Белгородского, молдавского святого, житие которого написал Григорий Цамблак. Иоанн Новый был трапезундским купцом, казненным татарами в 1330 г. в приднестровском Белгороде, поэтому сходство судеб Иоанна Нового и Георгия Нового было очевидным.

² Н. П. Парфентьев относит происхождение рукописи не к московскому, а к строгановскому скрипторию: [17].

³ БРАН, собр. Строганова, 44. Л. 135, 147 об., 639 об.

⁴ Там же. Л. 147 об., 383 об., 976, 387, 674.

⁵ РНБ, Кирилло-Белозерское собр., 586/843. Л. 493 об., 310, 614, 294 об.

⁶ Ватикан, MS Slav. 56. F. 217–219

⁷ Комплексное исследование жития, служб, гимнографии и иконографии содержит монография И. И. Калиганова [4].

Песнопения Георгию Новому были распеты и нотированы в Москве, в конце 50-х – начале 60-х гг. XVI в. в связи с канонизацией святого на соборах 1547 и 1549 гг. Относительно распевщиков, сочинивших напевы песнопений Георгию Новому, можно высказать предположение, что ими были, скорее всего, государевы певчие дьяки Ивана Грозного.

Отметим, что русская гимнография служб южнославянским святым была более полной в сравнении с южнославянской. Напевы песнопений были изложены в русской традиции знаменного пения и были нотированы, в отличие от болгарских и сербских списков.

Конкретным проявлением общности восточного и южного славянства, как части Византии, можно считать общность отдельных поздних жанров гимнографии. К такому относятся величания, или, как их называли на Руси, «припелы» праздникам господским и богородичным, а также святым, «имущим полиелей». Жанр величаний был византийским по происхождению, болгарские исследователи С. Кожухаров, Е. Тончева пишут об этом жанре в творчестве Иоанна Кукузеля (первая половина XIV в.), что подтверждает византийские истоки жанра, поскольку И. Кукузель творил прежде всего по византийским канонам и в Константинополе, и на Афоне [14; 33; 35; 36; 37]. И сегодня этот жанр звучит едва ли не в самый торжественный момент богослужения, когда священство с витыми свечами (согласно Уставу) выходит на середину храма и поет величание празднику, а затем священству вторит хор. Короткие величания многократно повторяются, создавая общий праздничный настрой.

В русском богослужении этот жанр известен с последней четверти XV в. В отечественной рукописной традиции величания поначалу не были нотированы⁸, затем нотированы выборочно⁹. Величаний русским святым в них нет; впервые появляется одно единственное величание князю Владимиру в списке первой четверти XVI в. — ГИМ, Епархиальное собр., 193, л. 322; распев величаний — знаменный.

Н. Ф. Финдейзен указывает, что автором величаний к службам русским святым был Маркелл Безбородый [31, с. 139]. Величания упоминаются им в контексте знаменных песнопений, поэтому логично предположить, что они, как бы по умолчанию, тоже были знаменные. Их создание, вероятно, датируется 1550-ми гг. В письменной традиции они появятся позднее — в 70-е гг., на исходе XVI в., в начале XVII в.¹⁰, что показывает их постепенное введение в певческую практику.

Из всего большого годового цикла величаний (около 60 песнопений) к середине XVI в. русским святым было посвящено всего несколько. Сохранившись в письменной традиции только с конца XVI в., величания до середины XVII в. составляли небольшой цикл из 10–11 русских памятней. Основу их составляли ранние праздники эпохи Киевской, Владимиро-Суздальской и ранней Московской Руси. Эти памяти и праздники вошли во вторую редакцию Стихираря, временные границы которого установлены Н. С. Сергиной со второй половины XV до середины XVI вв. [21, с. 14]. От эпохи Киевской Руси в этой редакции Стихираря есть памяти Бориса и Глеба, князя Владимира, Покрова Богородицы, Знамения иконы Богородицы в Новгороде; от времен Батыева нашествия XIII–XIV вв. — памяти Михаила Черниговского и боярина его Феодора, Петра митрополита московского, Алексия митрополита московского, Сергия Радонеж-

⁸ ГИМ, Епархиальное собр., 173. Л. 114 об. – 116 об.; 184; 189; 186. Посл. четв. XV в.

⁹ ГИМ, Епархиальное собр., 176. Л. 82 об. – 87 об.; 190; 192. Посл. четв. XV – сер. XVI в.

¹⁰ РГБ, Иосифо-Волоцкое собр., Ф. 113, № 238; собр. Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/1, № 414, 428; БРАН, собр. Строганова, 44.

ского. Таким образом, рукописная традиция величаний в основе своей ведет ко второй редакции Стихираря — до середины XVI в.

На этом основании можно высказать два предположения: 1) величания были созданы до Соборов 1547 и 1549 гг. и 2) вероятно, 40-е гг. XVI в. могли стать временем создания знаменных величаний Маркеллом Безбородым.

Жанр величаний известен также в путевом распеве и демественном. Путевые *величания* в троицкой редакции вошли в певческую практику с конца XVI в. — есть список с указанием «троецкой» — ГИМ, собр. Барсова, 1352, л. 211 об. — 212¹¹. Создание их, следовательно, нужно отнести к более раннему периоду. Сопоставим некоторые факты.

Поскольку величания были созданы до Соборов 1540-х гг., к созданию путевых величаний должен быть причастен крупный распевщик Троице-Сергиева монастыря. В 40-50-е гг. таким мастером был Иона Зуй. По всей видимости, можно предположить его авторство или ведущую роль в создании этих песнопений. Величания были изложены на подобен, а самоподобном служил путь троицкий, вероятно сочиненный Ионой Зуем.

Второе «южнославянское влияние», так заметно проявившееся в области литературы и гимнографии, нашло отклик в **новейших филологических исследованиях**. Вслед за исследованиями Д. С. Лихачева в этой области появились исследования крупного ученого, филолога, археографа и текстолога второй половины XX в., Л. П. Жуковской, а также ее ученика А. М. Камчатнова. Они позволяют по-новому взглянуть на известную проблему.

Л. П. Жуковская на большом массиве рукописного материала второй половины XIV – первой половины XVI вв. изучала развитие русского письма. Заново была выполнена датировка многих источников и установлено их более позднее происхождение. В результате оказалось, что «новые графические и орфографические приемы письма появились не в конце XIV в., как думал А. И. Соболевский, а на столетие позже — в конце XV в. Поэтому с деятельностью митрополита Киприана и тырновской школы это явление вряд ли было связано» [3, с. 49–50].

Л. П. Жуковская считала, что это явление возникло в контексте важнейших идеологических причин, в частности, формирования концепции «Москва — новый град Константина», которая впоследствии переросла в идею «Москва — Третий Рим». Происходящие языковые перемены, как полагала исследовательница, были порождены новыми историческими и духовными реалиями эпохи. Именно это вызвало к жизни *архаизацию и грецизацию русского письма, его орфографии и графики*.

А. М. Камчатнов подчеркивает также усиление контактов Руси с *Афоном* и *Константинополем* уже со второй половины XIV в., считая именно их причиной языковых новшеств в книжности Древней Руси [8, с. 112–113]. Возможно, что реформа Евфимия Тырновского оказала не прямое, а косвенное влияние через *Афон*, но временные границы его оказались смещенными почти на столетие — к концу XV в.

Проявились ли эти процессы *архаизации и грецизации* в певческом искусстве Руси конца XIV–XV вв.?

Древнерусские певческие рукописи XIV в. сохранились в незначительном количестве и при этом мало изучены. Однако в них все же выявлен единичный случай использования аненаек и хабув в списке рубежа XIV–XV вв. Они появляются в одном

¹¹ Другие списки: РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/1, № 436. Л. 118; Вологодское собр. Ф. 354, № 144. Л. 148 об. – 229; собр. Разумовского. Ф. 379, № 19. Л. 92 об. – 111; собр. Никифорова. Ф. 199, № 288. Л. 47–97.

из песнопений Ирмология, причем текст этого песнопения неканоничен. Песнопение опубликовано С. В. Фроловым [32].

Систематическое же употребление аненаек и хабув, а также грецизмов проявилось уже в поствизантийский период, с последней четверти XV в. Это многолетие Ивану III знаменного распева, раннее песнопение путевого распева «Приидите, ублажим Иосифа» и раннее песнопение демества — неканонический богородичен «Церковь и ручку» (ил. 2, 3, 4).

Подводя итог, можно констатировать, что использование фонетических вставок и грецизмов с последней четверти XV–XVI вв. показывает сознательную стилизацию под старину, целенаправленную архаизацию и грецизацию песнопений. То есть на певческом материале находит подтверждение концепция Л. П. Жуковской и А. М. Камчатнова. Говорить же о каких-либо существенных изменениях в певческой культуре Руси в период конца XIV в. как о результате южнославянского влияния трудно, поскольку существенные изменения становятся очевидными в источниках более позднего времени — с последней четверти XV в. появляется новая редакция знаменного распева, но эти изменения не связаны с реформами патриарха Евфимия и его тырновской школы.

Можно ли найти какие-то параллели с общими явлениями культуры?

Формально можно увидеть аналогию в развитии литературного стиля «плетения словес» и развитием музыкального языка новых пространственных распевов Московской Руси — пути, демества, большого распева и даже новой редакции знаменного распева.

Вместе с тем существуют общие тенденции в историческом развитии музыкального мышления. Одноголосная культура эпохи Средневековья в своем развитии неминуемо обретала единственный вектор — мелодизацию напевов. Этот вектор не зависел от межкультурных связей славянства, но отражал общие закономерности поступательного движения культурного процесса.

Литературный стиль «плетения словес» также соответствовал определенному историческому процессу в развитии литературного мышления, а именно: более точному словесному выражению сложных богословских и догматических понятий, отображаемых в гимнографии. Синонимические словесные ряды, синонимическую лексику можно сопоставить с вариантностью единиц музыкального языка — музыкальной лексикой. Тенденция к вариантности музыкальной лексики особенно заметно проявила себя в большом распеве последней четверти XVI — первой половины XVII вв. Однако вряд ли можно связать эти тенденции с влиянием тырновской школы, тем более что они отстоят от нее по времени приблизительно на 200 лет.

На наш взгляд, здесь более очевидно влияние народной культуры и ее проникновение в профессиональную церковно-певческую. Это наблюдается в смежных видах искусств того же времени, например, в храмовом зодчестве Московской Руси XVI в.

Для народного музицирования вариантное развитие издавна было определяющим. В песенной культуре оно было связано прежде всего с вариантностью поэтического текста в куплетной форме. Поэтому некоторые отступления в церковно-певческом искусстве от центон-композиции, господствующей в знаменном распеве, применение элементов вариантности, связанной с народной культурой, мы расцениваем как новый этап в развитии церковного пения, этап, находящийся в русле развития искусства позднего Средневековья.

Витиеватый стиль «плетения словес» отображал определенную ступень в развитии гимнографии, и шире — в развитии литературного языка и литературы. Музыкаль-

ный язык церковных напевов тоже переживал новую стадию развития, отражавшую новое музыкальное мышление и позволявшую более пространное и мелодичное изложение. Вероятно, эти процессы протекали параллельно в древнеславянской литературе и древнерусском певческом искусстве. Они имели важное значение, как во многом определяющие тенденции исторического развития славянской культуры.

Языковая общность славян во многом обусловила близость их церковно-певческого искусства благодаря общей гимнографии. Русское же искусство уже на самом раннем этапе обладало достаточной самостоятельностью, не говоря уже о более позднем этапе — Московской Руси.

В музыкальной письменности развитие Руси опережало южнославянские страны. В то время как в певческой практике Болгарии и особенно Сербии господствовала устная традиция, на Руси существовал большой корпус нотированной певческой книжности, подтверждая музыкальную грамотность не только в единичных музыкальных центрах, но и ее распространенность по всей Руси, во многих ее городах и монастырях.

В Болгарии и Сербии пользовались византийской музыкальной письменностью, но сохранившиеся списки единичны. В Болгарии единичные, фрагментарно нотированные списки византийской нотации известны с XI в., а чаще они встречаются с XV в. [27], но все же такого массива целиком нотированных певческих рукописей как на Руси в средневековой Болгарии не было. Сохранившиеся сербские списки не являются по своему происхождению сербскими, а завезены в Сербию уже в поствизантийскую эпоху: рукописи поздневизантийской невменной нотации завезены греческими, рукописи квадратной нотации — русскими учителями [17, с. 109, 114, 108].

Поэтому говорить о южнославянских и балканских «влияниях» в певческом искусстве можно только в отношении литургической поэзии, но не певческой традиции и музыкальной письменности. Контакты Руси и Болгарии и Сербии существовали на почве византийской православной культуры. Большую роль играл при этом Афон как хранитель истинно православных традиций.

В русской культуре новые тенденции, связанные с периодом второго «южнославянского влияния», отражали, скорее, сознательное подражание отечественным древним образцам, сознательную архаизацию, о чем писали в своих исследованиях на материале языка Л. П. Жуковская и А. М. Камчатнов.

Таким образом, русско-балканские связи в период позднего Средневековья проявили себя прежде всего в организации богослужения по новому, Иерусалимскому уставу, что сильно обновило корпус гимнографии. Деятели культуры южных славян — митрополит Киприан, агиографы и гимнографы Григорий Цамблак и Пахомий Серб — сыграли свою значимую роль в истории отечественной литературы и книжности. Почитание южнославянских святых вошло в обиход Русской православной церкви. Включение в наш обиход позднего жанра величаний, византийского по своему происхождению, является свидетельством реальных связей певческой практики Византии и Руси. Сходные с Тырновской школой, практикой Константинополя и Афона тенденции во внешнем оформлении рукописей и языковых изменениях прослеживаются и на Руси, но по времени они проявляются на 100 лет позднее.

Дальнейшие тенденции церковно-певческой культуры — архаизация и грецизация языка и песнопений, — на наш взгляд, связаны не столько с влиянием южных славян и контактами с Константинополем и Афоном, но и со многими другими, не менее важными внутренними причинами государственной жизни Руси: централизацией

государства, обоснованием его преемственности по отношению к Киевской и Владимиро-Суздальской Руси, а также развитием идеи «Москва — III Рим». Поэтому тенденции в развитии церковно-певческой культуры, проистекающие из контактов Руси и Византии, включая южных славян, вливаются в общее русло истории государства Российского, истории Русской Православной Церкви и русской культуры, являясь составной частью истории и культуры нашего Отечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Гарднер И.* Богослужбное пение русской православной церкви. Сущность, система и история. М.: Изд-во ПСТБИ, 2004. Т. 1. 498 с.
- 2 *Гусейнова З. М.* Две редакции стихир Григория Цамблака на Успение Богородицы // Вестник ПСТГУ. Серия 5: Музыкальное искусство христианского мира. 2007. Вып. 1(1). С. 17–25.
- 3 *Жуковская Л. П.* Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV – 1 пол. XVI в. // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М.: Наука, 1987. С. 45–62.
- 4 *Калиганов И. И.* Георгий Новый у восточных славян. М.: Индрик, 2000. 800 с.
- 5 *Калиганов И. И.* Историко-литературные проблемы южнославянского влияния на Русь // Веков связующая нить. М.: Изд-во ИСл РАН, 2006. С. 52–68.
- 6 *Калиганов И. И.* Культура средневековой Болгарии // История культур славянских народов / отв. ред. Г. П. Мельников. М.: ГАСК, 2003. Т. 1. С. 98–157.
- 7 *Калиганов И. И.* Южнославянские литературы // Проблемы истории и культуры славянских народов. М.: Изд-во ИСл РАН, 2015. С. 10–213.
- 8 *Камчатнов А. М.* История русского литературного языка. XI – первая половина XIX века. М.: Academia, 2005. 688 с.
- 9 *Карастоянов Б. П.* Стихира знаменного распева «Денесе Владычице пресвятая дева царице переходите» («Днесь Владычица Богородица пресвятая дева царица переходить»). Краткая версия стихир («Днесь Владычица Богородица пресвятая дева царица к сыну своему»). Стихира знаменного распева «Днесь возрадуемса еже на небесехъ». «Осмогласием Успенскому Цамблаку подобен». Публикация, нотноточная транскрипция, комментарии, исследования. Вена, 2009. 358 с.
10. *Кириллин В. М.* Панегирическое наследие Пахомия Логофета. 2010 г. // Научный богословский портал Богослов.ru / дата обращения 17 декабря 2016 г.
- 11 *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М.: Мысль, 1993. Кн. 1. 575 с.
- 12 *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука, 1986. С. 3–56.
- 13 *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 255 с.
- 14 *Лукашевич А. А.* Величание // ПЭ. Т. 7. С. 529–531.
- 15 *Панченко Ф. В.* Стихирарь конца XVI в. из собрания С. Г. Строганова // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб.: Изд-во БАН, 2006. С. 206–305.
- 16 *Парфентьев Н. П.* Древнерусское певческое искусство в духовной культуре Российского государства: Школы. Центры. Мастера. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. 256 с.

- 17 *Парфентьев Н. П.* Творчество книгописцев и художников-знаменщиков братьев Басовых (1580–1630-е гг.) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14. № 3. С. 23–48.
- 18 *Пено В.* Ненотированные певческие книги — источники для изучения сербского церковного пения // Актуальные проблемы изучения церковно-певческого искусства: наука и практика (к 120-летию кончины Д. В. Разумовского): мат. междунар. науч. конф. 12–16 мая 2009 года. Сб. ст. / сост., отв. ред. И. Е. Лозовая. М.: Изд-во Научно-издательского центра «Московская консерватория», 2011. Гимнология, Вып. 6. С. 109–120.
- 19 *Рамазанова Н. В.* Московское царство в церковно-певческом искусстве XVI–XVII веков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 468 с.
- 20 Рукописные собрания Д. В. Разумовского и В. Ф. Одоевского. Архив Д. В. Разумовского / описание под ред. И. М. Кудрявцева. М.: ГБЛ, 1960. 261 с.
- 21 *Серегина Н. С.* Песнопения русским святым: по материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб.: Изд-во РИИИ, 1994. 470 с.
- 22 *Серегина Н. С.* Стихира Григория Цамблака на Успение Богородицы и проблема исследования мелизматической монодии // Музыка России: От средних веков до современности / сост. М. Г. Арановский. М.: Композитор, 2004. Вып. 2. С. 7–29.
- 23 *Серегина Н. С.* Стихира Григория Цамблака на Успение Богородицы. Стихира Иоанну Новому // Творческое наследие Григория Цамблака. Женева: Буй Турь; Велико Тырново: ПИК; Изд-во Велико-тырновского университета им. Св. Кирилла и Мефодия, 2005. С. 466–507, 565–570.
- 24 Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Л.: Наука, 1988, 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1–2. 517; 528 с.
- 25 *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 328 с.
- 26 *Титова Е. А.* «А нарицается сий стих Цамблак» // Древнерусское песнопение. Пути во времени / сост. и науч. ред. Н. Б. Захарьина. СПб.: Изд-во СПбГК, 2005. Вып. 2: по мат. науч. конф. «Бражниковские чтения–2004». С. 14–27.
- 27 *Тончева Е.* Болгария / Церковная музыка // ПЭ. Т. 5. С. 612–614.
- 28 *Турилов А. А.* Гимнография южных и западных славян. Южнославянская гимнография XIII–XVIII вв. / Гимнография // ПЭ. Т. 11. С. 502–505.
- 29 *Турилов А. А.* Григорий Цамблак // ПЭ. Т. 12. С. 583–592.
- 30 *Ундольский В. М.* Замечания для истории церковного пения в России // Чтения в ОИДР. 1846. № 3. 46 с.
- 31 *Финдейзен Н. Ф.* Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в. М.; Л.: Музсектор Госиздата, 1928. Вып. 2. 376 с.
- 32 *Фролов С. В.* У истоков зрелого мелодического стиля // Музыкальная культура православного мира: традиция, теория, практика. Мат. междунар. науч. конф. 1991–94 гг. М.: Изд-во РАМ им. Гнесиных, 1994. С. 114–129.
- 33 *Кожухаров С.* Неизвестно произведение на старобългарската поезия // Старобългарска литература. София: Изд-во БАН, 1971. Кн. 1. С. 319–322.
- 34 *Петровић Д.* Хиландарски ктитори у православном појању. Београд, Музиколошки институт. САНУ, 1999. 248 с.
- 35 *Тончева Е.* Новооткрити славяноезични (преводни) творби на Йоан Кукузел: Полиелейни припеви от XV в. // Българско музикознание. 2000. № 2. С. 5–31.

- 36 Тончева Е. Полиелейните припели в ръкопис Атина № 928 (Исайева антология, XV в.) и отношението им към Търновска книжовна школа. Велико Търново, 1994. Кн. 5. С. 641–664.
- 37 Тончева Е. Полиелейното творчество на Йоан Кукузел в контекста на балканската църковнопесенна практика // 2 международ. конгрес по българистика: Доклади. София, 1986. Т. 17. С. 224–262.

© 2017. Galina A. Pozhidaeva
Moscow, Russia

THE SECOND “SOUTH SLAVIC INFLUENCE” IN THE CHORAL ART OF RUSSIA

Abstract: The article aims to examine the relationship of Russia and the Byzantine Empire, including Bulgaria and Serbia, in the field of Church music under second “South Slavic influence” (the end of XIV–XV centuries). The article shows that the Russian-Balkan relations in the late Middle Ages manifested itself primarily in the organization of office under new Jerusalem Typikon, largely upgraded body of hymnography. The hymnography of the South Slavs, who worked in Russia, Metropolitan Cyprian, Gregory of Zambuca and Pachomius, of Serb, brought to Russia echoes of the reform of Tarnovo Patriarch Euthymius, reflected in the style of “weaving of words”. Alongside the works of Russian authors the works of South Slavic poetic hymnography made for the basis of new songs, warmed up by Russian chanters. In mastering of music writing, the development of Russia was ahead of South Slavic countries. While oral tradition dominated in the vocal practice in Bulgaria and especially Serbia, there was a large body of noted manuscripts of vocal music in Russia. Thus we can talk about South Slavic and Balkan “influences” in vocal art only referring to the Church Typicon and liturgical poetry, but no song tradition and musical writing. Later, due to the tendency of unification of the Slavic peoples around new center of Orthodoxy “Moscow — the Third Rome”, in the late Byzantine period, increase in veneration of the South Slavic saints in the liturgical practice of the XVI century was observed.

Keywords: choral art Moscow Russia the “second South Slavic influence” Russian-Balkan relations, Moscow — the Third Rome.

Information about the author: Galina A. Pozhidaeva — DSc in Arts, Professor, Schepkin Higher Theatre School (Institute) at the State Academic Maly Theatre of Russia, Neglinnaya St., 6/2, build. 1, 2, 109012 Moscow, Russia. E-mail: pozhidaeva.galina@yandex.ru

Received: April 28, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Gardner I. *Bogosluzhebnoe penie russkoi pravoslavnoi tserkvi. Sushchnost', sistema i istoriia* [The liturgical singing of the Russian Orthodox Church. Essence of the system and history]. Moscow, Izdatel'stvo PSTBI Publ., 2004. Vol. 1. 498 p. (In Russian)
- 2 Guseinova Z. M. Dve redaktsii stikhiry Grigoriia Tsamblaka na Uspenie Bogoroditsy [Two versions of the stanzas of Gregory Tsamblak on the Assumption of The Virgin].

- Vestnik PSTGU. Serii 5: Muzykal'noe iskusstvo khristianskogo mira*, 2007, vol. 1(1), pp. 17–25. (In Russian)
- 3 Zhukovskaia L. P. Gretsizatsiia i arkhazatsiia russkogo pis'ma 2-i pol. XV – 1 pol. XVI v. [Grecism and archaicism Russian letters the 2nd half XV – 1 the half]. *Drevnerusskii literaturnyi iazyk v ego otnoshenii k staroslavianskomu* [The XVI century, the old Russian literary language in its relation to old Church Slavonic]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 45–62. (In Russian)
 - 4 Kaliganov I. I. *Georgii Novyi u vostochnykh slavian* [George New in perceptions of Eastern Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 2000. 800 p. (In Russian)
 - 5 Kaliganov I. I. Istoriko-literaturnye problemy iuzhnoslavianskogo vliianiia na Rusi [Literary-historical problems of the South Slavic influence on Russia]. *Vekov sviazuiushchaia nit'* [Binding thread of centuries. Moscow, Izdatel'stvo ISI RAN Publ., 2006, pp. 52–68. (In Russian)
 - 6 Kaliganov I. I. Kul'tura srednevekovoi Bolgarii [The culture of medieval Bulgaria]. *Istoriia kul'tur slavianskikh narodov* [History of cultures of the Slavic peoples], responsible editor. G. P. Mel'nikov. Moscow, GASK Publ., 2003, vol. 1, pp. 98–157. (In Russian)
 - 7 Kaliganov I. I. Iuzhnoslavianskie literatury [South Slavic literatures]. *Problemy istorii i kul'tury slavianskikh narodov* [Issues of history and culture of the Slavic peoples]. Moscow, Izdatel'stvo ISI RAN Publ., 2015, pp. 10–213. (In Russian)
 - 8 Kamchatnov A. M. *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka. XI – pervaiia polovina XIX veka* [The history of the Russian literary language. XI – first half of XIX century]. Moscow, Academia Publ., 2005. 688 p. (In Russian)
 - 9 Karastoianov B. P. *Stikhira znamennoho rospeva “Denese Vladychitse presviataia devo tsaritse prekhodite” (“Dnes' Vladychitsa Bogoroditsa presviataia deva tsaritsa prekhodit”)*. *Kratkaia versiia stikhiry (“Dnes' Vladychitsa Bogoroditsa presviataia deva tsaritsa k synu svoemu”. Stikhira znamennoho rospeva “Dnes' vozraduemsia ezhe na nebesekh”*. *“Osmoglasiem Uspenskomu Tsamblaku podoben”*. *Publikatsiia, notnolineinaia transkriptsii, kommentarii, issledovaniia* [The stanza version of znamenny chant “Now Our lady the most Holy virgin the Queen departs” (“Today the virgin Queen the virgin Queen, departs”). Short version of the verses (“Today the virgin Queen the virgin Queen to the son”. The stanza version of chant “Today let us rejoice for she is in heaven”. “His Ochoecos is equal to Tsamblak Uspensky`s”. Publication note-linear transcription, commentary, research]. Vena, 2009. 358 p. (In Russian)
 - 10 Kirillin V. M. Panegiricheskoe nasledie Pakhomiia Logofeta. 2010 g. [Panegyric legacy of Pachomius the Logothete. 2010]. *Bogoslov.ru* Available at: <http://www.bogoslov.ru/text/1250151.html> (accessed 17 December 2016). (In Russian)
 - 11 Kliuchevskii V. O. *Russkaia istoriia. Polnyi kurs lektsii v trekh knigakh* [Russian history. Complete course in three books]. Moscow, Mysl' Publ., 1993. Book. 1. 575 p. (In Russian)
 - 12 Likhachev D. S. Nekotorye zadachi izucheniia vtorogo iuzhnoslavianskogo vliianiia v Rossii [Some issues of the study of the second South Slavic influence in Russia]. *Issledovaniia po drevnerusskoi literature* [Studies in Russian literature]. Leningrad, Nauka, 1986, pp. 3–56. (In Russian)
 - 13 Likhachev D. S. *Razvitie russkoi literatury X–XVII vekov. Epokhi i stili* [The development of Russian literature of X–XVII centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 255 p. (In Russian)

- 14 Lukashevich A. A. Velichanie [Magnification]. *PE*, vol. 7, pp. 529–531. (In Russian)
- 15 Panchenko F. V. Stikhirar' kontsa XVI v. iz sobraniia S. G. Stroganova [This sticherarion of the end of the XVI century from the collection of S. G. Stroganov]. *Materialy i soobshcheniia po fondam Otdela rukopisei BAN* [Materials and report on funds of the manuscript Department of the BAN]. St. Petersburg, Izdatel'stvo BAN Publ., 2006, pp. 206–305. (In Russian)
- 16 Parfent'ev N. P. *Drevnerusskoe pevcheskoe iskusstvo v dukhovnoi kul'ture Rossiiskogo gosudarstva: Shkoly. Tsentry. Mastera* [Old Russian art of singing in the spiritual culture of the Russian state: Schools. Centers. Masters]. Sverdlovsk, Izdatel'stvo UrGU, 1991. 256 p. (In Russian)
- 17 Parfent'ev N. P. Tvorchestvo knigopistsev i khudozhnikov-znamenshchikov brat'ev Basovykh (1580–1630-e gg.) [The work of bibliographers and iconographers brothers Basov (1580–1630)]. *Vestnik IuUrGU. Serii: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, 2014, vol. 14, no 3, pp. 23–48. (In Russian)
- 18 Peno V. Nenotirovannye pevcheskie knigi — istochniki dlia izucheniia serbskogo tserkovnogo peniia [Non-notated chant books — sources for learning Serbian Church singing]. *Aktual'nye problemy izucheniia tserkovno-pevcheskogo iskusstva: nauka i praktika (k 120-letiiu konchiny D. V. Razumovskogo): mat. mezhdunar. nauch. konf. 12–16 maia 2009 goda. Sb. st.* [Relevant issues of the study of Church-singing art: science and practice (to the 120th anniversary of the death of D. V. Razumovsky): materials of the international scientific conference on 12–16 may 2009. A collection of articles], compiler and Executive editor. I. E. Lozovaia. Moscow, Izdatel'stvo Nauchno-izdatel'skogo tsentra “Moskovskaia konservatoriia” Publ., 2011, Gimnologia, vyp. 6, pp. 109–120. (In Russian)
- 19 Ramazanova N. V. *Moskovskoe tsarstvo v tserkovno-pevcheskom iskusstve XVI–XVII vekov* [Moscow Kingdom in the choral art of the XVI–XVII centuries]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004. 468 p. (In Russian)
- 20 *Rukopisnye sobraniia D. V. Razumovskogo i V. F. Odoevskogo. Arkhiv D. V. Razumovskogo* [Manuscripts collections of D. V. Razumovsky, and V. F. Odoevsky. Archive of D. V. Razumovsky], description edited by I. M. Kudriavtseva. Moscow, GBL Publ., 1960. 261 p. (In Russian)
- 21 Seregina N. S. *Pesnopeniia russkim sviatym: po materialam rukopisnoi pevcheskoi knigi XI–XIX vv. “Stikhirar' mesiachnyi”* [Chants of the Russian saints: according to the materials of handwritten songbooks of XI–XIX centuries “Month Sticherarion”]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RIII Publ., 1994. 470 p. (In Russian)
- 22 Seregina N. S. Stikhira Grigoriia Tsamblaka na Uspenie Bogoroditsy i problema issledovaniia melizmaticheskoi monodii [The verses of Gregory Camblak on the Assumption and the issue of the study of melismatic monody]. *Muzyka Rossii: Ot srednikh vekov do sovremennosti* [Music of Russia: From the middle ages to the present], compilation M. G. Aranovskii. Moscow, Kompozitor Publ., 2004, vol. 2, pp. 7–29. (In Russian)
- 23 Seregina N. S. Stikhira Grigoriia Tsamblaka na Uspenie Bogoroditsy. Stikhira Ioannu Novomu [The verses of Gregory Camblak on the Assumption. The Sticherion to John New]. *Tvorcheskoe nasledie Grigoriia Tsamblaka* [Creative heritage of Gregory Camblak]. Zheneva, Bui Tur" Publ.; Veliko Tyrnovo, PIK; Izd-vo Veliko-tyrnovskogo universiteta im. Sv. Kirilla i Mefodiia Publ., 2005, pp. 466–507, 565–570. (In Russian)

- 24 *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Vtoraia polovina XIV–XVI v* [The dictionary of bookmen and booklore of Ancient Rus. The second half of the XIV–XVI centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, 1989. Vol. 2 (second half of XIV–XVI century). Parts 1–2. 517; 528 p. (In Russian)
- 25 Sobolevskii A. I. *Leksii po istorii russkogo iazyka* [Lectures on the history of the Russian language]. Moscow, Izdatel'stvo LKI Publ., 2007. 328 p. (In Russian)
- 26 Titova E. A. “A naritsaetsia sii stikh Tsamblak” [“And the name to the verse is Tsamblak”]. *Drevnerusskoe pesnopenie. Puti vo vremeni* [Russian chant. Journey in time], compiler and scientific editor N. B. Zakhar'ina. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGK Publ., 2005. Vol. 2: according to the materials of the scientific conference “Brazhnikovskie chteniia–2004”, pp. 14–27. (In Russian)
- 27 Toncheva E. Bolgariia [Bulgaria]. Tserkovnaia muzyka [Church music]. *PE*, vol. 5, pp. 612–614. (In Russian)
- 28 Turilov A. A. Gimnografiia iuzhnykh i zapadnykh slavian. Iuzhnoslavianskaia gimnografiia XIII–XVIII vv. [The hymnography of Southern and Western Slavs. South Slavic hymnography of the XIII–XVIII centuries], Gimnografiia [Hymnography]. *PE*, vol. 11, pp. 502–505.
- 29 Turilov A. A. Grigorii Tsamblak [Gregory Tsamblak]. *PE*, vol. 12, pp. 583–592. (In Russian)
- 30 Undol'skii V. M. Zamechaniia dlia istorii tserkovnogo peniia v Rossii [Comments on history of the Church singing in Russia]. *Chteniia v OADR*, 1846, no 3. 46 p. (In Russian)
- 31 Findeizen N. F. *Ocherki po istorii muzyki v Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v.* [Essays on the history of music in Russia from ancient times to the late eighteenth century]. Moscow, Leningrad, Muzsektor Gosizdata Publ., 1928. Vol. 2. 376 p. (In Russian)
- 32 Frolov S. V. U istokov zrelogo melodicheskogo stilia [At the origins of the Mature style of melodic]. *Muzykal'naia kul'tura pravoslavnogo mira: traditsiia, teoriia, praktika. Mat. mezhdunar. nauch. konf. 1991–94 gg.* [Musical culture of the Orthodox world: tradition, theory, practice. Materials of international scientific conferences 1991–94]. Moscow, Izdatel'stvo RAM im. Gnesinykh Publ., 1994, pp. 114–129. (In Russian)
- 33 Kozhukharov S. Neizvestno proizvedenie na starob"lgarskata poeziia [Unknown work on the old Bulgarian poetry]. *Starob"lgarska literatura* [Starobulgarska literature]. Sofiia, Izdatel'stvo BAN Publ., 1971, book 1, pp. 319–322. (In Bulgarian)
- 34 Petrovih D. *Khilandarski ktitori u pravoslavnom rojaniu*. Beograd, Muzikoloshki institut SANU Publ., 1999. 248 p. (In Serbian)
- 35 Toncheva E. Novootkriti slavianoezichni (prevodni) tvorbi na Ioan Kukuzel: Polieleini pripevi ot XV v.] *B"lgarsko muzikoznanie*, 2000, no 2, pp. 5–31. (In Bulgarian)
- 36 Toncheva E. *Polieleinite pripeli v r"kopis Atina № 928 (Isaieva antologiiia, XV v.) i otosheniето im k"m T"rnovska knizhovna shkola* [(Isayeva anthology, XV century) and their relationship to Trnovska literary school]. Veliko T"rnovo, 1994, book 5, pp. 641–664. (In Bulgarian)
- 37 Toncheva E. Polieleinoto tvorchestvo na Ioan Kukuzel v konteksta na balkanskata ts"rkovnopesenna praktika [Palielinot creativity of John Kukuzel in the context of the Balkan practice]. *2 mezhdunarod. kongres po b"lgaristika: Dokladi* [2 international Congress on bulgaristics: Reports]. Sofiia, 1986, vol. 17, pp. 224–262. (In Bulgarian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. А. Б. Ковалев
г. Москва, Россия

«СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ» В. И. РУБИНА: ЖАНРОВЫЕ И ДРАМАТУРГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация: Объектом исследования в данной статье является циклическое хоровое произведение В. И. Рубина «Светлое Воскресение» в девяти частях, относящееся к типу нетрадиционных жанров русской духовной музыки, изначально имеющих внебогослужебное предназначение, различный состав исполнителей и текстовую основу. Предметом исследования служит выявление жанровых и драматургических особенностей данного произведения, обусловленных опосредованной его связью с богослужебно-певческой традицией, с одной стороны, и свободой в изложении канонических церковнославянских текстов, построении хорового цикла — с другой. Особое внимание в статье сосредоточено на образно-тематическом содержании произведения, включающим в себя сюжетно-событийный и «молитвенный» малые циклы, а также на уровне драматургических линий, являющихся воплощением обобщенной характеристики «земного мира» и личного религиозного чувства. Результаты исследования свидетельствуют о своеобразии образно-тематической организации и музыкальной композиции духовно-музыкального произведения, относящегося к типу нетрадиционных жанров, задачей которых является приобщение широких слоев населения, разного отношения к вопросам вероисповедания к истокам нашей национальной культуры.

Ключевые слова: Пасха, Литургия, жанр, оратория, песнопение, традиция, богослужение, концертность.

Информация об авторе: Андрей Борисович Ковалев — кандидат искусствоведения, доцент, Академия хорового искусства им. В. С. Попова, ул. Фестивальная, д. 2, 125565 г. Москва, Россия. E-mail: info@axu.ru

Дата поступления статьи: 16.03.2017

Дата публикации: 15.09.2017

На рубеже XX–XXI вв., в период возвращения к православным корням нашего Отечества, наряду с традиционными жанрами русской духовной музыки, непосредственно связанными с церковным богослужением (хоровые циклы Литургии, Всенощного бдения, произведения на тексты отдельных песнопений служб), получили широкое распространение и духовные произведения, изначально имеющие внебогослужебное предназначение. Они могли быть написаны в самых различных жанрах и формах, характерных для внехрамовой (светской) музыки (кантата, оратория, концерт и т. п.), содержать в себе не только канонические, но и авторские тексты библейско-христианской тематики. Такие произведения следует отнести к типу нетрадиционных жанров рус-

ской духовной музыки [3], имея в виду весьма опосредованную связь с богослужбно-певческой традицией, свободное претворение в них религиозного образно-тематического содержания. В данной статье будут рассмотрены жанровые и драматургические особенности одного из первых значительных сочинений этого жанрового типа, созданных на волне празднования 1000-летия Крещения Руси — «Светлого Воскресения» В. И. Рубина.

Это масштабное циклическое сочинение из девяти номеров для двух хоров: большого смешанного и мужского — и трех солистов было написано композитором в 1988 г. и впервые исполнено 27 мая 1990 г. коллективами Московского хорового училища под руководством выдающегося дирижера Виктора Сергеевича Попова. В рукописи партитуры и при первом исполнении было приведено следующее обозначение жанра этого произведения: оратория на старинные канонические тексты. Жанр оратории не вполне соответствовал замыслу композитора, мыслящего свое сочинение в образной сфере церковной музыки, однако на рубеже 1980–1990-х гг. подобному произведению необходимо было дать жанровое обозначение, которое подчеркивало бы внебогослужбную, концертную его направленность. Напомним, что, несмотря на наметившийся поворот государства в сторону церкви, все еще была сильна инерция настороженного отношения ко всему, что связано со сферой сакрального. И лишь в 1996 г., когда вышло в свет печатное издание партитуры, В. И. Рубин указал настоящее жанровое определение своего произведения: *Литургические песнопения на канонические тексты*.

В данной связи хотелось бы отметить, что похожая ситуация произошла и с хорovým произведением Р. К. Щедрина «Запечатленный ангел». В советском издании 1989 г. и при его исполнении хорами под руководством В. Н. Минина это произведение именовалось как *хоровая музыка по прочтении Н. С. Лескова*, тогда как в действительности по замыслу композитора «Запечатленный ангел» являлся *русской литургией*, что было обнаружено Щедриным за рубежом, в 1990-е гг. Другой вопрос, что именно имел в виду композитор, давая подобное жанровое наименование хоровому циклу, в котором отсутствует чинопоследование главного православного богослужения. Подробнее эта тема освещена в статье автора этих строк [2].

Возвращаясь к произведению В. И. Рубина «Светлое Воскресение», отметим, что интерес к духовной музыке православной традиции наметился у композитора с самого начала его творческого пути. Приведем его высказывание по этому поводу: «Приобщение к духовной музыке шло по нескольким руслам — непосредственное знакомство с чисто духовными произведениями русских композиторов (Чайковский, Рахманинов, Гречанинов и др.), скрупулезное изучение музыки Мусоргского, Римского-Корсакова. <...> одно из первых консерваторских сочинений вариаций для фортепиано на тему из “Голубиной книги” — тему “Пресвятая Мать Богородица”, к которой обращался еще Мусоргский» [5, с. 183–184]. Но непосредственным предшественником «Светлого Воскресения» как произведения библейско-христианской тематики можно считать оперу-ораторию с перекликающимся с ним названием «Июльское воскресение» (1970). В этом произведении, вскоре получившем жанровое наименование «музыкальная драма» (как указано, например, в программе спектакля, поставленного Московским музыкальным театром им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко в 1976 г.), повествуется о героическом подвиге бойцов обороны Севастополя в годы Великой Отечественной войны. Не случайно произведение имело уточняющий подзаголовок: «Севастополь, 1942 год». По словам композитора, это сочинение «о величии духа и сыновней жизни, отданной за Родину-мать, о жертвенной любви и свете

вечной жизни...» [5, с. 185]. В музыкальной драме «Июльское воскресенье» немало параллелей с библейско-христианской тематикой и церковно-певческой традицией: так, например, двенадцать последних защитников береговой батареи ассоциируются с двенадцатью апостолами; музыкальной характеристикой обобщенного образа Матери стала многократно повторяющаяся молитвенная тема типа псалмодии: «Дух мой, свеча светлая, кровь ты моя кипучая, красавец ты мой».

Став первым произведением В. И. Рубина на канонические церковно-славянские тексты, «Светлое Воскресение» сразу обозначило самую высокую художественную планку, благодаря своей центральной задаче — воссоздать музыкально-драматургическими средствами образ спасительного света Христова Воскресения, победы над смертью, искупления страданиями Господа грехов человечества. Метафорическое жанровое определение «Литургические песнопения» свидетельствует если не о рождении (это вопрос неоднозначный) нового жанрового образования, то о стержневой идее произведения, которая, с одной стороны, облечена в светскую концертную форму, с другой — проникнута духовным содержанием, связанным с искуплением грехов через покаяние и жертвенную любовь к Богу. Взаимодействие с богослужебной традицией обусловлено прежде всего составом исполнителей и текстовой основой произведения, которое написано для хорового пения *a cappella* на канонический текст богослужебных песнопений, Святого Евангелия, молитв иеросхимника Парфения Киевского. «Миграция» в сторону нетрадиционных жанров происходит благодаря свободному изложению как канонических богослужебных текстов отдельных песнопений, так и образно-тематической и драматургической организации всего цикла. Также следует отметить преобладание приемов композиторской техники, характерной для академической внехрамовой (светской) музыки второй половины XX в. над традиционными средствами выразительности духовных произведений. Все это сообразно замыслу композитора в смысле утверждения несокрушимости христианских заповедей, как попытка ввести их «в новый храм, который, сохранив главные устои, содержал бы элементы современного мироощущения» [5, с. 186].

В основе образно-тематической и драматургической организации «Светлого Воскресения» — двухчастность структуры, где каждую из частей можно представить как «малый цикл» со своими композиционными особенностями (рисунок 1).

Первую часть с условным наименованием «Пасхальный цикл» охарактеризуем как *сюжетно-событийную* (что отчасти перекликается с жанром оратории), куда, исходя из словесного текста, входят события Страстной пятницы: судилище Пилата и распятие Христа (№ 1 «Страстная пятница»), а также события, непосредственно связанные с Воскресением Христа и возвещения радости апостолам и женам-мироносицам. Так, № 2–4 включают в себя пасхальные песнопения «Воскресение Христово видевше», воскресную стихирю «Воскресение Твое, Христе Спасе», поющуюся во время Крестного хода, тропарь Пасхи «Христос воскрес из мертвых», кондак Пасхи «Аще и во гроб». Вторая часть, условно именуемая «Молитвенный цикл», иная по характеру и тематике. Она включает в себя песнопения Литургии (№ 7 «Тебе поем», № 9 «Во Царствии Твоем»), молитву «Господи, помилуй» (№ 5), покаянные молитвы иеросхимника Парфения Киевского (№ 5, 6, 8). Рассмотрим каждую из частей подробнее.

№ 1 «*Страстная пятница*» последованием остро диссонирующих аккордов, то в изложении *tutti* двух хоров — смешанного и мужского, то с их перекличками, с гулким колокольным отзвуком мужского хора в низком регистре, открывает слушателю мир, падший грехом, мир, отвернувшийся от Бога (рисунок 2).

Рисунок 1 — Схема образно-тематической и драматургической организации Литургических песнопений В. И. Рубина «Светлое Воскресение»
Scheme imagery and thematic and dramaturgical organization of the Liturgical chants, V. I. Rubin “Bright Sunday”

Названия частей	I часть «Пасхальный» шкл				II часть «Молитвенный» шкл				
Название номеров цикла	№ 1 Страстная пятница	№ 2 <u>Середня</u> смерть поправ	№ 3 Воскресение Твое	№ 4 <u>Радується</u>	№ 5 Господи, помилуй	№ 6 Мило Тебя	№ 7 Тебе поем	№ 8 Исповедую Тебе	№ 9 Во Царствии Твоем
Источники текста	Святое Евангелие	Песнопение Пасхи «Воскресение Христово <u>вищевце</u> » (середины)	Воскресения стихира, Тропарь Пасхи (с)	Кондак Пасхи (в сокращении), «Воскресение Христово <u>вищевце</u> » (с начала до середины)	Молитва	Молитва Церосцым Паренция Киевского	Песнопение Интуриги с прибавлением « <u>адцилуа</u> »	Молитва Церосцым Паренция Киевского	Заповеди блаженств (Мф. 5, 3-12)
Драм. линия «земного мира»	●		●	●	●		●		●
Драм. линия «личного религ. чувства»		●			●	●		●	
			Драматургический центр						

Рисунок 2 — «Страстная пятница»
“Good Friday”

И на фоне glissando мужского хора пронзительным воплем звучит евангельский текст разъяренной толпы «Распи Его!» в исполнении смешанного хора. Параллели с современностью, актуализация проблем совести, покаяния, генетической памяти, стоящих перед всем человечеством, воплощается здесь на уровне драматургической линии, связанной с характеристикой «земного мира», человеческой общности. Она может быть воплощена в образе толпы, обуреваемой низменными страстями, или в образе соборного лика праведников, исповедующих Христа, или людей, которые еще только

встали на трудный и долгий путь, конечный пункт которого — Свет Христова Воскресения. Элементы музыкальной изобразительности отражают то гул разъяренной толпы, то стоны людей, оплакивающих распятого Христа.

Продолжение драматургической линии обобщенной характеристики «земного мира» в рамках рассматриваемого малого цикла видится в № 3 «Воскресение Твое» и в № 4 «Радуйтесь».

№ 3 «*Воскресение Твое*» непосредственно связан с событиями пасхальной утрени, включая воскресную стихиру, поющуюся во время Крестного хода и тропарь Пасхи «Христос воскрес из мертвых». Своим содержанием воскресная стихира шестого гласа олицетворяет соединение, «синергию» небесного и земного ликов, хора ангелов, поющих слову Господу «на небеси», и праведников, верных Христу («и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить»). Основной музыкально-выразительный прием этого номера — чередование соло сопрано (проходящая через все песнопение псалмодическая «попевка» со словами «ангели поют») с репликами двух хоров (tutti и отдельных групп), соответственно воплощающих образы ангельского лика и христоролюбивого человечества. Соло сопрано, представленное в виде проходящей через все песнопение псалмодической «попевки» со словами «ангели поют», можно рассматривать в качестве лейтмотива, воплощающего образ небесного лика.

№ 4 «*Радуйтесь*» с текстом кондака Пасхи «Аще и во гроб» и пасхального песнопения «Воскресение Христово видевшие», поющегося до середины, можно рассматривать как контрастное обрамление всего «пасхального» малого цикла. Если в № 1 был создан образ толпы, предавшей Спасителя, то здесь в полную силу звучит общее радостное ликование Его Воскресению с выделением ключевого слова «радуйтесь», проходящего в различных сочетаниях двух хоров, групп смешанного хора, отдельных партий.

№ 2 «*Смертию смерть поправ*» представляет собой несколько иной оттенок пасхального содержания малого цикла и воспринимается на ином драматургическом уровне, который связан с личным религиозным переживанием, идущим из глубины души. Несмотря на то что в названии раздела указана одна из строк тропаря Пасхи, текст тропаря здесь отсутствует, а словесной основой номера является фрагмент пасхального песнопения «Воскресение Христово видевшие», начинающегося со слов «Ты бо еси Бог наш», так что с точки зрения драматургии малого цикла это, скорее всего, только предвосхищение будущего Христова Воскресения (напомним, начальные строки этого песнопения использованы в последующем № 4 «Радуйтесь»), что подчеркивается музыкально-композиционным решением. Так, начало № 2 строгими, аскетичными интонациями, звучащими в унисон у мужской группы смешанного хора в стиле древнерусского песнопения создает характер «звучащей» тишины, тем самым продолжая тему Страстной седмицы. Перед слушателями, словно предстает образ Великой Субботы, преобразующей седьмой день творенья — день покоя в день упокоения Иисуса Христа, пребывания Тела Его во гробе. Последующие аккордовые возгласия хора мальчиков, окрашенные в светлые мажорные тона, звучат как предчувствие грядущего Воскресения (рисунок 3).

Примечательно, что мысль об отражении в этом номере событий Великой Субботы была высказана С. Ю. Маркеловым, участником премьеры «Светлого Воскресения», певшим в хоре мальчиков, ныне — преподавателем Московского хорового училища им. А. В. Свешникова [4].

Вторую часть «Светлого Воскресения» открывает № 5 «*Господи, помилуй*». В православном богослужении эта молитва чаще всего является частью диалогической

формы — ектении как ответ хора на молебные прошения, возглашаемые священнослужителем. Количество молебных прошений в каждой из ектений регламентировано богослужебной книгой — Служебником. В данном произведении слова «Господи, помилуй» произносятся более 30 раз (!). И поэтому, думается, их следует воспринимать не в связи с богослужебной формой ектении, а в контексте обобщенного образа молитвы, которая может произноситься и вне храма, как самый простой и доступный способ обращения к Богу для людей только что пришедших на порог церкви с мольбой о прощении грехов. По мысли музыковеда А. Т. Тевосяна, помещение этой молитвы после малого цикла Страстей Христовых и Воскресения, обращено к современникам композитора, свидетелям Голгофы XX в., уничтожения святынь и отказа от православной веры [5, с. 187]. Музыкальное решение этого номера поистине удивительно. Внешне, в ее основе — «внутренняя антифонная форма» (термин Н. С. Гуляницкой), построенная на переключках в различных комбинациях мужских и детских голосов («Господи» — в большинстве проведений возглашают басы, или басы и тенора; «помилуй» — голоса мальчиков).

Рисунок 3 — «Смертию смерть поправ»
“Trampling down death by death”

The image shows a page of a musical score for the piece "Trampling down death by death". The score is written for voice and piano. It includes the following elements:

- Tempo and Dynamics:** The score begins with the instruction "Строго, сосредоточенно" (Strictly, concentrated) and a tempo marking of quarter note = 56. Dynamics include *p* (piano), *mf* (mezzo-forte), and *p* (piano).
- Vocal Parts:**
 - Хор I (Chorus I):** Includes Tenor (Т.) and Bass (Б.) parts. The lyrics are "Закр. ртом" (Mouth closed) and "Ты бо еси Бог наш" (For you are God our God).
 - Хор II (Chorus II):** Includes Tenor (Т.) and Bass (Б.) parts. The lyrics are "Бог наш!" (Our God!) and "А -" (A -).
 - Хор I (Chorus I):** Includes Tenor (Т.) and Bass (Б.) parts. The lyrics are "(Закр. ртом)" (Mouth closed) and "Раз - ве Те - бе и - но - го не зна - ем И - мя Тво - е и - ме -" (How can we know the name of the Lord - our God - and we do not know the name of the Lord - our God -).
 - Хор I (Chorus I):** Includes Soprano (С.), Alto (А.), Tenor (Т.), and Bass (Б.) parts. The lyrics are "При - ди - те все вер - ни -" (Come, all return -) and "- ну - ем" (- we will).
 - Хор II (Chorus II):** Includes Tenor (Т.) and Bass (Б.) parts. The lyrics are "Бог наш," (Our God,) and "Бог наш" (Our God).
- Piano Part:** The piano accompaniment is written in the bass clef. It includes dynamic markings like *p* and *mf*, and a section marked "Светло" (Brightly) with a tempo change to quarter note = 56.
- Other Markings:** The score includes rehearsal marks 1 and 2, and a page number 10113 at the bottom.

Однако в контексте замысла автора детские голоса не противостоят, а скорее подхватывают истаивающие в пространстве надломленные мужские голоса, символизирующие, по словам Тевосояна, покаянную молитву людей того поколения, которое в течение многих десятилетий было отлучено от Бога, от веры и теперь произносит «запретное» слово «Господи». «И только безгрешными детскими устами, в которых еще теплится надежда будущего спасения может вымолвиться: “...помилуй...”» [5, с. 187]. Таким образом, № 5 «Господи, помилуй» становится драматургическим центром всего произведения, в котором соединяются чувство радости от встречи воскресшего Господа с молитвенным предстоянием пред Ним; трагедия народа, отошедшего от православной веры, — с надеждой на возвращение в родное лоно.

Драматургическую линию, представляющую образ «земного мира», продолжает № 7 «Тебе поем». Это каноническое песнопение Евхаристического канона Литургии, во время которого происходит Таинство Таинств — преложение хлеба и вина в Тело и Кровь Христову, переосмыслено в хвалебное пение типа народного празднества. Подобному впечатлению способствуют многократное повторение текста песнопения в подвижном темпе, ритмические группировки, вносящие элементы танцевальности, наконец, добавление к каноническому тексту песнопения торжественного пения «аллилуиа» (рисунок 4).

Завершается эта драматургическая линия № 9 «Во Царствии Твоем» с приведенным полностью текстом заповедей блаженств (Мф. 5: 3–12), являющихся важным разделом назидательно-проповеднической части богослужения Литургии. Здесь данный текст воспринимается словно итог пути навстречу Господу, к следованию его заповедей после долгого пути покаяния, очищения, примирения.

Разделы, относящиеся к линии *личного религиозного чувства*, также занимают важное место во второй части произведения, обрамляя народный хвалебный гимн Господу «Тебе поем». Это — две покаянные молитвы иеросхимонаха Парфения Киевского в № 6 «Молю Тебе» и № 8 «Исповедую Тебе». Схожий по характеру текст личной исповеди получил идентичное музыкальное воплощение в обоих номерах, написанных для солистов, произносящих молитву на фоне напряженного хорового звучания, избыливающего хроматизмами.

Рисунок 4 — «Тебе поем», «Аллилуиа»
“We praise thee”, “Alleluia!”

The image shows a musical score for a choral piece. At the top, it is marked '♩ = 62-64 Легко, одушевленно' (Moderato, lively). The score is written for Soprano (С), Alto (А), and Chorus (Хор). The lyrics are in Russian and English. The Russian lyrics are: 'Те - бе по - ем, Те - бе по - ем, Те - бе бла - го - сло - вим, Те - бе бла - го - да - рим. Го - спи ди и мо - лим и мо - лим - те - ся'. The English lyrics are: 'We praise thee, we praise thee, we praise thee, we praise thee. We praise thee, we praise thee, we praise thee, we praise thee.' The score consists of three systems of music, each with vocal lines and piano accompaniment.

© 2017. Andrew B. Kovalev
Moscow, Russia

“EASTER SUNDAY” BY V. I. RUBIN: GENRE AND DRAMATURGIC FEATURES

Abstract: The object of the study is the cyclic choral work by V. I. Rubin entitled “Easter Sunday” in nine parts, referring to the type of non-traditional genres of Russian sacred music, of extra-service purpose, different composition of performers and textual basis. The subject of the research is the identification of genre and dramatic features of this work, conditioned by its connection with the liturgical and singing tradition, on the one hand, and freedom in the presentation of canonical Church Slavonic texts, and the construction of the choral cycle on the other. We give particular attention to the figurative and thematic content of the work at the level of two-part nature, including story-event and “prayer” small cycles, and also at the level of dramatic lines that are the embodiment of the generalized description of the “earthly world” and personal religious feelings. The results of the research testify to the originality of the figurative and thematic organization and musical composition of the spiritual and musical work related to the type of non-traditional genres whose task is to familiarize the broad strata of the population with different attitudes towards religious issues and the origins of our national culture.

Keywords: Easter, Liturgy, genre, oratorio, chant, tradition, worship, concerts.

Information about the author: Andrew B. Kovalev — PhD in Arts, Associate Professor, Academy of Choral Art, Festivalnaya St., 2, 125565 Moscow, Russia. E-mail: info@axu.ru

Received: March 16, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Guljanickaja N. S. *Pojetika muzykal'noj kompozicii. Teoreticheskie aspekty russkoj duhovnoj muzyki XX veka* [Poetics of the musical composition. Theoretical aspects of Russian sacred music of the XX century]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2002. 432 p. (In Russian)
- 2 Kovalev A. B. Liturgicheskie osnovy “Zapechatlennogo angela” [Liturgical basis of the “Sealed Angel”]. *Muzykal'naja akademija* [Academy of Music]. Moscow, Kompozitor Publ., 2007, no 4, pp. 16–23. (In Russian)
- 3 Kovalev A. B. Tipologija zhanrov russkoj duhovnoj muzyki vtoroj poloviny XIX — nachala XXI veka [Typology of genres of Russian sacred music of the second half of XIX — beginning of the XXI century]. *Muzykal'naja akademija* [Academy of Music]. Moscow, Kompozitor Publ., 2015, no 4, pp. 54–59. (In Russian)
- 4 Markelov S. YU. Propoved', vyrazhennaya zvukami [A sermon in sounds]. *Pravmir.ru*. Available at: <http://www.pravmir.ru/propoved-vyrazhennaya-zvukami/> (accessed 15 February 2017). (In Russian)
- 5 Tevosyan A. T. Liturgicheskie pesnopeniya “Svetloe Voskresenie” [Liturgical chants “Easter Sunday”]. *Muzykal'no-poeticheskie gorizonty. Vladimir Rubin — kompozitor, filosof, poeht. Stat'i, besedy, vospominaniya* [Musical and poetic horizons. Vladimir

- Rubin — composer, philosopher, poet. Articles, conversations, memories]. Moscow, Izdatel'stvo RGGU Publ., 2012, pp. 179–190. (In Russian)
- 6 Tevosyan A. T. Svetloe Voskresenie [Easter Sunday]. *Muzykal'naya zhizn'*. 1991, no 4, p. 14. (In Russian)
- 7 Hvatova S. I. *Pravoslavnaya pevcheskaya tradiciya na rubezhe XX–XXI stoletij* [Orthodox singing tradition at the turn of the 20th–21st centuries]. Maikop, IP O. G. Magarin Publ., 2011. 412 p. (In Russian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. М. И. Шарабарин
г. Белгород, Россия

РОЛЬ ПОЛИТЕМБРОВЫХ НАРОДНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ АНСАМБЛЕЙ В КОЛЛЕКТИВНОМ МУЗИЦИРОВАНИИ РОССИИ XI–XIX СТОЛЕТИЙ

Аннотация: Уже в глубочайшей древности широкое распространение получила музыка, исполняемая политембровыми ансамблями. Функции смешанных ансамблей народных инструментов в Древней Руси были самыми разнообразными, но народно-инструментальный ансамбль XI столетия был представлен преимущественно в досуговой роли, которая отнюдь не поощрялась служителями церкви. Важнейшими представителями национально-фольклорного инструментализма были музыканты-скоморохи. На протяжении многих веков они являлись основными носителями древнейших верований в сфере культуры, неукословно следующими традициям язычества. Коллективное музицирование на русских народных инструментах было незаменимо в любой праздничной ситуации и вместе с тем являлось важным компонентом музыкально-эстетического украшения быта крупных сановных особ и самих царей. Между тем инструментальный состав таких смешанных ансамблей был очень изменчивым и возникал спонтанно. К середине XIX столетия находится еще больше красноречивых подтверждений деятельности смешанных ансамблей народных инструментов. В фольклорной среде смешанные ансамбли подобного рода, при всей стихийности своего функционирования, становились частыми участниками различных обрядов, ритуальных действий, календарных праздников.

Ключевые слова: ансамбль, народные инструменты, ансамбль народных инструментов, политембровый ансамбль народных инструментов, политембровый народно-инструментальный ансамбль.

Информация об авторе: Михаил Иванович Шарабарин — кандидат искусствоведения, заслуженный работник культуры РФ, доцент, Белгородский государственный институт искусств и культуры, ул. Королева, д. 7, 308033 г. Белгород, Россия. E-mail: mixailsharabarin@mail.ru

Дата поступления статьи: 12.04.2017

Дата публикации: 15.09.2017

Свои этические и эстетические представления, музыкальные мысли, эмоции и чаяния русский народ передавал в коллективном инструментализме испокон веков. Нередко это были монотембровые ансамбли — хоры рожечников, ансамбли кугикл, позднее — дуэты и трио гармонистов. Между тем уже в глубочайшей древности широкое распространение получила музыка, исполняемая политембровыми ансамблями. Первые четко обозначенные свидетельства коллективного музицирования в смешан-

ных ансамблях русских народных инструментов, дошедшие до наших дней, относятся к XI в. и зафиксированы, главным образом, в «Повести временных лет». Согласно одному из повествований этого летописного материала, являющегося, по свидетельствам историков, сводом летописей более раннего времени, игумен Печерского монастыря Феодосий при посещении князя Святослава Ярославовича лицезрел следующую картину: перед ним предстал состав смешанного ансамбля русских народных инструментов. Одни играли на гусях, другие — на духовых инструментах. Возникла зрелищная сцена, когда все играют на инструментах и веселятся! И это, подчеркивает автор летописи, есть традиционный обычай играть перед Святославом Ярославовичем¹.

Музицирование средствами смешанного ансамбля русских народных инструментов функционально ориентировано здесь на музыку веселую, скорее всего, связанную с плясовыми жанрами русского фольклора. Важно отметить, что смешанный народно-инструментальный ансамбль XI столетия представлен исключительно в досуговой роли: он предназначен для развлечения крупной сановной особы — великого князя.

Необходимо подчеркнуть, что служителями церкви досуговая функция ансамблей подобного рода отнюдь не поощрялась уже в то время. Все внимание Святослава Ярославовича, судя по реакции игумена Феодосия, уделяется делам мирским, а когда же думать о душе? Не случайно он подошел к князю со скорбью и укоризной: «Будет ли сице въ он век будущий?»² [7, с. 49].

Функции смешанных ансамблей народных инструментов в Древней Руси между тем могли быть самыми многообразными — они были, согласно данным летописей, неотъемлемым компонентом воинского дела. К примеру, при наступлении войск князя Святослава Всеволодовича на волжский город Ошель в 1219 г., как гласит «Тверская летопись», князем, после приказа всем вооружиться «и стяги наволочив» (т. е. подняв знамена), было велено играть на разнообразных инструментах, и тогда музыканты древнего войска «удариша в накры и в органы, и в трубы, и в сурны, и в посвистели» [3, с. 246].

Преимущественно функция смешанных ансамблей была связана с организацией досуга. В уже цитированной «Повести временных лет» приводится колоритный рассказ об искушении святого Исакия, к которому под видом ангелов и Христа явились бесы: «И сказал один из бесов, которого называли Христом “Възмете сопели, бубны и гусли и ударяйте а т ны Исакий спляшет”. И удариша а сопели и в гусли и в бубны, и начаша им играти» [3, с. 246].

Из этого повествования следует, что даже при всем своем благочестии Исакий не может устоять против зажигательной музыки смешанного народно-инструментального ансамбля, составленного из русских фольклорных духовых инструментов, гуслей, бубнов. Ритм этих инструментов, яркость их звучания неумолимо, даже гипнотически побуждают благочестивого праведника к неистовой пляске, противодействовать которой ему оказалось не под силу.

Коллективное народно-инструментальное музицирование скоморохов было неизменным компонентом ритуальных действий, магических обрядов. Так, согласно

¹ «...многя играюща пред ним: овы гусленыа гласы испущающим, и инем мусикийска гласящем, иня же органна, — и тако всемь играющим и веселящимся яко же обычай есть пред князем» [7, с. 48–49]. Под органами в древних азбуковниках понимались различные «гудебные сосуды», в частности, трубы, свирели, рога, тимпаны и др. [3, с. 252].

² «Будет ли так на свете том?»

сведениям XI в., на древнерусской крестьянской свадьбе музыканты «творять с бубны и с сопельми и с многими чюдеса бесовьскими» [3, с. 107]. Значительно позднее, в XVI в. в троицкую субботу, день погребального обряда — тризны по умершим, как свидетельствует «Стоглав», после того, как «по погостом сходятся мужи и жены на жальниках (*кладбищах*. — М. Ш.) и плачутся по гробом умерших с великим воплем», наступает черед скоморохов: «всякое игранье <...> и гусли, и смыки, и сопели, в всякое гудение, и глумление, и позорище, и плясание» [3, с. 247].

Важнейшими представителями национально-фольклорного инструментализма были музыканты-скоморохи. На протяжении многих веков они являлись основными носителями древнейших верований в сфере культуры, неукоснительно следующими традициям язычества. Примечательной в этом отношении представляется точка зрения Ю. В. Келдыша: «Так называемое “крещение Руси” не означало коренного переворота в мировоззрении русских людей. Среди некоторых групп населения христианство было известно и до этого события, в широких же народных массах оно прививалось медленно, и они еще долгое время продолжали поклоняться своим старым богам, сохраняя верность исконным языческим обычаям и обрядам» [6, с. 23–24].

На одной из многочисленных миниатюр Радзивиловской летописи — принадлежащих к числу первых лицевых, т. е. иллюстрированных рукописей, созданных, как полагают историки, в начале XIII в., изображены бесы, играющие на гусях, бубнах, различных духовых инструментах. Если учесть, что под подобным музицированием «бесов» чаще всего ревнителями православного культа понималось музыкальное искусство скоморохов — именно как активных носителей языческих обрядов, то становятся очевидными причины резко отрицательных характеристик скоморошеских народно-инструментальных ансамблей со стороны православия. Игра скоморохов характеризуется крайне негативными оценками, типа «идолослужения», «богомерзких игр», «играния бесовского», «сатанинской прелести» и т. п. Соответственно, коллективная игра на таких инструментах, как «гусли и скрипели и сопели и бубны и иныя бесовския игры», тем более при которой исполнители в смешанных ансамблях музицируют, «бесяся и скача и скверные песни припевая» [3, с. 247], теперь становится совершенно недопустимой³.

Эта недопустимость усиливалась еще и тем, что апелляция к развлечению всегда имеет гораздо больше почитателей, чем апелляция к душе человека, его разуму и глубокому чувству. Со всей очевидностью это выражено уже в «Патерике Киевского Печерского монастыря», составленном в начале XIII в. В этом сборнике повестей об основании монастыря и его монахах мы читаем: «...дьявол лстить и другими нравы, всяческими лестьми превабляя ны от бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальи. Видим бо игрища утолочена, и людий множество на них, яко упихати начнуть друг друга, позоры деюще от беса замышленаго дела, а церкви стоять [пусты]» [3, с. 243].

Хотя уже в силу самой бесписьменности музыка по самому своему определению не могла сохраняться, и потому о ее характере можно строить лишь гипотезы, есть все основания предположить, что жанровый состав той досуговой музыки, под которую, например, был принужден плясать благочестивый Исакий, составляли плясовые наигрыши, бойкие и необычайно темпераментные «скоморошины», веселые куплеты

³ Необходимо акцентировать внимание на том, что любые проявления скоморошеского музицирования есть отражение самого национально-фольклорного русского искусства. В данной связи А. А. Банин подчеркивает: «Не от скоморохов все эти традиции пошли и не ими заведены. Они — лишь участники и желанные гости на тризнах, на игрищах и на других проявлениях этой культуры» [5, с. 178].

и прибаутки — т. е. жанры, неразрывно связанные прежде всего с песенно-плясовым фольклором.

Коллективное музицирование на русских народных инструментах было незаменимо в любой праздничной ситуации и вместе с тем являлось важным компонентом музыкально-эстетического украшения быта крупных сановных особ и самих царей. Документальные свидетельства повествуют о том, что Иван Грозный держал при себе скоморохов и даже нередко плясал под их музыку, а, по авторитетным свидетельствам, на свадьбе царя Михаила Федоровича «гостей увеселяли так называемые “веселые”, попросту скоморохи, гусельники, домрачей и даже скрыпотчики» [5, с. 18].

Между тем инструментальный состав таких смешанных ансамблей был очень изменчивым и возникал спонтанно. Сколь быстро ансамбли возникали, столь же быстро свое функционирование и прекращали. Инструментальная традиция в целом в России была менее развита, чем на Западе, в силу неприятия православием инструментализма в литургии (голос, согласно канонам православия, самодостаточен для вознесения молитвы к небесам).

Богоугодными же вне храма инструменты на Руси были лишь тогда, когда находились в руках праведников. Согласно древнерусским лицевым псалтырям, с их каноническим сюжетом «Царь Давид составляет псалтырь», мы нередко встречаем изображение царя, у которого на коленях — гусли. Но если, согласно другому варианту того же канонического сюжета, вместо гуслей в его руках псалтырь, то музыкальное пространство создается благодаря тому, что вокруг царя собираются музыканты, играющие на разнообразных русских народных инструментах [5, с. 46–54].

В русле настоящего исследования представляет особую важность тот факт, что древнерусские художники подписывают их названия или специализацию определенного инструменталиста в коллективном музицировании («лик домер», «лик сурначеев», «лик бубников» и т. д.). Более того, как правило, *изображенные в подобных канонических композициях русские народно-инструментальные ансамбли именно смешанные.*

До наших дней дошло колоритное описание несохранившейся фрески Грановитой палаты Московского кремля «Пир неправедного судьи». В 1672 г. эта фреска была детально описана выдающимся русским художником С. Ф. Ушаковым совместно с подьячим Н. Клементьевым следующим образом: «Стоит полата, а в полате сидит судия <...>. За местом его поставец, у поставца сидит человек, играет в домру <...> сидят подле стола на скамье людие и играют в гусли и в скрыпки и в свирели и в волынки и в домры» [3, с. 251–252].

Здесь уже представлен достаточно многочисленный смешанный ансамбль русских народных инструментов, где наряду с инструментами с акцентно-гаснущей природой звукообразования — древними домрами — широко представлены также инструменты с мягко-долгозвучной природой атаки и ведения звука — скрипки, свирели и волынки.

В фольклорной среде смешанные ансамбли подобного рода, при всей стихийности своего функционирования, становились частыми участниками различных обрядов, ритуальных действий, календарных праздников и т. д. Сама политембровость, идущая от принципиально различных типов звукообразования — с тянущимся и дискретным звуком — обостряет и ярко подчеркивает не только динамическое, но и красочное начало музыки.

Именно поэтому столь колоритными предстают в народной русской практике подобные ансамбли в функции темброносителей любого веселья, праздничного дей-

ства. Во Пскове XVI в. в канун Рождества святого Иоанна Предтечи жители чуть ли не всего города предаются веселью танцевальной музыки, играя в ансамблях из бубнов, сопелей и струнных щипковых инструментов. «Во святую ту ночь, мало не весь град взматется и взбесится, бубны и сопели и гудением струнным, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканием и плясанием <...> стучат бубны, и глас сопелей и гудут струны» [3, с. 248].

Еще больше красноречивых подтверждений деятельности смешанных ансамблей народных инструментов в фольклорном плясовом музицировании мы находим к середине XIX столетия — они фиксируются в том же издании К. А. Верткова: «Зимой, особенно на рождественских святках, собираются девки и молодые парни к кому-нибудь в избу, играют <...> пляшут под звуки балалайки, дудки из камышовых дудочек, называемых жалейками», — свидетельствует один из очевидцев народного праздника в Воронежской губернии. Примерно к тому же периоду времени, к 1860 г., относится сообщение из Тверской губернии о том, что в праздничные дни не только водят хороводы, пляшут и поют песни, но «и играют в гармоники и балалайки» [3, с. 157].

Аналогичные описания можно нередко обнаружить у этнографов, фольклористов середины XIX столетия и во многих других регионах России. К примеру, в Красноярском крае мы находим следующие свидетельства: «Первые дни Рождества проходили во взаимных поздравлениях, но с 4-го дня начинался праздник молодежи, которая могла веселиться вовсю <...> и с балалайками и гармониками в руках, целой гурьбой отправлялись по знакомым» [1, с. 9–10]. Колоритно в том же регионе также повествование о святочных посиделках минусинских крестьян: «Вот кто-то шумно с колокольчиками и бубенчиками подъехал к воротам. Через минуту двери в горницу с шумом растворяются, и входят замаскированные <...> С ними даже своя домашняя музыка — балалайка, иногда скрипка и гармония <...> Забрехала балалайка и заиграла гармония» [4, с. 26–33].

Музыка для смешанных ансамблей народных инструментов в отечественном исполнительском искусстве имеет многовековые традиции в народном быту. Уходящие своими корнями в далекую древность, известные нам еще с XI столетия, эти традиции во многом связаны с политембровыми ансамблевыми коллективами, причем даже в самых древних свидетельствах они обычно преобладают. Хотя преимущественное ориентирование подобных коллективов было связано с плясовыми жанрами русского фольклора, функции смешанных ансамблей народных инструментов были довольно разнообразными и простирались от музыкального оформления любых ситуаций отдыха, развлечения, праздничных гуляний, до сигнальной функции в воинском деле и обслуживания многообразных ритуальных действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аверин В. А.* Таланты народные. Из истории исполнительства на русских народных инструментах в красноярском крае. Красноярск: Государственный центр Народного Творчества Красноярского края, 1998. 352 с.
- 2 *Асафьев Б. В.* О народной музыке. Л.: Музыка, 1987. 248 с.
- 3 *Вертков К. А.* Русские народные музыкальные инструменты. Л.: Музыка, 1975. 280 с.
- 4 Записки Сибирского отделения Русского географического общества. СПб., 1858. Кн. 5. 258 с.

- 5 *Имханицкий М. И.* Становление струнно-щипковых народных инструментов в России. М.: ГМПИ им. Гнесиных, 2008. 368 с.
- 6 История русской музыки: в 10 т. М.: Музыка, 1983. Т. 1. 393 с.
- 7 Музыкальная эстетика России XI–XVIII веков. М.: Музыка, 1973. 248 с.

© 2017. Mikhail I. Sharabarin
Belgorod, Russia

THE ROLE OF POLYTEMBROUS NATIONAL INSTRUMENTAL ENSEMBLES IN COLLECTIVE MUSICAL PERFORMANCE OF RUSSIA IN XI–XIX CENTURIES

Abstract: As early as the great antiquity, music, performed by polytembrous ensembles, became widespread. The functions of mixed ensembles of folk instruments in Ancient Rus were highly varied, but most of the time folk instrumental ensemble of the XI century performed a leisure function, which was by no means encouraged by the ministers of the church. The most important representatives of national and folklore instrumentalism were scomorokhs (musicians-clowns). For centuries, they remained the main bearers of the oldest cultural beliefs, unswervingly following the traditions of paganism. Collective music playing on Russian folk instruments was indispensable in any festive occasion and at the same time served as an important component of musical and aesthetic decoration of everyday life of the major dignitaries and the kings. It should be noted, that the instrumental composition of such mixed ensembles was very volatile and arose spontaneously. By the middle of the XIX century appears even more eloquent evidence of the activities of mixed ensembles of folk instruments. In a folklore environment, mixed ensembles of this kind, for all the spontaneity of their functioning, became frequent participants of the various rites, ceremonies, calendar holidays.

Keywords: ensemble, folk instruments, ensemble of folk instruments, poly-timbre ensemble of folk instruments, poly-timbre folk instrumental ensemble.

Information about the author: Mikhail I. Sharabarin — PhD in Art, Honored Culture Worker of the Russian Federation, Associate Professor, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Koroleva St., 7, 308033 Belgorod, Russia. E-mail: mixailsharabarin@mail.ru

Received: April 12, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Averin V. A. *Talanty narodnye. Iz istorii ispolnitel'stva na russkikh narodnykh instrumentakh v krasnoiarском krae* [Popular talents. From the history of performing on Russian folk instruments in the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk, Gosudarstvennyi tsentr Narodnogo Tvorchestva Krasnoiarского kraia Publ., 1998. 352 p. (In Russian)
- 2 Asaf'ev B. V. *O narodnoi muzyke* [On folk music]. Leningrad, Muzyka Publ., 1987. 248 p. (In Russian)
- 3 Vertkov K. A. *Russkie narodnye muzykal'nye instrumenti* [Russian folk musical instruments]. Leningrad, Muzyka Publ., 1975. 280 p. (In Russian)

- 4 *Zapiski Sibirskogo otdeleniia Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. St. Petersburg, 1858. Book 5. 258 p. (In Russian)
- 5 Imkhanitskii M. I. *Stanovlenie strunno-shchipkovykh narodnykh instrumentov v Rossii* [The formation of stringed-plucked folk instruments in Russia]. Moscow, GMPI im. Gnesinykh Publ., 2008. 368 p. (In Russian)
- 6 *Istoriia russkoi muzyki v 10 t.* [History of Russian Music: in 10 vols.]. Moscow, Muzyka Publ., 1983. Vol. 1. 393 p. (In Russian)
- 7 *Muzykal'naiia estetika Rossii XI–XVIII vekov* [Musical aesthetics of Russia in XI–XVIII centuries]. Moscow, Muzyka Publ., 1973. 248 p. (In Russian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. И. Н. Зуев
г. Барнаул, Россия

ПУТЬ ОТ ОБРАЗА К СИМВОЛУ. ПОЯВЛЕНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ В РУССКОМ ИСКУССТВЕ НАЧАЛА XX В. КОНЦЕПТА «СКИФ»

Аннотация: В период конфликта культур в оппозиции Восток-Запад в культурном пространстве России начала XX в. появился и распространился концепт «скиф». Возникает он в поэзии символистов, наиболее законченную форму, практически манифестом становится в поэзии А. Блока. Также переосмысливается и вводится в культурную среду концепт «варвар». Оба лингвистических концепта возникают как своеобразные маркеры, знаки, отличающие культуру Запада от культуры Востока. Они проникают из мира искусства в общую культурную картину общественной жизни. Рассматривается путь от знака через образ к приобретению значения символа и символического; функционирование возникших в «неустойчивое» историческое время концептов, которые приобрели широкое распространение, и достигли уровня феноменов общественного сознания.

Ключевые слова: русский символизм, поэзия начала XX в., западный и восточный мир культуры, образ, символ, знак, семиотическая структура, концепт «скиф», культурное знаковое поле.

Информация об авторе: Илья Николаевич Зуев — аспирант, старший научный сотрудник, Алтайский государственный университет, пр. Ленина, д. 61, 656049 г. Барнаул, Россия. E-mail: z_ilya@list.ru

Дата поступления статьи: 17.02.2017

Дата публикации: 15.09.2017

При рассмотрении вопросов концептосферы в искусстве в исследуемой нами теме следует сразу оговориться, что культурно-исторический концепт «скиф», «скифское» практически не имеет ничего общего с определением этих понятий, сложившихся в исторической науке и этнографии. Нами будет рассмотрено появление этого концепта в сфере искусства и литературы, в этом поле значений и представлений, которые в исторической памяти будут определять картину своей эпохи. Именно сейчас в пространстве искусства и культуры реактуализуется «варварское», «скифское» как некий знак самоидентификации России в мировом культурном пространстве. Поэтому представляется важным изучить границы проблемного поля этого концепта.

Первая мировая война и последующие за ней события привели к обострению противостояния России и Европы, что нашло свое отражение в обращении к концепту «скиф» как к фигуре самоназвания в произведениях А. Блока, Ф. Сологуба, М. Волошина и В. Брюсова. В произведениях этих авторов «скиф» предстает как храбрый, дикий и беспощадный воин, принадлежащий иной, неевропейской цивилизации. Появление

концептов «скиф» и «варвар» как концептов самоопределения прежде всего указывает на обострение полемики между Россией и Европой. Поскольку всякая полемика требует общего языка между противниками, в данном случае таким языком становится язык противника, и вместе с этим он подвергается культурной аннексии, что влечет за собой семиотическое обезоруживание другой стороны. «В ходе полемики противники обменялись оружием, и кличка сделалась лозунгом» [10, с. 612]. В данном случае кличка стала лозунгом, под эгидой которого совершалось формирование общества нового типа, ценности которого были прямо противопоставлены «старым», европейским ценностям. Происходило переосмысление прошлого; в силу этого в модели формирования исторической реальности вновь появляется концепт «скиф» как фигура, способная объяснить историческое противостояние России и Европы.

Наиболее полную реализацию в качестве элемента модели интерпретации исторической реальности концепт «скиф», на наш взгляд, нашел в оде «Скифы» А. Блока. Как первоначальную причину создания произведения следует рассматривать современное А. Блоку событие: в январе 1918 г. в газетах было опубликовано сообщение о срыве сепаратных переговоров между Германией и Советской Россией. На фоне этого западные районы страны были оккупированы германскими войсками, а в Германии тем временем могли бы развернуться революционные события, аналогичные событиям, происходившим в России. Эта историческая ситуация была воспринята А. Блоком как крушение европейской цивилизации, и вина за гибель цивилизации, с его точки зрения, лежит на самих европейцах, тогда как революционный путь обновления, на который вступила Россия, дает шанс построения новой «евразийской» культуры взамен «одряхлевшей» европейской.

В своем дневнике от 11 января 1918 г. Блок писал: «Мы свою историческую миссию выполним. Если вы хоть “демократическим миром” не смоее позор вашего военного патриотизма, если нашу революцию погубите, знайте, вы уже не арийцы больше. И мы широко откроем ворота на Восток. Мы на вас смотрели глазами арийцев, пока у вас было лицо. А на морду вашу мы взглянем нашим косящим, лукавым, быстрым взглядом. Мы — варвары? Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары. И наш жестокий ответ, страшный ответ будет единственно достойным человека. Мы выполним свою черную работу — вскрыть Правду» [3, с. 317–318].

Следует оговорить, что доминирование символической модели исторических представлений в русском обществе лишь на начальном этапе хронологически совпадает с символизмом как литературным течением. Символическая модель, в отличие от художественного течения, остается востребованной до конца второго десятилетия XX в. Основное различие заключается в том, что для символизма как художественного течения «базисной трансформацией является превращение «реалий» и жизненных обстоятельств в знаки, референциальная функция которых сведена к минимуму» [16, с. 33], тогда как в символической модели интерпретации истории референтом является событие прошлого, которое осмысливается как предтеча событий современности. Следовательно, понимание смысла, извлекаемого современниками из символической модели интерпретации исторической реальности, невозможно без референта.

На наш взгляд, можно выделить по крайней мере два референта данной модели интерпретации исторической реальности: во-первых, этим референтом в данном случае выступает представление о скифском государстве как о государстве «военной демократии», что определяет равенство его граждан; во-вторых, мотив противостояния скифов и Римской империи, приведшего к падению последней. Положение о том, что

скифы являются предками славян, более не нуждалось в какой-либо правдоподобности, в условиях кризиса национальной идентичности оно стало, видимо, убежденностью. А. Белый отмечал, что русское общество «читало современность в прообразах прошлого: то, что казалось нам в прошлом нелепым, оказалось символичным, получило чисто внутренний смысл» [1, с. 358].

А. Блок ставит эпиграфом строки из стихотворения Вл. Соловьева: «Панмонголизм! Хоть имя дико, / Но мне ласкает слух оно». Здесь эпиграф выполняет функцию культурного символа и отсылает к историософским взглядам Вл. Соловьева. Он полагал, что гибель ждет европейскую цивилизацию, поскольку в XX в. «китайская идея порядка столкнется с западной идеей прогресса» [9, с. 490] и в результате победу одержит восточная цивилизация. Россия также погибнет от восточной цивилизации, ее ждет участь Византии, поскольку она «утратила представление о вечной правде» [19, с. 788]. Это убеждение и легло в основу стихотворения «Панмонголизм»:

Судьбою павшей Византии
Мы научиться не хотим,
И все твердят льстецы России:
Ты — третий Рим, ты — третий Рим.
О Русь! Забудь былую славу,
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.
Смирится в трепете и страхе
Кто мог завет любви забыть,
И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть [19, с. 445].

Необходимо отметить, что мотив гибели России как наказания за утрату истинных ценностей был чрезвычайно актуален. На это может указывать тот факт, что в четвертом номере Вестника Европы за 1896 г. наряду со статьей Вл. Соловьева «Россия и Византия» было опубликовано стихотворение М. Марика (с. 786), в котором предсказывается гибель России:

Повержена во прах вчерашняя святыня
Нет больше божества... Осмеяны жрецы

Но мотив обреченности России на гибель противоречит общему пафосу произведения А. Блока. Роль этого мотива становится понятной, если вспомнить, что «оперирование символом как “знаком” предполагает не реконструкцию этого знака, а реконструкцию ситуации порождения как денотата, так и знака» [17, с. 100]. Осознание ситуации как кризисной предполагает альтернативность дальнейших вариантов развития. Реализованность той или иной альтернативы зависит от того, как обществом будет понята и осуществлена его историчность. Русское общество свою историчность реализовало как возможность революционного обновления, и, на наш взгляд, в символической модели исторического мировоззрения выражается отношение знаковой системы культуры к реальному историческому процессу.

Революционная ситуация возникает в результате кризиса национальной идентичности и реализуется как «состояние взрыва», характеризуясь «моментом отождествления всех противоположностей» [15, с. 245]. Для самосознания революционных эпох так же характерно «отождествление всех противоположностей». Это позволяет предположить, что процесс самоидентификации общества в революционную эпоху приводит к доминированию символической модели интерпретации исторической реальности, в которой отождествление всех противоположностей — это одновременно и указание на разрыв «связи времен», и на возможность его преодоления в процессе исторического действия, когда прошлое воспринимается в его «жизненно-непосредственной деятельности» [7, с. 199] как инструмент преобразования действительности.

На взаимосвязь понятий символа и революции указывал К. А. Свасьян: «Революция — вот иное имя символа, не объяснение жизни в абстрактных эмблемах, а перделка ее в ритме разоблачения старого и облачения в новое сознание» [17, с. 96]. Революция воспринимается как событие, прерывающее цепь событий предшествующей истории. Действительно, революционные эпохи характеризуются прежде всего стремлением к тотальной «перделке общества, <...> стремлением раскрыть крайние возможности общества, которые актуализируются, когда оно хочет быть, и быть другим» [18, с. 20]. В этом контексте становится понятным стремление к символическому осмыслению исторической реальности. А. Ф. Лосев подчеркивал, что в революционных условиях особую роль выполнял символ как «модель для огромных социально-исторических сдвигов, <...> являясь конструктивно-техническим принципом для человеческих действий и волевой устремленности» [7, с. 253–254]. Следовательно, для общества оказывается актуальным символический механизм интерпретации истории. В революционные эпохи история воспринимается как другая реальность, разрушающая данные культурные ценности и служащая фундаментом для созидания новых, поскольку именно в переломные эпохи история воспринимается «не как то, что было, а как то, что есть, как присутствие» [18, с. 475]. Таким образом, ключевым признаком символической модели интерпретации исторической реальности служит принцип восприятия исторического события как события, происходящего в актуальном настоящем, что позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о неизбежном доминировании символической модели в революционную эпоху. В «Скифах» А. Блока современные события, безусловно, воспринимаются как продолжение событий мифологизированного прошлого. С другой стороны, многозначность символического механизма смыслопорождения служит причиной восприятия прошлого, в результате которого появляется новый культурный опыт и происходит разрушение «застывших» форм культуры, радикальное преобразование культуры как моделирующей системы.

Основополагающим элементом революционного мировоззрения является идея кардинального преобразования действительности, и именно в этом состоит притягательность революционного мировоззрения, поскольку, как отмечал Н. А. Бердяев, «титаническая экзальтация революционной воли предполагает существование реального мира, над которым совершается акт, акт его изменения. Каждый чувствует себя участником общего дела, имеющего мировое значение. Жизнь поглощена не борьбой за свое существование, а борьбой за переустройство мира» [2, с. 123–124]. Социальная революция была воспринята русским обществом как семантическая доминанта, которая осветила предшествующие события русской истории, соединила их причинно-следственными связями в символическом конструкте «скифа», который воспринимался как «конструктивная сила», способная преобразовать действительность именно в силу того,

что состоялся радикальный разрыв с традициями XIX в. Видимо, совсем не случайно, что «скиф» как символический конструкт послужил своеобразным мировоззренческим «водоразделом» взглядов русского общества не только на русскую историю, но и на современность. Ряд современников приравнивали «Скифов» к «Клеветникам России» А. С. Пушкина, А. Белый писал Блоку: «Читаю с трепетом тебя. “Скифы” огромны и эпохальны» [1, с. 282]. И. А. Бунин, не принимающий революционных событий 1917 г. и расценивающий их фактически как второе нашествие татаро-монголов, погубивших Русь, писал: «Один великий приступ Русь “перемогла”. Но вот надвинулся новый, и, быть может, еще более страшный. Далеко той, прежней роже, что бахвалилась на пиру в Киеве, до рожи нынешней, что бахвалится на пиру в Москве» [5, с. 360]. Он направлял свой публицистический пафос и против «Скифов» А. Блока, воспринимая их как пропаганду большевистского режима, лишенную каких-либо исторических представлений: «В степи, где нет культуры, нет сложного и прочного быта, а есть только бродячая кибитка, время и бытие точно проваливаются куда-то, и памяти, воспоминаний почти нет» [5, с. 369]. В качестве достойного референта символической модели интерпретации исторической реальности Бунин видел «Киевскую эпоху нашей истории» [5, с. 362]. Однако на протяжении XVIII–XIX вв. русское общество так и не смогло воспринять исторические события эпохи Киевской Руси как события, актуально присутствующие в настоящем, видя в них дела седой древности, интересные современнику только с эстетической точки зрения, не актуальные для настоящего. Исторические события эпохи домонгольской Руси никогда не составляли «сложной реальности» духовной жизни русского общества, существуя лишь в качестве реконструкции, не способной оказывать влияние на современность.

Фигура скифа была введена в злободневный контекст современной Блоку действительности не случайно, поскольку варвар выступает как исторический субъект, представитель архаического мира, разрушающий цивилизационные устои общества [14, с. 315]. С другой стороны, как мы уже отмечали выше, начиная со времен Н. М. Карамзина, скиф традиционно воспринимался в России как представитель молодой цивилизации, противостоящий зрелой эллинской. Следовательно, здесь указывается на необходимость создания «концепции живой, могучей и юной России», о чем еще в 1909 г. Блок писал В. В. Розанову [3, с. 277]. Застывшие, заимствованные Россией у Европы формы культуры сковывали потенциал России и грозили ей утратой основ исторического самосознания. Эта ситуация репрезентируется Блоком в цитате из «Слова о полку Игореве» — «крылами бьет беда», но эта же цитата служит указанием на связанность драматических событий древней истории России и современности. В символической модели интерпретации исторической реальности одновременно сосуществуют несколько исторических времен, дополняя и «выговаривая» друг друга. Убежденность Блока в правильности выбранного Россией революционного пути подчеркивается введением мотива пира, так как пир являлся устойчивым средневековым символом победы [7, с. 25]. В пире как символе победы репрезентируется обретение собственной истории в качестве ценности, которая, по мысли Вл. Соловьева, «не только хранится нами как что-то конченное и, следовательно, конечное, как что-то отдельное от нас и, следовательно, внешнее, но и живет в нас самих, и мы живем ею, не переставая, действует в нас, и мы действуем ею» [19, с. 799]. Рискнем предположить, что эпиграф «Скифов» отсылает читателя к этим взглядам Вл. Соловьева. То, что было утрачено русским обществом в конце XIX в., было обретено, по мнению А. Блока, в ходе революционных потрясений, история стала осознаваться людьми через личное чувство сопричастности

прошедшим эпохам. Поэт был хорошо знаком с работой Вл. Соловьева «Философия истории» [19 с. 342–359], где автор указывал на то, что «гибель Византии — это закономерная расплата за утрату истинных ценностей и за отказ «совершенствования, <...> тогда как Россия в XVII в. избежала участи Византии; она осознала свою несостоятельность и решила совершенствоваться. Великий момент этого сознания и этого решения воплотился в лице Петра Великого» [19, с. 356]. Эпиграф, несомненно, отсылает и к этой работе. А. Блок в революции видел «путь совершенствования», который приведет к спасению России, и пытался найти, как пишет Ю. М. Лотман, «спасение для интеллигенции, открывающей себе народную веру и восстанавливающей утраченную связь с народом. <...> Блок вступает как искатель пути, с которым он связывает надежду» [14, с. 26]. В «Скифах» как символической модели интерпретации исторической реальности происходит объединение «генерализирующего символического и конкретно-исторического понимания действительности» [17, с. 515]. Соотнесенность событий современности с событиями русской истории и образует символическую модель интерпретации исторической реальности, представленную в оде А. Блока «Скифы», через символическую модель восстанавливается связь между прошлым и настоящим. Особое внимание автора к историческим событиям было вызвано стремлением понять, с одной стороны, мировую историю, исходя из опыта русской революции, а с другой — понять революцию как закономерное событие в развитии мировой цивилизации, что возможно было только в символической модели интерпретации исторической реальности.

В связи с этим мы приходим к выводу, что обостренная потребность в самоидентификации и повышении уровня национального исторического самосознания приводит к доминированию символической модели исторической реальности в революционную эпоху, когда история воспринимается «не как то, что было, а как то, что есть, как присутствие» [14, с. 475]. Сформированная в условиях кардинального переустройства общества символическая модель интерпретации исторической реальности, в свою очередь, влияет на пересмотр традиционных представлений о месте цивилизации в мировой истории.

Таким образом, анализ реализации концепта «скиф» в моделях интерпретации исторической реальности позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, данный концепт появляется в период становления новой русской культуры, ориентированной на традиции европейской культуры. То обстоятельство, что в этот период русское общество переживало этап активного обучения новому культурному языку, определило доминирование знаковой модели интерпретации исторической реальности. Не случайно «любопытный скиф» осознается как русский дворянин, обучающийся у Европы. Это было явное заимствование чужой, европейской традиции, но появляется оно в качестве фигуры самоназвания культурного субъекта русского общества. В этот период концепт «скиф» следует относить только к дворянской культуре. Дальнейшая трансформация концепта происходит в образной модели интерпретации исторической реальности. В начале XIX в. образ «любопытного скифа», наполненный национальным и историческим (временным) содержанием, становится средством понимания недавнего прошлого, выступая не как заимствованная традиция, а в качестве способа осмысления прошлого и настоящего как единого исторического процесса, оставаясь в рамках исключительно дворянской культуры. В дальнейшем, подчиняясь динамике моделей интерпретации исторической реальности, концепт «скиф» трансформируется в общенациональный символ, через который события прошлого начинают осознаваться как события, актуальные настоящему. В оде концепт «скиф» через

осознание прошлого и настоящего как единого «события», причем «со-бытия», отрицающего разделение общенациональной культуры, объединяет культуру всех сословий в единую национальную культуру. Все это не может не свидетельствовать о принципиально другом уровне исторического и национального самосознания. Следовательно, онтологическими составляющими концепта «скиф» являются фигура самоназвания, способ понимания событий прошлого, репрезентация единой национальной культуры через постижение общего исторического прошлого.

Во-вторых, проанализировав реализацию концепта «скиф» на конкретном историческом материале, мы делаем вывод о закономерности динамики смены моделей интерпретации исторической реальности от знака через образ к символу.

В-третьих, мы приходим к выводу, что выбор модели интерпретации исторической реальности обуславливается внешними факторами, однако роль исторической реальности в социальной реальности, понимающей современность как результат прошлых событий и смену исторических ориентиров, влияющих на национальное и историческое самосознание, определяет модель интерпретации исторической реальности, которая подчиняется своей внутренней динамике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Белый А.* Кризис культуры // Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 260–400.
- 2 *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1989. 224 с.
- 3 *Блок А. А.* Дневники // *Блок А. А.* Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Госполитиздат, 1964. Т. 6. С. 317–381.
- 4 *Богин Г. Г.* Филологическая герменевтика. Калининград: Калининградский гос. ун-т, 1982. 347 с.
- 5 *Бунин И. А.* Иония и Китеж. К 50-летию со дня смерти гр. А. К. Толстого // *Бунин И. А.* Окаянные дни. М.: Сов. писатель, 1990. С. 359–371.
- 6 *Быстров В. Н.* Идея преображения мира в сознании и творчестве Александра Блока. Грани трагедии (1910–1921) // Литература и история. СПб.: Наука, 2001. Вып. 3. С. 359–413.
- 7 *Лихачев Д. С.* Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Искусство, 1999. 280 с.
- 8 *Лосев А. Ф.* Логика символа // *Лосев А. Ф.* Философия. Мифология. Культура. М.: Изд-во Политической литературы, 1991. С. 247–274.
- 9 *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа // *Лосев А. Ф.* Философия. Мифология. Культура. М.: Изд-во Политической литературы, 1991. С. 21–186.
- 10 *Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф. М.: Наука, 1982. 620 с.
- 11 *Лотман Ю. М.* Театральный язык и живопись // *Лотман Ю. М.* Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. С. 234–280.
- 12 *Лотман Ю. М.* Тезисы к семиотике русской культуры. Программа изучения русской культуры // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 407–416.
- 13 *Лотман Л. М.* Реализм русской литературы 60-х гг. XIX в. Л.: Наука, 1974. 350 с.
- 14 *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство-СПб, 1994. 780 с.
- 15 *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Наука, 1988. 280 с.

- 16 Пелепенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М.: АГРАФ, 1998. 340 с.
- 17 Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии. Благовещенск: Благовещенский педагогический колледж, 2000. 280 с.
- 18 Смирнов И. П. Мегаистория. К исторической типологии культуры. М.: Гнозис, 2000. 544 с.
- 19 Соловьев В. С. Россия и Византия // Вестник Европы. 1896. № 4. С. 787–808.
- 20 Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс Культура, 1995. 624 с.
- 21 Ханзен-Леве О. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: Искусство, 1999. 580 с.
- 22 Хачатурян В. Революция и русская культура в концепции // Европейский альманах: История, традиция, культура. М.: Наука, 1993. С. 39–49.
- 23 Чайковская О. Г. «Как любопытный скиф». Русский портрет и мемуаристика второй половины XVIII в. М.: Искусство, 1990. 520 с.

© 2017. Ilya I. Zuev
Barnaul, Russia

THE WAY FROM IMAGE TO SYMBOL. EMERGENCE AND REALIZATION OF THE CONCEPT “SCYTHIAN” IN THE RUSSIAN ART OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Abstract: Period of the clash of cultures in the opposition East – West is the time of emergence and propagation of the concept “Scythian” in cultural space of Russia of the beginning of 20 century. Originating with the poetry of symbolists, it received its most complete, and effectively the manifest form in A. Blok's poetry. Another concept under study, reinterpreted and introduced into cultural environment is “barbarian”. They appear as original markers, the signs distinguishing culture of the West from culture of the East. These linguistic stable structures infiltrate into the general cultural picture of public life from the world of art. The paper also deals with the functioning of concept that came to being in “unstable” historical times and reached the class of public consciousness` phenomena. Among others the way through the sign to the image to assigning of the symbol`s value and symbolical is considered.

Keywords: Russian symbolism, poetry of the beginning of 20 century, western and eastern world of culture, image, symbol, sign, semiotics` structure, concept “Scythian”, cultural sign field.

Information about the author: Ilya I. Zuev — Postgraduate Student, Senior Researcher, Altai State University, Lenin av., 61, 656049 Barnaul, Russia. E-mail: z_ilya@list.ru

Received: February 17, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Belyi A. Krizis kul'tury [The crisis of culture]. *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a worldview]. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 260–400. (In Russian)

- 2 Berdiaev N. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 224 p. (In Russian)
- 3 Blok A. A. *Dnevniky* [Diaries]. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [The collected works: in 8 vols.]. Moscow; Leningrad, Gospolitizdat Publ., 1964, vol. 6, pp. 317–381. (In Russian)
- 4 Bogin G. G. *Filologicheskaiia germenevtika* [Philological hermeneutics]. Kaliningrad, Kaliningradskii gosudarstvennyi un-t Publ., 1982. 347 p. (In Russian)
- 5 Bunin I. A. *Ionii i Kitezkh. K 50-letiiu so dnia smerti gr. A. K. Tolstogo* [Ionia and Kitezkh. The 50th anniversary of the death of count A. K. Tolstoy]. I. A. Bunin. *Okaiannye dni* [Cursed days]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, pp. 359–371. (In Russian)
- 6 Bystrov V. N. *Ideia preobrazheniia mira v soznanii i tvorchestve Aleksandra Bloka. Grani tragedii (1910–1921)* [The idea of Transfiguration of the world in perceptions and works of Alexander Blok. The edges of tragedy (1910–1921)]. *Literatura i istoriia* [Literature and history]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, vol. 3, pp. 359–413. (In Russian)
- 7 Likhachev D. S. *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva* [Essays on the philosophy of art]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 1999. 280 p. (In Russian)
- 8 Losev A. F. *Logika simvola* [Logic symbol]. *Losev A. F. Filosofiiia. Mifologiia. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow, Izd-vo Politicheskoi literatury Publ., 1991, pp. 247–274. (In Russian)
- 9 Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. *Losev A. F. Filosofiiia. Mifologiia. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow, Izd-vo Politicheskoi literatury Publ., 1991, pp. 21–186. (In Russian)
- 10 Losev A. F. *Znak. Simvol. Mif* [Sign. Symbol. Myth]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 620 p. (In Russian)
- 11 Lotman Iu. M. *Teatral'nyi iazyk i zhivopis'* [The language of the theater and painting]. *Lotman Iu. M. Ob iskusstve* [About art]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1998, pp. 234–280. (In Russian)
- 12 Lotman Iu. M. *Tezisy k semiotike russkoi kul'tury. Programma izucheniia russkoi kul'tury* [Thesis for the semiotics of Russian culture. The study of Russian culture program]. *Iu. M. Lotman i tartusko-moskovskaia semioticheskaiia shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow school of semiotics]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pp. 407–416. (In Russian)
- 13 Lotman L. M. *Realizm russkoi literatury 60-kh gg. XIX v.* [Realism in Russian literature of the 60s of the XIX century]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 350 p. (In Russian)
- 14 Lotman Iu. M. *Besedy o russkoi kul'ture* [Conversations about Russian culture]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1994. 780 p. (In Russian)
- 15 Lotman Iu. M. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol'* [In the school of poetic words: Pushkin, Lermontov, Gogol']. Moscow, Nauka Publ., 1988. 280 p. (In Russian)
- 16 Pelepenko A. A., Iakovenko I. G. *Kul'tura kak Sistema* [Culture as a system]. Moscow, AGRAF Publ., 1998. 340 p. (In Russian)
- 17 Svas'ian K. A. *Problema simvola v sovremennoi filosofii* [The issue of symbol in contemporary philosophy]. Blagoveshchensk, Blagoveshchenskii pedagogicheskii kolledzh Publ., 2000. 280 p. (In Russian)
- 18 Smirnov I. P. *Megaistoriia. K istoricheskoi tipologii kul'tury* [Megahistory. Toward a historical typology of culture]. Moscow, Gnozis Publ., 2000. 544 p. (In Russian)

- 19 Solov'ev V. S. Rossiia i Vizantiia [Russia and Byzantium]. *Vestnik Evropy*, 1896, no 4, pp. 787–808. (In Russian)
- 20 Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz*. Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo [Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in the field of mythopoetic]. Moscow, Progress Kul'tura Publ., 1995. 624 p. (In Russian)
- 21 Khanzen-Leve O. *Russkii simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Rannii simvolizm* [Russian symbolism. System of poetic motives. Early symbolism]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 1999. 580 p. (In Russian)
- 22 Khachaturian V. Revoliutsiia i ruskaia kul'tura v kontseptsii [The Russian revolution and the culture concept]. *Evropeiskii al'manakh: Istoriia, traditsiia, kul'tura* [European almanac: History, tradition, culture]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 39–49. (In Russian)
- 23 Chaikovskaia O. G. “*Kak liubopynyi skif*”. *Russkii portret i memuaristika vtoroi poloviny XVIII v.* [“As a curious Scythian”. Russian portrait and memoiristics of the second half of the XVIII century]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990. 520 p. (In Russian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. С. В. Федоткин
г. Москва, Россия

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ФИКТИВНЫЙ ЗРИТЕЛЬ» В КИНО

Аннотация: Статья посвящена проблематике фиктивного зрителя в кино. Это понятие является производным от термина «фиктивный читатель» в литературоведении, и под ним подразумевается воображаемый адресат фильма. Фигура фиктивного зрителя может быть имплицитной или же эксплицитной. Именно взгляд персонажа в камеру выявляет позицию воображаемого адресата, делает его явным, указывает на пространство за кадром. Это может быть жест, выстрел, бросок или любое другое действие, направленное в камеру, что является своего рода диалогом между фильмом и зрителем. В статье проводится параллель между фиктивным зрителем в кино и подразумеваемым зрителем в живописи, а также анализируется множество примеров взглядов в камеру из разных фильмов мирового кинематографа.

Ключевые слова: фиктивный зритель, взгляд в камеру, адресат, интерпелляция, точка зрения, закадровое пространство.

Информация об авторе: Степан Вячеславович Федоткин — аспирант, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова, ул. Вильгельма Пика, д. 3, 129226 г. Москва, Россия. E-mail: chevengurst@yandex.ru

Дата поступления статьи: 27.04.2017

Дата публикации: 15.09.2017

В кинематографе проблема зрителя всегда имеет первостепенное значение. Но, в отличие от реального кинозрителя, смотрящего фильм, существует также его теоретический двойник, а именно «фиктивный зритель» — тот, к кому обращен фильм, кому он адресуется и с кем фильм вступает в прямой диалог.

Фиктивный читатель и фиктивный зритель

Фиктивного зритель — это понятие, производное от «фиктивного читателя» в литературе, которого принято называть «narrataire» во франкоязычной и «narratee» в англоязычной традиции. Фиктивный читатель является повествовательной инстанцией, к которой обращается рассказчик во втором лице и которая не совпадает ни с реальным, ни с абстрактным читателем. Внутри текста повествователь, разумеется отличающийся от реального автора, всегда конструирует собственного воображаемого читателя. Рассказчик может напрямую обращаться к читателю, предвосхищать его ожидания, обманывать и даже спорить с ним. Фиктивный читатель всегда присутствует в тексте, но он может быть выявленным или скрытым, в зависимости от того, вступает ли рассказчик с ним в прямой диалог или нет.

В кино же «фиктивного зрителя» охарактеризовать и описать значительно сложнее. Дэвид Бордуэлл считает, что это понятие к кино вообще неприменимо, поэтому это своего рода теоретический призрак [5, с. 130]. Впрочем, в кинематографе тоже встречаются прямые обращения к зрителю посредством закадрового голоса, но это скорее литературный прием, он далеко не всегда определяет выбор того или иного ракурса в самом фильме. Исключение составляет фильм Ларса фон Триера «Европа» (1991), который начинается с кадра, снятого с точки зрения поезда, движущегося на большой скорости, причем камера наклонена вниз и снимает рельсы. В это время закадровый голос обращается к зрителю на «вы», пытается ввести его в состояние гипноза, и мы понимаем, что зритель занимает место пассажира или путешественника, правда неопределенного. Здесь есть попытка обозначить фиктивного зрителя не только с помощью закадрового голоса, но еще и с помощью движущейся камеры.

Режиссер в прологе может представлять свой фильм, обращаясь напрямую к зрителю. Но тогда это будет своего рода «фиктивный слушатель», к которому закадровый голос или голос персонажа внутри фиктивного мира обращается во втором лице. Есть форма фиктивного читателя в кино, когда к зрителю обращаются через письменный текст или посредством титров. Можно обозначить, таким образом, три формы: 1) фиктивный зритель, 2) фиктивный слушатель и 3) фиктивный читатель в кино. В кино наиболее важной является первая форма, именно на ней хотелось бы заострить внимание.

Взгляд в камеру

Вольф Шмид выделяет два действия для обозначения фиктивного читателя в литературе — это апелляция и ориентировка [3, с. 100–101]. Апелляция является авторским указанием читателю, тогда как ориентировка учитывает реакции читателя на слова рассказчика, иногда она может вылиться в спор с ним. Существует ли кинематографический эквивалент обращения и апелляции? Франческо Касетти называет это «интерпелляцией», что является прямым обращением к фиктивному зрителю посредством взгляда в камеру [8, р. 16]. Закадровый голос и титры еще не указывают на фиктивного зрителя; ключевым и чисто кинематографическим приемом будет взгляд в камеру. Именно взгляд или какое-либо действие, направленное в объектив, — бросок предмета, удар кулаком или выстрел — выявляют фиктивного зрителя. Взгляд в камеру выводит на поверхность то, что скрыто в самом кадре, а именно зрителя, находящегося по ту сторону экрана. Поскольку прямой взгляд в объектив создает эффект зеркального отражения, с одной стороны, он выявляет недоступного зрению наблюдателя, но с другой — сам персонаж, смотрящий в камеру, превращается в зрителя. Том Браун предлагает выделить семь типов взглядов в камеру: 1) интимность, 2) посредничество, 3) превосходящая эпистемологическая позиция внутри фиктивного мира (когда смотрящий в камеру знает больше других персонажей), 4) искренность, 5) инстанциация, под которой подразумевается указание взгляда на данный момент, происходящий здесь и сейчас, 6) отчуждение и 7) неподвижность [7].

В конце фильма Альфреда Хичкока «Завороженный» (1945) доктор Мерчисон кончает жизнь самоубийством: он направляет на себя пистолет и выстреливает из него. Кадр снят с точки зрения самого доктора — на экране мы видим, как героиня Констанс (Ингрид Бергман) смотрит в камеру, встает и уходит из комнаты; в это время герой нацеливает оружие на нее, затем разворачивает револьвер, направляет его прямо в камеру (рисунок 1) и нажимает на курок. Герой мог бы выстрелить себе в висок, но режиссер

снял кадр таким образом, чтобы в нем соблюдалось единство субъективного ракурса и фиктивного адресата, на которого направлен револьвер. Очевидно, фокализатором (или тем, кто занимает позицию камеры) в этом кадре будет доктор Мерчисон. Но он выступает также в роли фиктивного зрителя, на которого смотрит героиня и который направляет пистолет себе в лицо. Взгляды, жесты и другие действия, устремленные в камеру, являются формой диалога между фильмом и зрителем.

Отсюда следует сделать три вывода: 1) взгляд или любое другое действие, направленное в камеру, выдает присутствие фиктивного зрителя в кадре; 2) в кино, в отличие от литературы, фиктивного зрителя обнаруживает не повествователь, но любой из персонажей, обращающийся к камере, и не только взгляд персонажа, но, например, направленное в кадр оружие; 3) фиктивный зритель в кино является одновременно и фокализатором, поскольку он занимает точку зрения камеры. В кино взгляд в объектив часто свидетельствует о том, что фокализатор и фиктивный адресат — это одно и то же, что в литературе представить невозможно. В литературе рассказчик и фиктивный читатель — это две совершенно разные инстанции, которые не могут быть тождественными (только если это не один и тот же человек, который сам себе рассказывает историю). В литературе фиктивного читателя всегда выявляет голос рассказчика, который обращается к нему, но никак не герой внутри повествования. В кино же взгляд в камеру любого из персонажей и есть прямое указание на наличие фиктивного адресата, причем это может быть как взгляд одного из актеров, так и взгляд человека с хроникального кадра или даже взгляд из картины или из фотографии. Это может быть взгляд, сопровождающийся определенным жестом, например поклоном или указанием руки. Поэтому это будет коммуникация не рассказчика с фиктивным адресатом, как это происходит в литературе, но прямое обращение того или иного героя к зрителю. В кино часто тот, кто смотрит (кто занимает позицию камеры), является одновременно тем, на кого смотрят (кому адресован взгляд в камеру). Точка зрения и взгляд в камеру обуславливают друг друга.

В фильме Роберта Монтомери «Леди в озере» (1947) фиктивный зритель и фокализатор полностью совпадают на протяжении всего фильма (за некоторыми исключениями) — зритель смотрит на происходящее непосредственно с точки зрения Филлипа Марлоу, но также к нему обращаются другие персонажи, он смотрит на самого себя в зеркало, его бьют, целуют, в него целятся из оружия и даже обливают алкоголем. В картине Хичкока «Окно во двор» (1954) обнаружение фиктивного зрителя представляет для него буквально физическую угрозу. Пробравшись в квартиру убийцы, Лиза надевает кольцо убитой жены Торвальда и указывает на него пальцем смотрящему в это время в объектив фотоаппарата Джеффри — кадр снят с его субъективного ракурса. Торвальд замечает жест Лизы, мгновенно понимает, что за ними кто-то наблюдает, и затем смотрит в объектив (рисунок 2). После этого Джеффри, на протяжении всего фильма являющийся пассивным наблюдателем, внезапно сам превращается в объект наблюдения.

Взгляд в камеру может быть объектом тревоги, от которого пытается избавиться герой — речь идет о короткометражной ленте «Фильм» (1965) Алана Шнайдера, снятой по сценарию Сэмюэля Беккета. В этой картине герой испытывает страх от смотрящих на него глаз, причем он боится не только человеческих взглядов, но и взглядов животных; он боится даже взгляда с рисунка на стене. Многие кадры сняты с его точки зрения в тот момент, когда на него смотрят соседи или его домашние питомцы. В конце фильма, когда герою удастся устранить всех потенциальных зрителей, он вдруг с ужасом за-

мечает камеру и смотрит в объектив — в этот момент мы впервые видим его лицо (его играет Бастер Китон). Причем герой здесь буквально смотрит на самого себя — в следующем кадре на том месте, откуда снимала камера, мы видим двойника героя. Фильм начинается и заканчивается сверхкрупным планом человеческого глаза, что является обрамлением фильма, в котором герой и фиктивный зритель всматриваются друг в друга. И это пересечение взглядов, которого так боится главный герой, является неизбежным и непреодолимым.

Но при этом апелляция к фиктивному зрителю не всегда предполагает наличие субъективного ракурса, взгляд не обязательно должен быть адресован конкретному персонажу — такие взгляды встречаются и у Хичкока, например, в «Головокружении» (1958). В картине «Леди в озере» Монтгомери есть два типа взгляда в камеру. Первый тип — когда герои смотрят на самого Марлоу, второй — когда в эпизодах, снятых не с его точки зрения, он сам смотрит в камеру, обращаясь напрямую к зрителю. Во втором случае взгляд уже никак не связан с субъективной камерой. В «Броненосце Потемкине» (1925) Сергея Эйзенштейна оружие, которое на крупном плане направлено прямо в объектив, целится не в конкретного противника, чью точку зрения занимает камера (в противном случае он находился бы прямо перед ней), но в воображаемого.

Роль зрителя в живописи

Фиктивный зритель — это понятие не только кинематографическое, но еще и живописное. Ричард Воллахайм использовал термин «подразумеваемый зритель» [10]. Ведь в живописи тоже существует форма прямого обращения к зрителю, в особенности когда речь идет о портретах. Более того, это нечто само собой разумеющееся, ведь портретируемый, как правило, смотрит в сторону зрителя. Но существует особая форма диалога со зрителем, которая характерна для живописи XVII в., — например, когда человек с картины протягивает зрителю руку или оборачивается в его сторону, как мы видим это на картинах Франса Халса. На портретах и автопортретах Геррита Доу герои словно выходят из оконных рам и пытаются проникнуть в зрительское пространство. На картине Геррита ван Хонтхорста «Веселый музыкант» (1623) мы видим скрипача, протягивающего зрителю бокал вина, а на другом его полотне «Концерт» (1624) музыкантши смотрят прямо на зрителя, словно они играют специально для него — картина при этом обрамляется подоконником и занавесом. У Рембрандта есть картина под названием «Девочка в раме картины» (1641), на которой девочка буквально выходит из рамы — то же самое мы видим на другом его полотне «Портрет Агаты Бас» (1641) или «Девочка в окне» (1645). Зритель может сам стать объектом наблюдения, как это происходит на картине «Две девушки» (1665) Бартоломео Эстебана Мурильо, на которой девушки в окне словно смеются над нами.

Классический пример — это, конечно, «Менины» (1657) Диего Веласкеса, где все персонажи, изображенные на картине, включая самого художника, смотрят в сторону зрителя, которым оказывается королевская пара, отражающаяся в зеркале. Как показал Мишель Фуко, на картине есть два ключевых элемента, которые указывают на то, что в ней скрыто, а именно на фигуру зрителя. Это, во-первых, взгляд художника, рисующего портрет, а во-вторых, зеркало, в котором отражаются король с королевой [2, с. 45–60]. На картине Веласкеса фиктивным зрителем будут король и королева, которые смотрят с картины, но на которых также смотрят другие члены семьи и сам художник. Именно эту позицию Веласкес предлагает занять зрителю.

Протянутая рука, зеркало, в котором отражается зритель, выход из рамы, взгляд на зрителя с определенной эмоцией, будь то надменность, удивление, легкая усмешка или же палец, поднесенный к губам, как бы просящий зрителя сохранить все в тайне (что мы видим на серии картин Николаса Маса, на которых изображены подслушивающие) — вот приемы, посредством которых в живописи фиктивный зритель выводится на поверхность (о роли зрителя в живописи см.: [1, с. 126–146]). Майкл Фрид утверждает, что в XVIII в. провозглашенный Дени Дидро отказ от театральности в живописи спровоцировал попытку сокрыть место зрителя, заставить персонажей обратить взгляд на самих себя, как бы забыв о том, что за ними наблюдают — Фрид предлагает назвать этот прием «поглощенность» [9]. Это хорошо видно на полотнах Жана Батиста Симеона Шардена, что затем в XIX в. будет снова преодолено Эдуардом Мане, по мнению Фрида. Вся история живописи это история сокрытия и обнаружения фиктивного зрителя.

Два типа взглядов

В кино взгляд в камеру, как правило, устанавливает связь между двумя персонажами и замыкает их взгляды. Следовательно, хотя бы один из кадров должен быть снят с субъективной точки зрения того персонажа, к которому обращается его собеседник. В картине «Леди в озере», почти целиком снятой с точки зрения Филлипа Марлоу, взгляды персонажей в объектив адресуются непосредственно главному герою. Ясудзиро Одзу часто снимает диалоги, в которых персонажи постоянно смотрят в объектив, а сама камера при этом занимает позицию соседа, сидящего напротив. У Монтгомери и Одзу фиктивный зритель — это тот персонаж, на которого смотрят его собеседники.

Но есть и другой путь: некоторые режиссеры используют прямые взгляды в камеру, чтобы разрушить условную границу между пространством фильма и зрительным залом, как это делает Жан-Люк Годар. В его картинах герои часто обращаются напрямую к зрителю, например, в «Безумном Пьеро» (1965) главный герой Фердинанд, сидя за рулем в машине, поворачивается и что-то говорит в камеру. Когда Марианна спрашивает его, с кем он разговаривает, тот отвечает: «Со зрителями». Годару важно указать на наличие закадрового пространства, не относящегося к фиктивному миру истории. Паскаль Бонитцер противопоставил эти две функции взгляда в камеру. Он утверждал, что если первый тип используется в классическом кино для того, чтобы соединить взгляд смотрящего с воображаемым адресатом внутри повествования, то второй, напротив, должен заставить зрителя отстраниться от происходящего и переключить его внимание с истории на сам процесс создания фильма [4, с. 44–45]. Фиктивным зрителем у Годара выступает уже не какой-то конкретный персонаж, с чьей субъективной точки зрения снимает камера, но именно воображаемый кинозритель, который, правда, тоже отличается от реального или абстрактного зрителя. Похожие авангардные приемы использовал еще Эйзенштейн, у которого также встречаются немотивированные взгляды в камеру, адресованные непосредственно зрителю. Именно таким взглядом рабочего заканчивается «Стачка» (1924) (рисунок 3).

Невидимый адресат

Если обратиться к фильмам Андрея Тарковского, то можно составить целую галерею взглядов персонажей в объектив. Но Тарковский делает это совсем по дру-

гой причине, нежели перечисленные выше режиссеры. Он не использует субъективную камеру, но и не стремится разрушить границу между экраном и зрителем. Взгляд в объектив в его фильмах выявляет не другого персонажа, и не камеру, фиксирующую происходящее на съемочной площадке, и тем более не наличие зрительного зала по ту сторону экрана. У Тарковского взгляд в объектив выявляет незримого наблюдателя, чье таинственное присутствие постоянно ощущают персонажи и чью точку зрения занимает камера. Закадровое пространство у Тарковского — это всегда потусторонний, невидимый мир. В «Солярисе» (1972) в эпизоде, где Крис приходит в комнату Гибаряна, камера снимает героя словно с точки зрения космической бездны. Крис чувствует, что в комнате кто-то есть, поворачивает голову в сторону камеры и смотрит прямо в объектив, после чего следует кадр, где камера наезжает на черное окно. Снимая Крису, камера занимает позицию космической бездны, которая всматривается в него. Именно взгляд героя выдает присутствие чего-то потустороннего.

В конце фильма Мартина Скорсезе «Мыс страха» (1991) Макс Кэди проводит над Сэмом, своим бывшим адвокатом, самосуд и в нескольких моментах оборачивается и смотрит в объектив, при этом обращаясь к воображаемому судье — в этом кадре, очевидно, взгляд адресуется Богу, чью точку зрения занимает камера. В фильме Александра Сокурова «Русский ковчег» (2002), который снят одним кадром без монтажных склеек, фиктивный зритель является своего рода призраком. В этой картине герой, чьи глаза смотрит камера, путешествует по Эрмитажу. В начале фильма он говорит, что его никто не замечает. Единственный, кто обращает на него внимание и кто смотрит непосредственно в камеру, — это другой персонаж, французский путешественник, прототипом которого является маркиз Адольф де Кюстин, с которым они вместе блуждают по музею. На протяжении всего фильма герой ни с кем не соприкасается, ни до чего не дотрагивается и ни с кем кроме своего спутника не разговаривает (за исключением двух мужчин в пиджаках) — создается ощущение, будто камера не имеет материального носителя. И только маркиз замечает этого невидимого героя, поскольку он сам из другой эпохи.

Ингмар Бергман также избегал двух крайностей, именно в его фильмах герои часто произносят длинные монологи, смотря при этом в камеру, но не обращаясь к кому-то конкретно, словно они находятся на исповеди. В самом начале его фильма «Час волка» (1968) мы становимся свидетелями именно такой исповеди героини. В «Персоне» (1966) персонажи постоянно смотрят в камеру, но кто в данном случае выступает в роли фиктивного зрителя? Ведь камера, как правило, не занимает точку зрения одного из героев. Возможно, ответ кроется в названии фильма — камера смотрит глазами некоего имперсонального существа, которого невозможно определить. В прологе фильма мальчик не просто смотрит в объектив, но дотрагивается до камеры рукой (рисунок 4). В следующем кадре мы видим, как он проводит рукой по поверхности экрана, на котором изображено лицо с неясными очертаниями (рисунок 5). Затем на экране отображается то лицо Альмы, то Элизабет. Таким образом, мы понимаем, что предыдущий кадр был снят с точки зрения экрана. Вернее, не самого экрана, а того, кто на нем изображен, — с точки зрения кого-то неопределенного, персоны — кого угодно и никого одновременно. И весь последующий фильм также снят с этого странного ракурса.

Титры постоянно перебиваются короткими кадрами, на одном из которых мы видим этого же мальчика, вглядывающегося в объектив. На кого он смотрит? Является ли он сыном Элизабет, смотрящим на свою мать с укором, обвиняющим ее в том, что она оставила его (о чем мы потом узнаем по сюжету)? Возможно, да, возможно, нет. По-

следующие взгляды в камеру выявляют неопределенного наблюдателя, который может быть персонифицированным, а может им и не быть. Точка зрения в «Персоне» крайне неопределенная, фиктивным зрителем может быть кто угодно. Бергман неоднократно использовал необычные ракурсы; например, в другом фильме режиссера «Лицом к лицу» (1976) главная героиня Йенни Исаксон смотрит буквально в глаза собственной смерти.

В «Персоне» в одном кадре Элизабет даже фотографирует фиктивного зрителя (рисунок 6) — и им оказывается отнюдь не Альма, которая в этот момент виднеется на заднем плане. Так кого она хотела запечатлеть? Что означает этот жест — фотоаппарат, снимающий кинокамеру? Снова фиктивным зрителем становится нечто имперсональное. А на кого обращены взгляды Альмы и Элизабет в сцене свидания, когда Элизабет проводит рукой по волосам Альмы (рисунок 7)? Кажется, что героини смотрят в зеркало, как если бы сама камера занимала позицию зеркала. Весь фильм будет снят с точки зрения зеркала, где смотрящий с экрана персонаж и смотрящий на экран зритель постоянно меняются местами и смотрят друг другу в глаза.

В сцене беседы двух героинь за столом мы видим сначала крупный план Элизабет, смотрящей в камеру, а затем крупный план Альмы. Бергман решил снять эти кадры с точки зрения героинь — одна смотрит в объектив, тогда как другая в это время занимает позицию камеры. Но затем он в одном кадре соединил лица обеих героинь. Бергман склеил два кадра, в которых обе героини смотрят в камеру, в результате чего создается ощущение, что эти два фрагмента зеркально отражают друг друга. Словно он склеил одновременно два взгляда — буквально показал изнанку предыдущих кадров, их оборотную сторону. Этот кадр меняет характер предыдущих кадров, где героини как бы исповедались перед камерой. Это могли быть субъективные кадры, но могли ими и не быть — можно предположить, что на самом деле каждая из героинь смотрела на саму себя как в зеркало. Теперь, когда в одном кадре мы имеем сразу два взгляда, кто на кого смотрит? Кажется, что и сам наблюдатель расколосся надвое, и если представить себе фиктивного зрителя этой сцены, т. е. обратную сторону изображения, его изнанку, то он будет выглядеть точно так же — мы увидим зрителя с лицом, рассеченным пополам, поскольку «Персона» — это фильм не только о самом кинематографе, но и фильм о зрителе, который тоже является «персоной». «Персона» — это фильм, буквально вывернутый наизнанку.

Фильм Нагисы Осимы «История, рассказанная после Токийской войны» (1970) начинается с того, что главный герой Мотоки смотрит в объектив и просит оператора Эндо отдать ему камеру. Эдвард Брэниган пишет, что в этом фильме невозможная точка зрения, непонятно кому принадлежащая, напрямую связана с невозможным и противоречивым местом зрителя [6, с. 158–159]. Мотоки, пытающийся найти места, которые фигурируют в фильме его товарища Эндо, и переснять фильм заново, в конце своего расследования приходит к выводу, что он преследует самого себя. В фильме Осимы фиктивного зрителя определить трудно, поскольку его позиция крайне противоречивая.

Подводя итоги, следует еще раз отметить важность роли фиктивного зрителя в фильме. Режиссеры по-разному используют эту конструкцию — она может быть имплицитной или эксплицитной, и именно взгляд в камеру позволяет говорить о явной фигуре воображаемого адресата. Фиктивный зритель определяется той или иной точкой зрения в фильме. Наконец, взгляд в камеру может быть обращен к 1) конкретному персонажу внутри повествования, 2) к воображаемому кинозрителю, которого как бы застают врасплох за просмотром фильма и 3) к невидимому, нематериальному или неопределенному адресату.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Даниэль С. Картина классической эпохи. Проблема композиции в западноевропейской живописи XVII века. Л.: Искусство, 1986. 199 с.
- 2 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 487 с.
- 3 Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
- 4 Bonitzer P. Les deux regards // Cahiers du cinéma. № 275. April 1977. P. 40–46.
- 5 Bordwell D. Poetics of Cinema. New York; London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2007. 512 p.
- 6 Branigan E. Point of View in Cinema. A Theory of Narration and Subjectivity in Classical Film. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton Publishers, 1984. 246 pp.
- 7 Brown T. Breaking the Fourth Wall: Direct Address in the Cinema. Edinburg: Edinburg University Press, 2012. 188 p.
- 8 Casetti F. Inside the Gaze. The Fiction Film and its Spectator. Bloomington: Indiana University Press, 1998. 174 p.
- 9 Fried M. Absorption and Theatricality. Chicago: University Of Chicago Press, 1988. 268 p.
- 10 Wollheim R. Painting as an Art. Princeton: Princeton University Press, 1990. 384 p.

© 2017. Stepan V. Fedotkin
Moscow, Russia

DEFINING THE FICTIVE VIEWER (NARRATEE) IN CINEMA

Abstract: The article is devoted to the issue of fictive viewer or narratee in cinema. This concept derives from the term “fictive reader” in literary theory, by which is meant the imaginary addressee. The figure of narratee could be implicit or explicit. A look into camera reveals the position of the imaginary addressee, making it explicit and indicates the off-screen space. This could also be a gesture, a shot, a throw or any other action directed into the camera — what we may call a form of dialog between film and spectator. In the article this term is compared with the concept of implied viewer in painting, and there are a lot of examples of the use of gazes into the camera in a variety of films of the world cinema.

Keywords: narratee, look into the camera, addressee, interpellation, point of view, off-screen space.

Information about the author: Stepan V. Fedotkin — Postgraduate Student, All-Russian State Institute of Cinematography, Wilhelm Pieck St., 3, 129226 Moscow, Russia. E-mail: belovavhist@mail.ru

Received: April 21, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Daniel S. *Kartina Klassicheskoi Epokhi. Problema Kompozicii v zapadnoevropeiskoi jivopisi XVII veka* [The Picture of the Classic Epoch. Problem of the Composition in Western European Painting of the XVII Century]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1974. 199 p. (In Russian)

- 2 Foucault M. *Slova i Veshi. Archeologia Gumanitarnych Nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. Moscow, Progress Publ., 1977. 487 p. (In Russian)
- 3 Shmid V. *Narratologia* [Narratology]. Moscow, Iazyki slavianskoi kultury Publ., 2008. 304 p. (In Russian)
- 4 Bonitzer P. Les deux regards. *Cahiers du cinéma*, no 275, April 1977, pp. 40–46. (In English)
- 5 Bordwell D. *Poetics of Cinema*. New York; London, Routledge, Taylor & Francis Group Publ., 2007. 512 p. (In English)
- 6 Branigan E. *Point of View in Cinema. A Theory of Narration and Subjectivity in Classical Film*. Berlin; New York; Amsterdam, Mouton Publishers Publ., 1984. 246 p. (In English)
- 7 Brown T. *Breaking the Fourth Wall: Direct Address in the Cinema*. Edinburg, Edinburg University Press Publ., 2012. 188 p. (In English)
- 8 Casetti F. *Inside the Gaze. The Fiction Film and its Spectator*. Bloomington, Indiana University Press Publ., 1998. 174 p. (In English)
- 9 Fried M. *Absorption and Theatricality*. Chicago, University Of Chicago Press Publ., 1988. 268 p. (In English)
- 10 Wollheim R. *Painting as an Art*. Princeton, Princeton University Press Publ., 1990. 384 p. (In English)

Рецензии
Reviews

УДК 008
ББК 71.0

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. А. С. Тимошук
г. Владимир, Россия

ФИЛОСОФИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Рецензия
на книгу Кутырева В. А. Унесенные прогрессом:
эсхатология жизни в техногенном мире. СПб., 2016. 300 с.

Информация об авторе рецензии: Алексей Станиславович Тимошук— доктор философских наук, доцент, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИН России», ул. Большая Нижегородская, д. 67-е, 600020 г. Владимир, Россия. E-mail: human@vui.vladinfo.ru

© 2017. Alexey S. Timoshchuk
Vladimir, Russia

PHILOSOPHY OF RESISTENCE

Review
On the book “Gone with the progress:
eschatology of life in the technogenic world” (300 pages) by V. Kutyrev

Abstract: The book “Gone with the progress: eschatology of life” (300 pages) by V. Kutyrev, published in Saint-Petersburg by Aletheia Publishing house (“Bodies of Thought” series) is a bold declaration of life as primeval truth. Kutyrev is well known in Russia for his pessimistic views on the topics of postmodernism, uncontrolled technological progress and channeling of the human spirit into artificial intellect. The author rejects the idea of mindless innovation and the temptations of techno immortality. Instead he calls for traditional phenomenological philosophy of the lifeworld.

Keywords: Kutyrev, technological utopianism, technology strategy, sustainable development, post-human, culture of transhumanism, immortality, philosophy of life.

Information about the review’s author: Alexey S. Timoshchuk — DSc of Philosophy, Assistant Professor, Vladimir Law Institute, Bolshaya Nijegorodskaya St., 67-e, 600020 Vladimir, Russia. E-mail: human@vui.vladinfo.ru

Received: February 21, 2017

Date of publication: September 15, 2017

Новый труд Владимира Александровича Кутырева «Унесенные прогрессом» совершенствовался почти десять лет, пока не увидел свет в нынешнем виде. Второе название книги — «Эсхатология жизни в техногенном мире» — указывает на традиционное для автора содержание — острая критика «постчеловеческого» бытия. Третье название издания — «Эсфоризмы злой мудрости» — отсылает нас на 130 лет назад к сентенциям ницшеанской философии. Сам автор называет также «Опавшие листья» и «Афоризмы житейской мудрости» в качестве философских ориентиров. Авангардное сочетание — обнаженность Розанова, пессимизм Шопенгауэра и желчь Ницше, однако Кутыреву удается сохранить свой стиль художественной философской мысли, обозначив при этом смысловые *сдвиги* современной цивилизации.

В свое время бродячие индийские мудрецы очень радовались, когда кому-то удавалось сжать размашистую шлоку до одной сутры — это облегчало физические тяготы при переноске пальмовых нетбуков из одной местности в другую. Сегодня, в эпоху литературного шлама и дискурсивного профицита, эссе и афоризмы, а вместе — эсфоризмы, это как раз то, что нужно, угадывает спросы перегруженной аудитории нижегородский автор с одним из самых высоких в России индексов цитирования.

Ядовитая социальная критика антиномий современной цивилизации: бесконечное соревнование медицины с противоестественным образом жизни, производство кентавров (ГМО), мигранты-завоеватели в Европе, раблезианское столкновение холодильника и унитаза, жизни и современных скоростей — всё это есть в эсфоризмах самого читаемого и узнаваемого Интернет-философа.

В сатирической манере Кутырев поднимает множество антропологических и социокультурных проблем, выделим некоторые.

Наиболее значимой темой, на мой взгляд, является проблема пределов технологического прогресса. Кутырев указывает на экологический предел, который заключается в том, что «прометеевское отношение к миру превысило возможности жизни на Земле» (с. 28). Орудийная мощь человека достигла тоже предела в некоторых областях. В США с 1970-х на борьбу с раком было брошено более \$ 100 млрд. Свернутая программа космических шаттлов оценивается под \$ 200 млрд. До сих пор, несмотря на колоссальные затраты инвесторов, не достигнута цель создания полноценной замены невозможных энергетических ресурсов. В инноватике застой: из 10 инвестиций экономическую прибыль приносят только три. Появились идеи, что инвестиции вообще не нужны в выгоде, это просто самореализация спонсора ради великого технологического прорыва человечества. С экономической точки зрения об этом говорит М. Л. Хазин, указывая на кризисы перепроизводства, розничного кредитования. Каждая НТР имеет свой предел, определяемый объемами экономики. Иначе говоря, сверхзвуковой самолет Конкорд был обречен, потому что в мире не было достаточно пассажиров, которые готовы были платить \$ 5000 за билет из Лондона в Нью Йорк.

Автор диагностирует метафизическое нездоровье современного общества: жизнь в одиночестве, самоотрицание человека, аннигиляция общения, агрессия химии против жизни, культура наблюдения, а не культура участия, пошлость имиджевой красоты, ремифологизация общества (инопланетяне, экстрасенсы), торжество антидепрессантов и химической стимуляции жизни. Грустно, что мы теряем чувство жизни, становясь биороботами. Смена ценностных ориентаций сводится к тому, что станцию свободы мы проехали и переходим под знамя безопасности: «...вместо “Свобода, равенство, братство” — “Контроль, права человека, коммуникации”» (с. 92). Новый со-

циальный продукт — хронические терпилы. Толерантность к болезням, социальной несправедливости.

Мир стоит перед угрозой господства сплошной гламурности. Нет равенства — ни в бане, ни на кладбище. Они тоже стали местами потребления и несут отпечаток социального статуса.

Эстетический сдвиг: народ перестал петь и плясать, экология песни ушла. Мелос правил в старой России, когда пели в деревнях и музицировали в военных училищах: «Тщетно хожу по району даже под Новый год: тишина, увертываюсь от машин, и стреляют петарды» (с. 288). Даже на свадьбах играют соло на смартфонах.

Вещи вытесняют людей. Необходимо бороться уже за пустоту, за экологию пространства, за незаселение территорий. К началу XXI в. на одного человека вещей и благ приходилось в 100 раз больше, чем он имел к началу XX в. Не говоря уже о тысячелетиях доиндустриальной истории: «Безумные технологии, вплоть до “интимных”, и избыток всего, пресыщение... Как все это изобилие правильно распределить и ограничить — вот проблема» (с. 11). Однако общество изобилия богато всем, кроме детей, т. е. будущих поколений людей. Если одна раса сходит с дистанции, ее место займет другая, у кого еще остались желание и воля к продолжению себя, кто еще способен получать удовольствие от самой жизни, а не от информации о ней.

Еще одной актуальной темой, поднимаемой автором, является формализация образования, его сведение к мониторингу и отчетности, превращение образования в услугу, перманентное его реформирование: «Студенты теперь клиенты. Студенты. Как их воспитывать — ведь клиент всегда прав?» (с. 128). При этом сохраняется декларативно-менторский стиль академиков. Доказательством истины здесь является сам человек, его статус. Отсюда заповедь для современного педагога: учи тому, чего не знаешь. Профессионально-техническое училище на информационном уровне и кроссвордное мышление — таков теперь идеал университетов (с. 75). Вопрос Понтия Пилата: «Что есть истина?» — представляется не только трудным, как раньше, но ненужным, неправомерным, принципиально неразрешимым в обществе перепроизводства имиджей, знаний, курсов, «литерасофии» (с. 13).

В. Кутырев критикует духовную зависимость от зарубежных технологий. В частности, брендовый перенос высокого уровня японской техники и производства, особенно автомашин, на бережливую японскую еду, придуманную из скудости — ферментированный рис, сброженные соевые бобы, прибрежная мелочь в виде моллюсков, водорослей: «Кривимся, но жуем суши. Модно. Потом идем и заказываем что-то нормальное». Это вкус «знаков», моды и симулякров, побеждающих, обманывающих даже такие коренные чувства людей, как вкус (с. 134).

Разновидность духовной кабалы — это забвение родного языка, прельщение иноязычной харизмой: трансфер вместо переезда, топовый вместо высокий, Санта Клаус вместо Деда Мороза. Креаклы — новые креативные симулякры. Кутырев от любви к русскому призывает к экологии мата (ругаться на родном языке, а не факами).

Философ задается вопросом о сущности новых революций. Определение их как цветных, оранжевых, бархатных и пр. является очередным симулякром, призраком. По сути, это — либеральные, буржуазно-прогрессистские революции. «Их задачей является переход от основанных на принципе служения и закрытых моралью и религией культур к открытой, основанной на принципе самореализации и рациональности рыночной цивилизации. Конец истории как конец духовной истории человечества» (с. 126).

Автор называет столкновение культур с цивилизацией как основную причину «международного терроризма». Это безумный ответ умирающих культур на сумасшедшее поведение побеждающего глобализма, суть которого — эффективность и универсальный свободный рынок (с. 126).

Напоследок немного философской клюквы от Кутырева, некая гиперэссенция эсфоризмов для тех, кто еще сомневается, читать ли книгу.

О ЧЕЛОВЕКЕ

- Был профессор, стал процессор.
- Раньше говорили, что есть земли, на которые не ступала нога человека. Теперь можно сказать, что есть ноги, которые не ступали на землю.
- Человек цивилизованный — человек пастеризованный. Для длительного хранения.
- Человек — это бесполезная страсть, говорил Сартр. Теперь наоборот, это бесстрастная полезность.

О ЦИВИЛИЗАЦИИ

- Конец XXI века: Мать-героиня. Родила ребенка... Вчера в центре города задержали пару касающихся друг друга человек.
- Норма морали для информационного общества: краткость — сестра милосердия.
- Прослыть атехнистом сейчас то же самое, как атеистом в Средние века. Гляди того, сожгут. Как еретика.
- Три всадника Апокалипсиса были: Голод. Война. Чума. Доскакав до цивилизации, они превратились в: Изобилие. Технику. Лекарства.
- К XXII веку замолчим: Все будет делаться искусственно. Будут рекламировать: «Сделано без человека».

О СМЕРТИ

- В будущем будут хоронить в ритуальных машинах, под шум мотора, прямо на ходу, это логическое продолжение современной тенденции хоронить «по-тихому». Автоматизация смерти идет вслед за автоматизацией жизни.
- Бессмертие станет возможным, когда некому будет умирать.

О ЖИЗНИ

- Небо голубое, а не оптический обман и черный космос.
- Вера в Бога — это низшая сте(у)пень знания и высшая сту(е)пень мудрости.
- Живые люди всех стран, соединяйтесь! Вступайте в ряды консерваторов и реакционеров.

Кутырев оказывает сопротивление постхристианству что есть сил. В каждом своем издании. Нетривиально. Искренне. Вывает к ветхозаветному, стародавнему: «Господи, останови. Брось на них молнию! Святые праведники, молитесь Бога о нас!» Связующая нить «Унесенных прогрессом» — сохранить жизнь китов, на которых стоит Земля, — Веру, Надежду, Любовь. Вместо «кенозиса» нашей цивилизации, истощения творца в своих творениях да наступит «теозис» — освящение благодатью человека.

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. О. В. Шлыкова
г. Москва, Россия

БРЕНД-ТЕХНОЛОГИИ В МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Рецензия

на монографию Музыканта В. Л., Скнарева Д. С., Чередняковой А. Б.
Бренд-технологии в маркетинговых коммуникациях.
Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. 147 с.

Информация об авторе рецензии: Ольга Владимировна Шлыкова — доктор культурологии, профессор, ИГСУ Российской академии народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ, пр. Вернадского, д. 82, 119571 г. Москва, Россия. E-mail: olgashlykova@yandex.ru

Дата поступления: 23.06.2017

Дата публикации: 15.09.2017

© 2017. Olga V. Shlykova
Moscow, Russia

BRAND-TECHNOLOGIES IN MARKETING COMMUNICATIONS

Review

On the monograph Muzykant V. L., Sknarew D. S., A. B. Cherednikova A. B.
“Brand-technologies in marketing communications”.
Chelyabinsk: Publishing center SUSU Publ., 2016. 147 p.

Abstract: The reviewed work is devoted to the specifics of brand-technologies in marketing communications. The authors define the role of branding components as significant elements of marketing communications and their impact on consumers when promoting a product on the market. The study presents the domestic material, it is read in the Russian socio-cultural codes of branding and the features of its functioning in the centre and the periphery, in basic and service industries. Interest research in the regions conducted by the authors, backed up by thorough statistical material, charts, allowing you to see the dynamics of integrated marketing communications in their historical perspective. There are many noteworthy results of the analysis of individual sectors, e.g., tourism advertising company, Bank communication as a means of creating positive and neutral media context, etc. In the field of view of the authors of the advertising investment in the economy of the regions, strategy for successful ad campaigns and missed opportunities, professional competencies for today's marketers, and many others. The material is logically structured and divided

by chapters, which examine the branding market services (V. L. Musician), naming as part of language change (D. S. Sklarew), personal branding and its importance in creating the image culture (A. B. Cherednikova).

Keywords: branding in Russia, marketing communication, naming, lyngboparken, image culture

Information about the review's author: Olga V. Shlykova — DSc of Culturology, Professor, IGS at the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Vernadskogo av., 82, 119571 Moscow, Russia. E-mail: olgashlykova@yandex.ru

Recived: June 23, 2017

Date of publication: September 15, 2017

Коллективом авторов Южно-Уральского государственного университета (Национальный исследовательский университет) в представленной монографии предпринята удачная попытка агрегировать представления о бренд-технологиях, показать их место и взаимосвязь в современной экономической системе, раскрыть теоретические и методические основы маркетинговых коммуникаций, их мотивацию, принципы и модели функционирования.

В последнее время появляется немало работ, посвященных изучению специфики коммуникационного воздействия. Вместе с тем большинство из них — переводные. Данный факт влияет на то, что рекомендации зарубежных исследователей и их опыт, основанный на рассмотрении особенностей развития и организации коммуникаций в отдельно взятой стране, часто не применимы в отечественном маркетинге.

Монография, подготовленная исследователями в Челябинске, представляет интерес, поскольку в ней рассматриваются вопросы управления бренд-коммуникациями в офлайн и онлайн среде на основе отечественного опыта, анализируется специфика брендинга в России.

Современное развитие инструментов маркетинговых коммуникаций стремительно усложняется, стандартные ATL (Above The Line — реклама в СМИ: печатные СМИ, радиореклама, телевидение, «большой экран», наружная реклама) и BTL (Below The Line — формы стимулирования продаж) дополняются нестандартными и цифровыми технологиями. Это, с одной стороны, способствует возможности построения более точно таргетированной рекламной компании, с другой — требует высокого профессионализма от маркетологов, их способности и компетенций оценить недостатки, а также преимущества каждого инструмента для достижения целей бизнеса.

Рассматривая модели интеграции «360 градусов и 365 дней» как полный вариант интегрированных маркетинговых кампаний, авторы отмечают, что ИМК — это единая многоканальная коммуникация, ориентированная на формирование диалогических (двухсторонних) отношений с целевой аудиторией. А кампания «360 градусов» является наиболее полной ИМК с точки зрения задействованных в ней каналов. Чтобы кампания стала интегрированной, необходимо провести ее как минимум в двух различных каналах коммуникации: будь то ТВ, наружная реклама, пресса, радио, цифровые СМК, оформление точек продаж, PR, — все эти каналы работают друг с другом в более или менее удачных сочетаниях. Одно из преимуществ интегрированной кампании заключается в том, что можно использовать ключевые возможности каждого канала для реализации своих комплексных задач.

Как доказывают авторы, в рамках современной медиалингвистики актуально изучение языка коммуникаций, использующих каналы СМИ для распространения маркетинговой информации (политики, связей с общественностью и др.). Реклама, безусловно, активно обращается к современным медиа (телевидению, радио, Интернету) для распространения массовой информации, но и актуализирует свое воздействие немедийными средствами коммуникации: рекламе в местах продаж, стимулированию сбыта, личным продажам, эвент-маркетингу и др.

Последние более эффективны, а значит, и востребованы в атмосфере конкуренции, охватившей современное общество. Немедийные коммуникации осуществляются посредством продвижения по каналам информации, основанным на интерактивном, персональном, а также массовом взаимодействии с целевой аудиторией, преследуя корпоративные, маркетинговые и коммуникационные цели компании.

Бренд-нейм, как отмечается в монографии, являясь одним из самых активных коммуникаторов бренда, содержит ключевую информацию для своих потребителей. Поэтому, по мнению авторов, правильно подобранное коммерческое название должно быть очень точным и содержательным, указывать на одну (несколько) из определенных категорий (или ассоциироваться с ними). Среди них важны: идея позиционирования марки; суть бренда; главное отличие от конкурентных марок; основная выгода или преимущество для потребителей; результат от использования, получаемый потребителем; назначение товара, товарная категория; основные аспекты качества или свидетельства о качестве; состав, конструктивные особенности товара; торговое предложение своим потребителям; главная ценность марки с точки зрения потребителей; стиль и уровень жизни потребителя; мотивы, побуждающие потребителей купить данную марку; ценовая категория; ситуации использования товара; ситуации покупки товара. Другим требованием к имени бренда является отсутствие негативных ассоциаций с перечисленными категориями. Так, название марки не должно вводить потребителей в заблуждение, снижать возникающее в их восприятии качество товара, противоречить идентичности бренда или размывать представление о назначении, выгоде и преимуществах данного бренда. Как правило, удачное имя бренда содержит указания сразу на несколько категорий или ассоциируется с ними.

Авторы совершенно справедливо отмечают, что собственно ценность и аксиологическая значимость при брендинге базируются не только на финансовых резервах и юридической защищенности марки, но и на его эмоциональной, рациональной, функциональной, социальной составляющих, удачном позиционировании и иных ключевых атрибутах, например, этнокультурной идентичности товара.

В условиях конкурентной среды, когда сотрудник обязан приносить прибыль заказчику, компании, необходимо быть успешным. Профессиональная интенция помогает утвердиться в становлении и собственном продвижении, в выстраивании карьеры. Качественным инструментом и помощником в этом процессе может служить персональный брендинг. Данное понятие в современном пространстве начала XXI в. является трендовым. Оно на слуху и представляет собой процесс создания собственного «Я» в сознании целевой аудитории, окружения персоны. Главная его задача — привлечь внимание к персоне у конкретной целевой аудитории. Применительно к личности бренд также представляет собой набор устойчивых ассоциаций. Качество персонального бренда формируют личностные, профессиональные (знания, эрудиция, опыт), а также физические характеристики (гармоничный внешний облик и уникальный индивидуальный «козырь»).

Главным условием для применения творческого подхода при формировании персонального брендинга имиджевой культуры менеджера по маркетинговым коммуникациям является наличие рефлексивных умений, которые можно совершенствовать. Творческие способности не всем и не в полной мере даются от природы, но латеральные способности и рефлексивные умения можно развивать, стремясь обрести способность к инсайту («озарению», «знанию и пониманию проблем целевой аудитории, на основе чего создаются и генерируются основные идеи для посланий»).

Следует заметить, что латеральные рефлексивные умения являются необходимыми в профессиональной деятельности менеджера по маркетинговым технологиям. Так как одним из основных направлений его деятельности является выстраивание взаимоотношений с целевой аудиторией, то маркетинговые коммуникации — это одно из ведущих составляющих этой деятельности.

Рефлексивный компонент в профессиональной деятельности менеджера по маркетинговым коммуникациям возникает из объективных причин. Коммуникационный процесс настолько динамичен, изменчив, что нельзя подготовить универсальную модель с готовыми «на все случаи жизни» рекомендациями. Поэтому рекламным и PR-агентствам, состоящим в структуре рекламодателя или ведущим независимую деятельность, необходимы рефлексивные профессионалы, которые непрерывно находятся в состоянии поиска, самоанализа, анализа своей деятельности и т. д.

Современные работодатели все чаще предъявляют высокие требования к выпускникам. Они должны обладать: междисциплинарным подходом; управленческими и коммуникативными навыками; креативными способностями; знаниями и навыками программного обеспечения; знаниями графических программ; умением управления веб-проектами; знаниями английского языка; навыком коммуникабельности; грамотной устной и письменной речью и высокой этикой делового общения. Представитель данной профессии должен обладать социально-ориентированным мышлением, уметь преподносить образ компании по средствам общения и собственного облика и мировоззрения.

В работе подчеркивается, что высокий уровень культуры специалистов в области коммуникаций также одно из требований к их профессиональной деятельности, границы компетенций которой лежат в социально-культурной, маркетинговой плоскости. Использование маркетинговых коммуникаций в системе продвижения, как частная технология, опирается на общую логику и методологию создания социальных и культурных объектов и явлений. Научный статус маркетинговых коммуникаций может быть представлен как направление социально-практической деятельности, создание социальных отношений и структур, обеспечение функционирования этих структур, являющихся направлениями культурной деятельности, где, как уже упоминалось выше, транслируются образцы поведения, ценности. Авторами детально поясняется общая логика и методология создания культурных объектов средствами маркетинговых коммуникаций как относительно целостная модель функционирования по формированию и передаче культурно-коммуникативных форм в процессе социальной коммуникации.

Использование авторами коллективной монографии разносторонних источников информации при написании монографии свидетельствуют о высоком качестве излагаемого материала. Освещаемая и детально рассматриваемая исследователями тема актуальна и нова, востребована как высшей академической школой, так и специалистами-практиками в области рекламы, маркетинга связей с общественностью, брэндинга, журналистики. Заявленное содержание монографии полностью раскрывается в основ-

ных положениях работы, подкрепленных источниками, иллюстрациями, комментариями, что делает работу полной, научной и представительной. Монография адресована студентам и аспирантам гуманитарных специальностей и направлений, преподавателям, журналистам, рекламистам и всем, кто связан с речевой коммуникативной деятельностью, кто интересуется коммуникативными технологиями.

ОТ РЕДАКЦИИ

Правила оформления статей

1. Статья, оформленная в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Объем статьи вместе с примечаниями не более 1 п.л. — 40000 знаков вместе с пробелами (для аспирантов — не более 0,5 п.л. — 20000 знаков вместе с пробелами), включая таблицы и примечания. Дополнительные шрифты, если таковые использовались в статье.
2. Автор представляет рукопись по электронной почте: vsk_gask@mail.ru. Подписанный договор передается автором лично или пересылается по почте простым письмом или бандеролью по адресу: 129337, г. Москва, Хибинский проезд, д. 6. В редакцию журнала «Вестник славянских культур». Все документы должны быть продублированы по электронной почте.
3. Текст должен быть напечатан в текстовом редакторе *Microsoft Word*, формат А4, поля — 2 см со всех сторон, шрифт — *Times New Roman*, кегль — 14, межстрочный интервал — 1,5, абзацный отступ (красная строка) — 1,25, ориентация — книжная, без переносов.
4. Первая страница должна содержать следующую информацию:
 - название рубрики, кегль — 14;
 - УДК (см., например, teacode.com/online/udc), кегль — 14;
 - ББК (см., например, <http://roslavl.library67.ru/files/382/bbk.pdf>), кегль — 14;
 - Фамилия и инициалы автора(ов) печатаются по центру, жирным шрифтом, строчными буквами, перед ФИО ставится знак авторского права и год (например: © 2017 г. И. И. Иванов), кегль — 14. Ниже указываются город, страна, кегль — 12.
 - Название статьи — по центру, без отступа, жирным шрифтом, прописными буквами, кегль — 14.
 - Затем размещаются информация о финансовой поддержке работы (грант и др.), аннотация и ключевые слова на русском языке, дата отправки (поступления) статьи, выравнивание по ширине, без переносов, кегль — 12.
 - Далее — информация об авторе — имя, отчество, фамилия, ученая степень, звание (если есть), должность (при отсутствии ученой степени и звания), полное название организации, адрес организации вместе с индексом, E-mail, кегль — 12.
 - Далее — текст статьи — выравнивание по ширине, без переносов.
5. В конце статьи приводится СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТом 7.0.5.–2008 в виде нумерованного списка. Ф.И.О. печатается курсивом. Фамилия и инициала авторов пишутся раздельно.
6. Ссылки в тексте оформляются по следующему образцу: [1], [2, с. 567], [3, с. 45; 4, с. 89], [10, л. 8].
7. Ссылки на архивные материалы даются в виде постраничных автоматических сносок.
8. Примечания оформляются в виде постраничных автоматических сносок. Цифра сноски в конце предложения ставится перед точкой. Шрифт сносок: *Times New Roman*, кегль 12.
9. После СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ на русском языке размещается информация на английском (отделяется знаком ***):

- фамилия, имя (полностью), отчество (первая буква) автора(ов) печатаются по центру, жирным шрифтом, строчными буквами, перед ФИО ставится знак авторского права и год (например: © 2017. **Ivan I. Ivanov**), кегль — 14. Ниже указываются город, страна, кегль — 12.
 - Название статьи — по центру, без отступа, жирным шрифтом, прописными буквами, кегль — 14.
 - Затем размещаются информация о финансовой поддержке работы (грант и др.) (*Acknowledgements*), аннотация и ключевые слова на английском языке (*Abstract, Keywords*), выравнивание по ширине, без переносов, кегль — 14.
 - Далее — информация об авторе (*Information about the author*) — имя, отчество (первая буква), фамилия, ученая степень, звание (если есть), должность (при отсутствии ученой степени и звания), полное название организации, адрес организации вместе с индексом, E-mail, кегль — 12.
 - Далее указывается дата отправки (поступления) статьи (*Received: January 26, 2017*)
 - Затем приводится REFERENCES (см. *рекомендации по подготовке References*).
10. Сокращения. При первом упоминании лица обязательно указываются И. О., И. О. отделяются пробелом от фамилии. Годы при указании определенного периода указываются только в цифрах: 30-е гг., а не тридцатые годы. Конкретная дата дается с сокращением г. или гг.: 1920 г., 1920–1922 гг. Не век или века, а в. или вв. (римскими цифрами): IX в. Писать только полностью: так как, так называемые. Из сокращений допускаются: т. д., т. п., др., т. е., см.
11. Кавычки — только «», если закавыченное слово начинает цитату или примыкает к концу цитаты, употребляются кавычки в кавычках: «“раз”, два, три, “четыре”».
12. Иллюстрации представляются отдельно от статьи. Подписи к рисункам и таблицам приводятся на русском и английском языках.

ARTICLE REQUIREMENTS

1. An article, executed in accordance with the Bulletin requirements. The size of the article, including the tables, footnotes, endnotes, annotations etc., must be no larger than 40 000 characters together with space characters – not more than 1 p.s. (for postgraduate students — 20 000 characters together with space characters – not more than 0,5 p.s.). Custom fonts if any have been used.
2. The manuscript should be submitted via following e-mail: vsk_gask@mail.ru. The signed contract should be handed in by the author in person or posted as a regular letter or by parcel post to the address: 6, Hibinsky proezd, Moscow, Russia, 129337 with the tag “Вестник славянских культур”. All of the documents must be additionally sent in electronic form.
3. Text is written in *Microsoft Word*, Page size is A4, Margins are 20mm on all sides, Default font is *Times New Roman* Font size is – 14, Line Spacing is – 1,5, Indentation is first line — 1,25, Portrait orientation, No word breaking.
4. The first page of the article must be written as follows:
 - the name of the column, font size — 14;
 - UDC (see e.g., teacode.com/online/udc), font size — 14;
 - BBC (see e.g., <http://roslavl.library67.ru/files/382/bbk.pdf>), font size — 14;
 - At the center: Surname, first name, and middle name of the author(s) — bold, italics, lowercase, right align. The copyright and the year is placed before the Surname, first name, and middle name of the author (e.g.: © 2017 г. **И. И. Иванов**), font size — 14. Below: the city, country, font size – 12.

- The title of the article center-aligned. Bold, italics, justified, unintended, font size – 14.
 - Next goes information about the financial support of the paper (grant and other), abstract and Russian keywords, date of sending(receipt) of the article, justified, no word breaking, font size is 12.
 - Then goes the information about the author — first name, middle name, surname, scientific degree, academic rank (if any) or other status or position of the author(s) (in the absence of scientific degree and academic rank), full name of the institution, address of the institution with a postal code, E-mail, font size — 12.
 - These are followed by the text of the article, justified, no word breaking.
5. REFERENCES are listed in the end of the article in the alphabet order in accordance with GOST 7.0.5.–2008. as a numbered list. The font used for the names of the author(s) is italic. The surname and the initials are written separately.
 6. References in the text should look as follows: [1], [2, p. 567], [3, p. 45; 4, p. 89], [10, l. 8].
 7. References on archive materials come in the form of automatic page footnotes.
 8. Commentaries come in the form of automatic page footnotes. The number of the footnote is placed in the end of the sentence followed by full spot. The font is Times New Roman, the font size is 12.
 9. After the LIST OF REFERENCES in Russian comes the following information in English (separated with ***):
 - Surname, full first name and middle name of the author(s) are aligned on the right side, the font is italics, bold and lowercase (ex.: © **2017. Ivan I. Ivanov**), font size — 14. Further goes city or town, country, font size is 12.
 - The title of the article — center align. Bold, italics, justified, unintended, the font size is 14.
 - Then goes the information about financial support of the paper (grant etc.) (*Acknowledgements*), abstract and English keywords (*Abstract, Keywords*), justified, no word break, font size — 14.
 - The next is the information about the author (*Information about the author*) — first name, middle name, surname, academic degree, academic rank (if any), work position (in the absence of scientific degree and academic rank), full name of the institution, E-mail, font size — 12.
 - Then goes the date of sending(receipt) of the article (*Received: January 26, 2017*)
 - These are followed by REFERENCES (see *Guidelines for preparation of References*).
 10. Abbreviations. At the first mention of a person the name and patronymic name should be specified with the first capital letters with full stop (e.g.: N. P.). Separate N. P. (initials) and surname with a space. The period of time comes in numbers (e.g.: 1930s, but not “the thirties”). The Russian dates should be abbreviated as follows (r. or rr.: 1920 r., 1920–1922 rr.). Not “century” or “centuries” but c. and cc. correspondingly. (in Roman numerals): IX c. Abbreviations include: etc., i.e., et al.
 11. Only inverted commas of this form (e.g.:« ») are required to use. If the quotation begins or ends with the quoted word, the use of both types of commas is required (e.g.: «“one”, two, three, “four”»).
 12. The illustrations should be submitted separately. Figures and tables captions are listed in English and Russian.

ВЕСТНИК СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Научный журнал

Том 45
сентябрь 2017

Выходит 4 раза в год

Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 22, 1 + 1,3 вкл. Тираж 500 экз.

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство),
Институт славянской культуры
129337, Москва, Хибинский проезд, д. 6

Изготовлено РИО РГУ им. А. Н. Косыгина